

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2022

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

**Всероссийская научная конференция
с международным участием**

Часть первая

**Санкт-Петербург
2023**

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета всероссийской
научной конференции с международным участием

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ имени А.И. Герцена,
заместителя председателя научно-методического совета
Центра истории парламентаризма МПА СНГ
А.Б. Николаева

Рецензенты: П.Н. Гордеев, доктор исторических наук, старший научный
сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) ИИСН РГПУ
им. А.И. Герцена; С.Е. Руднева, доктор исторических наук, профессор
Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

Т13 Таврические чтения 2022. Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность. Всероссийская научная конференция с меж-
дународным участием, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря
2022 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. —
СПб.: Астерион, 2023. — Ч. 1. — 236 с.

ISBN 978-5-00188-391-3

ISBN 978-5-00188-392-0 (Часть 1)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2023

ISBN 978-5-00188-391-3

ISBN 978-5-00188-392-0 (Часть 1)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ А.Б. Предисловие.....	6
КОБИЦКИЙ Д.А. Приветственное слово Генерального секретаря — руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ	10

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

АРОНОВ Д.В. Аварийный тормоз или законодательная пробка — верхняя палата парламента в политико-правовой мысли российского либерализма конца XIX — начала XX вв.	12
КУЛИКОВ С.В. Государственная дума и основные законы 1906 г.: экспертная оценка В.А. Маклакова	18
ЧЕХАРИНА В.И. Традиции отечественных парламентских процедур: о внутреннем распорядке Государственной думы Российской империи I созыва	24

ДУМСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЦИУНЧУК Р.А. Выборы в I Государственную думу на Кавказе.....	30
ТИМОХИНА Д.А. «В неприступной кадетской крепости пробита огромная брешь»: к истории выборов во II Государственную думу в Санкт-Петербургской губернии	35
СЫЧЕВ Н.Ф. Министр внутренних дел А.А. Макаров и выборы в IV Государственную думу в публикациях в периодической печати (сентябрь — ноябрь 1912 г.).....	42
СОРОКИН А.А. Оппоненты правых на выборах в IV Государственную думу в оценках газеты «Курская быль»	48
МАЛЫШЕВА О.Г. Электоральные предпочтения московских избирателей на выборах в Государственную думу Российской империи	55

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДЁМИН В.А. Думская фракция Союза 17 октября: региональное измерение	62
--	----

МОТОРОВА Н.С. Обсуждение вопроса об улучшении земских и городских финансов в III Государственной думе.....	69
ОРЧАКОВА Л.Г. Вклад Государственной думы начала XX века в развитие системы профессионального образования России	77
РАСКИН Д.И. Государственная дума и система пенсионного законодательства Российской империи.....	82
СОЛНЫШКИН А.А. Государственная дума и завершение процесса законодательного оформления пенсионного обеспечения нижних чинов русской армии.....	88
КИРЬЯНОВ И.К. Государственная дума и историческая политика в позднеимперской России	94
ХОЛЯЕВ С.В. Государственная дума на страже государственных интересов Российской империи в предфевральский период.....	101

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО: 1906–1917 ГГ.

ЕГОРОВ А.Н. Первая Государственная дума в освещении вологодской прессы.....	108
ГАЛЕПА М.А. Редакционная позиция издания «Приазовский край» в период до и после выборов в III Государственную думу (1907 г.).....	115
АРОНОВА С.А. Взаимодействие парламента, правительства и общества по экономической проблематике.....	121
ЗЛАТИНА М.А. Депутаты Государственной думы и проблема принудительного выселения еврейских жителей прифронтовой зоны в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)	128
ГАЙДА Ф.А. Противодействие Думе на рубеже 1916–1917 гг. (Б.В. Штюмер, А.Д. Протопопов, А.Ф. Трепов, Н.А. Маклаков): проекты и реалии	136
АКСЕНОВ В.Б. Государственная дума и правительство во власти взаимных слухов: эффект самоосуществляющегося пророчества.....	140

ДУМСКАЯ БИОГРАФИКА

ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Публицистика А.С. Вязигина в додумский период	147
АЛМАЗОВ М.Г. Деятельность А.И. Гучкова во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г.....	155
ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Депутаты от Минской губернии в I и II Государственных думах: социальные и политические характеристики	160

СТОГОВ Д.И. Член Государственной думы Российской империи второго созыва Борис Леонидович Петерсон: политический портрет	169
МАРОВ М.Н. «Есть люди, которые проникнуты чувством противоречия, как, например, Колюбакин»: член III Думы А.М. Колюбакин и масоны	174
СОКОЛОВ А.С. П.П. Кузьмин: общественный деятель и депутат IV Государственной думы	181
ПЛЕНКИН О.И. Долг после выборов: практика работы народного избранника с избирателями (на примере члена Государственной думы I–IV созывов К.К. Черносвитова)	184
ИВАНОВ А.А. Правый депутат Н.Е. Марков: неизвестные факты биографии	193
ГОЛИЦЫН Ю.П. П.Б. Струве в 1918 году (по воспоминаниям А.А. Бормана)	202

ДУМСКИЕ ИСТОЧНИКИ

НИКОЛАЕВ А.Б. Депутат IV Государственной думы А.И. Рыслев о Февральской революции 1917 года в Петрограде	208
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена подготовке и ходу Всероссийской научной конференции с международным участием «Таврические чтения», прошедшей 5–6 декабря 2022 г., а также в ней дана краткая характеристика сборника «Таврические чтения 2022. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма МПА СНГ, «Таврические чтения».

5–6 декабря 2022 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла шестнадцатая Всероссийская научная конференция с международным участием «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2022»). По итогам каждой из них выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами¹ и востребованы учеными. Так, в РИНЦе на 1 октября 2023 года выявлено 910 цитирований «Таврических чтений» за все время их издания (2008–2022). Напомним, что на 5 сентября 2022 года таковых было 774². То есть за год количество цитирований выросло на 136. На наш взгляд, эти цифры свидетельствуют о росте интереса к «Таврическим чтениям» со стороны научного сообщества.

Организатором «Таврических чтений 2022» выступил Центр истории парламентаризма Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма МПА СНГ Л.А. Крохина (председатель), доктор исторических наук, профессор, председатель научно-методического совета Центра истории парламентаризма К.А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев (заместитель председателя), доктор исторических наук, ведущий

¹ Добровольский Е.С. Российский и зарубежный парламентаризм глазами современных исследователей. Рецензия на: Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.): Сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2022 // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 1095–1114. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-11>; <https://hpchsu.ru/arkhiv/zhurnal-regionalnoy-istorii-t-7-3/rossiyskiy-i-zarubezhnyy-parlamentarizm-glazami-sovremennykh-issledovateley/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54477053>

² Николаев А.Б. Предисловие // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2022. Ч. 1. С. 6.

научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН И.В. Лукоянов и кандидат исторических наук старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН С.В. Куликов.

Научно-методический совет Центра истории парламентаризма и оргкомитет конференции провел ряд заседаний и встреч, связанных с ее подготовкой. На заседании НМС и оргкомитета конференции 6 июля 2022 г. было принято решение провести международную научную конференцию «Таврические чтения» 5 и 6 декабря 2022 г. Обсуждались вопросы о проведении и участниках пленарного заседания, круглого стола на тему «Съезды народных депутатов в начале 90-х гг. XX века и судьба СССР» (июль 1990 — август 1991 гг.) и дискуссии, приуроченной к 160-летию со дня рождения П.А. Столыпина и А.И. Гучкова. Оргкомитет создал рабочую группу, в которую вошли сотрудники Центра истории парламентаризма Н.А. Дарушкина, Е.В. Копцева и Е.Ю. Никитина. Проект информационного письма был обсужден дистанционно. Организаторы конференции намеревались провести конференцию в очном формате. Так, в проекте информационного письма от 7 июля 2022 г. и в его финальном варианте от 19 июля того же года речи о дистанционном формате проведения конференции не шло. Заявки для участия в конференции и тезисы докладов (объем — не более 2000 зн.) принимались до 10 ноября 2022 года. Со второй половины июля 2022 г. началась рассылка информационного письма, образца заявки и приглашений отдельным ученым. Тогда же информация о проведении конференции «Таврические чтения» стала выкладываться в Интернете на различных сайтах¹.

Оргкомитет рассмотрел и утвердил заявки, поданные для участия в конференции. Кроме этого, был решен вопрос о руководителях/модераторах круглого стола, дискуссий и секций. В дальнейшем члены оргкомитета и рабочей группы приступили к составлению программы «Таврических чтений 2022». В программу конференции, состоящую из двух частей, были включены 61 доклад, круглый стол, дискуссия и презентация четырех изданий и одной выставки. Программа была выложена на сайте Центра истории парламентаризма². В момент подготовки программы стало понятно, что заявок от иностранных ученых поступило меньше, чем ожидалось. Поэтому было принято решение придать конференции характер Всероссийской научной с международным участием, о чем и написать в сертификатах участников конференции. Кроме этого, по ряду причин также было принято решение провести конференцию в смешанном формате. Это решение нашло отражение в ее программе.

«Таврические чтения 2022» начались 5 декабря 2022 года в Думском зале с пленарного заседания, в ходе которого участники конференции заслушали приветствие Генерального секретаря — руководителя Секретариата Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого и доклады доктора исторических наук К.А. Соловьева («П.А. Столыпин и Третья Дума: правительство и политический класс России»), Народного депутата РФ (1990–1993), доктора юридических наук С.Н. Бабурина («Идеология Союзного договора в 1922 и 1991 гг.: деформация политических смыслов»), кандидата юридических наук А.В. Ильина

¹ XVI международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность». 25 июля 2022 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://vk.com/tavr_chtenia2022

² Программа конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2022») / Таврические чтения / Центр истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/tavricheskie_chtenia/programm/

(«Советские учредительные акты 1922–1977 годов как предпосылка деятельности народных депутатов СССР и РСФСР») и кандидата исторических наук А.В. Лукашина («„Подпишем договор, если получим союзный статус“». Фактор автономных республик в подготовке нового Союзного договора в 1990–1991 гг.»).

После обеденного перерыва прошел круглый стол «Съезды народных депутатов в начале 90-х годов XX века и судьба СССР (июль 1990 — август 1991 гг.)», модераторами которого были А.Б. Николаев и Е.А. Тарасова. В работе его приняли участие 3 участника событий и 6 исследователей. В процессе подготовки круглого стола оргкомитет предполагал рассмотреть на нем следующие вопросы: 1. Была ли необходимость в разработке и принятии нового Союзного договора (или возникшие проблемы можно и нужно было решать другим путем)? 2. Какое отношение к новому Союзному договору (его разработке и принятию) было среди народных депутатов СССР и народных депутатов РСФСР? 3. Способствовал ли Договор, который был подготовлен к подписанию 20 августа 1991 г., сохранению или разрушению СССР? Эти вопросы в той или иной степени были рассмотрены участниками «круглого стола».

В этот же день прошли в разное время секционные заседания в смешанном формате — очно и ВКС (видеоконференцсвязь): «Европейский парламентаризм (XIX — нач. XX вв.)» (руководитель М.В. Жолудов); «Зарубежный парламентаризм (к. XX–XXI вв.)» (руководитель О.О. Базина); «Парламентаризм в СССР (1989–1991 гг.)» (руководитель Д.А. Лукашевич).

Во второй половине дня состоялась презентация сборника научных трудов к 60-летию А.Б. Николаева¹. Провела ее Е.С. Гавроева, член редакционной коллегии сборника и один из его авторов. Заметим, что участник «Таврических чтений 2022» А.Н. Егоров позднее опубликовал рецензию на это издание².

После презентации в смешанном формате прошла дискуссия «Непримиримые друзья» (к 160-летию со дня рождения А.И. Гучкова и П.А. Столыпина), модератором которой выступил И.В. Лукоянов. В дискуссии участвовали 7 человек.

Второй день «Таврических чтений 2022», 6 декабря, начался с презентации выставки «Нижегородцы и Государственная дума: история и современность», которую представили постоянные участники «Таврических чтений» Ф.А. Селезнев, А.А. Сорокин и Е.А. Евдокимов. Затем в смешанном формате прошли презентации трех книг, которые представили П.В. Акульшин³, С.В. Куликов⁴ и И.В. Омелянчук⁵. Укажем, что монография И.В. Омелянчука

¹ Государственная дума и революция: сб. науч. тр. к 60-летию А.Б. Николаева / Редкол.: С.М. Ляндрес (отв. ред.), Д.А. Бажанов, Л.С. Бокарева, Е.С. Гавроева, П.А. Трибунский. Рязань: П.А. Трибунский, 2022. 284 с.

² Егоров А.Н. Юбилейный сборник научных статей в честь профессора А.Б. Николаева. Рецензия на: Государственная дума и революция: сборник научных трудов к 60-летию А.Б. Николаева / под редакцией С.М. Ляндреса. Рязань: П.А. Трибунский, 2022. 284 с. // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 1079–1094, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-10>

³ Акульшин П.В., Князева И.С. Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.). М.: АИРО-XXI, 2021. 336 с.

⁴ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания / Василий Алексеевич Маклаков; подгот. текста, вступ. статья, коммент. и аннот. именной указатель С.В. Куликова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 774 с. (Серия «Россия в мемуарах»).

⁵ Омелянчук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. М.: МГПУ, 2022. 444 с.

привлекла внимание участников презентации, а автор этих слов опубликовал на нее рецензию¹.

В этот же день в смешанном формате прошли секционные заседания: «Парламентаризм в странах СНГ (к. XX — нач. XXI вв.)» (руководители: К.А. Пшенко, А.В. Евдокимов), «Биографика» (руководитель А.А. Иванов) и «Демократические процессы в 1917–1918 гг.» (руководитель А.Б. Николаев). Очно прошли заседания секций: «Выборы в Государственную думу» (руководитель Р.А. Циунчук), «Государственная дума Российской империи (1912–1917 гг.)» (руководитель Ф.А. Гайда).

После обеда продолжилась работа секции «Биографика», а также прошли заседания секций «Дума и общество» и «Государственная дума и Государственный совет (1906–1917)», каждая из которых была разбита на две подсекции. Заседания секции «Дума и общество» проходили в смешанном формате (руководители А.Н. Егоров и Л.Г. Орчакова). Секция «Государственная дума и Государственный совет (1906–1917)» работала очно (руководители Д.В. Аронов и И.К. Кириянов).

Итоги «Таврических чтений 2022» были подведены на заключительном заседании. Модераторы дискуссий и руководители секций дали высокую оценку прошедшей конференции. Кроме этого, они и участники конференции высказали слова благодарности в адрес ее организаторов. Как и в 2021 году, они вновь высказали надежду, что следующие «Таврические чтения» пройдут в обычном формате.

Информация о прошедшей конференции была размещена в группе Вконтакте Центра истории парламентаризма МПА СНГ² и на интернет-сайтах некоторых вузов³, преподаватели и обучающиеся которых участвовали в ней в качестве докладчиков и гостей.

Всего в конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы и 11 других городов России, а также исследователи из Беларуси и США. Авторы докладов, прочитанных на конференции, переработали их в статьи, которые и публикуются в сборнике «Таврические чтения 2022», выходящем в двух частях. Кроме этого, на его страницах опубликованы материалы дискуссии ««Непримиримые друзья» (к 160-летию со дня рождения А.И. Гучкова и П.А. Столыпина)» и круглого стола ««Съезды народных депутатов в начале 90-х годов XX века и судьба СССР (июль 1990 — август 1991)». В сборнике помещены «Сведения об авторах» на декабрь 2022 г. и «Список сокращений и аббревиатур».

Надеемся, что и шестнадцатый сборник «Таврических чтений» будет востребован специалистами, занимающимися изучением парламентаризма.

¹ Николаев А.Б. Первая монография о губернских правых во Владимирской губернии в начале XX века. Рецензия на: Омелянчук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. Москва: МГПУ, 2022. 444 с. // *Historia provinciae* — журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 725–754. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-10>

² 9 декабря 2022 // Центр истории парламентаризма / Таврический дворец [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://vk.com/parlamenthistory>

³ Таврические чтения — 2022 // СПбГЭТУ «ЛЭТИ» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://etu.ru/ru/fakultety/gumanitarnyy-fakultet/sostav-fakulteta/kafedra-istorii-kultury-gosudarstva-i-prava/novosti/tavricheskie-chteniya-2022>; Таврические чтения — 2022 открылись // Университет при МПА ЕврАзЭС [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.miep.edu.ru/news/3179/>

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ — РУКОВОДИТЕЛЯ СЕКРЕТАРИАТА СОВЕТА МЕЖПАРАЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

КОБИЦКИЙ ДМИТРИЙ АРКАДЬЕВИЧ,
Генеральный секретарь — руководитель
Секретариата Совета
Межпарламентской Ассамблеи
государств-участников СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: Приветственное слово Генерального секретаря — руководителя Секретариата Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2022».

Ключевые слова: Таврический дворец, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Шестнадцатые Таврические чтения».

Уважаемые участники конференции!

Приветствую вас от имени Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств.

Сегодня в историческом Думском зале, где работал первый парламент России, а последние 30 лет принимает свои основные решения Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ, начинает работу очередная конференция «Таврические чтения».

Уже в шестнадцатый раз ведущие историки, политологи, юристы собрались в Таврическом дворце для обсуждения актуальных проблем истории и современных аспектов развития парламентаризма.

Более 80 ученых примут участие в работе пленарного заседания, дискуссионных площадок и секций конференции, которая проходит в смешанном формате: в ней участники смогут участвовать как очно, так и дистанционно. С удовольствием отмечу, что с нами в Думском зале находятся участники масштабных исторических событий на рубеже 80-х и 90-х годов минувшего века, яркие парламентские деятели. Это народный депутат СССР Александр Митрофанович Оболенский, народные депутаты РСФСР Сергей Николаевич Бабурин и Владимир Борисович Исаков.

Выступления на пленарном заседании будут посвящены памятным датам. Так, один из докладов будет посвящен деятельности Петра Аркадьевича Столыпина, 160-летие которого отмечалось в апреле 2022 года. Столыпин приложил немало усилий для установления конструктивных, рабочих отношений между правительством и Думой, хотя, как мы помним, это не всегда удавалось. Премьер-министр часто бывал в Таврическом дворце, неоднократно выступал в этом зале.

Другие докладчики остановятся на 100-летию принятия на Первом Всесоюзном съезде советов Договора об образовании СССР (в декабре 1922 года),

истории разработки и обсуждения на съездах народных депутатов СССР и РСФСР нового союзного договора.

Дискуссия о судьбе Союзного государства, развернувшаяся на последних съездах народных депутатов более тридцати лет назад, станет одной из главных тем конференции. Этой теме будет посвящена работа круглого стола, в котором примут участие историки, политологи, юристы, включая народных депутатов СССР и РСФСР. Выступления непосредственных свидетелей и участников тех далеких событий, без сомнения, вызовут большой интерес у исследователей.

В рамках конференции состоятся презентации новых книг, будет организована работа секций и дискуссионных площадок, в атриуме Таврического дворца пройдет презентация выставки по теме нашего мероприятия.

Напомню, что организатором конференции традиционно выступает Центр истории парламентаризма МПА СНГ. В научно-методический совет Центра входят ведущие ученые в области истории парламентаризма.

Как всегда, по итогам конференции будет опубликован сборник научных статей. Приятно отметить, что эти сборники получают высокую оценку в научной среде. Они широкоизвестны в России и за ее пределами, с ними можно ознакомиться в библиотеках различных научных учреждений и университетов, а также в научной электронной библиотеке.

Как уже говорилось, шестнадцатые Таврические чтения тематически связаны с несколькими памятными историческими датами 2022 года. В ряду этих дат будет уместно упомянуть и 30-летний юбилей Межпарламентской Ассамблеи СНГ, которая была основана 27 марта 1992 года. Пленарные заседания МПА СНГ проходят в этом зале, как правило, два раз в год, и за годы работы на них было принято более 600 модельных законов и иных рекомендательных правовых документов.

В завершение хочу пожелать всем участникам шестнадцатых Таврических чтений плодотворных дискуссий, интересных встреч, новых научных и творческих достижений. Не сомневаюсь, что наше мероприятие пройдет успешно и вызовет значительный научный и общественный резонанс!

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

АВАРИЙНЫЙ ТОРМОЗ ИЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПРОБКА — ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА ПАРЛАМЕНТА В ПОЛИТИКО- ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева», Орел, Россия;
e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье проводится анализ теории и политико-правовой практики русского либерализма в такой сфере, как выбор оптимальной структуры парламента в период смены обществом социально-политических моделей развития. В качестве базовых источников привлекаются теоретические разработки в данной сфере, принадлежащие перу крупнейших либеральных специалистов в области государственного права, а также материалы либеральных проектов Основного закона России. Рассматриваются место и роль верхней палаты парламента в парламентской традиции тех стран, которые встали на этот путь ранее либо одновременно с Российской империей. По результатам исследования делается вывод о том, что для страны, находящейся в стадии смены моделей социально-политического развития, отечественная либеральная мысль видела наиболее эффективным двухпалатный парламент. При этом однопалатный парламент рассматривался в качестве перспективной цели его последующей эволюции в формате реализации концепции построения правового государства.

Ключевые слова: российский либерализм; двухпалатный и однопалатный парламент; либеральный сценарий реформирования страны.

Одним из принципиально важных для самоидентификации носителя либерального мировоззрения моментов, как нам представляется, выступает степень принятия им, как личностью, как интеллектуалом, т.н. либерального символа веры. Традиционно он представлялся как единство двух базовых элементов: неприкосновенность частной собственности и институт прав и свобод человека. Данная формула служит неким шаблоном, показывающим принадлежность или отсутствие таковой того или иного актора политических процессов к либеральному лагерю.

При этом речь идет именно о личностном и интеллектуальном принятии данного ценностного ядра либерального мировоззрения. Политико-правовая практика и партийная программатика начала XX в. дала многочисленные примеры, когда и примат частной собственности, и права человека содержатся в этих программных материалах, но не более чем в качестве тактической задачи. Одним из вполне наглядных примеров выступает программа-минимум РСДРП(б)¹.

Полагаем, что для получения более адекватного инструментария для отделения зерен от плевел, а, скорее, агнцев от козлиц, логично использовать еще один компонент для либерального символа веры, а именно ненасильственность предлагаемых методов социального конструирования. Этот компонент выступает в качестве своеобразного водораздела между либеральной идеологией и словесной эквилибристикой иных политических сил. Последние лишь эксплуатируют позитивное восприятие социумом или его значимой частью неприкосновенности частной собственности, равно как и идеи реализации института прав и свобод человека.

Соответственно, при отказе от насильственного пути преобразования социума актор данного процесса неминуемо оказывается перед необходимостью выбора иного, по законам Аристотелевой логики, мирного, ненасильственного пути. В самом общем виде под этой формулой понимается всенародное волеизъявление. При этом под термином всенародное понимается та часть общества, которая была признана в социуме на конкретном этапе его исторического развития в качестве носителя политической власти.

Сразу же отметим, что ни либерализм в целом, ни его отечественная разновидность начала XX в. ни в коем случае не могут расцениваться как некая реинкарнация пацифизма. Для тех, кто мог тешить себя подобной иллюзией, холодным душем были слова основателя теории российского либерализма Б.Н. Чичерина, который, в сущности значимой для проблематики настоящей статьи, работы, писал о том, что либерал, оказавшийся у руля власти, обречен на применение тех методов управления, каковые могли критиковаться либеральной оппозицией. «Либерал, облеченный властью, — писал либеральный мыслитель, — поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции»². Однако повседневная практика госуправления и приемлемая интеллектуально и морально идеология, теория и практика социально-политических преобразований — это принципиально отличные вещи.

Отсутствие в отечественной либеральной политико-правовой мысли, а, соответственно, и партийных программных документах насильственных способов воплощения в жизнь сценариев социального реформирования автоматически ставит вопрос о выборе альтернативных методов. В развитие базовой идеи В.В. Шелохаева о разработке отечественными либералами комплексной модели социально-политического преобразования России был опубликован ряд работ в развитие данной теории. Одним из базовых концептов стало предположение об ориентации отечественного либерализма на использование для реализации собственной программы реформ на потенциал государства, для чего предполагалось изменить целеполагание государственной деятельности посредством вхождения либералов в законодательную власть³.

¹ Второй съезд РСДРП (июль — август 1903 года): Протоколы. М., 1959. С. 420–424.

² Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 201.

³ См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе. 1906–1917 гг. М., 2005 и др.

К этому же выводу мы можем прийти, если рассматривать такой общепринятый институт, как разделение властей. В этом случае последовательное рассмотрение возможностей использования каждой из них в качестве инструментария даст нам тот же результат. Если говорить о власти исполнительной, то история фактически не знает добровольного отказа действующей власти от монополии на исполнительную власть. Если же говорить о судебной власти, то, кроме, более чем «маниловской», идеи, встречающейся в комментариях С.А. Муромцева к переводной работе о превращении судьи в «творца права», каковой своей повседневной деятельностью изменит массив российского права, придаст ему либеральное направление трансформации, ничего подобного практически не встречается¹.

Соответственно мы можем сформулировать исследовательскую гипотезу о предпочтении отечественными либералами в выборе парадигмы своей борьбы за реализацию либеральной модели социально-политического преобразования России получение контроля (влияния) в сфере законодательной власти. Как покажет дальнейший ход российской истории, именно по этому пути и будут развиваться и программатика, и политико-правовая мысль российского либерализма.

В отличие от современных исследователей, которые, как говорится, «живут в конце фильма» и критикуют позицию российских либералов исходя из оценки последующей истории, российские либералы жили в современных им обстоятельствах, создавая на основе собственных умозаключений желаемый образ будущего². Это, соответственно, придавало их работам ориентацию на потребности текущего момента, отражая конкретные аспекты социально-политической ситуации в России, что и нашло свое отражение в их политико-правовом и законодательском наследии.

Представляется, что вполне типичной и, вместе с тем, наверное, наиболее высокофундированным трудом, выступает работа Б.А. Кистяковского (1907 г.³). В его анализе практики становления парламентских структур красной нитью проходит идея о присутствии сущностной взаимосвязи наличия верхней палаты конкретными условиями формирования того или иного парламента. Весьма симптоматично и то, что, начиная свою работу с выявления уровня эффективности однопалатного парламента, рассматриваемого в качестве непосредственного наследника учредительного собрания, он приходит к выводу о неэффективности данной схемы. Причины этого кроются в том, что учредительное собрание по своей природе решает задачи, отличные от тех, какковые встают перед классическим парламентом.

Как исследователь Б.А. Кистяковский не принимает выведение оптимальной структуры парламента исключительно из теоретических и логистических построений. Анализируя опыт, уходящий в XVIII в., он отмечает, что однопалатная структура выводится из формальных законов логики. «Вопрос об одной или двух палатах народных представителей до сих пор ставится и решается обыкновенно чисто рационалистически, — замечает Б.А. Кистяковский, — сторонники каждой из двух систем стараются подыскать аргументы, которые

¹ Муромцев С.А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 117.

² См.: Аронов Д.В., Аронова С.А., Астрахан В.И. Образ будущего в политико-правовой мысли российского либерализма конца XIX – начала XX в. // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 3. С. 842–866 и др.

³ Кистяковский Б.А. Как осуществить народное представительство? Ч. 1 // Русская мысль. 1907. Март. С. 113–134; Ч. 2 // Апрель. С. 156–168.

доказывали бы, что более разумна именно отстаиваемая ими система. Однако чисто рационалистически этот вопрос был вполне определенно решен в пользу одной палаты еще рационалистами XVIII в. Ведь большинство аргументов от разума, несомненно, говорит за единство народного представительства, а не за его двойственность»¹.

Однако при неудачной практике ряда попыток реализации парламентского строя правления в XIX в. обратилось внимание на причины устойчивости двухпалатной, прежде всего, английской системы. Однако объяснить двухпалатную систему рационалистически невозможно, ибо она иррациональна по своей природе. «Но именно рационалистические аргументы в пользу двухпалатной системы чрезвычайно слабы, — подчеркивает Б.А. Кистяковский, — двухпалатное народное представительство создано и развилось не в силу веления разума, а чисто историческим путем. Поэтому оно имеет, по преимуществу, иррациональный характер. Попытки рационализировать эту систему и доказать ее разумность всегда страдают известными натяжками и очень мало убедительны»².

Признавая научное и логическое превосходство теории однопалатного парламента, он справедливо указывает, что двухпалатная система «представляет необходимый компромисс, который на известной стадии исторического развития даже при самых различных политических условиях является наилучшим исходом»³. Более того, данное обстоятельство вовсе не снижает ценности конкретного компромисса, т.к. современный конституционализм и есть, по сути, результат определенного конкретными обстоятельствами политического компромисса.

Общий вывод Б.А. Кистяковского близок к положению Г. Гегеля о том, что практика есть критерий истины. «Но этому теоретическому решению вопроса не соответствует практическое, — читаем мы в его статье, — можно положительно утверждать, что еще не найдена такая организация народного представительства, при которой единое народное представительство могло бы быть осуществлено в обширном государстве, как прочное и нормально функционирующее учреждение»⁴.

Отсюда и вполне логичный его общий вывод: «Итак, народное представительство в чистом виде необходимо должно быть двухпалатным, — завершает он свою статью, — однако, последовательное проведение чистого принципа представительства требует, чтобы обе палаты были избираемы путем всеобщего голосования. Напротив, создание единого собрания народных представителей осуществимо только при переходе от представительного образа правления к непосредственной демократии»⁵.

Особое значение эти вопросы обретают в период становления общественно-политических движений, перехода к новым организационным формам существования. В данном случае формы будущего парламента отражали принципиальную позицию соответствующего политического течения по вопросам типологии реформирования социально-политического строя страны.

Еще одним обстоятельством, формировавшим позицию российского либерализма по оптимальной структуре парламента, а в случае двухпалатной

¹ Кистяковский Б.А. Как осуществить народное представительство? Ч. 1. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 114.

⁴ Там же. С. 115

⁵ Там же.

структуры по распределению соответствующих полномочий, выступала его изначальная ориентация на государство, как главное средство социального реформирования страны. Сформулированная Б.Н. Чичериным концепция охранительного либерализма также подталкивала отечественных либералов к особому вниманию к месту, роли и структуре будущего парламента, нормам, определяющим объем принадлежащих ему полномочий.

История российского либерализма знает сравнительно короткий период, когда законотворческая работа касалась практически всех сфер жизни общества, в т.ч. и основ государственного устройства страны¹. На основе материалов либерального конституционного законотворчества мы можем говорить и о степени восприятия либеральными проектами Основного закона России как идеи доминирования ненасильственных способов социального конструирования, так и места в этом процессе законодательной власти вообще и типологии организации парламента, в частности.

На настоящий момент мы располагаем рядом текстов либеральных проектов Основного закона, которые содержат статьи, регулирующие интересующие нас общественные отношения. В их числе т.н. «освобожденческий» проект², который изначально создавался в агитационно-пропагандистских целях. Формально, практически его полной копией выступал т.н. «харьковский» проект. Проведенный нами текстологический анализ склоняет именно к подобному выводу, что, однако, не означает полного совпадения смыслов³.

Хронологически близок к «харьковскому» и т.н. «герценштейновский» проект, или проект Московской городской думы⁴. Это самый «неизвестный» по степени достоверной информации об авторах и условиях создания конституционный проект.

Наиболее отработанным либеральным проектом является т.н. «муромцевский» проект⁵, выражавший, как нам представляется, как политическую догму российского либерализма, так и его «символ веры».

Заметно своеобразие Проекта Государственной думы, составленного Екатеринославским земством⁶. В нем подчеркнута нежелательность однопалатного парламента, который назван «однопартийной системой», что потенциально ведет «к особой близости власти и общественного мнения и повлечет за собой колебания в государственной жизни». Выбор был сделан в пользу двухпалатного парламента, верхняя палата которого «сделала бы более устойчивым

¹ Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.

² Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://be.sci-lib.com/article075133.html>. Также существовало, но не получило распространения наименование проекта «земский». — Кокошкин Ф.Ф. Биография [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html>

³ Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.

⁴ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735–1746.

⁵ См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384–406.

⁶ См.: Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая (№ 21). Стб. 1746–1750.

и правильным ход государственной жизни» и подстраховки в виде прежнего, отчасти реформированного, Госсовета.

Соответственно все указанные проекты ориентированы именно на участие либерального политического лагеря в законодательной власти, реализуя, тем самым, мирный характер либерального социального конструирования. Таким образом, все проекты ориентированы на двухпалатный парламент.

Итоговым проектом российского либерализма стал текст Основного закона, персонифицированный с именем С.А. Муромцева. Главное отличие этого проекта скорее в структуре, рассчитанной на инкорпорацию либеральных разработок в имперское законодательство, чем в принципиальной отличии предлагаемой конструкции законодательной власти.

Мы вполне можем говорить о том, что «муромцевский» законопроект основывался на общетеоретических выводах о преимуществах двухпалатной системы в переходный кризисный период. Верхняя палата выступала в своем роде механизмом, способным компенсировать возможную радикализацию нижней палаты, избираемой всеобщим голосованием.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что российская либеральная политико-правовая мысль начала XX в. как содержательно, так и алгоритмически сгенерировала сценарий ненасильственной реализации либеральной модели преобразования страны. В его основе лежало вхождение либеральных политических сил во власть законодательную. Последняя же, что нашло отражение как в либеральном теоретическом наследии, так и в корпусе либеральных конституционных проектов, а, равно, либеральной партийной программике, строилась по двухпалатному принципу. Последнее хотя и расходилось с «чистой» теорией либеральных преобразований, но отражало реалии развития социально-политической ситуации в стране.

Непредвзято оценивая компромиссную природу российского парламентаризма¹, российские либеральные круги стояли на позициях безальтернативности мирных способов социальных преобразований общества. Соответственно за эти рамки носители отечественной либеральной идеи не вышли даже в условиях крайней опасности для институтов российского социума в целом. Полагаем, что эта проблематика достойна отдельного исследования.

Если же говорить о времени, когда в либеральной среде мы видим следы определенных настроений в надежде использовать революционное движение как средство, ускоряющее достижение продекларированных либеральных целей, то вполне уместны слова о том, что отдельные либералы, конечно, ошибались, но либерализм в целом оказался прав.

¹ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006; Демин В.А. Государственный совет Российской империи: состав, полномочия, структура, механизм функционирования: 1906–1917 гг.: Дисс. ... д. ист. н. М., 2007.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ 1906 г.: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА В.А. МАКЛАКОВА

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела Новой истории России
Санкт-Петербургского Института истории
Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды депутата II–IV Государственных дум, лидера правого крыла Кадетской фракции В.А. Маклакова на Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., закрепившие законодательный характер парламента Российской империи. Анализируя вопрос о том, насколько эти взгляды были постоянными, автор приходит к выводу, что положительное мнение Маклакова об Основных законах не менялось ни до ни после 1917 г.

Ключевые слова: Государственная дума, Основные законы, законность, Сенат, парламентский запрос, Кадетская партия, публичная лекция.

Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., оформившие юридические предпосылки для функционирования Государственной думы Российской империи, получили со стороны современников неоднозначные оценки со стороны как левых, так и правых. Эти оценки зависели не только от политических воззрений тех, кому они принадлежали, но и от места и времени, т.е. от того, где, в России или в эмиграции, и когда, до или после 1917-го года, Основные законы оценивались. Исключением из данного правила был известный общественный деятель начала XX в. Василий Алексеевич Маклаков, который всегда давал однозначно положительную оценку Основным законам, но такие взгляды, вспоминал он, «были в левом лагере одиноки. В нем полагалось доказывать, что конституция 1906 г. есть „лжеконституция“, „замаскированное самодержавие“. В 3-й Государственной думе П. Милюков сказал в своей речи, что ничего достигнуть нельзя, пока не будут сняты три замка, не введены 4-хвостка, парламентаризм и однопалатность. Вот как полагалось глядеть либеральному лагерю. Без этих трех „реформ“ ничего добиться было нельзя. Это напомнило мне изречение какого-то немецкого профессора: „Первый признак неумелых учеников — это жалоба на инструменты“». Положительное мнение об Основных законах В.А. Маклаков разделял не только до, но и после 1917 года, давая поводы своим критикам утверждать, будто это мнение имеет конъюнктурный характер. «После революционных подъемов, — отмечал он, — обыкновенно бывает реакция, и мой взгляд на конституцию было бы просто объяснить банальным „поправлением“. Это не важно, но это не так. Я так думал и раньше и имею на то доказательства. В начале II Государственной думы я читал в Петербурге, в пользу кадет, публичную лекцию. Я взял темой Основные законы 1906 г. В лекции я доказывал, что конституция не так плоха, как про нее говорят, и что с ней можно многого достигнуть»¹. Свидетельство

¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника. М., 2023. С. 471.

В.А. Маклакова полностью подтверждается дневниковыми записями Екатерины Яковлевны Кизеветтер, жены А.А. Кизеветтера, коллеги Маклакова по ЦК конституционно-демократической партии.

Сообщая о публичной лекции, состоявшейся 4 апреля 1907 г. в зале Каляшиниковской хлебной биржи, Е.Я. Кизеветтер записала в тот же день: «Вхожу — чудная, большая зала... Масса народу. На кафедре Вася говорит своим горячим, милым тоном. У меня хорошее место. Сажусь как раз против кафедры: и видно, и слышно отлично. Конечно, сразу не ориентируюсь, но постепенно вникаю в излагаемое и начинаю заинтересовываться. Открываются для меня, да я думаю, и для многих, неожиданные перспективы. Оказывается, что коварные и ненавистные Основные законы не так уж коварны с юридической точки зрения». В.А. Маклаков напомнил об отношении к этим законам съезда кадетской партии, проходившего в момент их издания, которое вызвало «возмущение и негодование» всех участников съезда, но такое отношение, по мнению оратора, диктовалось «политическим моментом, а не юридическим анализом». Маклаков, как описывала его выступление Е.Я. Кизеветтер, «перебирает разные статьи и, в конце концов, оказывается — только одна 87-я статья опасна и неприятна, но... И здесь было но». Для нее было «большой неожиданностью» заявление Маклакова, что «в Основных законах можно даже подметить зачатки идеи об ответственности министерств», и Кизеветтер «улыбнулась от такого открытия». Вообще же лекция ей «очень понравилась своей оригинальностью и смелостью» и тем, что «вызывала на размышления и рождала вопросы». По окончании первой части лекции раздался «дружный, горячий взрыв аплодисментов», и в антракте до Кизеветтер долетали «только благоприятные отзывы»: «Интересно! Молодец Василий Алексеевич! Со всем новое освещение! Хорошо поет, где-то сядет!» Это относилось к выводу Маклакова, что «Дума отлично может действовать и много может сделать в пределах, отведенных ей законом». Лекцию Маклаков закончил словами: «Россия страдает не от плохих законов, Основных и обыкновенных, а больше от беззакония!» В ответ аудитория устроила «целую овацию», провожала его по лестнице аплодисментами и «толпой вышла за ним на улицу»¹. В эмиграции В.А. Маклаков отмечал: «Эта лекция шла вразрез с общепринятым взглядом. Но я был тогда в моде; для партийной прессы разносить меня было бы неудобно. Она промолчала. Но более левая пресса, газета А.А. Суворина „Русь“ удивлялась и огорчалась»².

Через два года, 17 марта 1909 г., Маклаков выступил в зале Тенишевского училища с новой публичной лекцией «Законность в русской жизни»³, которая по инициативе одного из ее слушателей, М.М. Ковалевского, была опубликована в том же году в журнале «Вестник Европы»⁴. В лекции Маклаков снова защищал Основные законы 1906 г. от критики слева, подчеркивая «все гигантское значение» их издания и называя их «конституцией». Он напоминал, что хотя Основные законы и были встречены «негодованием»,

¹ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. 1994. Т. 5. С. 400–401.

² Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. С. 471.

³ Маклаков В.А. Законность в русской жизни (Публичная лекция, прочитанная 17 марта 1909 года в зале Тенишевского училища) // Вестник Европы. 1909. Т. 3. С. 238–275. Пользуюсь случаем, чтобы указать: в библиографическое описание этой статьи в комментариях к воспоминаниям В.А. Маклакова вкрались опечатки. См.: Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. С. 686.

⁴ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. С. 471.

но заслуживали «лучшего приема». «Конечно, — признавал оратор, — они были далеки от идеала полного народоуправства, от мечты о суверенном Учредительном собрании, о полной демократизации управления. Но при всех своих несовершенствах они имели ту хорошую сторону, что юридически закончили со старым режимом, с неограниченным самодержавием, ввели нас в эпоху конституционной монархии»¹.

По мнению В.А. Маклакова, между старым и новым государственным строем России лежала «целая пропасть», поскольку в новых Основных законах впервые в российской истории «конституционный закон был поставлен выше воли монарха» и «положен предел этой воле», учитывая, что отныне закон создает «не один монарх». Действительно, статья 7 Основных законов постановляла: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой», статья же 86 развивала это начало: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора». Отныне созданный таким образом закон, да и ни один закон вообще, не мог быть отменен единоличной волей монарха, о чем говорила статья 94: «Закон не может быть отменен иначе, как только силой закона». «Оградив закон от нарушения его Высочайшею волею в области законодательства, — отмечал Маклаков, — наша конституция оградила его и в области управления». Статья 10 гласила: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского», однако теперь, по его наблюдениям, управление «совсем не так безгранично свободно, как это было при старом порядке», так как во втором предложении статьи 94 ясно сказано, что «доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу». Наконец, статья 11 разъясняла, что «Государь Император в порядке верховного управления издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов»². Маклаков подчеркивал, что ограничительные слова «в соответствии с законами» имели в виду «исключительно распоряжения самого Государя, а не область подчиненного управления»³, тем более что для последнего существовало требование в статье 122: «Обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые Советом министров, министрами и главноуправляющими отдельными частями, а также другими, на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам»⁴. «Таким образом, — заключал Маклаков, — закон поставлен выше всего. Пока он не отменен определенным порядком, верховная власть не может ни сама его отменить, ни нарушить его. И с того момента, как это было постановлено, титул „неограниченный“ стал уже невозможным, и Основные законы в статье 4 его выпускают. Старая эпоха окончилась»⁵.

В.А. Маклаков опровергал точку зрения, которую разделяли и левые, и правые, о том, будто бы Третьеиюньский переворот отменил Основные законы. Подтверждение этому он видел в Манифесте 3 июня 1907 г., содержавшем

¹ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 258.

² Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сборник законодательных актов. М., 1995. С. 15, 16, 24, 25.

³ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 259.

⁴ Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 29.

⁵ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 260.

указание на то, что «изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов»¹. Подразумевая акт 3 июня, Маклаков подчеркивал: «По форме, по происхождению он был незаконен; это признано в самом Манифесте. Но обстоятельства оказались сильнее юридических доводов, и он стал законом. И в высшей степени знаменательно, что в оценке этого акта наше правительство стало именно на эту позицию удавшегося государственного переворота»². Здесь Маклаков имел в виду состоявшееся 16 ноября 1907 г. выступление в III Государственной думе председателя Совета министров П.А. Столыпина, который «с присущим ему красноречием», отвечая Маклакову на его критику Третьеиюньского переворота, воскликнул: «Не мне, конечно, защищать право Государя спасти в минуту опасности вверенную ему Богом державу»³. Этими словами, полагал Маклаков, «акт 3 июня был поставлен на надлежащее место» и юридически «был признан тем, чем он был: государственным переворотом», а потому «конституция и после него сохранила всю свою юридическую цельность»⁴.

Достоинством Основных законов Маклаков считал и то, что они «не отнеслись безразлично к вопросу, какими мерами защитить новые начала законности от непрерывного нарушения», для чего учредили три новых института. Во-первых, ими была увеличена компетенция Правительствующего сената, который из инстанции, регистрирующей законы, издаваемые верховной властью, превратился в инстанцию, их контролирующую, поскольку Основные законы возложили на него обязанность отказывать в обнародовании закона, изданного незаконным порядком. Это явствовало из статей 91 и 92 Основных законов, которые дали Сенату право контроля над актами, исходящими от верховной власти. Статья 91 постановляла: «Законы обнародуются во всеобщее сведение Правительствующим сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся». Статья 92 гласила: «Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных законов». Для защиты закономерности в управлении Основные законы ввели статьями 24 и 108 еще два новых института. Статья 24, подразумевавшая институт скрепы (или контрасигнатуры), провозглашала: «Указы и повеления Государя Императора, в порядке верховного управления или непосредственно им издаваемые, скрепляются председателем Совета министров или подлежащим министром, либо главноуправляющим отдельной частью и обнародуются Правительствующим сенатом». Статья 108, создавшая право парламентского запроса, объявляла: «Государственному совету и Государственной думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненными по закону Правительствующему сенату, с запросами

¹ Высочайший манифест 3 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу» // *Ерофеев Н.Д.* Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории (20 октября 1894 г. — 3 марта 1917 г.). Сборник документов. М., 2014. С. 392.

² Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 261.

³ Речь П.А. Столыпина, произнесенная в Государственной думе 16 ноября 1907 г. в ответ на выступление члена Государственной думы В.А. Маклакова // *Столыпин П.А.* «Нам нужна великая Россия...». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 103.

⁴ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 262.

по поводу таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незакономерными»¹.

Согласно оценке В.А. Маклакова, функция Сената, начертанная статьями 91 и 92 Основных законов, «крайне важна», «это — превосходная мысль, которую нельзя не дорожить», но она могла получить применение «только в том случае, если сам Сенат по своему устройству, по своему положению будет поставлен на ту высоту, которая была бы в уровень с его правом сводить к нулю работу законодательной власти». Таким образом, речь шла о необходимости реформы Сената. В сфере парламентского запроса, считал Маклаков, Основные законы представили «широкое поле для деятельности новых законодательных учреждений», хотя этот запрос «у нас имеет своеобразный характер», так как это — не интерpellация в заграничном смысле данного слова», не средство осведомления и не способ влияния нижней палаты на ход управления, а «исключительное орудие борьбы за законность»². Зачаток интерpellации Маклаков видел не в статье 108 Основных законов, а в статье 40 Учреждения Государственной думы, которая постановляла: «Государственная дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел. Министры и главноуправляющие имеют право отказаться от сообщения Думе разъяснений по таким предметам, кои по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению. Равным образом министры и главноуправляющие должны быть заслушаны в заседаниях Думы каждый раз, когда они о том заявят»³. Отмечая, что эта статья «и неполна, и неясна, и недостаточна», Маклаков, тем не менее, заключал, что «практика может придать и этой статье не соответствующее ее первоначальной цели значение», более того, «практика уже пошла в этом направлении», в результате, Государственная дума «может запрашивать о незакономерных действиях власти, и область этого запроса если не беспредельна, то все же достаточно широка»⁴. Благодаря же новой статье 24 о скрепе право запроса распространялось и на действия самого монарха, т.е. на исходившие от него указы. «Раз на каждом Высочайшем указе должна быть подпись министра, — рассуждал Маклаков, — то о содержании таких указов министру всегда может быть предъявлен запрос. На этот путь, после некоторых чисто редакционных сомнений, вступила и Третья Государственная дума». В итоге и закон, и практика предоставили Думе «весьма широкое поприще для осуществления права запроса»⁵.

Обращая внимание на чисто юридические дефекты в постановке запроса, В.А. Маклаков указал на статью 60 Учреждения Государственной думы, которая гласила: «Если Государственная дума большинством двух третей ее членов не признает возможным удовлетвориться сообщением министра или главноуправляющего отдельной частью, то дело представляется председателем Государственного совета на Высочайшее благоволение»⁶. Маклаков поражался тому, что постановление нижней палаты о признании объяснений министра неудовлетворительными доводится до сведения царя не ее председателем, а председателем верхней палаты. «Это требование закона, — полагал он, — так нелогично, так нежизненно, скажу более, так неисполнимо, что оно

¹ Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 17, 25, 27.

² Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 264, 265.

³ Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 76.

⁴ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 265.

⁵ Там же. С. 266, 267.

⁶ Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 79.

любопытно только как образчик затруднений, которые закон умышленно ставит на пути думских запросов»¹. Однако Маклаков упускал из виду, что в данном случае председатель Думы являлся заинтересованной стороной, а участие председателя Госсовета гарантировало беспристрастие, если бы в нижней палате разыгрались политические страсти. Недоумение вызывало у Маклакова и то, что для подобного постановления Думы требовалось большинство в 2/3 голосов. «Кто следил за партийным составом Думы, кто знает нашу партийную нетерпимость, — подчеркивал он, — тот понимает, как трудно по какому бы то ни было вопросу характера политического собрать большинство 2/3 голосов». И вообще, главная идея статьи 60 — об обращении к самодержцу — «не только неудачна, но и глубоко неконституционна». Впрочем, сам Маклаков заключал, что институт парламентского запроса является, несмотря на статью 60, «жизненным и имеющим несомненную будущность», заключающуюся «не в развитии и даже не в усовершенствовании статьи 60», поскольку она — «искусственный придаток, который атрофируется за неприменением»². Действительно, в 1906–1917 гг. думцы ни разу к императору не обращались³.

«Вся Россия, — подразумевал В.А. Маклаков период до 1906 г., — делилась на две неравные половины: на правителей и управляемых, и ни для кого не тайна, что эти две половины были двумя враждебными станами, отношения между которыми определялись не силою права, а правом сильного. И потому в отрицании законности, как ценности самой по себе, сходились обе крайности: и власть, и враги власти». Подводя итог своим размышлениям, он делал такой прогноз: «Внутренняя распря двух основных элементов государства — власти и общества — окончится только тогда, когда обе стороны одинаково склонятся перед тем, что выше и той и другой, и обязательно для обеих: перед общим для всех законом»⁴. Причины того, почему приведенный прогноз не сбылся, Маклаков рассмотрел в эмиграции, в своих воспоминаниях «Власть и общественность на закате старой России», причем концепция этих воспоминаний (в частности — в главе XXIV «Лжеконституция») в зародыше содержится уже в публичной лекции 1909 г., что свидетельствует о завидном постоянстве, которое отличало взгляды Маклакова, в том числе и на Основные государственные законы 1906 г.

¹ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 268.

² Там же. С. 268, 269.

³ Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 95.

⁴ Маклаков В.А. Законность в русской жизни. С. 273–274, 275.

ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПРОЦЕДУР: О ВНУТРЕННЕМ РАСПОРЯДКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ I СОЗЫВА

ЧЕХАРИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА,

кандидат юридических наук, доцент,

старший научный сотрудник

Института государства и права Российской академии наук,

Москва, Россия;

e-mail: chekharina@mail.ru

Аннотация: Актуальность изучения традиций российского парламента, связанных с парламентскими процедурами и регламентацией его деятельности, не вызывает сомнений. Несмотря на представленность темы парламентского делопроизводства в литературе, вопросы внутреннего распорядка работы I Думы все еще недостаточно изучены и проанализированы. Это относится и к деятельности С.А. Муромцева, первого председателя Государственной думы, который был основным разработчиком положений Наказа I Думы, постоянно подчеркивал их значение и претворял по мере возможности на практике. История создания Наказа (правил внутреннего распорядка I Государственной думы) занимает особое место в изучении российского парламентаризма, поскольку является первым опытом, положившим начало правовой регламентации работы российского парламента.

Ключевые слова: I Государственная дума Российской империи, Наказ, С.А. Муромцев, российский парламент, парламентская процедура, правила внутреннего распорядка, парламентаризм.

Сложность исторического момента, связанного с работой I Государственной думы Российской империи, состояла, очевидно, в том, что не имелось опыта парламентской деятельности, не было общепризнанных норм, прецедентов, не сложилось обычаев, регламентирующих парламентские процедуры, правительство не обладало навыками обращения с парламентом, а парламент не знал, как работать совместно с министрами. Официально о создании в России Государственной думы было объявлено 6 августа 1905 г. путем опубликования Высочайшего манифеста и сопутствующих документов¹.

Задачи Государственной думы в понимании различных политических течений, которые в ней были представлены, рисовались совершенно различно. Если с точки зрения одних Государственная дума представлялась законодательным учреждением, действующим в определенных конституционных рамках, то для других она была трибуной и только трибуной для политической пропаганды, разносящейся по всей стране².

¹ См.: Манифест об учреждении Государственной думы 1905 года, августа 6 // ПСЗ-З. Т. XXV. Отд. I. СПб., 1908. Ст. 26656. С. 637–638. См. также: Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную думу 1905 года, августа 6 // ПСЗ-З. Т. XXV. Отд. II: Приложения. СПб., 1908. С. 385–396.

² Речь В.Д. Набокова памяти С.А. Муромцева — председателя первой Государственной думы // Закон. 2010. № 12. С. 184.

По мнению исследователей, разработка и овладение Думой парламентскими процедурами дают основание считать ее учреждением парламентского типа. Этот процесс был неоднозначным, нередко проходил путем проб и ошибок, поэтому изучение его представляет сложность¹.

Как известно, регламентация деятельности Государственной думы Российской империи была отнесена статьей 62 «Учреждения Государственной думы» к компетенции ее самой. В «Учреждении Государственной думы» предусматривалось, что Дума сама разрабатывает и принимает свой регламент, при условии, что он не противоречит ее статуту².

Таким образом, при проектировании Думы было решено, что правила внутреннего распорядка Дума будет разрабатывать и принимать самостоятельно, в отличие от существовавшей прежде практики, когда для нового учреждения заранее готовились и статут, и правила работы. В этом проявилось понимание Думы, прежде всего, как парламентского учреждения³.

Дореволюционные государственные деятели отмечали, что: «наши Основные законы оставили за народным представительством ведомственный характер, но последний ...находится в очевидном противоречии с самыми хотя бы ограниченными, но окончательно и бесповоротно переданными ему правами. ...далее, вокруг этих переданных и закрепленных в письменном акте прав народного представительства, естественно, вырастает особое автономное право»⁴.

С.А. Котляревский подчеркивал, что «в современном народном представительстве некоторая внутренняя автономия охраняется тем, что конституционный текст обеспечивает существование и деятельность этого представительства. Это и объясняет своеобразную силу парламентских наказов... Наши Учреждения Государственной думы и Государственного совета, дающие довольно подробно регламентацию их деятельности, тем не менее принуждены допустить наказания для „подробностей внутреннего распорядка“»⁵.

Н.И. Лазаревский утверждал: «Ввиду особой важности дел, разрешаемых парламентом, правила, определяющие его внутреннюю организацию, представляют громадное практическое значение»⁶.

Уже в первые месяцы существования народного представительства шло постепенное формирование парламентской процедуры, которая складывалась, в том числе, из норм, случаев, прецедентов. В этом ряду невозможно не отметить поступки и поведение председателя первой Думы С.А. Муромцева⁷. Председатель Государственной думы С.А. Муромцев своими многочисленными

¹ Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. Ростов-на-Дону, 2004. С. 206, 221.

² См.: Манифест об учреждении Государственной думы 1905 года, августа 6 // ПСЗ-З. Т. XXV. Отд. I. СПб., 1908. Ст. 26656.

³ Саврасов А.Ф. Наказ Государственной думы (1906–1917 гг.): история создания и применения: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Воронеж, 2010 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/nakaz-gosudarstvennoy-dumy-1906-1917-gg-istoriya-sozdaniya-i-primeneniya>

⁴ См.: Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. 1912 г. М., 1912 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13699#ref-6>

⁵ Там же.

⁶ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. I. Конституционное право. С. 372.

⁷ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 353. См. также: Аронов Д.В. Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Орел, 2001.

указаниями на процедурные нормы, принятые в европейских парламентах, восполнял отсутствие специального акта, регламентирующего работу Думы, — Наказа¹, принятие которого в целом растянулось на последующие созывы Думы. По словам П.Н. Милюкова, «своей не только главной, но исключительной задачей на председательской трибуне Сергей Андреевич своими действиями в роли председателя творил обычное парламентское право, которое явилось бы непроницаемой броней парламентской свободы»².

С.А. Муромцев, обращая внимание на практику европейских парламентов, подчеркивал, что «... Государственная дума восприняла свои руководящие принципы и основные формы делопроизводства от европейских парламентов. ... Из этого не следует, однако, чтобы творчество носило характер исключительного подражания или непосредственного заимствования. ... На русской почве западным формам нужно было считаться, во-первых, с особенностями отечественного законодательства, своеобразно определившего основные черты в устройстве русского парламента, и, во-вторых, с некоторыми особенностями психологического настроения думской среды, которое, естественно, не могло не отражаться и на внешнем порядке законодательной работы Думы»³.

Основные идеи об организации работы Государственной думы и ее внутреннем распорядке были сформулированы С.А. Муромцевым еще до I Государственной думы и нашли отражение в его Конституционном проекте 1905 г., при составлении которого он исходил преимущественно из опыта монархического конституционализма стран Европы, прежде всего Германии, и стремился по возможности максимально согласовать этот опыт с российской политической традицией. Муромцев считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя путем ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью⁴.

Следует отметить, что дореволюционные, а вслед за ними и современные исследователи считают прообразом политических преобразований Российской империи в 1905–1906 гг. конституционный строй государств, относящихся к дуалистическим монархиям, прежде всего Пруссии, Австро-Венгрии⁵. В то же время дореволюционными государствоведами отмечается, «что монархический принцип, из коего исходили авторы Основных законов, может быть сопоставлен скорее с ранним немецким конституционализмом, как он выражается в период после 1815 г., чем с конституционализмом прусско-австрийского типа»⁶.

¹ См., напр.: Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 42, 46, 72, 130, 207, 279, 303, 353; Ч. 2. Стб. 1384, 1385, 1469, 1607, 1670, 1858, 1867 и др.

² Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. Сергей Александрович Муромцев: Сборник статей (под ред. кн. Д.И. Шаховского). М., 1911. С. 45.

³ Муромцев С. Формализм в Государственной думе // Право. 1907. № 19. С. 1359.

⁴ См.: Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей / отв. ред. Муравьева Л.Л. М., 1996 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=716#_edn13

⁵ См., напр.: Кравец И.А. Дуалистический монархический конституционализм как консервативный конституционный эксперимент в России // Право и политика. 2014. № 9 (177). С. 1441.

⁶ См.: Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. 1912 г. М., 1912 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13699#ref-6>

Одновременно особо выделяются «своеобразие нового русского строя и возможности развития»¹.

В конституционном проекте С.А. Муромцева показаны пути перехода от самодержавного строя к конституционной монархии, сконструирован юридический механизм политической реформы².

Важной частью нового государственного устройства, представленной в проекте, являлась Государственная дума, регламентации правового положения которой уделено особенно много места. Посвященный этому вопросу раздел III проекта «Учреждение Государственной думы» значительно превосходит все прочие разделы по объему (включая в себя 52 статьи из общего их числа — 113), а кроме того, отличается от них большей внутренней детализацией. Раздел подразделяется на шесть глав, в которые входят следующие вопросы: «о составе и порядке образования Государственной думы» (гл. 1); «о членах Государственной думы» (гл. 2); «о собраниях Государственной думы» (гл. 3); включает также главу «О внутреннем устройстве и порядке занятий Государственной думы» (гл. 4)³.

После того, как I Государственная дума начала работу, необходимо было как можно скорее установить четкие процедурные правила ее организации и деятельности, принять регламент (Наказ) Государственной думы. С.А. Муромцев, будучи первым председателем, считал, что «соблюдение известных форм есть гарантия нашей свободы и наших прав. Если мы не будем уважать форму в ходе наших суждений и решений, мы во многих случаях будем рисковать посягательством и на наши права, и на нашу свободу»⁴.

Первая Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному движению народа формы организованные, что в стенах Государственной думы партии, встретившись между собою, впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и встать на почву организованного собрания⁵.

За двенадцать лет существования дореволюционной Думы ее Наказ (регламент) претерпел сложную эволюцию, начиная от проекта Наказа С. Муромцева и М. Острогорского и организационных правил (прецедентов) первой Думы до Наказа IV Думы, в котором отразился многолетний опыт всех созывов.

От разработчиков Наказа Государственной думы, их способности понять суть тенденций, происходивших в развитии парламентских учреждений, на тот момент зависело многое. В.Д. Набоков⁶ вспоминает о подготовке Наказа, подчеркивая, что работа «была не теоретическая только, но и практическая. Как известно, Муромцев еще зимою 1906 г. работал над составлением проекта наказа Государственной думы. В этом он сошелся с другим лицом,

¹ Там же.

² См.: *Медушевский А.Н.* Конституционный проект С.А. Муромцева. С. 189. См. также: *Политическая история России в партиях и лицах.* М., 1994. С. 183–184.

³ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционный проект С.А. Муромцева. С. 185–186.

⁴ Речь В.Д. Набокова памяти С.А. Муромцева — председателя первой Государственной думы // *Закон.* 2010. № 12. С. 186.

⁵ Из речи С.А. Муромцева на процессе о Выборгском воззвании. Цит. по: Речь В.Д. Набокова памяти С.А. Муромцева — председателя первой Государственной думы // *Закон.* 2010. № 12. С. 185.

⁶ В 1906 году В.Д. Набоков был избран членом I Государственной думы от Санкт-Петербурга. Двадцать восемь раз выходил он на трибуну Думы. Одна из известных его речей была произнесена 13 мая 1906 года, когда он бросил вызов правительству: «... с точки зрения принципа народного представительства, мы можем только сказать одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной». См.: *Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая.* СПб., 1906. Т. 1. Стб. 326.

имя которого, конечно, не будет забыто в истории нашего парламентского права. Я говорю о члене Первой Думы, нашем товарище Острогорском. ... В конце марта 1906 г. Острогорский встретился с Муромцевым в Петербурге. Проекты того и другого подверглись совместному обсуждению, и к концу преддумия большая часть наказа была в проекте закончена. И Муромцев, и Острогорский имели в виду, что парламентский регламент должен сослужить двойную работу, способствуя, с одной стороны, урегулированию думских порядков и — что еще важнее — развитию конституционного права. Так оно и случилось. Проект, готовый к началу первой сессии, лег в основу всех дальнейших работ...»¹.

Создатели Наказа, опираясь на отечественные традиции (работа в земских, городских собраниях) и зарубежный опыт, разработали парламентские правила, прогрессивные для своего времени. Это в полной мере относится и к деятельности С.А. Муромцева, который был основным разработчиком положений Наказа (регламента) I Думы и претворял принятые положения на практике в течение 72 дней².

История Наказа I Государственной думы насыщена противоречиями. Первоначальная разработка проекта проходила в комиссии по Наказу, которая была избрана в Думе 30 апреля 1906 г. в количестве 19 человек (комиссия 19-ти)³. По подсчетам исследователей со 2 мая по 4 июля состоялось не менее 9-ти заседаний комиссии по Наказу⁴. 23 мая комиссия внесла в общее собрание проект первых трех глав думского регламента, которые были обсуждены и приняты в заседаниях 26 и 29 мая⁵. Одобренные большинством разделы Наказа касались порядка открытия Думы, проверки полномочий ее членов, выборов должностных лиц, формирования отделов и комиссий. Однако Правительствующий сенат в своем решении 12 июня опротестовал часть положений документа, как противоречивших законодательству о Думе, и отказал в «распубликовании» этих глав⁶.

¹ Речь В.Д. Набокова памяти С.А. Муромцева — председателя первой Государственной думы // Закон. 2010. № 12. С. 186.

² См. подробно: Внутренний распорядок Государственной думы (Сост. С. Муромцев). М., 1907; Наказ Государственной думы. Проект. СПб., 1906; Деятельность М.Я. Острогорского в Первой Государственной думе. СПб., 1906; Муромцев С.А. Наказ Государственной думы // Право. 1907. № 7. С. 505–514; *его же*. Новые главы наказа Государственной думе (главы четвертая и пятая) // Право. 1907. № 24. Стб. 1737–1747; *его же*. Порядок обсуждения законодательных предположений в Государственной думе // Право. 1907. № 12. Стб. 926–934; *его же*. Формализм в Государственной думе // Право. 1907. № 12. Стб. 926–934; *его же*. Формализм в Государственной думе (Рец. на кн.: Пилленко А. Русские парламентские прецеденты) // Право. 1907. № 19. Стб. 1356–1362; *его же*. Порядок рассмотрения в государственной думе вопроса о «желательности» издания нового закона // Право. 1907. № 18. Стб. 1280–1283; Пилленко А. Русские парламентские прецеденты. СПб., 1907. Вып. 1; СПб., 1908. Вып. 2. Стб. 1280–1283; Наказ Государственной думы. Проект. СПб., 1906; Деятельность М.Я. Острогорского в Первой Государственной думе. СПб., 1906; Сергей Андреевич Муромцев: сборник статей. М., 1911.

³ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 53.

⁴ Саврасов А.Ф. Политико-правовая роль Наказа (регламента) в дореволюционной Государственной думе // История парламентаризма в России: к 90-летию первой Государственной думы. Сборник научных статей / Старцев В.И. (ред.). СПб., 1996. Ч. 1. С. 73–75.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (I созыв). Д. 15. ЛЛ. 1–21; Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. Стб. 663–672, 747–794.

⁶ Чехарина В.И. С.А. Муромцев — председатель первой Государственной думы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5. С. 186.

Как известно, Сенат обязан был проверять соблюдение процедуры принятия законов и публиковать их¹. Сенату принадлежало и право опубликования Наказов Государственной думы и Государственного совета. Проблема заключалась в том, является ли Наказ палаты законодательным актом, и обязана ли палата во всяком случае подчиниться решению Сената.

Подытоживая рассуждения, опять-таки стоит обратиться к мнению дореволюционных авторов о том, что «отказ Сената опубликовать указы Думы и Совета, достаточно спорный в смысле юридическом, не лишает эти указы силы, которую они получают вовсе не с момента опубликования, а с момента принятия их законодательными палатами»².

I Государственная дума просуществовала 72 дня: с 27 апреля (10 мая) по 9 (22) июля 1906 г. и была распущена 9 июля 1906 года³. Как известно, и после роспуска Первой Думы Муромцев продолжал работать над Наказом. В 1907 г. он издал книжку, озаглавленную «Внутренний распорядок Государственной думы», в которую вошли принятые Думой первые три главы наказа, далее свод временных правил, одобренных постановлениями и практикой Думы, и проект основных глав наказа с объяснениями. К вопросу о наказе Муромцев нередко возвращался и в журнальных статьях⁴.

В отношении I Государственной думы «настоящее организационное значение» имели не только работы Муромцева С.А. по составлению Наказа, а «вся совокупность указаний и разъяснений по самым разным вопросам парламентского права, которые в течение двух с половиной месяцев непрерывно исходили от председателя. В официальном предметном указателе, в стенографическом отчете эти указания занимают 12½ столбцов убористой печати, свидетельствующих о невидном, многими забытом, ждущем еще полной оценки труде»⁵.

Первая Государственная дума Российской империи работала в соответствии со своей собственной процедурой и, несмотря на все свои недостатки, как, впрочем, и у любого совещательного органа, является ярким примером практической деятельности российского парламентского учреждения.

¹ См.: Учреждение Правительствующего сената. Ст. 5 // СЗРИ. Т. 1. Ч. 2. 1915. С. 2.

² Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13699#ref-6>

³ См.: Именной Высочайший указ, данный Сенату. — О роспуске Государственной думы и о назначении времени созыва вновь избранной Думы // ПСЗ-3. Т. XXVI. Отд. I. № 28103. См. также: Манифест от 9 июля 1906 г. «О роспуске Государственной думы и о созыве таковой в новом составе» // ПСЗ-3. Т. XXVI. Отд. I. № 28105.

⁴ См.: Муромцев С.А. Внутренний распорядок Государственной думы: Наказ Государственной думы (гл. 1–3) и врем. правила: Проект остальных глав наказа с объяснениями и дополнениями / Сост. С. Муромцев. М., 1907 (изд. неофициальное); его же. Наказ Государственной думы // Право. 1907. № 7; его же. Новые главы наказа Государственной думы (главы четвертая и пятая) // Право. 1907. № 24. См. также: Чехарина В.И. С.А. Муромцев — председатель первой Государственной думы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 5. С. 174–197.

⁵ Речь В.Д. Набокова памяти С.А. Муромцева — председателя первой Государственной думы // Закон. 2010. № 12. С. 187.

ДУМСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ НА КАВКАЗЕ

ЦИУНЧУК РУСТЕМ АРКАДЬЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии
Казанского федерального университета,
Казань, Россия;
e-mail: rciunchuk@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются этно-конфессиональные аспекты политической борьбы на выборах в I Государственную думу на Кавказе. Показаны партийно-политические и этно-конфессиональные результаты выборов.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Кавказ.

Одним из регионов Российской империи, где национальные и конфессиональные вопросы заняли заметное место на выборах в I Государственную думу, был Кавказ. Выборы в 6 губерниях (Бакинская, Елисаветпольская, Черноморская, Кутаисская, Тифлисская и Эриванская), 5 областях (Батумская, Дагестанская, Карсская, Кубанская, Терская), 2 округах (Закавказский и Сухумский) и 2 городах (Баку и Тифлис) проводились позднее, чем в Европейской России, и по отдельным правилам. Фактически выборы в Закавказье завершались уже в тот момент, когда основной состав депутатов начал свою парламентскую работу. В предшествующий выборам период политическая обстановка на Кавказе была взрывоопасной. Великий князь Константин Константинович 2 сентября 1905 г. так описывал положение: «На Кавказе неблагоприятно, в Баку сожжены нефтяные промыслы, на улицах стрельба и резня, убытки неисчислимы, в Тифлисе тоже побоище»¹.

Николай II 2 февраля 1906 года утвердил Правила «О применении к губерниям и областям Кавказского края Положения о выборах в Государственную думу и дополнительных к нему узаконений»². В Указе 2 февраля 1906 г. шире, чем в правилах для каких-либо других регионов, прописывались права

¹ Константин Романов, великий князь. Из дневника Константина Романова [1904–1906] // Красный архив. 1931. Т. 1(44). С. 134.

² Законодательные акты переходного времени: 1904–1906: Сб. законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с прилож. алфавитно-предметного указат. / Под ред. Н.И. Лазаревского. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. по 1 января 1907 г. СПб., 1907. С. 328–341.

по организации выборов Кавказского наместника. По предложению Кавказского наместника решено было сохранить выборы в проблемных регионах, «в особенности в тех губерниях, где ни та ни другая национальность не имеет численного преобладания»¹. Правила предоставляли наместнику на Кавказе право при выборах объединять уезды, округа и отделы, а также курии землевладельцев и горожан. Предоставлялось также право при выборах в Елисаветпольской и Эриванской губерниях объединять селения в избирательные участки чересполосно и делить губернские избирательные собрания на отделения с раздельными выборами для обеспечения представительства мусульман-азербайджанцев и христиан-армян. По Правилам о выборах Кавказ, население которого по переписи 1897 года составляло 8 миллионов 416 тысяч жителей, имел право избрать 29 депутатов Государственной думы, в том числе 4 от казачьих войск (Кубанской и Терской областей) и 2 от городов Тифлис и Баку. Этот регион отличался многонациональностью состава населения, принадлежащего к различным направлениям христианства (русская православная церковь, грузинская церковь, армяно-григорианская церковь и другие) и ислама (сунниты и шииты), высокой концентрацией жителей (особенно в крупных городах и долинах), национально-религиозной чересполосицей населения и несоответствием административных границ местам компактного национального расселения.

На выборах активно проявили себя местные комитеты конституционно-демократической партии и действовавшие подпольно социал-демократические организации. Шесть депутатов могла послать в Думу Кубанская область вместе со сравнительно малонаселенной Черноморской губернией (по трое от казачьего и прочего населения). Как отмечалось, на выборах избиратели — казаки — почти повсеместно провели в выборщики «станичных атаманов и заслуженных урядников», а на губернском съезде от казаков были избраны бывшие в разное время станичными атаманами учитель, член Екатеринодарской городской управы Н.Г. Коченевский, подъесаул К.Л. Бардиж и писарь П.А. Гришай² (в Думе все стали членами кадетской фракции). От неказачьей части населения на областном съезде были избраны три члена Думы: инженер В.К. Константинов (беспартийный, подписавший позднее Выборгское воззвание), а также два депутата, ставшие в Думе трудовиками, — частный поверенный В.И. Лунин, а также агроном Н.И. Морев³.

Во многих местностях Кавказского края выборы проходили в условиях военного положения. Так, наблюдатели по Дагестанской области и Закатальскому округу констатировали «пришибленность» и уклонение от выборов немалой части населения, отмечая, что «до сего времени еще не прощена покоренному Дагестану пятидесятилетняя война, до сего времени весь край фактически находится на военном положении»⁴. Выборы по Дагестанской области и Закатальскому округу не были завершены до роспуска Думы. Крестьяне Аварского, Андийского, Гунибского и Казыкумукского округов отказались послать выборщиков на избирательное собрание, а явившиеся не смогли

¹ Янченко Д.Г., Шорохов В.А. Имперские властные институты, элиты Закавказья и Государственная дума в 1905–1907 гг: проблемы взаимодействия // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г.: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. I. С. 172.

² ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. ЛЛ. 292, 296.

³ Памятная книжка Первой Государственной думы. СПб., 1906. Вып. III. С. 38.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. ЛЛ. 279–280.

достигнуть соглашения о кандидатурах в депутаты с представителями Закавказского округа и городскими выборщиками¹.

На выборах в Терской области, где из трех депутатских мест одно было законодательно зарезервировано за казачьим представителем, энергичнее других проявили себя кадеты, которые специально выделяли в своей программе национальный вопрос. Так, Владикавказское бюро кадетов отмечало, что конституционно-демократическая партия «требуется по отношению к живущим в России народностям отмены стеснений пользоваться своим языком или наречием, жить по своим обычаям, исповедовать свою истинную веру». Об этом свидетельствовал и многонациональный состав кадетских кандидатов в выборщики: это мусульманин присяжный поверенный Б.К. Далгат, православные председатель общества взаимного кредита Я.М. Лордкипанидзе, присяжный поверенный Ф.Ф. Чепелюгин, иудей И.И. Файвишевич; подавляющее большинство выборщиков от Владикавказа поддерживали кадетов². В Грозном с конца 1905 г. действовала кадетская группа, издававшая газету «Грозненский листок», но в связи с объявлением военного положения она была закрыта, а редакторы привлечены к уголовной ответственности. Однако оппозиционные кандидаты победили и в Грозном — это учитель А.П. Маслов (1168 голосов из 1353) и горный инженер кадет Е.М. Юшкин. От съезда мелких землевладельцев прошел князь Т.К. Алхазов, а от сельских обществ — четверо сельских мулл и учитель Т.Э. Эльдарханов. В Хасав-Юртовском уезде (округе) от сельского населения был избран местный житель Абдул-Каримов, а на съезде землевладельцев и торгово-промышленников прошли кадетские кандидаты: агроном Н. Ярманык и князь М. Умциев. В Назрановской волости избрали ингушских выборщиков: Б. Дахгильгова и Х. Астиева³. По итогам выборов депутатами от Терской области стали учителя чеченцы Т.Э. Эльдарханов и А.П. Маслов (оба в Думе вошли в трудовую группу), депутатом от казаков области был избран также народный учитель П.П. Димиров (на выборах считался близким к кадетам, а в Думе числился беспартийным)⁴.

Кутаисская губерния была одной из немногих губерний Закавказья, отличавшейся однородным национальным составом. Здесь на выборах активно проявили себя социалистические партии, в том числе Грузинская партия социалистов-федералистов, которая, как признавалось, близка по программе к социалистам-революционерам, «но избегает политического террора, имеет одною из задач федеративное устройство Грузии и Закавказья». Тремя кутаисскими депутатами были избраны только грузины социал-демократы: врач И.Г. Гомартели, присяжный поверенный С.Д. Джапаридзе и учитель И.И. Рамишвили⁵.

Среди трех депутатов от Тифлисской губернии оказались грузины социал-демократ, публицист и бывший священник (добровольно сложивший с себя сан) С.Н. Церетели, присяжный поверенный, бывший гласный Тифлисской городской думы князь И.А. Баратов (в Думе принадлежал к трудовикам)

¹ Сидельников С.М. Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 176.

² ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 274 об.

³ Там же. ЛЛ. 275–277.

⁴ Памятная книжка Первой Государственной думы. Вып. III. С. 38.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. ЛЛ. 282, 286.

и врач-армянин А.Г. Айвазов (кадет)¹, членом Думы от Тифлиса был избран грузин социал-демократ журналист Н.Н. Жордания².

В Карской области, а также в Батумской вместе с Сухумским округом, которые могли избрать по одному депутату, выборщики (в основном крестьянские) поддержали местных аристократов. В Карсской области членом Думы большинством голосов прошел ардаганский помещик мусульманин З.Ш. Аджарский³. В Батумской области и Сухумском округе в депутаты избрали потомка абхазских владетельных князей генерал-майора в отставке П.Л. Шервашидзе⁴.

Состав Эриванского и Елисаветпольского губернских избирательных съездов отражал многонациональность этих местностей и необходимость армянской и азербайджанской общин прийти к компромиссу и попытаться политически преодолеть — хотя бы в выборных собраниях — последствия кровопролитного армяно-азербайджанского конфликта. Наместником Кавказа даже было специально разъяснено армянам, что «опасения устраниения армян от представительства в Государственной думе не имеют достаточного основания, так как избирательные участки от сельского населения распределены в общем в Елисаветпольской губернии по национальностям», а из состава 45 выборщиков по губернии 33 закреплены за мусульманами, а 11 за армянами⁵. Кадетам и блокировавшимся с ними национальным организациям в губерниях Восточного Закавказья удалось обеспечить свое влияние на результаты итогового голосования.

Выборы в Елисаветпольской губернии дали два места азербайджанцам мусульманам-дворянам с высшим образованием — члену Шушинской городской управы А.Б.Ахвердову, товарищу прокурора Тифлисского окружного суда И.Х. Зиятханову и армянину-дворянину врачу Х.И. Багатурову⁶ (все они в Думе числились кадетами, а позднее мусульманские депутаты, как и другие исповедовавшие ислам члены Думы, вошли в состав Мусульманской фракции).

В Эриванской губернии на выборы явились мусульманских выборщиков 19, армянских 24, остальных 2, а избранными оказались двое армянских депутатов: Александропольский городской голова К.М. Тер-Петросянц, присяжный поверенный Л.Ф. Туманянц (оба в Думе вошли в кадетскую фракцию) и мусульманин чиновник особых поручений при эриванском губернаторе потомок владетельных ханов А.-Х. Эриванский (хан-Эриванский), также вошедший в Мусульманскую фракцию⁷.

Активную работу на выборах провело Бакинское отделение партии кадетов, бюро которого составило «воззвание на татарском (азербайджанском — Р.Ц.)

¹ Памятная книжка Первой Государственной думы. Вып. III. С. 39; С.М. Сидельников указывает, что из трех тифлиских депутатов один был меньшевиком, другой кадетом, третий — принадлежал к грузинским федералистам (очевидно, речь идет о князе И.А. Баратове) (Сидельников С.М. Указ. соч. С. 178).

² Памятная книжка Первой Государственной думы. Вып. III. С. 39.

³ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 290.

⁴ Памятная книжка Первой Государственной думы. Вып. III. С. 37.

⁵ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 297.

⁶ Памятная книжка Первой Государственной думы. Вып. III. С. 37; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 279–280, 289.

⁷ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 15. Л. 288 (Л.Ф. Туманянц указан как беспартийный), а «Памятная книжка Первой Государственной думы» (СПб., 1906. Вып. III. С. 39) называет их кадетами, как и приложение к 14 тому «Нового энциклопедического словаря».

языке, дав... возможность ознакомиться с программой партии» азербайджанцам, проводило лекции, где отмечалось, что «по отношению к разным народностям партия стоит за равноправие и широкие автономные управления... уничтожение всех стеснений к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией»¹. Весьма активно шла предвыборная кампания среди мусульманского населения Бакинской губернии. Один из кандидатов в депутаты от г. Баку издатель газеты «Каспий» А.-М. Топчибашев в своем обращении к читателям и авторам накануне выборов подчеркивал, что в губерниях и областях Кавказа «преобладающее мусульманское население благодаря бесправному своему положению и искусственным мерам, принимавшимся в целях задержания народного развития, отстало от общей культуры»².

По результатам выборов от Бакинской губернии прошли только мусульманские депутаты-азербайджанцы — это учитель и присяжный переводчик А. Мурдаханов и юрист и публицист, один из лидеров мусульманского либерального движения и создателей партии Иттифак аль-муслимин А.-М. Топчибашев, а от Баку был избран крупный предприниматель М.Т. Алиев³, все также были поддержаны кадетами и входили в кадетскую и мусульманскую фракции.

Таким образом, национально-конфессиональный состав 29 кавказских депутатов довольно адекватно отразил присущую этому региону многонациональность. По партийной принадлежности большинство грузинских депутатов принадлежали к социал-демократической партии, а основная часть представителей армянского, азербайджанского и других мусульманских народов Кавказа — к кадетскому блоку, казачьи депутаты в большинстве были также членами кадетской фракции, а неказачьи русские члены I Думы оказались трудовиками. С образованием мусульманской фракции в нее вошли мусульманские депутаты Кавказа. Фактически, подавляющее большинство депутатов региона вошли в Думе в оппозиционные власти фракции и группы, что не могло не вызвать разочарование властей.

¹ См.: Баку. 1906. 5 мая; Каспий. 1906. 9 февраля.

² Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 199. Оп. 1. Д. 369. Л. 23.

³ Памятная книжка Первой Государственной думы. Вып. III. С. 37; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов. С. 276, 298, 305–306.

«В НЕПРИСТУПНОЙ КАДЕТСКОЙ КРЕПОСТИ ПРОБИТА ОГРОМНАЯ БРЕШЬ»: К ИСТОРИИ ВЫБОРОВ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

ТИМОХИНА ДАРЬЯ АРКАДЬЕВНА,

кандидат исторических наук,
ответственный редактор Некоммерческого партнерства
«Издательское, исследовательское
и просветительское содружество „Посев“»,
Москва, Россия;
e-mail: darktimokhina@gmail.com

Аннотация: В статье предпринята попытка воссоздать целостную картину региональной избирательной кампании — выборов во II Государственную думу в столичном регионе. На основе неопубликованных архивных документов и материалов периодической печати анализируются участие в избирательной борьбе различных политических сил, роль административного ресурса, а также итоги выборов. Проведенный анализ источников позволил сделать выводы о причинах поражения кадетов, считавшихся фаворитами.

Ключевые слова: Государственная дума, В.М. Гессен, И.А. Петров, И.А. Леппен, конституционно-демократическая партия, «Союз 17 октября», кадеты, октябристы, выборы, агитация, электорат, Российская империя, избирательное законодательство, политические партии.

Выборы в Государственную думу Российской империи в Санкт-Петербургской губернии до сих пор находятся в тени столичных¹. Между тем, они не всегда шли в фарватере «больших» петербургских, и результаты голосования, несмотря на близость имперской столицы, в этих двух избирательных округах могли заметно отличаться. De jure Санкт-Петербургская губерния была обычной губернией Европейской России, de facto близость столицы — в том числе как партийного и издательского центра — обуславливала заметную политическую ангажированность губернских выборов, высокий потенциал предвыборной агитации.

Одновременно с роспуском I Думы в Санкт-Петербургской губернии было введено положение чрезвычайной охраны, ставшее в преддверии выборов

¹ См., напр.: Государственная дума России. 1906–1917 годы: Путеводитель по национальным коллекциям крупнейших библиотек Российской Федерации / под общ. ред. В.А. Пехтина. М., 2006. С. 303–495; *Запевалин П.П.* Выборы в IV Государственную думу в Санкт-Петербургском уезде // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г.: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. Ч. 1. С. 101–107; Институт выборов в России: библиографический указатель [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.rcoit.ru/biblio_index/catalog/3966; *Костылев А.В.* Выборы в I Государственную думу Российской империи в Санкт-Петербургской губернии // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г.: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 100–109.

«волшебной палочкой» в руках администрации¹. Согласно обязательному постановлению губернатора, для проведения публичного собрания требовалось каждый раз получать предварительное разрешение местного исправника или полицмейстера². Кроме того, запрещались несанкционированные «выдача, распространение, расклеивание и прикрепление иными способами всякого рода объявлений, воззваний и иных листков»³.

Губернатор в циркуляре земским начальникам отмечал, что «почти вся местная так называемая „интеллигенция“ «склонна... видеть в распусчении Думы насилие над народными представителями, а не совершенно закономерное и естественное проявление обеспеченных ВЕРХОВНОЙ властью прерогатив»⁴. Отдельное внимание было уделено им «преступному и лживому от начала и до конца» Выборгскому воззванию. Для «соответствующей истине осведомленности населения» А.Д. Зиновьев в воззвании «Что должно ожидать население от правительства и что оно должно делать?» призывал выбирать «достойных представителей». Важно подчеркнуть, что Российская империя именовалась в тексте «конституционной монархией»⁶.

Высочайший указ о роспуске Государственной думы определил дату нового созыва — 20 февраля 1907 г., однако даты губернских выборов (14 января — выборы уполномоченных от волостей и от рабочих; 25 января — съезд уполномоченных от рабочих и предварительный съезд мелких землевладельцев, 28 января — съезд уполномоченных от волостей, 29 января — съезд городских избирателей и съезд землевладельцев, 6 февраля — губернское избирательное собрание) были назначены только в декабре⁷.

10 декабря министр внутренних дел П.А. Столыпин внес дополнения в «Инструкцию о порядке производства выборов»: теперь печатать бланки избирательных записок могли исключительно городские управы, которые могли их дополнительно реализовывать по себестоимости «распорядителям или правлениям тех преследующих политические цели обществ и союзов..., которые внесены в реестры на основаниях, установленных Высочайшим указом 4 марта 1906 г.»⁸. Бланки, отпечатанные «самими избирателями или обществами и союзами и не снабженные печатью управы», признавались недействительными⁹. Это сыграло на руку «легализованным» октябристам и правым. П.Н. Милюков назвал нововведение «ударом... который должен был быть роковым», т.к. во время предыдущей избирательной кампании кадеты активно печатали и распространяли бюллетени с фамилиями своих кандидатов в выборщики¹⁰.

12 декабря Святейший синод циркулярно призвал духовенство к «деятельному участию» в выборах и «пастырскому руководительству» избирательной

¹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 203. Л. 10; Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ую Государственную думу. СПб., 1907. С. 177.

² ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 203. Л. 9.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 26 об.

⁶ Там же. ЛЛ. 26 об.—29.

⁷ Именной высочайший указ Правительствующему сенату «О роспуске Государственной думы и назначении времени созыва вновь избранной Думы» // ПСЗ-3. СПб., 1909. Т. XXVI. Отд. 1. № 28103. С. 738; К выборам в Государственную думу // Вестник народной свободы (далее — ВНС). 1907. № 1. Стб. 40.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1536. Л. 156.

⁹ Положение о выборах в Государственную думу. С разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1907. С. 190.

¹⁰ Милюков П.Н. Общий обзор избирательной кампании // Смирнов А. Указ. соч. С. 14.

кампанией, рекомендовав «все выборные собрания... предварять молебствиями, на коих надлежит разяснять избирателям, что насколько добра принесет народу Дума из людей благоразумных и верных, насколько же зла принесет ему такая Дума, в которую сумели бы проникнуть враги святой веры и престола»¹.

После опубликования в ноябре 1906 г. списков избирателей предвыборная кампания вошла в активную фазу. В выборах впервые принимали участие эсеры и социал-демократы, а также «новорожденная» партия мирного обновления.

Стартовые позиции фаворитов — кадетов — ухудшало начало следствия над «перводумцами», подписавшими Выборгское воззвание. Лидер партии П.Н. Милуков рассчитывал усилить влияние на крестьян и рабочих, но признавал, что «скоро переломить социал-демократическое владычество у рабочих нам не удастся»². ЦК партии предложил местным комитетам в случае, если их позиции слабы, вступать в соглашение с левыми партиями и мирно-обновленцами³.

После затишья возобновил деятельность губернский комитет. Партийные кандидатуры в выборщики по городской курии были выставлены в Санкт-Петербургском уезде (и от землевладельцев), Гатчине, Нарве, Ямбурге и Царском Селе⁴.

Первоначально кадеты планировали выставить от городского населения столичных пригородов П.Н. Милукова. Не обнаружив себя в списках, он обратился с заявлением в уездную по делам о выборах комиссию. Надеюсь, видимо, легко «проскочить» по фиктивному цензу, он указал, что состоит на службе в Академии наук и проживает в районе ст. Удельная⁵. Однако эта информация не подтвердилась⁶.

Октябристы активно включились в предвыборную гонку под лозунгом борьбы с «кадетским засильем». На общем собрании петербургского отдела «Союза 17 октября» 4 октября 1906 г. член ЦК М.В. Красовский указал в числе причин поражения партии на выборах в I Думу плохую организацию и позднее начало предвыборной кампании⁷. Предполагалось открыть новые и реанимировать деятельность старых уездных отделов Союза и губернского комитета уже к 16 ноября, была организована губернская избирательная комиссия⁸.

К осени 1906 г. продолжали действовать Царскосельский, Нарво-Ямбургский, Лужский и Ново-Ладужский отделы, отдельные члены партии

¹ Циркулярный указ Святейшего синода от 12 декабря 1906 г. за № 11 по поводу выборов в Государственную думу в 1907 г. // Петербургский листок. 1906. 20 декабря.

² Протокол вечернего заседания ЦК к.-д. партии 29 октября 1906 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии; в 6 т. М., 1994. Т. 1. С. 150.

³ Протокол заседания ЦК 28 и 29 декабря 1906 г. // Там же. С. 160–167.

⁴ Костылев А.В. Указ. соч. С. 103; Кандидаты в выборщики // Петербургский листок. 1907. 28 января; Кандидаты Партии народной свободы // Царскосельский предвыборный листок. 1907. 27 января; Провинциальный отдел // ВНС. 1907. № 4. Стб. 265, 270; № 5. Стб. 355; С.-Петербургская группа // Там же. № 3. Стб. 146.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 263. Оп. 1. Д. 1487. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 6, 10; Академия наук о П.Н. Милукове // Петербургский листок. 1906. 9 декабря.

⁷ Журнал заседания соединенного собрания [ЦК] с участковыми представителями 4 октября 1906 // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 232.

⁸ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 23; Д. 13. Л. 447; Журнал заседания СПб. ЦК «Союза 17 октября» от 28 сентября 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. С. 229.

оставались в Петергофском уезде, но комитет избран не был¹. Партийные кандидатуры в выборщики по городской курии были выставлены в Царском Селе, Гатчине и Санкт-Петербургском уезде (и от землевладельцев)². Наиболее сильной и сплоченной была царскосельская группа³. Пользуясь своим легальным статусом, местные октябристы отпечатали свыше 5000 избирательных бланков, распространялись бюллетени с именами партийных кандидатов и в других уездах⁴.

Немногочисленны были региональные структуры правых партий. Союз русского народа, сохранивший партийные организации в Колпино, Гатчине, Царском селе и Павловске, смог выставить там кандидатов в выборщики по городской курии⁵.

Остро стоял вопрос о локальных предвыборных блоках и соглашениях. Известно о переговорах между правыми (прежде всего, Русской монархической партией и партией правового порядка) и октябристами⁶. Петергофские и ораниенбаумские октябристы вступили в соглашение с группой «беспартийных прогрессивных избирателей»⁷. Повсеместно в губернии шли переговоры кадетов о блоке с левыми⁸. Эта идея, как и в самой столице, потерпела фиаско: стороны так и не смогли договориться, в том числе о распределении депутатских мест⁹. В Гатчине, Царском Селе и Петергофе блок левых партий именовался «прогрессивной группой трудящихся» и выставил своих кандидатов¹⁰.

Политические оппоненты вяло вели печатную агитацию. Кадеты опубликовали воззвание «К крестьянам Петербургской губернии» за подписью бывшего депутата I Думы А.С. Ломшакова, в котором призывали выбирать «лишь тех, кто будет готов крепко стоять за крестьян... не боясь немилости и гонения начальства»¹¹. В порыве популизма они заявляли, что Думу «разогнали за решительное требование земли и воли, за требование от министров отчета в расходовании народных денег, от начальства ответственности по суду за свои незаконные действия и распоряжения». За нарушение

¹ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 1, 455, 488, 514.

² Там же. Д. 13. ЛЛ. 506–506 об; Д. 106. ЛЛ. 75 об., 82.

³ Там же. Д. 1. ЛЛ. 29 об., 80.

⁴ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 79 об.; Д. 13. ЛЛ. 486, 488, 493.

⁵ Вторник, 20 января 1907 // Царскосельская газета. 1907. 20 января; К выборам // Царскосельская газета. 1907. 28 января.

⁶ [Протокол заседания ЦК «Союза 17 октября» с представителями партии правового порядка 29 октября 1906 г.] // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. С. 237; *Омельянчук И.В.* Электоральный союз правых и октябристов во второй думской избирательной кампании на примере Владимирской губернии // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г. Сб. науч. ст.: в 2 ч. / Под. ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 110–112; *Патрикеева О.А.* Октябристы и правые на выборах во II Государственную думу Российской империи: попытка электорального союза // Восточноевропейское обозрение. 2017. Т. 8. № 2. С. 47–55.

⁷ Петергофский уезд // Котлин. 1906. 21 декабря; *Смирнов А.* Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., 1907. С. 67.

⁸ С.-Петербургская группа // ВНС. 1907. № 1. Стб. 41.

⁹ Из жизни партий // Товарищ. 1907. 20 января; К вопросу о соглашениях // Русь. 1907. 24 января.

¹⁰ Предостережение «трудящимся прогрессистам» // Царскосельский предвыборный листок. 1907. 27 января; К выборам в Государственную думу // Товарищ. 1907. 23 января.

¹¹ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 350. Л. 17 об.

обязательного постановления губернатора Ломшаков был оштрафован на 1000 руб., но от уплаты штрафа отказался, и состоялся аукцион по продаже его имущества¹.

«Обменялись» воззваниями все основные конкуренты лишь в Царском Селе. В воззвании кадетов говорилось о блоке «Союза 17 октября» с Союзом русского народа: им «выгоден бюрократический строй», который «наградил нас позором Цусимы и Мукдена», «обагрил многострадальную Русь целым потоком крови», «предал голодной смерти миллионы крестьян и тысячи рабочих»². Октябристы эти обвинения опровергали, пытаясь убедить потенциальных избирателей в том, что «Союз 17 Октября — партия конституционная» и на выборы идет самостоятельно, а «Союз русского народа ненавидит конституцию, хотя она дарована самим Монархом»³. Попытались они на словах дистанцироваться и от правительства: «произвол бюрократии и беззакония революционеров» одинаково подтачивают «вековые устои» Отечества⁴. «Левый блок» выпустил воззвание «Ко всем трудящимся гражданам Царскосельского уезда»⁵.

Довольно слабо освещались губернские выборы в прессе. Внимание столичной печати было приковано к «большим» городским выборам, а не в каждом уездном городе выходили газеты. Оживленная полемика развернулась лишь на страницах царскосельской прессы. Октябристская газета «Царскосельское дело» систематически критиковала деятельность «нравственно немощных»⁶ кадетов в I Думе, где они «ничего не сделали... т.к. думали не о благе народа», а «исключительно стремились захватить в свои руки власть и стать народными повелителями»⁷. Правые в «Царскосельской газете» ругали чиновников-бюрократов, которые «привели русский народ к позору и бедствиям и дали инородцам забрать силу, неподобающую им в России — Царстве Русского Народа»⁸. Кадеты вступили в словесную пикировку с правыми и октябристами, попутно критикуя в «Царскосельском предвыборном листке» и правительство, и неспособность оппозиции к консолидации⁹. По распоряжению Главного управления по делам печати значительная часть тиража (вместе с 2000 экземпляров воззвания местного комитета Партии народной свободы) была конфискована на квартире редактора, помощника присяжного поверенного А.К. Гольма¹⁰.

Собрания избирателей прошли далеко не во всех уездах: не были разрешены полицией, сказались отсутствие партийных организаций на местах и пассивность самих избирателей в деле организации этих собраний¹¹. Примечательно, что П.А. Столыпин предупреждал столичного губернатора, что тому «не надлежит вмешиваться в борьбу партий и производить давление

¹ С.-Петербургская группа // ВНС. 1907. № 5. Стб. 327; С.-Петербургская группа // Там же. № 7. Стб. 462.

² ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1536. Л. 260.

³ Царское Село, 25 января 1907 // Царскосельское дело. 1907. 25 января.

⁴ «Граждане избиратели! Воззвание царскосельского комитета «Союза 17 октября» // Там же. 1906. 24 декабря.

⁵ Царское село, 25 января 1907 // Там же. 1907. 25 января.

⁶ Тур К.Н. Кадетская психология // Там же. 19 января.

⁷ Царское Село, 8 января 1907 // Там же. 8 января.

⁸ Среда, 20 декабря 1906 // Царскосельская газета. 1906. 20 декабря.

⁹ Царское село, 27 января 1907 // Царскосельский предвыборный листок. 1907. 27 января; К[онстантин] Г[олубков] Предостережение «трудящимся прогрессистам» // Там же.

¹⁰ Провинциальный отдел // ВНС. 1907. № 5. Стб. 355.

¹¹ О свободе собраний // Царскосельский предвыборный листок. 1907. 27 января.

на выборы», указав «на необходимость... оградить полную свободу выборов, пресекая лишь самым решительным образом попытки использовать публичные собрания для агитации революционной»¹.

Наибольшую активность проявили царскосельские октябристы: им удалось организовать в январе 1907 г., по разным данным, два или три довольно многолюдных (свыше 500 человек) предвыборных собрания городских избирателей с участием представителей других партий: кадетов, трудовиков и Союза русского народа. На «гастроли» в Царское Село приезжали из столицы такие видные ораторы Союза 17 октября, как А.В. Бобрищев-Пушкин и П.С. Чистяков². Собрание городских избирателей Санкт-Петербургского уезда организовали октябристы в столице в помещении Общества технологов³.

Предвыборное собрание финнов-уполномоченных от крестьян по инициативе Царскосельского комитета партии кадетов состоялось 23 января в Санкт-Петербурге в помещении газеты «Inkeri»⁴.

Кадеты 26 января провели собрание городских избирателей в Гатчине (частные лица — члены партии — выступали в качестве устроителей) с участием представителей «левого блока», но без местных октябристов, которые посчитали для себя невозможным выступить на этом «политическом турнире»: «против соединенных сил кадет, трудовиков, с.-д. и с.-р., имеющих в своем распоряжении до 10 ораторов, Союз может выставить лишь двух..., кроме того противники... могут вовсе не дать октябристам говорить»⁵.

21 января прошло предвыборное собрание в Кронштадте, организованное партией мирного обновления⁶.

Еще как минимум семь формально беспартийных собраний избирателей разных курий (в основном городской) состоялись в Гатчине, Царском Селе, Нарве, Луге, Санкт-Петербурге, Кронштадте и Ораниенбауме⁷.

Промежуточные итоги выборов, несмотря на низкую явку⁸, были благоприятны для оппозиции. На Путиловском заводе, где весной были сильны позиции Союза русского народа, победили социал-демократы⁹. На четырех предприятиях выборы «неблагонадежных» уполномоченных были отменены¹⁰. Были кассированы выборы уполномоченных от крестьян четырех волостей Санкт-Петербургского уезда и семи — Ямбургского, где прошли левые,

¹ ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1536. Л. 198.

² ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 106. Л. 80 об, 81, 85; Собрание «Союза 17 октября» в Царском Селе // Царскосельское дело. 1907. 19 января.

³ Из жизни партий // Товарищ. 1907. 7 января.

⁴ ГА РФ. ДП ОО. 1907. Д. 119. Л. 3.

⁵ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 106. Л. 83.

⁶ Предвыборное собрание // Котлин. 1907. 22 января; Местная хроника // Там же. 26 января.

⁷ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 1, 490; Местный отдел // ВНС. 1907. № 4. Стб. 265; Провинциальный отдел // ВНС. 1907. № 6. Стб. 429; Съезды мелких землевладельцев // Царскосельский предвыборный листок. 1907. 27 января; Предвыборное собрание // Котлин. 1907. 22 января, Местная хроника // Там же. 26 января; К выборам в Государственную думу // Товарищ. 1907. 19 января.

⁸ Особенно по землевладельческой курии. Виной тому не только падение интереса населения к Думе, но и проблемы с получением повесток и удостоверений личности, отдаленность избирательных участков. Так, например, в Санкт-Петербургском уезде из 10796 включенных в списки избирателей не получили конверты 5271, а пришли к урнам лишь 2605 (Выборы в Петербурге // Котлин. 1907. 30 января).

⁹ Выборы в Государственную думу // Речь. 1907. 16 января; Костылев А.В. Указ. соч. С. 106.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1713. Л. 170.

причем в ряде случаев новые выборы не были назначены губернатором, хотя время для их проведения оставалось¹. «На благоприятный в смысле умеренности, авторитетности и действительного представительства исход выборов... никакой надежды не имеется. Крестьяне примкнул к левым», — сообщал П.А. Столыпину губернатор². На городских выборах в шести уездах вновь победили кадеты³.

Единственное предвыборное собрание выборщиков было организовано кадетами В.М. Гессеном и Л.А. Оболяниновым. Присутствовали 35 человек⁴.

Явка в губернское избирательное собрание составила 100% — съехались 52 выборщика, имевших право участвовать в голосовании⁵: 18 кадетов, 12 октябристов и правых, 7 социал-демократов, 6 беспартийных прогрессистов, 5 эсеров и 4 трудовика.

Первыми голосовали выборщики от съездов волостных уполномоченных. После двух безуспешных баллотировок отдельным сословным представителем был избран крестьянин Петергофского уезда трудовик А.И. Леппянен (финн по национальности). Затем выборщики от всех курий совместно должны были избрать еще двух депутатов. Ни одна из партий не имела большинства. Исход выборов во многом зависел от позиции крестьянских выборщиков. Между кадетами и социал-демократами было достигнуто соглашение, по которому одно место отдавалось рабочему. После первой баллотировки был избран кадет В.М. Гессен (28 избирательных шаров против 23 неизбирательных), после второй — рабочий, социал-демократ И.А. Петров (29 против 22)⁶. «В неприступной кадетской крепости» эпохи первых выборов была «пробита огромная брешь»⁷.

Губернатор А.Д. Зиновьев полагал, что главная причина победы оппозиции — «существующий избирательный закон, фактически подчиняющий просвещенное меньшинство грубой массе, не простонародной даже, а развращенной толпе „мелких“ — не по имуществу только, а более по духовно-нравственному и образовательному цензу — уполномоченных», а также «отсутствие сплоченности, а, следовательно, при данных условиях политической жизни и политической зрелости, в кругу граждан консервативных и умеренных»⁸.

Несмотря на провал Выборгского воззвания и кассацию промежуточных выборов в ряде мест администрацией, представительство Санкт-Петербургской губернии в Думе было левым. Оппозиции удалось воспользоваться тем, что политические предпочтения крестьян и рабочих были ещё довольно неустойчивы.

¹ Там же.

² Там же. Д. 136. Л. 536.

³ Там же. Д. 1713. ЛЛ. 537–538.

⁴ Предвыборное собрание выборщиков С.-Петербургской губернии // Петербургский листок. 1907. 6 февраля.

⁵ Были отменены результаты выборов от землевладельцев Санкт-Петербургского уезда, «горожан» Царского Села, был исключен из числа выборщиков один крестьянин Гдовского уезда, еще два выборщика по этому уезду так и не были доизбраны. См. подробн.: ЦГИА СПб. Ф. 263. Оп. 1. Д. 120, 121, 483, 485. Поводами для кассации выборов послужили нарушение процедуры голосования, присутствие в избирательном помещении посторонних лиц и агитация во время выборов.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. 2-й созыв. Д. 523. Л. 3; Выборы в Государственную думу от С.-Петербургской губернии // Петербургский листок. 1907. 7 февраля.

⁷ Выборы в Царском Селе // Царскоесельское дело. 1907. 10 февраля.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1333. ЛЛ. 3–4.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А.А. МАКАРОВ И ВЫБОРЫ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ПУБЛИКАЦИЯХ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (СЕНТЯБРЬ — НОЯБРЬ 1912 г.)

СЫЧЕВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ,

аспирант 2-го года обучения Исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;
e-mail: n.sichev@yandex.ru

Аннотация: В сентябре 1911 года после гибели П.А. Столыпина новым министром внутренних дел стал 54-летний Александр Александрович Макаров. Ему предстояло принять деятельное участие в попытке нового правительства наладить отношения с парламентом. Кроме того, в приближающемся 1912 году должны были состояться выборы в Государственную думу, и их успешное проведение также было одной из задач, поставленных перед новым министром внутренних дел. Предвыборная кампания сопровождалась оживленной полемикой в прессе по ряду вопросов, среди которых наиболее важными стоит признать активное участие духовенства в выборах и степень влияния правительства на ход избирательной кампании. Результаты выборов свидетельствовали о формировании преимущественно правой по своему составу Думы, однако провал октябристов и их возможное блокирование с кадетами, говорят о том, что правительство лишилось своей основной опоры в Думе в лице фракции «Союза 17 октября».

Ключевые слова: А.А. Макаров, IV Государственная дума, выборы, периодическая печать, духовенство.

На осень 1912 года были намечены выборы в Государственную думу IV созыва. Важнейшими полномочиями в организации и проведении выборов наделялось министерство внутренних дел. Поскольку оно обладало всей необходимой информацией, в его обязанности входило осуществление общего надзора за правильным производством выборов, толкование вопросов, которые ставились губернскими комиссиями относительно особенностей техники делопроизводства¹. Выборы в избирательных собраниях должны были производиться в один и тот же день по всей империи. День этот определялся императором, о котором именно министр внутренних дел сообщал Правительствующему сенату для опубликования этой информации².

В связи с этим важным представляется вопрос о степени влияния министерства внутренних дел на проведение выборов: каким образом А.А. Макаров исполнял свои обязанности? Поскольку за выборы в Думу и Государственный совет отвечало министерство внутренних дел, будущие законодатели еще в статусе кандидатов в депутаты были вынуждены выстраивать отношения с правительством и его агентами на местах. В свою очередь, администрация могла существенно влиять на избирательный процесс, отчасти предопределяя характер работы представительных учреждений³.

¹ Потякин А.А. Участие Министерства внутренних дел Российской империи в создании правовой базы выборов // История государства и права. 2004. № 1. С. 39–41.

² Там же.

³ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 344.

Очевидно, что с самого начала предвыборной подготовки вскрылась масса проблемных мест и т.н. «острых углов». Одной из таких проблем стала политическая активность духовенства. Через несколько дней после роспуска Думы возникли слухи об активном привлечении к предвыборной кампании духовенства¹. Сразу возник вопрос: следует ли ограничивать количество представителей духовного сословия в народном представительстве? Министерство внутренних дел неоднократно разъясняло, что количество духовенства в III Думе должно считаться максимальным и увеличение его крайне нежелательно². Однако разные силы включились в борьбу за выделение священников в особое избирательное собрание. Гучков вел об этом переговоры с Коковцовым, который не возражал и, более того, говорил о принципиальном согласии на эту меру и министра внутренних дел А.А. Макарова. Однако, по мнению лидера октябристов, положительное решение этого вопроса требовало активной позиции самой партии³. При этом «Голос Москвы» прямо обвинял обер-прокурора Синода в участии в предвыборных махинациях: «В.К. Саблер уклончиво заявил, что Синод дальше не может влиять на выборы. Этот неожиданный оборот предвыборной махинации поставил в очень щекотливое положение министра внутренних дел»⁴. В том же ключе рассуждал князь Мещерский в «Гражданине», привлекая к этому фигуру товарища министра внутренних дел А.Н. Харузина: «Я все спрашиваю себя: что бы было, если бы вместо господина Харузина и г. Саблера, восседающих в Петербурге и управляющих диктаторски выборным делом для 4-й Гос. думы по всей России, ничего не зная действительного и правдивого о том, что в десятках тысяч углов этой бедной России делается, — эти выборы предоставлены были по местам общему заведованию губернаторов, предводителей дворянства губернского и уездного, земских начальников и местного духовенства, а в городах комитету из городского головы, председателя уездной управы и т.д.»⁵. В это же время октябристы дошли до прямой критики министра внутренних дел, который, по их мнению, позволил обер-прокурору проводить свою самостоятельную политику в отношении выборов. В чем заключалась эта политика, газета определила более чем жестко: «Саблером навязана духовенству роль карательной экспедиции против неугодных партий. Эта унижительная роль вызывает чувство справедливого негодования в обществе и горькой обиды в самом духовенстве»⁶. Более того, «Голос Москвы» сделал еще один выпад в сторону А.А. Макарова, используя для этого сообщение о заседании предвыборной комиссии в министерстве внутренних дел: «На днях в министерстве внутренних дел состоялось заседание предвыборной комиссии, на котором обсуждался вопрос о роли уполномоченных от духовенства на предстоящих выборах. Оказывается, что в начале предвыборной кампании между министром внутренних дел и обер-прокурором В.К. Саблером состоялось соглашение, по которому духовенство должно было пропустить в Думу две трети светских лиц из правого лагеря и только одну треть из своей среды»⁷.

Активизация и «мобилизация» духовенства перед выборами в Думу была одним из способов, с помощью которых власть формировала состав народного представительства. О прямом вмешательстве правительства в выборы пресса писала

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 188.

² Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 506.

³ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 357.

⁴ Голос Москвы. 1912. 25 сентября (8 октября).

⁵ Дневники // Гражданин. 1912. № 41. С. 12.

⁶ Голос Москвы. 1912. 28 сентября (11 октября).

⁷ Голос Москвы. 1912. 25 сентября (8 октября).

с удивительным энтузиазмом. Особенно усердствовали либералы: «...господство охран, уничтожающих неприкосновенность личности, обесценивающих не только свободу, но и жизнь; бесправие печати, отданной во власть местных администраторов; трудно преодолимые преграды на пути образования обществ и, еще более, устройства собраний — вот обстановка, при которой будут происходить выборы в Государственную думу. Можно сказать, не обинуясь, что она еще хуже той, при которой была выбрана третья Дума», — писала «Русская мысль»¹. Октябристский «Голос Москвы» также жаловался на происходящее: «Ясно, что речь идет о вопросах выборной тактики, не одинаковой в различных районах России, но одинаково направленной против сплоченной оппозиции»². Тем самым, мы видим, что, по мнению либеральной оппозиции, важным инструментом «делания» выборов было прямое вмешательство властей. Это осуществлялось, в основном, путем удаления из списков целых категорий и отдельных избирателей, учинения помех для участия в голосовании и других форм нажима на всех уровнях³.

Правоконсервативная печать также не отмалчивалась и не оставалась в стороне от общественно-политической полемики касательно предстоящих выборов. Ее главной задачей было не столько оправдать власть в ее попытках повлиять на ход выборов, сколько убедить общество в том, что это вполне естественно и даже необходимо. Столичное «Новое время» не стало нападать в ответ на левых, но попыталось показать естественность вмешательства власти в выборы: «Начавшиеся выборы в четвертую Думу со всею очевидностью обнаружили дальнейший сдвиг вправо, т.е. даже по сравнению с третьей Думой, имевшей большинство, достаточно уверенное. Так как этот сдвиг совершился, несомненно, при благосклонном содействии правительства, то естественно складывается убеждение, что третья Дума по своей политической окраске не удовлетворяла правительство»⁴. Главным, по мнению публициста, для правительства является формирование надежной и работоспособной Думы, для чего не следует гнушаться никакими средствами. «Гражданин» также высказался в подобном ключе: «Правительство никак не могло относительно думских выборов предоставить судьбу голосований случаю и отказаться от всякого на них влияния, и не могло не потому, что оно принципиально признавало необходимым давление на выборы, а потому что при условиях, в которых находятся выборы в Госдуму, нельзя было их оставить на произвол судьбы»⁵. Таким образом, вопрос о степени вмешательства правительства в выборы вызвал острую полемику в прессе, и далеко не все политические силы однозначно на него отвечали.

В свою активную фазу выборы в Государственную думу четвертого созыва вступили в сентябре 1912 года. 31 августа был опубликован соответствующий указ, согласно которому выборы надлежало провести после 10 сентября, а открытие новой Думы назначалось на 15 ноября⁶. В первых числах сентября фракции отличались особой активностью, о чем лидер октябристов А.И. Гучков 3 сентября 1912 г. писал члену Харьковской губернской земской управы П.П. Добросельскому: «Предвыборная кампания началась, и партийная борьба разгорается с каждым днем все сильнее. Надо думать, что начавшаяся борьба и громадная важность ее результатов побудили наших октябристских деятелей на местах подсчитать и мобилизовать силы, равно как и учесть силы

¹ Русская мысль. 1912. № 9. II паг. С. 3.

² Голос Москвы. 1912. 13 (26) сентября.

³ Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 507.

⁴ Чем объединяется правительство // Новое время. 1912. 21 октября (3 ноября).

⁵ Дневники // Гражданин. 1912. № 44. С. 12.

⁶ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 190.

противников и наметить определенный план действий»¹. Вообще, влияние правительства на проведение выборов стало едва ли не центральной темой в октябристской прессе в сентябре–октябре 1912 г. «Пусть стараются, — Дума не за горами. Пусть не видят, что такими стараниями кренят ее влево, как только могут», — осуждал действия правительства октябристский публицист².

Особенный интерес в контексте рассматриваемой проблемы представляют сообщения кадетской прессы о разногласиях между В.Н. Коковцовым и А.А. Макаровым по взглядам на проведение предвыборной кампании. Центральные учреждения не координировали свои усилия, часто оппонировали друг другу. Так, в ходе выборов в IV Думу премьер Коковцов выражал недовольство «тактикой» министра внутренних дел Макарова. По мнению главы правительства, Макаров и Харузин выпустили из своих рук нити управления избирательной кампанией, отдав все на откуп местной администрации, которая порой занималась сведением личных счетов³. По всей видимости, расхождения между премьером и министром внутренних дел были настолько сильны и заметны, что потребовали некоторых объяснений. В номере «Речи» от 19 сентября опубликованы комментарии вышеуказанных лиц. В.Н. Коковцов заявил, что считает незаконным запрещение предвыборных собраний, если эти собрания устраиваются «прогрессивными группами», и что в этом А.А. Макаров с ним абсолютно солидарен⁴. Министр внутренних дел, в свою очередь, был крайне недоволен тем, насколько неправильно пресса, по его мнению, освещает ход предвыборной кампании и роль его ведомства в этом процессе⁵. Таким образом, и Коковцов, и Макаров фактически опровергали слухи об их разногласиях, пытаясь убедить общественность в том, что предвыборная кампания продвигается нормально.

Результаты выборов, на первый взгляд, подтвердили заявления премьера и министра внутренних дел: наибольший успех имели правые фракции⁶. Еще одним итогом выборов стал провал октябристов, о чем торжественно сообщали «Московские ведомости» в номере от 23 октября: «Этими выборами нанесен жестокий удар партии октябристов. Их лидер, А.И. Гучков, настолько выброшен за борт политики, насколько этого могли достигнуть силы 34 000 московских избирателей»⁷. Петербургские «Биржевые ведомости» ограничились сухой констатацией факта: «Как и в Москве, в Петербурге октябристы потерпели жестокое поражение»⁸, а «Голос Москвы» ожидаемо и с негодованием предрекал новой Думе полный провал, заявляя, что без ответственного работоспособного большинства она работать не сможет. «Дума без ответственного работоспособного большинства, Дума без определенного направления заранее обречена либо на бесплодное топтание на месте, либо на ряд законодательных сюрпризов, которых нельзя будет предсказать даже за пять минут до голосования», — утверждал октябристский публицист⁹.

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисловия К.А. Соловьев. М., 2014. С. 260.

² Делают выборы // Голос Москвы. 1912. 19 сентября (2 октября).

³ Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 358.

⁴ Речь. 1912. 19 сентября (2 октября).

⁵ Там же.

⁶ Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную думу // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева. Сб. науч. ст. М., 2008. С. 296.

⁷ Московские ведомости. 1912. 23 октября (5 ноября).

⁸ Биржевые ведомости. 1912. 27 октября (9 ноября).

⁹ Голос Москвы. 1912. 15 (28) ноября.

Казалось бы, победа правых, а, следовательно, и правительства, на выборах в четвертую Думу была очевидной и весьма уверенной. Согласно предварительным данным, Министерство внутренних дел и его глава А.А. Макаров в целом справились со своим делом, оказав достаточно ощутимое влияние на результаты выборов. По всем формальным признакам Макаров выполнил свои обязанности, обеспечив правую по своему составу Думу. Однако истинная расстановка сил в новом созыве народного представительства стала проявляться уже в начале ноября, когда в столицу начали съезжаться депутаты со всех концов империи. Первым «забило тревогу» столичное «Новое время»: «Партийная группировка в четвертой Думе, по-видимому, будет в значительной степени расходиться с той, которая составила по данным СПб. Агентства. Число правых уменьшится, за счет правых усилятся умеренные, националисты и октябристы. Судя по всему, на правом фланге вместо двух прежних групп будет еще промежуточная группа умеренно-правых»¹. Ему вторили «Московские ведомости», поделившись в передовице ожиданиями от новой Думы: «*Alea jacta est!* Теперь уже с уверенностью можно сказать, что в 4-й Думе правые абсолютным большинством обладать не будут. Главная причина этого явления та, что жизнью государственно-партийной, по парламентским образцам, русский народ существовать совершенно не может»². Петербургская «Речь» заявила, что правительство уже недовольно реальными результатами выборов: «Как передают в хорошо осведомленных кругах, особенно недоволен результатами выборов В.Н. Коковцов. Председатель Совета министров был противником многих из тех мероприятий, которые были применены товарищем министра внутренних дел А.Н. Харузиным, с согласия А.А. Макарова. Последний уверял, что в четвертой Думе безусловно будет правое большинство, и ввиду категоричности этого заявления ему были даны очень широкие полномочия»³. Что же произошло в ходе выборной кампании? Неужели усилий министерства внутренних дел оказалось недостаточно, чтобы сформировать лояльную правительству Думу? В ответ на этот вопрос в историографии существует несколько мнений. Советский историк А.Я. Аврех утверждал, что проигрыш Министерства внутренних дел был вызван тем, что Макаров слишком многое доверил своему заместителю Харузину. «Славу Крыжановского как „мага и волшебника“ по части делания выборов в 3-ю Думу совершенно затмил его преемник товарищ министра внутренних дел Харузин. Он развернул деятельность в духе тех рекомендаций, которые изложил нижегородский губернатор Хвостов на заседании Совета министров совместно с губернаторами, посвященном подготовке к избирательной кампании», — писал исследователь⁴. Стремление правительства создать в Думе правое большинство, на которое указывала либеральная пресса, Аврех опровергает, поскольку сохранение в неизменном виде третьеиюньского избирательного закона рассчитано на получение Думы именно с двумя большинствами⁵. Ф.А. Гайда в своей монографии сделал вывод, что власть попросту разделилась в своих взглядах на проведение выборов: В.Н. Коковцов явно заигрывал с торгово-промышленниками и октябристами, а А.А. Макаров опирался на применение административных мер и делал ставку на правых⁶. В итоге, как утверждает исследователь, проиграли обе стороны⁷. К.А. Соловьев также обраща-

¹ Новое время. 1912. 30 октября (12 ноября).

² Московские ведомости. 1912. 1 (14) ноября.

³ Речь. 1912. 30 октября (12 ноября).

⁴ Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 161.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 201.

⁷ Там же.

ет внимание на то, что в четвертой Думе так и не сложилось правое большинство, однако считает, что «октябристский маятник» мог продолжать действовать, несмотря на видимое поражение октябристов и кризис их фракции¹. Что касается расстановки сил в народном представительстве, то здесь исследователь считает неоправданным истерику в либеральной прессе по поводу потери своих позиций в Думе. Если отказаться от традиционной группировки фракций на правое и левое крыло и центр, то политический облик IV Думы может показаться совсем иным, утверждает К.А. Соловьев. Так, во фракцию либеральной ориентации в III Думе входили 236 депутатов, а в IV Думе — 207. Иными словами, их совокупные потери кажутся не столь уж значительными². Он объясняет это тем, что фракция октябристов, лояльная правительству в III Думе, была, в целом, настроена оппозиционно в четвертой. Это, в свою очередь, обеспечивало принципиально иную расстановку сил в народном представительстве.

Таким образом, нетрудно сделать вывод, что результаты выборов в Государственную думу IV созыва не оправдали ожидания ни одной из политических сил. Власть так и не смогла прийти к согласию в вопросе о степени влияния на выборы и, соответственно, не имела четкого алгоритма действий, фактически списав все на усмотрение местных властей, которые нередко «перегибали палку» в своем воздействии на выборы. Октябристы окончательно разорвали свои прежние отношения с властью и ожидаемо провалили предвыборную кампанию, во многом по вине своего руководителя А.И. Гучкова. Казалось бы, кадеты должны были удовлетвориться результатами выборов, поскольку 56 мест в народном представительстве следует признать некоторым успехом для их фракции. Однако и они проявили свое недовольство, вызванное чрезмерным вмешательством министерства внутренних дел в проведение выборов, что позволило им говорить о стремлении правительства выдавить оппозиционные партии из Думы. В некоторой степени могли быть довольны результатами выборов набиравшие силу и влияние прогрессисты. Они демонстративно отказались от составления партийной программы и смогли провести в Думу 28 своих депутатов, что было для них несомненным успехом³.

В советской историографии сложилось устойчивое мнение, что итоги выборов в IV Государственную думу отражали обострение кризиса третьеиюньской системы и, в свою очередь, являлись одним из факторов, содействовавших дальнейшему его обострению. Усиление правых было следствием избирательной арифметики третьеиюньского закона и прямого делания выборов, а ослабление октябристов отражало реальный процесс изменения расстановки сил в стране⁴. Тем не менее, правительство не ожидало появления блока октябристов и кадетов, ставшего хотя и не самым прочным, но достаточно крупным объединением в рамках Думы. Как уже упоминалось выше, организация выборов и, соответственно, достижение желательного для власти результата этих выборов возлагались на министерство внутренних дел и его главу, в нашем случае на А.А. Макарова. Однако, нетрудно догадаться, что правительство осталось недовольно результатами выборов. Следовательно, министр внутренних дел не справился со своими обязанностями, а значит, в одном из ключевых ведомств империи назрели большие перемены. Таким образом, весьма редкие слухи об отставке А.А. Макарова мгновенно переросли в весьма устойчивые и близкие к реальной ситуации.

¹ Соловьев К.А. Мифология и технология избирательной кампании в IV Государственную думу. С. 296.

² Там же.

³ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 201.

⁴ Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 507.

ОППОНЕНТЫ ПРАВЫХ НА ВЫБОРАХ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТЫ «КУРСКАЯ БЫЛЬ»

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры зарубежного

регионоведения и локальной истории

Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,

Нижегород, Россия;

e-mail: a.a.sorokin@imomi.unn.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению позиции газеты «Курская быль» по определению противников правых на выборах в IV Государственную думу Российской империи. Анализируется отношение редакции к кадетам, октябристам, прогрессистам, социал-демократам и националистам. Выделены ключевые маркеры определения идейных оппонентов: национальный вопрос и отношение к Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: выборы, IV Государственная дума, кадеты, «Курская быль», Н.Е. Марков, националисты, октябристы, «Союз русского народа».

Различные аспекты проведения выборов в Государственную думу Российской империи являются предметом значительного количества исследований. Особый интерес представляет вопрос об определении различными партиями и движениями союзников и противников в ходе избирательных кампаний. Если говорить о монархических партиях, то эта проблема неоднократно становилась предметом специальных исследований¹, однако отражение избирательных кампаний на страницах отдельных периодических изданий правых по-прежнему остается «белым пятном» в историографии. В данной статье этот вопрос впервые рассматривается на примере газеты «Курская быль», которая издавалась в одноименном губернском центре одним из лидеров «Союза русского народа» Н.Е. Марковым.

В ходе подготовки к выборам в IV Думу особое внимание на страницах «Курской были» уделялось перспективам как в Курской, так и в соседних губерниях правых партий. В этом отношении в качестве основных противников рассматривались кадеты и октябристы. Газета всячески критиковала различные их законодательные инициативы в ходе заключительной сессии III Думы. В частности, в связи с внесением законопроекта о предоставлении женщинам равных избирательных прав наравне с мужчинами на выборах в Думу отмечалось, что оппозиция «стареется надавать как можно больше обещаний своим будущим избирателям, притом, конечно, заведомо неисполнимых». С точки зрения редакции, данный вопрос не являлся ключевым в повестке

¹ Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа: моногр. М., 2012.; Ивакин Г.А. Правомонархизм и его политические оппоненты: межпартийная борьба в России в 1905–1917 гг. М., 2014; Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018; Омельячук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии): монография. М., 2022.

и расценивался исключительно как предвыборный маневр, рассчитанный на «доверчивого избирателя»¹.

Отмечалось, что успех кадет, социалистов и октябристов на предыдущих выборах объясняется особенностями организации, поскольку победу одерживает не та партия, которая имеет много сторонников, а та, «которая лучше организована и потому энергичнее и успешнее агитирует за своего кандидата и за свою партию». При этом особый акцент делался на том, что левые партии покупают фиктивные цензы и тратят значительные средства на агитацию. Подчеркивалось, что финансово за этим стоят как преимущественно евреи и инородцы, так и «внешние враги России»². Предполагалось, что на выборах в IV Думу обязательно сыграет свою роль недовольство избирателей этими обстоятельствами: «Стране так зло насолили предатели всех оттенков и партийных ярлыков, и она, измученная в невзгодах, так ждет честных, дельных, разумных людей, не за страх, а за совесть любящих свою родину, великую и неделимую, преданных беззаветно своему Царю Самодержавному и вере отцов православной!»³.

Немонархические партии обвинялись в желании разъединить власть и народ, который «верит власти и живет идеалами, которые без грубых натяжек никак не умещаются на тех платформах, на которых едут эс-деки, эс-эры, сепаратисты, политические маклеры и сваты, вроде А. Стаховича и М. Ковалевского, и прочая пестрая компания»⁴. Высмеивалась и политическая близорукость кадетской партии, поддержавшей первомайские забастовки рабочих: «А кадеты все еще не понимают, что рабочее движение направлено столько же против либералов, сколько против черносотенцев, и что в пролетарской республике господ вроде Милюкова ожидает скорее эшафот, чем министерский портфель»⁵.

Редакция упрекала кадет и социал-демократов в связи с их попытками опереться на городских избирателей из числа интеллигенции и служащих, отмечая, что «пролетариат у них является лишь пушечным мясом» для достижения собственных политических целей. Так, по мнению авторов газеты, левые пытались создать у избирателя ложное представление об особом внимании властей к нуждам и интересам исключительно богатых землевладельцев и домовладельцев. Особо в связи с этим акцентировалось внимание на том, что еще недавно кадеты пытались опереться не на квартиронанимателей, а на богатых промышленников⁶.

Священник В. КуПЛЕНСКИЙ на страницах газеты использовал термин «кадетизм», для которого главным маркером назывался «политический иезуитизм». Оценки его как политического явления были уничижительны: «Это своего рода политическая гангрена на теле великого нашего русского отечества. По временам она как бы заживает, затихает, а потом развивается до нестерпимой боли, угрожающей полным разрушением организма». Именно с отвержением основ русской жизни кадетами и связывалось их тяготение «к инородцам» (и прежде всего к евреям)⁷.

¹ Курская быль. 1912. 9 марта.

² Курская быль. 1911. 6 марта.

³ Курская быль. 1912. 22 сентября.

⁴ Курская быль. 1912. 31 мая.

⁵ Курская быль. 1912. 1 июня.

⁶ Курская быль. 1912. 2 августа.

⁷ Курская быль. 1912. 12 августа.

С точки зрения редакции, власти были недостаточно тверды в борьбе с кадетами. По мнению авторов, под видом лекций те проводили «предвыборные революционные митинги», а также создавали якобы беспартийные газеты, в том числе и в уездных городах, которые обнаруживали свою пристрастность в освещении деятельности отдельных учреждений и лиц, «причем заслуживающими осуждения почему-то являются непременно правые общественные деятели, а достойными всяческого общественного сочувствия — обязательно деятели, принадлежащие к кадетам и другим левым партиям». В качестве примера приводился казус в одной из соседних губерний, когда такая газета даже рекомендовалась одним из исправников, разделявшим правые идеи (!), который, «совершенно не замечая, что перед ним волк, переодетыйся ягненком», предписывал подведомственным чинам полиции в населенных пунктах уезда доводить до сведения населения о существовании такой газеты и даже набирать корреспонденции¹.

Кроме того, по мнению постоянного обозревателя газеты С. Горского, правительство поступало излишне мягко с депутатами из числа кадет, которые, пользуясь неприкосновенностью, организовывали митинги в провинции. Поскольку партия кадет не была легализована, такой способ организации массовых мероприятий был практически беспронизышным, т.к. депутаты всегда собирали значительную публику. Отсутствие характерных для предыдущих кампаний пресечений таких собраний вызывало недовольство: «Если так будет продолжаться, то мы, разумеется, не только дождемся революционной Гос. думы, но дождемся и того „оживления“, по которому так тоскуют Родичевы и Милюковы»².

Не упускала редакция и возможности обвинить своих идейных противников в махинациях с цензами. В одном из мартовских номеров было перепечатано сообщение елецкого корреспондента «Нового времени» о том, что кадеты организовывают фиктивные цензы (крупный кадет-землевладелец продает из своего участка подходящему кандидату 125 дес. земли по 200 руб. за десятину и тут же со своего покупателя берет закладную по 300 руб.). Комментируя эту технологию, «Курская быль» язвительно отмечала: «А ведь как гордо, негодуяще ораторствовали милюковцы, когда в Думе обсуждался вопрос о фиктивных цензах. Как набрасывались они на губернаторов, якобы фабрикующих выборные цензы...»³.

Не без удовлетворения констатировалось, что в Нижнем Новгороде кадетским лидером Савельеву, Килевейну, Шверину и Менделееву «вместо депутатского кресла открывается перспектива скамьи подсудимых»⁴. Кадеты заранее расценивались как главные виновники возможного поражения правых в Чернигове и Черниговской губернии. Отмечалось, что вместе с евреями они контролируют городскую и губернскую земскую управы и при посредстве общества взаимного кредита «держат в узде чиновников всех ведомств», которые являются должниками общества⁵.

Что касается местных кадетских лидеров Долженкова, барона Розена и председателя окружного суда Бакланова, то на страницах газеты в качестве

¹ Курская быль. 1912. 21 марта.

² Курская быль. 1911. 26 мая.

³ Курская быль. 1912. 29 марта.

⁴ Курская быль. 1912. 5 апреля. См. о конфликте подробн.: *Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В., Сорокин А.А.* Нижегородцы и Государственная дума: история и современность. М., 2021. С. 122–123.

⁵ Курская быль. 1912. 11 мая.

«черного пиара» было указано, что, испугавшись возможного соперничества с Пуришкевичем, они решили заручиться поддержкой местных евреев, причем в целях демонстрации единства с ними перейти в иудаизм и публично совершить обряд обрезания¹.

Ведомые М. Ковалевским прогрессисты рассматривались как партия-спойлер кадетов: «Никто, конечно, не исключая и самого г. Ковалевского, не скажет, где кончаются „беспартийные прогрессисты“ и начинаются кадеты». Подчеркивалось, что прогрессисты не имели никаких расхождений с кадетской программой, поэтому появление новой партии являлось предвыборным маневром в связи с утратой доверия избирателей у кадет: «вряд ли найдется такой наивный избиратель, который, будучи убежденным сторонником мирного прогресса, спокойного развития русской государственности и дорожа национальным наследием, подаст свой голос за кандидата, который получает руководящие указания из еврейско-кадетского штаба»².

Также добавлялось, что «оппозиция как будто стыдится прежних партийных ярлычков», и под именем прогрессистов на выборах принимают участие как кадеты и октябристы, так и социал-демократы³. В качестве характерного примера указывался кандидат на выборах по 1 курии в Курске — гласный городской думы, банкир Н.Н. Лоскутов. Отмечалось, что он наверняка будет использовать те же приемы, что ранее применял на городских выборах: «избирателям отсрочат и учтут в лоскутовском банке их прегрешившие сроком либо подгулявшие ценностью вексельки, а избиратели, преисполненные благодарными чувствами, любовно разглаживая полученные кредитки, в свою очередь, с готовностью учтут Н.Н. Лоскутову свое избирательское доверие»⁴.

Не без торжества рассматривался раскол октябристов на левое и правое крылья. В статье с символичным названием «Лопнувшая партия» констатировалось, что отныне «октябристы разбиты», причем причиной этого назывались «бездарность и сомнение» Гучкова. В связи с этим делался вывод о предстоящем закате партии и сомнительности ее перспектив на предстоящих выборах: «Партия 17 октября лопнула, и, если обе ее половины отдельно не организуются, они останутся добычею соседей слева и справа»⁵.

Сами октябристы обвинялись в расколе правого движения в рамках деятельности III Думы. Отмечалось, что в результате покровительства со стороны правительства октябризму сложилась такая ситуация, что «законопослушная группа правых, вошедшая в Думу в самом многочисленном количестве, стала быстро таять», поскольку «заурядному человеку трудно разобратся в сложных вопросах государственного права». В результате фактически руками самодержавной власти внутри Думы был образован оппозиционный центр, члены которого «стремились к разрушению всех опор существующего строя, искажая и проваливая с этой целью все правительственные предположения»⁶.

В одном из августовских номеров газеты была опубликована листовка местного отдела СРН, посвященная октябристам. В ней приводилось обращение священника Гепецкого, в котором октябристы назывались врагами православной церкви. Соответственно, общий призыв к избирателю заключался

¹ Курская быль. 1911. 30 марта.

² Курская быль. 1912. 13 марта.

³ Курская быль. 1912. 4 октября.

⁴ Курская быль. 1912. 26 сентября.

⁵ Курская быль. 1912. 19 июня.

⁶ Курская быль. 1912. 5 июля.

в необходимости не пускать в Думу «врагов исконных русских начал» (т.е. православия, самодержавия и русской народности)¹.

Отказ лидеров октябристов А.И. Гучкова и Н.П. Шубинского от участия в выборах в Москве был расценен как «банкротство». Отмечалось, что это было неизбежным следствием для всей партии, «которая начала с обмана русских людей, продолжала лакейством и вилияниями то под крылышко министерского камердинера, то в сторону „оппозиции“, которая брезгливо от нее отвергивалась, и окончила позором прислужничества врагам Царя Самодержавного и веры православной...»².

Не рассматривались как союзники националисты. В качестве критики был использован их опыт взаимодействия с духовенством. На страницах газеты были опубликованы выдержки из письма депутата Государственной думы священника Подольского, который, обращаясь к духовенству Подолии, отмечал: «Наши националисты ... только на словах преданы церкви и духовенству, de facto же — индифферентны, а некоторые из них даже враждебно настроены»³.

Полемизируя с позицией «Земщины» о необходимости избрания националистов и в целом соглашаясь, что новая Дума должна быть «русскою по духу», редакция издания оперировала следующим аргументом: «у нас так называемые националисты далеко не всегда русские по духу люди». В качестве примера приводился граф В.А. Бобринский, избранный в III Думу усилиями СРН и оказавшийся «под башмаком» А.И. Гучкова. Находя, что сама партия националистов находится на стадии образования и имеет довольно невнятную программу, хотя и приемлемую в целом для русского народа, издание констатировало, что главной проблемой является наличие в ней «людей глубоко нерусских по духу, людей, больших неизлечимым интеллигентизмом, начиная с самого основоположника союза русских националистов М.О. Меньшикова»⁴.

Однако при анализе перспектив правых партий в Юго-Западном крае констатировалось, что в Подольской губернии националисты выиграют с очень большой долей вероятности, поскольку пользуются поддержкой правительства и имеют богатых сторонников⁵.

Накануне выборов подчеркивалось, что вступление в различные блоки с представителями немонархических партий в ходе трех предыдущих кампаний было огромной ошибкой: «... русские люди шли на компромиссы и вступали в соглашения с такими партиями и отдельными лицами, которые только прикидывались невинными агнцами, а на самом деле таили в груди „освободительное“ коварство»⁶. Поэтому рекомендовалось не отступать от программы и блокироваться только с националистами, причем в крайнем случае, когда нет «никакой надежды провести союзника чистой веры и исповедания». Сами националисты назывались «партией недоношенных младенцев», чье политическое будущее весьма неопределенно.

Вместе с тем приводились сведения о фактах сотрудничества правых со своими оппонентами: так, в Ростове-на-Дону накануне выборов был образован блок из октябристов, националистов, СРН и РНСМА⁷. На страницах самой газеты в одном из июньских номеров было размещено предвыборное

¹ Курская быль. 1912. 26 августа.

² Курская быль. 1912. 22 сентября.

³ Курская быль. 1912. 16 марта.

⁴ Курская быль. 1912. 18 августа.

⁵ Курская быль. 1912. 17 августа.

⁶ Курская быль. 1912. 24 июня.

⁷ Курская быль. 1912. 5 апреля.

обращение РНСМА. В нем отмечалось, что третья Дума была лучше предыдущих, однако недостаток правых в ней не позволил ей «многого сделать для блага народа». Идее конституции противопоставлялась концепция законосовещательной Думы, имеющей преемственность с Земскими соборами, предназначенными для «совместного государственного строительства». Подчеркивалась важность политического волеизъявления избирателей: «Посылая избранных своих в четвертую Думу, русский народ снова получает возможность указать тот путь, по которому в ближайшее пятилетие должна следовать Россия: по пути ли правому — благоустроения быта народного, укрепления веры православной, возвеличения державы Российской, прославления русского имени, или по пути левому — поругания всех народных святынь, унижения веры отцов и дедов, разрушения государства Российского, опозорения самого имени русского»¹.

Отмечалась особая роль духовенства в поддержке правых в ходе избирательной кампании. Задача редакцией была сформулирована предельно ясно: сделать так, чтобы новая Дума «была бы не врагом русского государства, а верным, честным, беззаветно преданным слугой Царя и русского народа». На духовенство и, прежде всего, тех священников, которые состояли в местном отделе СРН, возлагались большие надежды. Подчеркивалось, что пастыри не должны стесняться «патриотической проповеди»: «Это — историческая роль русского православного духовенства, и мы твердо убеждены, что наше православное духовенство приложит все силы, чтобы вернуть себе первенствующее значение в деле религиозно-патриотического воспитания населения...»².

Так, 27 января 1912 г. участники курского епархиального съезда были приглашены в покои архиепископа Стефана, который поднял вопрос об участии священников в предстоящих выборах. Им было подчеркнуто, что вопрос партийных предпочтений должен решаться через определение отношения конкретной партии к Русской православной церкви. В этом смысле к числу врагов были отнесены левые и октябристы, проекты которых, разработанные в III Думе, враждебны и «стремятся к тому, чтобы принизить положение нашей Церкви в Русском государстве». «Самой преданной» же была названа партия правых, на которую, по мысли архиерея, и следовало ориентироваться духовенству, способствуя также распространению правых изданий среди населения. При этом особо подчеркивалось, что для священника помогать партии правых — обязанность, даже если личные его симпатии на стороне другой партии³.

Критику духовенства левыми и неприязненное отношение к его солидарности редакция объясняла желанием представить священников противниками представительства и сторонниками восстановления прежнего строя: «Это самый обыкновенный предвыборный маневр со стороны левых, и он вызван тем, что духовенства боятся, враги видят в нем твердый оплот порядка»⁴.

В связи с этим редакция вступила в заочную полемику с газетой «Русское слово», на страницах которой критиковался призыв орловского епископа Григория к духовенству способствовать проведению на выборах правых кандидатов. Православие «Курской былью» причислялось к основам российской

¹ Курская быль. 1912. 15 июня.

² Курская быль. 1911. 19 апреля.

³ Курская быль. 1912. 29 января.

⁴ Курская быль. 1912. 10 июня.

государственности, и именно в отношении к вере и духовенству выделялся политический водораздел: «У нас политическая борьба сейчас свелась к борьбе двух явно противоположных лагерей, и насколько один лагерь церковен, настолько атеистичен лагерь другой. Победа лагеря безбожников означает победу темных сил над святой Церковью российской, и не тут ли именно должен встать пастырь-епископ со смелым словом обличения неверующих и призыва к верующим?»¹.

Также на страницах «Курской были» утверждалось, что кадетами «игра ведется сразу на два фронта»: запугивая общество «священнической Думой», кадеты одновременно пытались привлечь духовенство в ряды «прогрессивных партий». Такая тактика была названа легкомысленной и основанной на ложных представлениях о клерикализме и якобы имевших место противоречиях между собственно священниками и церковными властями в вопросе об участии в выборах².

Вместе с тем итоги работы епархиального съезда, определившего в качестве руководителя выборами по Фатежскому уезду священника Александра Молоткова, были охарактеризованы как «первый блин комом». Исходя из того, что на предыдущих трех выборах тот участвовал с представителями левых, обозреватель газеты констатировал: «Даже в лучшем случае, т.е. допуская возможность искреннего обращения г. Молоткова, от его руководства на выборах надо ожидать одной лишь смуты и недоразумений среди фатежского духовенства»³.

Таким образом, на страницах «Курской были» четко определялись основные противники правых на выборах в IV Думу в лице кадет, октябристов, социал-демократов и прогрессистов. При этом социал-демократы не воспринимались в качестве серьезного оппонента, а прогрессисты оценивались исключительно как партия-спойлер. «Красной линией» с точки зрения редакции газеты выступало, прежде всего, отношение к Русской Православной Церкви, которая рассматривалась как органичная часть и основа русской государственности. Кроме того, еще одним маркером служила позиция по национальному вопросу (в первую очередь к евреям). По причине двойственной деятельности в первом из этих вопросов в качестве союзников не рассматривались и националисты, хотя и с фактической оговоркой, что отдельные их представители могут быть таковыми.

¹ Курская быль. 1912. 16 июня.

² Курская быль. 1912. 27 июля.

³ Курская быль. 1912. 10 июля.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОСКОВСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

МАЛЫШЕВА ОЛЬГА ГЕРАЛЬДОВНА,

доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru

Аннотация: В статье представлены материалы об избирательных кампаниях в Государственную думу первого–четвертого созывов по городу Москве. В центре внимания особенности межпартийной предвыборной борьбы, электоральные настроения избирателей, результаты выборов, существенно отличавшиеся от общероссийских. Автор пытается объяснить причину неизменного успеха представителей кадетской партии на московских выборах в Думу.

Ключевые слова: Избирательные кампании, предвыборная борьба, электорат, Государственная дума, кадетская партия, московские власти.

С появлением в политической системе России Государственной думы в начале XX века в практику вошли избирательные кампании. Российские граждане впервые оказались в роли избирателей, от голоса которых зависел состав депутатского корпуса. На завершающем этапе существования империи выборы стали неотъемлемой частью политической жизни.

Всего в период думской монархии состоялись четыре избирательные кампании, в ходе которых за голоса избирателей боролись представители широкого спектра политических сил. От политических партий требовались серьезные усилия, чтобы выйти в лидеры политической гонки. Однако окончательное решение оставалось за рядовым избирателем.

Сразу заметим, что организация, ход и результаты выборов существенно отличались по ряду параметров. В том числе это зависело от места, где проводились выборы. Безусловно, выборы в столичных городах и провинции существенно отличались. Обобщение практики проведения и результатов выборов в древней столице — городе Москве — позволяет сделать некоторые наблюдения.

К этому моменту Москва имела внушительный опыт городского самоуправления, была крупным экономическим, политическим и культурным центром страны. Городское общественное управление при этом активно влияло на жизнь города. И, тем не менее, сделать выбор московскому избирателю было весьма непросто: слишком пестрой была картина. Одномоментный «вброс» на политическую сцену десятков политических партий, ставший прямым следствием манифеста 17 октября 1905 г., ставил избирателя вне зависимости от его социальной и профессиональной принадлежности перед непростым выбором.

Кадеты с их невероятной активностью в ходе избирательной кампании вызвали особое беспокойство у представителей исполнительной власти. Уже в середине избирательной кампании, имея общее представление о грядущем исходе выборов, министр внутренних дел П.А. Дурново разослал губернаторам

шифрованную телеграмму, в которой просил их изложить собственное мнение на причины значительного успеха кадетов и иногда даже более левых кандидатов в ходе первых выборов. Министр желал знать, заключались ли эти причины в «самой системе выборов», в «усиленной пропаганде левых» или крылись в других обстоятельствах.

В своих ответах губернаторы приводили различные объяснения успеха кадетов. Так, по данным московского градоначальника разница между финансированием избирательной кампании между монархистами и кадетами отличалась в разы (в пользу последних). Среди причин назывались также недовольство и раздражение населения своим экономическим положением и унижительным для России исходом Русско-японской войны¹. Другими словами, голосование зачастую было не столько за кадетов, о политических настроениях и программе которых население, несмотря на их активную предвыборную агитацию, не было достаточно осведомлено, сколько против правительства с его пагубной политикой.

В частности, от московского губернатора поступил развернутый список кандидатов, победивших на выборах. О серьезности отношения к порученному премьером делу служат характеристики будущим депутатам, сделанные в сопроводительных материалах. Так камергер Высочайшего двора, статский советник Г.Г. Гагарин, «будучи сторонником порядка (примыкал к партии октябристов — *О.М.*), может быть отнесен к благонадежным и желательным элементам в Государственной думе»; барон Крюденер-Струве, директор машиностроительного завода в Коломне, октябрист, охарактеризован «умеренным и положительным»; В.С. Баршев, статский советник, директор крупной фабрики в Серпухове, гласный Московской городской думы, лидер Торгово-промышленной партии характеризовался как «человек порядка, крайне желательный член Государственной думы, как по своим убеждениям, так и по своим знаниям. В то же время крестьянин Подольского уезда В.Н. Чурюков, работавший слесарем на Климовском механическом заводе, несмотря на то, что характеризовался как «сообразительный и находчивый», вызывал у представителей власти некоторые опасения за сочувствие к социал-демократии, «которое проявлял в забастовочном движении прошлого года»².

Важным фактором, призванным определить исход выборов, стали партийные периодические издания и предвыборные собрания. Правительство, не на шутку обеспокоенное «политической физиономией будущей Думы», сделало все возможное, чтобы максимально ограничить возможность их проведения для оппозиции (прежде всего кадетов). Так, в соответствии с законодательством в столицах и крупных городах в преимущественном положении оказались те из них, которые были зарегистрированы. В Москве, в частности, на законных основаниях участвовали в предвыборной борьбе легализованные: Союз 17 октября, Всенародный русский союз, Кружок дворян, Союз русских людей, Общество русских патриотов, учрежденное в память Всемилоштивейшего Манифеста 17 октября 1905 г., Русское монархическое собрание, Аксаковское литературное и политическое общество и Союз старообрядцев. Остальные существовавшие в Москве политические организации, в том числе конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы), легализованы не были. Это делало их заведомо неравноправными участниками предвыборной гонки.

¹ См. подробн.: *Пушкарева Ж.Ю.* Кадеты и избирательные кампании в Государственную думу I–IV созывов: Дисс. ... к. ист. н. М., 1998. С. 73.

² Там же. С. 6.

Легализованные партии свободно вели агитационную деятельность на страницах своих изданий. Что касается периодических изданий нелегализованных партий, то власть объявила им настоящую войну. Так, закрылись следующие кадетские издания: в Петербурге — выходившие под редакцией Милюкова и Гессена «Свободный народ» и «Народная свобода», в Москве в разгар предвыборной кампании была приостановлена «Жизнь и свобода». Однако репрессии утроили энергию кадетов в предвыборной борьбе. Даже официальное издание «Русское государство» оказалось вынужденным «отдать справедливость партии кадетов: она вела выборную игру с большой точностью и расчетом. Такой дисциплины, такой сплоченности, а главное энергии и своего рода талантливости нет у ее соперников, что конечно, в значительной доле должно быть отнесено насчет явной несостоятельности отстаиваемого ими дела»¹.

В тех условиях единого дня голосования не было: выборы проводились по мере готовности городских властей. Выборы в I Думу в Москве состоялись через шесть дней после выборов в северной столице. В день выборов (26 марта 1906 г.) выяснилось, что древняя столица отнеслась к выборам с должным вниманием: с раннего утра к избирательным бюро потянулись вереницы избирателей. К открытию избирательных участков на улице уже стояли длинные очереди. В ряде районов, где полиция придерживалась политики невмешательства, на улицах непосредственно вблизи от избирательных участков продолжалась активная агитация. Воззвания сыпались дождем.

По Садовой, Пресне и другим местам члены партии народной свободы раздавали «Русские ведомости» и «Путь», несмотря на то, что Блок (Союз 17 октября, Торгово-промышленная партия и Партия правового порядка) с целью не допустить в среду избирателей воззваний кадетов скупил 20 000 розничных номеров кадетских «Русских ведомостей» и все номера «Пути». Днем «Русские ведомости» вышли вторым изданием². Кадеты в этом смысле продемонстрировали невероятную организованность и мобильность. Ими также были впервые апробированы особые приемы борьбы за голоса избирателей. Так, в Рогожской части местным комитетом партии были наняты специальные лихачи, снабженные зелеными лентами с надписью «Партия народной свободы», подвозившие избирателей к помещению избирательной комиссии. В Яузской части для этой цели служил автомобиль.

В Москве при избрании выборщиков кадеты одержали абсолютную победу. Провалились такие столпы от блока октябристов и Торгово-промышленной партии, как крупный предприниматель, общественный деятель, один из руководителей партии октябристов А.И. Гучков, видный земский деятель, лидер октябристов Д.Н. Шипов, предприниматель, банкир, лидер Торгово-промышленной партии Г.А. Крестовников, известный адвокат Ф.Н. Плевако и др. Второй блок «Всероссийский русский союз» едва собрал 3% (в том числе редактор «Московских ведомостей» Грингмут получил 1 голос, редактор «Кремля» Илловайский был провален)³.

Представители кадетской партии на московских выборах одержали уверенную победу. В Государственную думу были избраны опальный профессор Московского университета Сергей Андреевич Муромцев (будущий председатель I Государственной думы) и два приват-доцента Московского университета Герценштейн Михаил Яковлевич и Кокошкин Федор Федорович. Еще

¹ *Мускатблит* Ф. Первый русский парламент. (Избирательная кампания и ее итоги.) Одесса, 1906. С. 18.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 52.

одним депутатом стал типографский рабочий Савельев Иван Феокистович, разделявший взгляды социал-демократов.

В ходе вторых выборов ситуация в значительной степени повторилась. Нелегализованные политические партии и, между прочим, собравшая на первых выборах наибольшее число голосов конституционно-демократическая партия легализованы не были, а это значило, что предвыборная деятельность их попадала под жесткие ограничения.

На выборах боролись 4 крупные политические организации, существовавшие в Москве: отдельные списки кандидатов в выборщики были выставлены блоком монархических организаций от имени «Московской областной управы Объединенного русского народа», «Союзом 17 октября», Партией народной свободы (Конституционно-демократической) и «Левым блоком», объединившем в себе сторонников «Российской социал-демократической рабочей партии», «Партии социалистов-революционеров», «Всероссийского избирательного трудового союза».

За ходом выборов, как и ранее, пристально следили Городская управа и лично городской голова Николай Иванович Гучков. В отчете Управы о выборах содержатся сведения о лозунгах, с которыми политические силы шли на выборы. Так, «Московская областная управа Объединенного русского народа» призывала избирателей «стоять за честь, славу и единство России, за обновленную Россию, свободную от врагов святой православной церкви, самодержавной царской власти и русского народа, от еврейской кабалы и от хищнической бюрократии». «Союз 17 октября» провозглашал, что «основной идеей» его является «осуществление и проведение в жизнь» выраженной в манифесте 17 октября воли монарха, даровавшего «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, и союзов». «Партия народной свободы» — за укрепление политической свободы на независимых началах конституционного строя, установление не только судебной, но и политической ответственности министров перед народным представительством, подъем народного благосостояния широкими экономическими реформами, проникнутыми великим началом социальной справедливости. Представители «Левого блока» призывали голосовать за социал-демократических кандидатов для того, чтобы «наши депутаты с думской трибуны созывали весь народ для последней, для окончательной борьбы с царским правительством, для того, чтобы они на всю Россию бросили наш демократический, наш революционный лозунг: Граждане! Боритесь за Учредительное собрание! Граждане! Готовьтесь к последней решительной борьбе!»¹.

Процент избирателей-москвичей, принявших участие в выборах, был весьма высоким. Так, в I Думу проголосовало 74% избирателей (на четверть выше, чем в Петербурге), 72,6% — во II, что составило три четверти всех московских избирателей².

По политическим пристрастиям голоса распределились так: первое место — Партия народной свободы (понижился с 64% до 53,1%), второе — «Союз 17 октября» (30,3% в первых выборах и 24,3% теперь). Объединение монархических партий получило большее число голосов, чем ранее (8% против 5%).

Избрано было, как и прежде, 160 выборщиков: 41 чел. — лица интеллигентных профессий, 33 — почетные граждане и купцы, 31 — лица низших сословий (крестьяне, мещане, цеховые), 24 — чиновники, 23 — дворяне,

¹ Выборы по г. Москве в Государственную думу второго призыва. М., 1908. С. 39–42.

² См.: там же. С. 46–47.

8 — различные категории. Большинство московских выборщиков принадлежало к наиболее состоятельным классам московского населения.

На этот раз все четыре депутата Государственной думы от Москвы, избранные Городским избирательным собранием, были представителями кадетской партии: князь П.В. Долгоруков, приват-доцент Московского университета А.А. Кизеветтер, В.А. Маклаков и Н.В. Тесленко. Все они играли в партии заметную роль.

Выборы в III Государственную думу проводились по новому избирательному закону. Предвыборная партийная борьба в ходе этой избирательной кампании была еще более ограничена, чем прежде. Это касалось всей территории страны. Власть пошла на решительное изменение избирательного законодательства, что было равносильно государственному перевороту, и не была намерена дать реальный шанс оппозиции заручиться поддержкой российских избирателей. Этим и объясняются новые условия, в которых предстояло бороться за голоса избирателей.

В Москве по первому и второму разрядам предстояло выбрать по два депутата. После подсчета голосов выяснилось, что по первому разряду лидировали два кандидата: А.И. Гучков — предприниматель, хорошо известный общественный деятель, будущий председатель III Государственной думы (2091 голос) и один из самых известных адвокатов России Ф.Н. Плевако (2034 голоса). Несмотря на то, что голоса избирателей разделились почти поровну, ни одному из кандидатов не удалось набрать половины голосов, требуемой по закону (в данном случае 2144 голоса), а это неизбежно означало проведение второго этапа выборов.

Подсчет голосов по второму разряду избирателей дал иные результаты. Здесь также наметились два явных лидера. Наибольшее количество голосов было подано за видного деятеля кадетской партии юриста В.А. Маклакова (16407 голосов) и его товарища по партии, бывшего председателя II Государственной думы, видного общественного деятеля г. Москвы Ф.А. Головина (16351 голос). Поскольку это было больше половины общего числа принятых к подсчету голосов (не менее 13613), то оба кандидата были признаны избранными в Государственную думу в первом туре.

Дополнительные выборы по первому разряду состоялись 23 октября 1907 г. и проводились в том же порядке. Хотелось бы отметить возрастание избирательной активности москвичей. На повторные выборы явились 4589 избирателей. Обеспечено это было, прежде всего, усилиями членов партии Союза 17 октября, от которой баллотировались оба кандидата в депутаты Думы. Видные члены партии октябристов лично объехали избирателей первого разряда, уклонившихся в ходе выборов 17 октября от голосования. В день вторичных выборов октябристы задействовали несколько автомобилей и извозчиков, на которых избиратели доставлялись к помещениям избирательных комиссий¹.

Из 4565 действительных бюллетеней голоса распределились следующим образом: А.И. Гучков (2561 голос) и Ф.Н. Плевако (2522 голоса). В этом случае оба из кандидатов набрали необходимое большинство голосов (не менее 2283) и получили депутатский мандат².

Комментируя выбор москвичей, можно заметить, что при определении народных избранников они, во-первых, проявили в обоих разрядах редкое единодушие: оба кандидата (по каждому разряду) получили практически равное количество голосов. Во-вторых, избраны были весьма достойные и уважаемые в городе лица, которые будут играть заметную роль в работе III Государственной думы.

¹ См.: Выборы по г. Москве в Государственную думу третьего призыва. М., 1908. С. 56.

² См.: там же.

Несколько слов о политических пристрастиях избирателей на третьих выборах. Следует заметить, что они несколько отличались в первом и втором разряде. В первом за голоса избирателей боролись Союз монархических партий, Союз 17 октября и конституционно-демократическая партия. Во втором разряде помимо названных партий выступили народно-социалистическая партия (энесы, отколовшиеся от эсеров), социал-демократы и Крестьянский союз (союз крестьян, объединившихся на почве Манифеста 17 октября 1905 г.).

Практически неограниченной свободой пользовались партия октябристов и партии, стоящие правее них. Они имели возможность открыто рассылать избирателям воззвания, устраивать предвыборные партийные собрания и т.п. Остальные партии для совещания с избирателями о выставляемых кандидатах собирали беспартийные подготовительные собрания, которые устраивались с разрешения администрации.

Однако октябристы, несмотря на имеющиеся, казалось бы, безграничные возможности, вели предвыборную агитацию в Москве довольно вяло, устраивая редкие предвыборные собрания, которые посещали почти исключительно члены партии. Происходившие в Московском епархиальном доме предвыборные собрания монархических партий были еще более редки и малолюдны. Наибольший интерес избирателей вызывали лишь собрания, на которых представители левых партий выступали против партии конституционно-демократической¹.

Власти использовали административный ресурс и в деле распространения предвыборной агитационной продукции. Союзу 17 октября и монархическим партиям были созданы все условия для распространения печатных бюллетеней с фамилиями партийных кандидатов, при которых прилагались краткие партийные воззвания. Особо активно занимались этим монархические партии, разославшие бюллетени 2–3 раза в течение предвыборного периода. Нелегалитизованные партии были сильно стеснены в этом отношении. К примеру, у наиболее видных членов кадетской партии полицией регулярно проводились обыски и конфисковывались печатные бюллетени с именами ее кандидатов.

В ходе избирательной кампании в IV Государственную думу правительство намеревалось приложить все силы к тому, чтобы обеспечить наиболее приемлемый состав депутатского корпуса. По словам председателя Думы М.В. Родзянко, «было решено в правительственных сферах принять самые резкие меры, чтобы при предстоящих выборах в IV Государственную думу прошли исключительно элементы, способные оказать безоговорочную поддержку правительству. В этих целях были использованы всевозможные элементы для „разъяснения“ нежелательных и непокорных элементов»². Еще одной отличительной особенностью этой кампании стала повышенная националистическая риторика со стороны властей по отношению к инородцам, в частности к евреям, что подтверждается содержанием циркуляра Министерства внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 29 июня 1912 г., в котором уточнено, что избирательными правами обладают лишь евреи, имеющие юридические основания для проживания на определенных территориях Российской империи. Все остальные категории еврейского населения, в том числе временно пребывающие в различных местностях государства, были лишены избирательных прав³. Все это должно было усилить позиции правых и монархических сил.

¹ См. подробн.: Выборы по г. Москве в Государственную думу третьего призыва. М., 1908. С. 54–55.

² Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 60.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 2991. Л. 7.

По результатам голосования по второму разряду избирателей города Москвы, необходимое число голосов для избрания в члены Государственной думы Российской империи должно было составить не менее 15 188. Уверенно преодолели этот порог два кандидата от кадетской партии — В.А. Маклаков и Н.Н. Щепкин. Оба они были хорошо известны москвичам и обладали высоким авторитетом в городе. Так, В.А. Маклаков был одним из основателей конституционно-демократической партии России, известным на всю страну адвокатом. Ранее он уже получал поддержку москвичей на выборах в Государственную думу II и III созыва.

Н.Н. Щепкин, член конституционно-демократической партии, являлся известным муниципальным деятелем, занимал различные должности в муниципальной системе управления города, в частности, был помощником секретаря Московской городской управы, являлся гласным Московской городской думы, товарищем (заместителем) городского головы.

На выборах по первому разряду московских городских избирателей победу одержал также представитель кадетской партии М.В. Челноков из знатного купеческого рода Челноковых, «Почетный гражданин Москвы», владелец кирпичных заводов в Московской губернии. Кроме всего прочего, Михаил Васильевич был известным земским деятелем Московской губернии, гласным Московской городской думы.

Вторым депутатом Думы от первого разряда стал М.М. Новиков, почетный гражданин Москвы, известный зоолог, впоследствии профессор и ректор Московского университета, ранее избиравшийся гласным в Московскую городскую думу.

В целом, говоря об этих выборах, следует отметить, что вопреки официальным установкам из Петербурга москвичи вновь избрали действительно уважаемых жителей города, имевших в городе безусловный авторитет. При этом все избранные члены Думы состояли в конституционно-демократической партии, что шло вразрез с общероссийскими электоральными тенденциями на этих выборах. Победа кадетов выглядит тем более значимой, что москвичи на этих выборах не поддержали кандидатуру своего не менее именитого земляка А.И. Гучкова, в недавнем прошлом председателя нижней палаты.

Москвичи сохраняли высокий уровень активности на выборах: явка избирателей по второму разряду соответствовала 69,11%, по первому — 60,45%, что свидетельствует о высокой степени политического участия москвичей в голосовании, значимости для них реализации своих политических прав.

В период думской монархии Государственная дума Российской империи избиралась четыре раза. В соответствии с нормами представительства москвичи имели право делегировать в российский парламент по четыре депутата. Как показали итоги всех четырех избирательных кампаний, преобладающую поддержку московских избирателей неизменно имели представители кадетской партии (13 из 16 избранных). Ни разу не были избраны представители националистов, правых, Русской православной церкви, иных партий и социальных групп. И это, как нам думается, объясняется не только и не столько либеральными предпочтениями жителей древней столицы. Скорее, объяснить это можно тем, что москвичи делегировали в Государственную думу наиболее известных и авторитетных горожан, людей образованных и имевших за плечами опыт работы на благо московского общественного самоуправления.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ДУМСКАЯ ФРАКЦИЯ СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ДЁМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Государственной публичной исторической
библиотеки России,
Москва, Россия;
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена региональному составу думской фракции Союза 17 октября. Отмечено, что почти все октябристы были избраны в Думу от земских губерний. Значительное большинство октябристских депутатов представляли центральные губернии и Левобережную Украину с Новороссией. Заметное число октябристов было избрано от Поволжья. После раскола 1913–1914 гг. во фракции земцев-октябристов преобладали украинские и новороссийские помещики, а большинство членов думской группы Союза 17 октября были избраны от Центра.

Ключевые слова: Государственная дума, фракция Союза 17 октября, фракция земцев-октябристов, думская группа Союза 17 октября, политическое представительство регионов России.

Предлагаемая работа посвящена представительству различных регионов в думской фракции октябристов. В имеющихся работах о Союзе 17 октября эта тема не рассматривалась¹. Статья написана на основе думских справочных и современных справочных изданий².

В I Государственную думу было избрано, по сведениям близкой к руководству Союза газеты «Слово», 28 октябристов³. Их них 4 в Думе вошли в состав

¹ Pinchuk B.-C. The Octobrists in the Third Duma. Seattle-London, 1974; Шелохаев В.В. Партия октябристов в период Первой российской революции. М., 1987; Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. М., 1991; Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Либерализм в России начала XX в. М., 2019 и др.

² Государственная дума. Созывы второй, третий и четвертый. Указатели к стенографическим отчетам. СПб. (Пг.), 1907–1916; Государственная дума России. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. Государственная дума Российской империи. М., Челябинск, 2013.

³ Члены Государственной Думы от союза 17 октября // Слово. 1906. 27 апреля. С. 6.

Трудовой группы, столько же вступило в Партию демократических реформ. Возглавившие перводумских октябристов гр. П.А. Гейден и М.А. Стахович к этому времени считали нужным «решительно похоронить» Союз 17 октября и стремились создать на основе его левого крыла Партию мирного обновления¹. Поэтому фракция октябристов в I Думе не была создана.

Из 28 упомянутых в «Слове» депутатов почти половина (12 или 43%) были избраны от центральных губерний, в т.ч. 7 от нечернозёмных (Рязанской, Московской и Тульской) и 5 от Орловской губ. 4 депутата (14%) были избраны от Пермской губ. Из них 3 перешли в Партию демократических реформ. Остальные представляли различные регионы Европейской России: Северо-Запад и Север (3), Донскую обл. (2), Среднее и Нижнее Поволжье (2), Левобережную (2) и Правобережную (1) Украину, Бессарабию (1). Из городов с отдельным представительством октябрист И.В. Способный был избран от Екатеринослава.

Личный состав фракции Союза 17 октября во II Государственной думе сложно отделить от таковой группы правых и умеренных. На основе имеющихся источников к октябристам можно с некоторой долей условности отнести 34 депутата². Из них 11 (32%) были избраны от Левобережной Украины и Новороссии и 9 (26%) от центральных губерний, в т.ч. 5 от нечернозёмных и 4 от черноземных. 6 депутатов (18%) были избраны от Белоруссии, 4 (12%) представляли Новгородскую губ. Кроме этого, 3 октябриста (9%) были избраны от Поволжья и 1 (3%) от Бессарабии. Обращает на себя внимание успех октябристов в городах: кандидаты союза были избраны в Казани, Самаре и Туле.

На Украине и Новороссии октябристы выиграли выборы в Полтавской губ., получив 8 депутатских мест из 14, а также провели 3 депутатов (из 9) в Херсонской губ. В Центре октябристы выиграли выборы, кроме Тулы, в Смоленской (4 депутатов из 6), Калужской губ. (3 из 5). Эти губернии до 1912 г. включительно останутся электоральной «вотчиной» Союза 17 октября. Также октябристы провели 1 депутата от Орловской губ. В Белоруссии октябристы были избраны от Минской (4 из 9) и Могилевской (2 из 7) губ. Поволжские октябристы представляли Казань с Самарой и Астраханское казачье войско (пославшее октябриста и в I Думу).

Как видно из таблицы 1, в значительном большинстве случаев октябристы выигрывали выборы в губерниях, в которых большинство выборщиков представляли курию землевладельцев. Исключением стали Смоленская (в которой землевладельцы имели относительное большинство) и Калужская губ. Показательно, что октябристы имели успех почти во всех губерниях с преобладанием представительства землевладельцев, кроме некоторых польских и Волынской. В то же время от поволжских губернских избирательных собраний, в которых по Положению 1906 г. преобладали выборщики от крестьян, октябристы не избирались.

Фракция Союза 17 октября и примыкающих III Государственной думы, как известно, отличалась весьма многочисленным, но нестабильным составом. Далее она рассматривается на конец V сессии (июнь 1912 г.). К этому времени фракция включала 120 членов.

¹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 245, 302–303.

² Дёмин В.А. Фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 2006. № 10. С. 40 (сноска 59). В указанный список ошибочно включен А.К. Демянович.

Таблица 1

**Состав избирательных собраний губерний, избравших во II Думу
значительное число октябристов**

Губерния	Всего	Число выборщиков			
		от землевладельцев	от волостей	от городов	от рабочих
Полтавская	182	109	23	49	1
Минская	137	74	41	20	2
Смоленская	91	40	31	19	1
Калужская	78	25	30	21	2
Новгородская	94	55	31	16	2

Таблица 2

**Представительство регионов во фракции Союза 17 октября
и примыкающих III Государственной думы**

Регион	Число депутатов	Процентная доля во фракции
Всего (к концу V сессии)	120	100
Центр	42 (23 от нечерноземных и 19 от черноземных губ.)	35 (19 от нечерноземных и 16 от черноземных губ.)
Левобережная Украина и Новороссия	36	30
Поволжье	21	17
Северо-Запад	8	7
Остзейские губ.	7	6
Витебская губ.	3	2
Костромская губ.	2	2
Область войска Донского	1	1
Терское казачье войско	1 (до 1908)	—

Как видно из таблицы 2, по сравнению со II Думой значительно всего выросло представительство центральных губерний: и абсолютно (в 4 с лишним раза), и относительно. Увеличившееся более чем в 3 раза (до 36 депутатов) представительство Левобережной Украины и Новороссии в процентном отношении осталось на том же уровне (30%). В то же время число депутатов от Белоруссии во фракции значительно уменьшилось и абсолютно, и относительно.

В Центре наибольшее число октябристов было избрано от Воронежской губернии (6 из 12), Калужской (5 из 5), Смоленской (5 из 6), Тверской (5 из 8),

Рязанской (5 из 8), Тамбовской (5 из 12), Орловской (4 из 9). В большинстве этих губерний землевладельцы избирали большую часть выборщиков. Исключениями были Калужская и Рязанская губ. (землевладельцев представляли соответственно 35 выборщиков из 77 и 54 из 108). Также октябристы успешно выступили в Ярославской (3, затем 2 депутата из 5) и Московской (3 из 6) губерниях, в избирательных собраниях которых не было землевладельческого большинства.

От Украины и Новороссии было избрано 36 октябристов. Все они представляли левобережные и южные губернии. Октябристы занимали в разное время 9 или 10 депутатских мест из 10 от Черниговской губернии, 7 из 10 от Екатеринославской губ., 6 из 11 от Харьковской, 6 из 12 от Полтавской, 4 из 6 от Таврической и в разное время 2–3 из 10 от Херсонской губ. Во всех названных регионах в избирательных собраниях было большинство выборщиков от землевладельцев.

Благодаря новому избирательному закону октябристы получили довольно заметное представительство в Поволжье. Его к концу работы III Думы представлял 21 октябрист. В этом регионе они выиграли выборы в двух губерниях: Самарской (в разное время 7 или 8 депутатов из 13) и Астраханской (3 из 4). Также заметным было октябристское представительство в Казанской губ. (4 из 10), Пензенской (3 из 6) и Нижегородской (3 из 7). В избирательных собраниях этих губерний землевладельческое большинство было лишь в Самарской и Пензенской. При этом от Симбирской и Саратовской губ. с прочным землевладельческим большинством было избрано лишь по 1 октябристу соответственно из 6 и 11.

8 октябристов представляли Северо-Запад: 3 — С.-Петербург, 3 (из 6) Новгородскую губернию, 2 (из 4) — С.-Петербургскую, в которой не было землевладельческого большинства. Из вошедших во фракцию 7 немецких баронов из остзейских губерний 6 входили в Балтийскую конституционно-монархическую партию и к октябристам примкнули лишь в Думе. Из остальных регионов заметное представительство октябристы получили в Витебской (3 из 6) и Костромской (2 из 6) губерниях. В избирательном собрании последней у землевладельцев не было большинства.

От городов с отдельным представительством октябристы первоначально провели 5 депутатов (из 5) от С.-Петербурга и Москвы. От Риги был избран член Балтийской конституционно-монархической партии, примкнувший в Думе к фракции Союза 17 октября. Однако после смерти в 1908 г. Ф.Н. Плевако частичные выборы от первой курии Москвы были выиграны кадетами, и октябристских депутатов от крупнейших городов осталось 5, в т.ч. 3 от С.-Петербурга. При этом на частичных выборах в столице в 1911 г. (взамен умершего С.П. Беляева 2-го) октябристам удалось провести своего кандидата.

Как известно, в IV Государственной думе фракция Союза 17 октября существовала около года. К концу I сессии она включала 99 депутатов. Из них центральные губернии представляли 37 депутатов (19 — чернозёмные и 18 — нечерноземные), Левобережную Украину и Новороссию — 29 (до марта 1913 г. 30) членов Думы, Поволжье — 16, Северо-Запад — 7, Остзейские губернии — 5 (до весны 1913 г. 6) октябристов. 2 члена фракции были избраны от Оренбургской губ., по одному от Вятской и Могилёвской и православного населения Холмской губ.

Как видно из этих сведений, несмотря на уменьшение численности октябристов по сравнению с III Думой, изменений в соотношении региональных

представительств практически не было, за исключением небольшого увеличения представительства Черноземного центра за счет Нечерноземного.

В центральных губерниях октябристы одержали почти полную победу в Воронежской (10 мест из 12) и Смоленской (5 из 6) губерниях. Также больше половины мест октябристы заняли в Тверской (5 из 8) и Калужской (3 из 5). В избирательных собраниях двух первых существовало землевладельческое большинство. Также 2–3 октябриста были избраны от Рязанской, Калужской, Орловской, Тамбовской, Ярославской, Владимирской губерний, 1 октябрист представлял Тульскую губернию.

В Левобережной Украине и Новороссии союз выиграл выборы в Полтавской (8 депутатов из 12), Екатеринославской и Херсонской (6 из 10 в обеих) губерниях, получив также значительное представительство в Харьковской (5 из 11) и Черниговской (4 из 10). 1 октябрист был избран от Таврической губ.

Сократилось представительство октябристов в Поволжье. Им удалось провести 17 депутатов. Союз выиграл выборы в Казанской и Пензенской губерниях, получив соответственно 7 из 10 и 4 из 6 депутатских места. Землевладельческое большинство было только в пензенском избирательном собрании. Также октябристы были избраны от Самарской (3), Симбирской (1) и Саратовской (1) губерний.

7 октябристских депутатов были избраны от Северо-Запада. Они вновь выиграли выборы в Новгородской губернии, получив 5 из 6 депутатских мест. По одному октябристу было избрано от Олонецкой и С.-Петербургской губ. 5 членов фракции Союза 17 октября представляли остзейские губернии: 3, затем 2 Лифляндскую, 2 Эстляндскую и 1 Курляндскую губернии. Из них 4 депутата были членами Балтийской конституционно-монархической партии. По 1 октябристу были избраны от Оренбургской, Вятской, Могилевской и православного населения Холмской губ.

IV Дума оказалась единственной, в которой октябристы не получили ни одного места от городов с отдельным представительством. Первую курию С.-Петербурга, Москвы и Риги выиграли прогрессисты и кадеты.

Как известно, в конце 1913 г. фракция Союза 17 октября раскололась. В начале 1914 г. центристское большинство объединилось во фракцию земцев-октябристов, левое крыло создало думскую группу Союза 17 октября, а представители правого крыла остались беспартийными или вошли в другие фракции.

Представительство регионов во фракции земцев-октябристов указано в таблице 3.

Во фракции земцев-октябристов (63 депутата к концу 1916 г.) наиболее значительным оказалось представительство Левобережной Украины и Новороссии. Основная часть избранных от этих губерний октябристов оказалась в этом объединении, а почти все остальные стали беспартийными.

По сравнению с единой фракцией абсолютная численность представительства региона уменьшилась с 29 до 25¹ депутатов (в т.ч. 7 или 8 (в разное время) из 12 от Полтавской губернии, 5 от Екатеринославской, 5, затем 4 от Херсонской, 4 от Харьковской, 2 от Черниговской и 1 от Таврической губерний), а доля возросла до 41%. Этот регион представляли почти все видные земцы-октябристы: председатель Думы М.В. Родзянко, его старший товарищ (до декабря 1916 г.) С.Т. Варун-Секрет, председатель бюджетной комиссии М.М. Алексеенко, председатель комиссии законодательных предположений и бывший глава фракции Союза 17 октября Н.И. Антонов, «серый кардинал»

¹ Первоначально 26, но один из них в 1914 г. скончался.

Таблица 3

Представительство регионов в думской фракции земцев-октябристов на конец 1916 г.

Регион	Число депутатов	Процентная доля во фракции
Всего	61	100
Левобережная Украина и Новороссия	25	41
Центр	20 (14 от черноземных губ. и 6 от нечерноземных)	33 (23 от черноземных губ. и 10 от нечерноземных)
Поволжье	8	13
Новгородская губ.	4	6
Белоруссия и Литва	3	5
Православное население Холмской губ.	1	2
Остзейские губернии	5 (до 1915 г.)	—
Оренбургская губ.	1 (до декабря 1914 г.)	—

октябристов Н.В. Савич, Л.Г. Люц. Исключениями были только гр. Э. Беннигсен и секретарь Думы И.И. Дмитриуков. Таким образом, если фракция русских националистов была клубом депутатов Правобережной Украины, то фракция земцев-октябристов стала в значительной мере клубом помещиков Левобережной Украины и Новороссии.

Соответственно доля депутатов от центральных губерний уменьшилась. Их во фракцию земцев-октябристов первоначально вошло 23, но к концу 1916 г. осталось 20: 8, затем 9 из 12 от Воронежской губ., 3, затем 2 от Тверской, 1–2 от Калужской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Владимирской, Ярославской и Тамбовской губерний.

От Поволжья во фракцию земцев-октябристов вошли лишь 9 депутатов, после выхода из фракции А.Д. Протопопова их число уменьшилось до 8. Из них 4 или 5 (в разное время, из 10) представляли Казанскую, по одному Пензенскую, Саратовскую, Самарскую и Симбирскую (Протопопов) губ. До 1915 г. в состав фракции земцев-октябристов входили 5 депутатов от остзейских губерний, затем из-за нарастания борьбы с т.н. «немецким засильем» они перешли в число беспартийных. Также во фракцию входили 4 (из 6) представителей Новгородской губ., 2–3 депутата от Белоруссии и Литвы (1–2 от Могилёвской и 1 от русского населения Ковенской губ.), 1 от православного населения Холмской губ.

В малочисленной думской группе Союза 17 октября (19 депутатов к концу 1916 г.) преобладали представители Центра. К левым примкнуло около трети избранных от этого региона октябристов (12 членов Думы, из которых 2 в 1915–1916 гг. скончались), однако из-за малочисленности группы именно

они составили ее большинство (53%). 6 депутатов (32%) были избраны от черноземных и 4 (21%) — от черноземных губерний. Поволжье представляло 4 члена группы, или 21% (и 2 выбывших из палаты в 1916 г.). 3 левых октябриста (16%) были избраны от Северо-Запада. Также в группу входили по одному депутату от Лифляндской и Харьковской губ. (по 5%). Группа, судя по региональному составу, объединяла отдельных лиц и не имела опоры на местах: ни от одной губернии не было избрано больше двух левых октябристов.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Октябристы избирались в Государственную думу от всех регионов Европейской России, кроме Урала и Севера. Северный Кавказ, Польша и Правобережная Украина были представлены единичными депутатами. Основная часть октябристов была избрана от земских губерний.

Половина октябристов в I Думе, 3/5 во второй и 2/3 в третьей и четвертой были избраны от двух регионов: Центра и Левобережной Украины с Новороссией. В I, III и IV Думах относительное большинство имели представители центральных губерний, во второй — украинских. 16–17% октябристов во II Думе представляли Белоруссию, в последующих созывах — Поволжье. В большинстве случаев октябристы выигрывали выборы в губерниях с преобладанием выборщиков от землевладельцев, но из этого правила были исключения.

Представители различных регионов во фракции октябристов отличались политическими взглядами. Представители малочисленного либерального крыла фракции избирались от Поволжья и Центра, в то время как депутаты от Украины и Новороссии придерживались более консервативных взглядов. Поэтому образовавшиеся в начале 1914 г. в результате раскола две октябристские фракции существенно отличались по представляемым регионам.

Во фракции земцев-октябристов сложилось руководящее украинско-новороссийское ядро. В группе Союза 17 октября половина депутатов была избрана от центральных губерний, значительное число — от Поволжья и Северо-Запада.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА ОБ УЛУЧШЕНИИ ЗЕМСКИХ И ГОРОДСКИХ ФИНАНСОВ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

МОТОРОВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА,

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории и культурного наследия
Витебского государственного университета
имени П.М. Машерова,
Витебск, Беларусь;
e-mail: motorova@ro.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема разработки закона об улучшении земских и городских финансов. Отмечено, что главная инициатива его подготовки исходила от двух думских фракций — октябристов и кадетов. Практически одновременно работу в этом направлении развернуло и правительство. Предложения думских фракций и правительственный проект были рассмотрены в финансовой комиссии, при этом оказалось, что они имели много общих черт. В правительственном проекте содержались концептуальные идеи, сформулированные кадетской фракцией: земские и городские органы самоуправления освобождались от ряда расходов общегосударственного характера, им назначались дополнительные пособия из казны, действие нового закона планировалось распространить на учреждения, заведовавшие местным хозяйством в неземских губерниях. Итоговый законопроект был рассмотрен и утвержден на заседании Государственной думы 31 мая 1912 г., а его окончательная редакция была принята 4 июня 1912 г. Его утверждение императором Николаем II состоялось 5 декабря 1912 г. В целом разработка данного законопроекта и его обсуждение в финансовой комиссии и Государственной думе продемонстрировали, что несмотря на критику деятельности правительства по ряду ключевых моментов либеральные силы находились на солидарных с ним позициях.

Ключевые слова: Государственная дума, правительство, законопроект, кадеты, октябристы, органы местного самоуправления, бюджет, финансы.

В своей деятельности III Государственная дума уделяла значительное внимание проблемам функционирования системы местного самоуправления. Среди них особое значение имел вопрос улучшения земских и городских финансов, который напрямую касался организации деятельности органов местного самоуправления.

С инициативой его разработки выступили сначала октябристы, а затем депутаты от фракции народной свободы. 19 января 1911 г. в Государственную думу поступило законодательное предложение фракции «Союз 17 октября»¹. Его сущность сводилась к принятию на счет казны с 1 января 1912 г. ряда необязательных земских расходов (выплаты денег на разъезды должностным лицам, полицейским и судебным следователям, а также затрат на содержание арестованных) и назначению им пособий из казны для содержания душевнобольных и подкидышей².

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия четвертая. Ч. II. Заседания 39–73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). СПб., 1911. Стб. 78.

² Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911 гг. СПб., 1911. Т. III (№ 144–284). Доклад № 171. С. 3–4.

В законодательном предложении, поступившем от фракции октябристов, рассматривались способы улучшения финансового положения органов местного самоуправления. На первом месте находилось усовершенствование системы налогообложения и четкое разделение государственных и местных налогов. В этом направлении уже работало правительство, которое подготовило законопроект о реформе промыслового обложения. Однако введение новых налогов и оценка результатов этих преобразований требовали значительно времени. Второй способ добиться улучшения финансового положения органов местного самоуправления заключался в увеличении размеров налогообложения в пользу их бюджетов. С точки зрения авторов законопроекта, его использовать нежелательно, так как местные налоги достаточно высоки и распределены неравномерно. Сущность третьего способа заключалась в выделении казенных пособий на конкретные цели при обязательном финансовом участии органов местного самоуправления. Частично он уже начал реализовываться благодаря закону от 12 июня 1900 г., согласно которому земства были освобождены от расходов на содержание мировых учреждений и земских начальников¹. В целом законодательное предложение фракции октябристов было направлено на дальнейшее расширение взаимодействия казны и земств по обеспечению местных потребностей. Однако в нем не уделялось внимание органам городского самоуправления.

Также 19 января 1911 г., только на вечернем заседании, в Государственную думу было внесено законодательное предложение 35 депутатов-кадетов об улучшении финансов органов местного самоуправления². Оно содержало резкую критику правительственной налоговой и бюджетной политики, а его авторы считали, что нельзя улучшить финансовое положение органов местного самоуправления исключительно путем увеличения их бюджетов за счет пособий из казны. В данном случае требовался комплексный подход, который включил бы в себя преобразование системы налогообложения, бюджетных прав органов местного самоуправления, а также изменение расходной части их бюджетов³. В отличие от октябристского проекта предложения фракции кадетов были более обширными и касались в равной степени земств и городов. Во-первых, предлагалось отменить ограничения по размерам земского обложения, обязательное участие органов местного самоуправления в содержании общегосударственных учреждений, исключение из сферы местного налогообложения церковных и монастырских имуществ, казенных зданий и имуществ, частных и казенных железных дорог. Во-вторых, рекомендовалось расширить права земств и городов в сфере налогообложения, передав им государственный поземельный налог, налог на городскую недвижимость и основной промысловый налог. В-третьих, предлагалось установить ежегодные отчисления из казны в пользу органов местного самоуправления на развитие дорожного дела, народного образования, здравоохранения и общественного призрения, осуществление агрономических и экономических мероприятий. Все перечисленные преобразования планировалось применить не только при формировании земских и городских бюджетов, но и при составлении смет земских повинностей в неземских губерниях⁴. Проект, подготовленный

¹ Там же. С. 1–2.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия четвертая. Ч. II. Стб. 189.

³ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911 г. Т. III. Доклад № 201. С. 10, 12.

⁴ Там же. С. 23.

фракцией кадетов, был более радикальным, включал в себя широкий перечень мер, направленных на улучшение финансового положения органов местного самоуправления. Его существенное отличие от октябристского проекта заключалось в том, что разработанные меры предлагалось распространить не только на земства, но также и на города и учреждения, ведавшие земским хозяйством в неземских губерниях.

Оба предложения были переданы в финансовую комиссию. Ее заключение было изложено в итоговом докладе председателя Г.Г. Лерхе (октябрист¹). Он отметил, что Государственная дума отчасти по собственной инициативе, отчасти по инициативе правительства уже рассмотрела ряд вопросов, касавшихся финансового положения органов местного самоуправления (например, сокращение перечня исключений из обложения оценочным сбором недвижимых имуществ в городах; предоставление городам права введения сбора за канализацию и т.д.). Она также выступила за внесение изменений в Устав о земских повинностях для облегчения постоянной повинности², возложенной на земства и города, но разработку данного вопроса взяло на себя правительство. Все это свидетельствовало о соответствии поступивших предложений общему направлению деятельности Государственной думы. Их сущность сводилась к отмене отдельных постановлений, ограничивавших права органов местного самоуправления в сфере налогообложения, и предоставлению ежегодных казенных пособий в их пользу. Эти средства должны были направляться на развитие социальной и экономической инфраструктуры (развитие дорожного строительства, общественного призрения, здравоохранения, агрономической помощи). На взгляд Г.Г. Лерхе, необходимость подобных мер была бесспорной. Он поддержал предложение возложить на казну расходы органов местного самоуправления по содержанию общегосударственных учреждений. Однако последовательность реализации мероприятий по улучшению местных финансов и их характер требовали детального обсуждения. В заключение Г.Г. Лерхе отметил, что финансовая комиссия по существу поддержала обе законодательные инициативы (и октябристов, и кадетов) и предложила приступить к разработке законопроекта об улучшении земских и городских финансов вне зависимости от того, начнет ли правительство работу в том же направлении³.

Этот доклад был заслушан Государственной думой на заседании 13 мая 1911 г. Она поручила финансовой комиссии немедленно приступить к подготовке законопроекта⁴. На том же заседании товарищ министра финансов Н.Н. Покровский сообщил о намерении правительства начать разработку вопроса об улучшении земских и городских финансов⁵. Это свидетельствовало

¹ Лерхе Герман Германович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 326.

² Постоянная (или квартирная) повинность — обязанность местного населения обеспечивать помещениями войска в местах их постоянного расположения или временной остановки // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXIVa. СПб., 1898. С. 710; Там же. Т. XIVa. СПб., 1895. С. 851.

³ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911 гг. СПб., 1911. Т. V (№ 440–620). Доклад № 493. С. 1–2.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1911 г. Сессия четвертая. Часть III. Заседания 74–113 (с 7 марта по 13 мая 1911 г.). СПб., 1911. Стб. 4354, 4356.

⁵ Там же. Стб. 4355.

об определенной солидарности и единстве намерений Государственной думы, либеральной общественности и правительственных учреждений.

Финансовая комиссия при разработке законопроекта решила разделить все входившие в него вопросы. Первую группу составили наименее спорные вопросы, разрешение которых можно было обеспечить в короткие сроки. Она включала освобождение органов местного самоуправления от ряда общегосударственных расходов, выделение пособий на содержание душевнобольных и т.п. Вторую группу составили более сложные вопросы, тесно связанные с реформированием системы налогообложения. От их разработки финансовая комиссия воздержалась, так как срок полномочий III Государственной думы истекал и не было возможности подготовить развернутый пакет предложений¹.

Основное внимание было уделено обсуждению финансового положения земств и земских касс неземских губерний. По мнению финансовой комиссии, их следовало освободить от исполнения подводной повинности², расходов на содержание помещений для арестантов и сопровождавшей их стражи, а также перемещение арестованных лиц, выплаты компенсации казначейству за хранение земских средств. В неземских западных губерниях предлагалось исключить из смет земских повинностей расходы на содержание духовенства. В отношении городов Финансовая комиссия рекомендовала освободить их от квартирной повинности и затрат на содержание полиции либо сократить их, частично возложив на счет казны. Она исходила из того, что указанные расходы имели общегосударственное значение. Этой точки зрения финансовая комиссия придерживалась и в отношении финансирования призрения и лечения душевнобольных. В данном случае она оказалась на позиции, солидарной правительственной, и особо подчеркивала, что в этих расходах должны участвовать не только казна, но и земства и земские кассы неземских губерний. В заключительной части доклада финансовой комиссии отмечалось, что приступить к реализации перечисленных мер можно было уже с 1 января 1913 г. Итоговый законопроект получил название «О мерах восполнения из средств государственного казначейства земским и городским кассам» и был рекомендован к рассмотрению Государственной думой³. В декабре 1911 г. он был роздан депутатам для ознакомления⁴.

Практически одновременно в том же направлении работало и Министерство финансов. Оно подготовило законопроект об улучшении земских и городских финансов. После согласования с Министерством внутренних дел он был внесен в Государственную думу представлением от 2 марта 1912 г., которая передала его в финансовую комиссию 6 марта 1912 г.⁵. Это вынудило ее

¹ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912 г. Т. 1 (№ 1–210). СПб., 1911. Доклад № 200. С. 1–2.

² Подводная повинность — земская повинность, которая заключалась в предоставлении подвод для земских, полицейских и судебно-следственных разъездов. В конце XIX — начале XX в. отбывалась либо в натуральной, либо в денежной форме // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XXIV. СПб., 1898. С. 54; Там же. Т. XXа. СПб., 1897. С. 690.

³ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. Т. 1. Доклад № 200. С. 6–8.

⁴ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911–1912 гг. Т. V (№ 671–861). СПб., 1912. Доклад № 720. С. 1.

⁵ Там же. С. 1–2; Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть III. Заседания 84–119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 106.

вернуться к повторному рассмотрению вопроса об улучшении земских и городских финансов. При его обсуждении выяснилось, что правительственный проект и проект, подготовленный ранее финансовой комиссией, имели много общих черт. В обоих случаях планировалось освободить органы местного самоуправления от ряда обязательных расходов и передать в их распоряжение часть поступлений от государственных налогов. Однако финансовая комиссия решила ограничиться рассмотрением мер по освобождению земств и городов от общегосударственных расходов и предоставлению им пособий из казны для обеспечения общегосударственных потребностей. К их реализации можно было бы приступить частично с 1 января 1913 г., частично — с 1 января 1914 г. Вопросы изменения налогообложения требовали более длительной разработки¹.

В отличие от парламентского законопроекта Министерство финансов несколько расширило перечень расходов, от которых планировалось освободить органы местного самоуправления. Оно, как и финансовая комиссия, выступило за освобождение земств от затрат на осуществление подводной, арестантской и этапной повинностей. Кроме того, предлагалось принять на казенный счет затраты по предоставлению помещений для сборных пунктов нижних чинов запасов и ратников государственного ополчения, ряда душевнобольных (преступников, подлежащих помещению в дома для душевнобольных по приговору суда, душевнобольных чиновников, бродяг и пр.), обеспечение суточного содержания чиновников, командированных по делам земства внутри губернии. В неземских губерниях на казну предлагалось возложить расходы по квартирному довольствию чинов полиции, судебных следователей и мировых судей, также ряд мелких расходов (например, по содержанию местного духовенства в западных губерниях, архиерейских домов и монастырей в Сибири) и т.п.².

В принципе финансовая комиссия поддержала этот законопроект. Однако она считала (в отличие от правительства), что его действие необходимо распространить на Область войска Донского и Царство Польское, то есть на всю Российскую империю, за исключением Закаспийской области. Последнее было обусловлено административными и экономическими особенностями региона³.

Кроме того, в правительственном проекте уделялось внимание финансовому положению городов. Их предлагалось освободить от затрат на размещение войск, содержание полицейских управлений (правда, только в губерниях Европейской России), а также ряда мелких частных расходов⁴. В данном случае финансовое ведомство и финансовая комиссия придерживались схожих взглядов.

На этом основании был подготовлен итоговый законопроект об улучшении земских и городских финансов⁵. Он был представлен на рассмотрение Государственной думы 31 мая 1912 г.⁶. В ходе его обсуждения развернулись дебаты,

¹ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. Т. V. Доклад № 720. С. 2.

² Там же. С. 2–7.

³ Там же. С. 8–9.

⁴ Там же. С. 10–12.

⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия пятая. Т. V. Доклад № 720. С. 12–16.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 2835.

в рамках которых была затронута проблема положения органов местного самоуправления в целом и необходимости их реформирования. Среди наиболее последовательных критиков законопроекта можно отметить А.И. Шингарева (кадет¹). В своем выступлении он подчеркнул, что Государственная дума так и не смогла приступить к реформированию ни Земского, ни Городового положений, а ведь страна «без правильной организации самоуправления жить не может, чиновниками управляться не может»². А.И. Шингарев также указал, что не были приняты меры и для улучшения материального положения земств и городов, при этом расходы на армию в государстве были огромными³. Он раскритиковал проект, предложенный октябристами, справедливо отметив, что он сосредоточен исключительно на проблемах земств, при этом интересы неземской России в нем игнорировались. В то же время предложения кадетов отличались планомерностью⁴.

Что касается правительственного проекта, то он появился поздно (2 марта 1912 г.), а депутаты получили его 7–8 марта 1912 г. В связи с пасхальными каникулами и последовавшим за ними обсуждением проекта бюджета Государственная дума не имела возможности детально рассмотреть законопроект по улучшению земских и городских финансов. В целом он представлял нечто среднее между проектом, представленным октябристами, и проектом кадетов — «ничтожная попытка со стороны государства прийти на помощь местным органам самоуправления»⁵. В числе его основных недостатков А.И. Шингарев выделил следующие: основное внимание было уделено земствам, а финансовые потребности городов не получили должного внимания; пособия со стороны казны минимальны; земства были освобождены лишь от некоторых обязательных расходов; не были расширены права органов местного самоуправления распоряжаться поступлением от ряда налогов⁶. По мнению А.И. Шингарева, финансовая комиссия только ухудшила правительственный проект. Завершая свое выступление, он патетически заявил, что представленный проект — это «крушение пышных надежд и похороны больших требований»⁷.

В ответ барон Н.Г. Черкасов (группа правых октябристов⁸) заметил, что Российская империя не имела возможности тратить сотни миллионов рублей из средств казны на развитие общественного хозяйства земств и городов, а для обеспечения расходов по сметам нередко приходилось обращаться к займам⁹. Депутат от русского населения Закавказья Ф.Ф. Тимошкин (фракция правых¹⁰) заявил, что финансовая деятельность городов и их хозяйство ведутся плохо не потому, что бюджеты плохие, а потому что их не контролируют

¹ Николаев А.Б. Шингарев Андрей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 702.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2888–2889.

³ Там же. Стб. 2889, 2891.

⁴ Там же. Стб. 2896.

⁵ Там же. Стб. 2898.

⁶ Там же. Стб. 2899.

⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2901–2902.

⁸ Черкасов Николай Гаврилович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 674.

⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2906.

¹⁰ Ромов Р.Б. Тимошкин Федор Федорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 612.

должным образом. Соответственно, нужно сначала исправить порядок управления и усилить контроль за ним¹. Граф А.А. Уваров (прогрессист²) высказал мнение, что при разработке данного законопроекта Министерство финансов предложило более глубокие изменения земских и городских финансов, чем это сделала финансовая комиссия³.

При постатейном обсуждении закона с разъяснениями выступил товарищ министра финансов Н.Н. Покровский. Он заметил, что в критике А.И. Шингарева заметно сгущены краски. В общей сложности благодаря мерам, предложенным правительством, земские бюджеты получают более 50 млн руб., городские — свыше 13 млн руб. При этом правительство главный акцент сместило с субсидирования органов местного самоуправления на увеличение доходности их бюджетов⁴.

В ходе дискуссии была также затронута проблема призрения душевнобольных и его финансового обеспечения, а также содержания полиции. Так, А.И. Шингарев отметил, что ни в одном государстве органы местного самоуправления не в силах обеспечить должную помощь душевнобольным⁵. Его поддержал депутат от Казанской губернии В.А. Карякин (октябрист⁶). Он заявил, что порядка 90% таких пациентов — это алкоголики, а их фактически поставляло Министерство финансов, поощряя торговлю крепкими алкогольными напитками. Поэтому вполне справедливо, чтобы за счет этих доходов, поступающих в казну, содержались душевнобольные⁷.

Вопрос о содержании полиции был поднят во время обсуждения состояния городских бюджетов. По мнению председателя финансовой комиссии Г.Г. Лерхе, депутатов С.А. Петровского (кадет⁸) и А.М. Масленникова (прогрессист⁹), в предложенном законопроекте города практически ничего не получали¹⁰. В этой связи С.А. Петровский предложил внести поправку об освобождении всех городов Российской империи от половины расходов на содержание полиции¹¹. В ответ Г.Г. Лерхе заявил, что он поддерживает это предложение по существу, однако будет голосовать против его внесения, так как это может помешать успешному утверждению закона¹². Тем не менее, по итогам голосования была принята поправка С.А. Петровского о сокращении расходов городов на содержание полиции в двукратном размере¹³.

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2915.

² Карнишин В.Ю. Уваров Алексей Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 634.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2922–2923.

⁴ Там же. Стб. 2926.

⁵ Там же. Стб. 2930.

⁶ Усманова Д.М. Карякин Василий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 243.

⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2932.

⁸ Рылов В.Ю. Петровский Сергей Антонович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 459.

⁹ Николаев А.Б. Масленников Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 361.

¹⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. Стб. 2935, 2943–2944.

¹¹ Там же. Стб. 2937–2938.

¹² Там же. Стб. 2945.

¹³ Там же. Стб. 2945–2946.

Несмотря на ряд недостатков, законопроект был одобрен большинством голосов в спешном порядке и без существенных изменений¹, так как срок полномочий III Государственной думы истекал, а депутаты исходили из того, что лучше сделать хотя бы минимальные шаги, направленные на улучшение финансового положения органов местного самоуправления, чем не сделать ничего. Окончательный текст законопроекта был представлен редакционной комиссией 4 июня 1912 г. и тогда же был утвержден². Государственный совет рассмотрел его на заседании 30 ноября 1912 г., внося небольшие уточнения и дополнения³. 5 декабря 1912 г. последовало его утверждение императором Николаем II⁴.

Таким образом, вопрос об улучшении земских и городских финансов являлся одним из элементов обширной проблемы реформирования местного самоуправления и системы налогообложения. Ее разрешение требовало длительной разработки, однако в связи с истечением срока полномочий III Государственной думы приступить к ней не представлялось возможным.

О назревшей необходимости реформирования финансовой стороны деятельности органов местного самоуправления свидетельствовал тот факт, что практически одновременно с соответствующими предложениями выступили фракции октябристов и кадетов, а также правительство. Фактически их деятельность разворачивалась в общем направлении, однако правительственный проект, несмотря на всю поступившую критику, был более последовательным и в большей степени учитывал реальные условия и возможности государства. Хотя пакет предложенных мер был минимальным, зато к его реализации можно было приступить незамедлительно. Это создавало условия для улучшения финансового положения органов местного самоуправления и расширяло их возможности по обеспечению различных социальных и экономических потребностей населения на региональном уровне.

¹ Там же. Стб. 2946–2948.

² Там же. Стб. 3422.

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 годы. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. — 4 июля 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 55–112.

⁴ ПСЗ-3. Т. XXXII. 1912. Отд. I (№ 36391–38603 и дополнения). С. 1631–1634.

ВКЛАД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НАЧАЛА XX ВЕКА В РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

ОРЧАКОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА,

доктор исторических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: luchlg@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется правотворческая деятельность Государственной думы по вопросам развития профессионального образования. Акцент делается на вклад Думы в политехническое образование, так как российская промышленность нуждалась в высококлассных инженерных кадрах. Получили освещение вопросы, которые были положены в основу правового регулирования профессиональной подготовки.

Ключевые слова: Государственная дума, деятельность депутатов, профессиональное образование, реформы образования, инженерное образование, политехническое образование.

Становление профессионального образование происходит во времена Петра I. Светские учебные заведения готовят по широкому спектру профессий: прежде всего, связанный с военной сферой — артиллеристов, флотводцев, математиков и навигаторов, специалистов в области фортификации, а также геодезистов, архитекторов, топографов, учителей, медиков, горнозаводчиков и других. Этот процесс продолжается и в XIX веке, приобретая системный и многоуровневый характер. Данная проблематика всегда была в фокусе интересов ученых: историков, педагогов, юристов. Уже на современном этапе заметно оживление в изучении данной темы. Среди крупных работ последнего десятилетия стоит назвать труды Я.И. Кузьмина¹ и М.М. Юдкевича¹, А.В. Блинова, А.Н. Ермолаева и В.А. Овчинникова², О.А. Осокиной³ и др. Но в них вопрос, вынесенный в название статьи, лишь упоминается или не освещается вовсе. Те же немногочисленные исследования, которые обращают свой взор на законотворчество Думы в образовании, концентрируют внимание на деятельности III Думы в области всеобщего начального образования. Анализ документов Государственных дум всех четырех созывов дает основание говорить о том, что спектр вопросов, которые рассматривались в Комиссии по образованию, затрагивали не только общее начальное образование, положение учительства, церковно-приходское, национальное, женское образование, управление и финансирование образовательных учреждений, но и вопросы политехнического и профессионального образования, что стало целью данной публикации.

¹ Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М., 2021.

² Блинов А.В., Ермолаев А.Н., Овчинников В.А. История горного начального и среднего профессионального образования в Кузбассе (XVIII — начало XXI вв.). Кемерово, 2015.

³ Осокина О.А. Становление и развитие государственно-общественной системы высшего образования в России: традиции и современность: Автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 2005.

Вторая половина XIX века для Российской империи связана с завершением промышленного переворота, ростом фабрично-заводского производства, которое усложнялось технически и технологически. Возникает потребность в соответствующих кадрах: мастерах, техниках, инженерах. Сеть профессиональных учебных заведений подобного рода растет, но их увеличение продолжает значительно отставать от развития промышленности, строительства, транспорта и т.п.¹. Особую остроту этот вопрос приобретает в начале XX века.

Поэтому совершенно закономерным видится законодательство депутатов Государственной думы в отношении политехнического и профессионального образования. Среди регулярно обсуждаемых на пленарных заседаниях вопросов просвещения и образования заметное место занимают законодательные инициативы по регулированию профессионального образования: начального, среднего и высшего. Стенографические отчеты и обзоры деятельности Государственных дум всех созывов содержат обширнейший материал по узакониванию и материальному стимулированию широчайшего спектра профессионального образования: учительского, медицинского (как отдельная подготовка — зуболечебное), ветеринарного, биологического, химического, картографического (межевого), горного, строительного, инженерного и других профессий². Материал этот настолько широк, что по сути каждая из этих профессиональных сфер может стать предметом отдельной публикации. Из всех профессий особое внимание на протяжении всего существования Дум депутаты уделяли подготовке педагогов, но оставим это за рамками данной публикации, так как свое видение этого вопроса автор изложил в иных статьях³. Здесь же остановимся лишь на некоторых принципиальных моментах профессионального образования для фабрично-заводской индустрии.

Изучение материалов IV Думы дает полное основание говорить, что именно этот созыв не только продолжил создавать правовую основу реформирования образования в России, но и сконцентрировался на вопросах высшего профессионального образования: открытие и управление институтов, укрепление опытно-испытательной базы профессиональной подготовки, расширение сети реальных училищ и политехнического обучения на начальном этапе. Сами же принципы такого образования были сформулированы депутатами более ранних созывов.

Уже на первой сессии III Думы комиссия по образованию «сочла нужным обратить внимание Министерства народного просвещения на необходимость составления подробного плана дальнейшего расширения профессиональных учебных заведений, по согласованию с другими ведомствами ... с целью равномерного удовлетворения потребности в профессиональном образовании

¹ См.: Днепров Э.Д. Новейшая политическая история российского образования. В 2-х т. М., 2011. Т. 2. Становление и развитие системы российского образования. Историко-статистический анализ. С. 100–101, 417–501.

² Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913; Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 2. СПб., 1915; Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 4. СПб., 1915 и др.

³ См.: Орчакова Л.Г. Вопросы женского образования в деятельности III Государственной думы (1907–1912 гг.) // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 165–169; *ее же*. Депутаты Государственной думы о месте и роли «учительства» и образования в российском государстве (нач. XX в.) // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2021. Ч. 1. С. 127–132.

населения всех частей империи и всестороннего выяснения того, какой именно тип учебного заведения наиболее соответствует условиям и особенностям отдельных местностей»¹. Таким образом, профессиональное образование представлялось как многоступенчатое: от начального до высшего. Обращается внимание на необходимость повышения расходов на постройку зданий для училищ и их оборудование, и делать это следует не разовыми запросами, а единой сметой². Особо выделяется необходимость внесения законопроектов по техническим училищам, где комиссия «выявила несоответствие штатов означенных училищ с теми требованиями, которые должны быть предъявляемы к директорам и преподавателям училищ подобного типа»³, к которым стоит относить серьезную теоретическую и практическую подготовку и приглашать для преподавания талантливых и опытных техников с предприятий. Только во время первой сессии Третьей Думой рассмотрен и принят 31 закон, «касающийся открытия и расширения промышленных учебных заведений» (из 55 представленных комиссией). Подавляющее количество законов из них касалось выделения средств «на устройство и содержание» и преобразование ремесленных образовательных структур в более значительные (классов в школы, школы в училища).

Четвертая Дума относится к вопросу по-иному, как требующего безотлагательного решения, поэтому перед Министерством народного просвещения ставится задача выработки плана среднего и высшего профессионального образования и «насаждение профессионального образования в Империи применительно к новым требованиям жизни»⁴.

К подготовке любого законопроекта в этой сфере депутаты подходят обстоятельно. Для предварительной разработки каждого закона создается отдельная комиссия, а более сложные законы пишутся «избранными для сей цели совещаниями»⁵, проводятся экспертные оценки уже действующих образовательных учреждений (Московского инженерного училища, Ветеринарного института).

Обращает на себя внимание, что законы не просто формализуют систему профессиональной подготовки, касаются не только общих юридических норм, а закрепляют концептуальные положения. Депутаты конкретизируют, что при подготовке инженерных кадров следует больше времени отдавать практике. Для этого сократить учебное время, переработать руководства по изучению устаревших и «излишних деталей машин и приборов», оставив лишь главное, имеющее «основное значение для изучаемого предмета»⁶, а также заменить дипломные проекты двухлетней практической деятельностью. Следует и по-другому формировать штаты и трудовую деятельность преподавателей со значительным повышением окладов. Обязательной составляющей преподавателей должна быть и научная деятельность⁷. Не единожды депутаты принимают законы об открытии и улучшении управления институтов, укреплении опытно-испытательной базы профессиональной подготовки, расширяют штаты институтов, улучшают материальное положение ремесленных образовательных учреждений, увеличивают количество реальных училищ и учреждений, дающих

¹ Обзор деятельности комиссий и отделов: 3 созыв. Сессия 1. СПб., 1908. С. 230.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 227.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Там же.

политехническое обучение на начальном этапе. Безусловно, это отвечало тем модернизационным процессам, которые происходили в стране.

Вместе с тем комиссией рассматриваются, а думацами принимаются очень частные законы. Например, 12 мая 1908 года Думой обсуждается вопрос о возможности предоставить «праворемесленному» классу Стародубского одно-классного училища права выдавать свидетельства на звания мастеров и подмастерьев. В праве таком было отказано на основании того, что «означенный класс не имеет Высочайше утвержденного особого устава и, по устройству своему, не подходит ни к одному из общих типов ремесленных учебных заведений, коим предполагается предоставить право выдачи означенных свидетельств»¹. Это, с одной стороны, свидетельствует о глубокой погруженности в проблемы образования, знание регулируемой сферы, с другой — в этом видится чрезмерная регламентация и опека, бюрократизация деятельности учреждений.

Еще на исключительный момент хотелось бы акцентировать внимание. Развитие политехнического образования не связывали исключительно с мужским образованием. Заботами графа В.А. Бобринского² в июне 1913 года (Доклад (№ 579) представлен 24 июня 1913 г.; докладчик граф В.А. Бобринский) «Общее собрание» Четвертой Думы выносит решение об открытии в городе Царицыне женского ремесленного училища «с отпуском от казны на единовременные нужды 1000 р. и на его содержание по 7000 р. ежегодно»³ с общим пожеланием «к скорейшему установлению пятилетних прибавок служащим в женских профессиональных учебных заведениях», а также об открытии в городе Уфе подобного ремесленного училища с чуть менее скромным содержанием — «на единовременные нужды 3000 р. и на его содержание по 6870 р. ежегодно»⁴.

«Общее собрание» Думы четвертого созыва своим решением открывает медицинский факультет Петербургского университета, ряд политехнических институтов, сельскохозяйственные, коммерческие институты и др. Императорское Московское инженерное училище преобразовано в Институт путей сообщения. Укрепляя высшее образование, было открыто не менее 20 учебно-вспомогательных отделений и институтов, которые кроме образовательной деятельности становились площадками перспективных научных разработок. Основанием для этого, как считали думцы, было положение дел в науке, которая «за последнее время, особенно в области технических знаний, делает такие быстрые шаги вперед», что требует открытие новых специальностей и серьезное усовершенствование старых⁵. Одним из основных принципов подготовки специалистов по техническим специальностям должно стать «наиболее полное сообщение студентам основ их будущей специальности, которое позволило бы им быстро освоиться с технической стороной их деятельности на практике»⁶. В итоге Государственная дума утверждает, как общее, «Положение о технических учебных

¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. С. 533; Обзор деятельности комиссий и отделов: 3 созыв. Сессия 1. С. 230.

² Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Бобринский Владимир Алексеевич// Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 58–59.

³ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 226.

⁴ Там же.

⁵ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 2. СПб., 1915. С. 253

⁶ Там же. С. 224–225, 238.

заведениях и об установлениях для распространения технических знаний ведомства Министерства торговли и промышленности и расписания должностей в технических учебных заведениях».

Отличительной особенностью Думы четвертого созыва стало и то, что вопросами специального образования занимались профильные комиссии. Так, вопросы о выделении ассигнований и финансовой помощи поступали, прежде всего, в бюджетную комиссию. А нормы военного образования определяются комиссией по военным и морским делам. Регламентацией агрономического образования занимается сельскохозяйственная комиссия, стараниями которой открываются новые сельскохозяйственные учебные заведения, землемерные училища, агроном становится профессией. Совершенно исключительным видится рассмотрение законопроекта об институализации в России «ученых-рыбоведов»¹ и открытии для этого при Московском сельскохозяйственном институте специального отделения (доклад № 447, представлен 18 июня 1913 года, докладчик М.М. Новиков)². На первый взгляд это выглядит нелогично, так как Москва находится отдаленно от главных акваторий, где имелись значительные рыбные «богатства». Да, действительно, вокруг этого момента разгораются дискуссии. Выбирают между созданием самостоятельного института или особого отделения при одном из существующих высших учебных заведений. Но принимая во внимание новизну этого, соглашаются с предложением Главного управления землеустройства и земледелия открыть специальное отделение. И опять дилемма. Нужен институт, который может обеспечить открываемое отделение «научными силами и учебными приспособлениями». Прежде всего рассматривают Лесной институт в Петербурге, так как близко Балтийское море. Но нахождение его «в приморской местности не имеет значения для зимних месяцев, так как в это время студенты отделения должны проходить весьма обширный теоретический курс, вследствие чего они, все равно, не будут иметь возможности практической деятельности». А Москва, находясь в центре, дает возможность студентам «с меньшей затратой средств и времени ... [командироваться] на любые из наших рыбных промыслов»³. Кроме того, в пользу Москвы говорил опыт разведения карпов. Карповое хозяйство давало возможность наглядного изучения студентами рыбоведения.

Без сомнения, мы видим вклад депутатов в создание собственного слоя квалифицированных специалистов в разных областях экономики, интеллектуального капитала развития России как передовой страны мира.

Видится вполне объяснимым, почему в поле зрения Комиссии по образованию постоянно находились вопросы политехнического и профессионального образования. Большинство депутатов этого комитета были октябристами, представляли промышленников и хорошо понимали необходимость не просто образования, а политехнического обучения.

В заключение необходимо отметить, что деятельность Думы по правовой регламентации профессионального образования отличали системность, основательность, понимание потребностей российской экономики в профессионалах, несмотря на имеющиеся внутривнутриполитические и внешнеполитические вызовы: нарастание революционных процессов, тяготы участия России в Первой мировой войне.

¹ Обзор деятельности комиссий и отделов. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия 1. СПб., 1913. С. 232.

² Там же. С. 231–234.

³ Там же.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И СИСТЕМА ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

РАСКИН ДАВИД ИОСИФОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: d.raskin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена роли Государственной думы в развитии пенсионного законодательства в Российской империи. Рассмотрение в Думе законопроектов о пенсионном обеспечении стало продолжением единого процесса пенсионного законодательства, начатого в 1827 г. Основная масса законопроектов, поступавших на рассмотрение Думы, носила характер уточнений и дополнений к этому законодательству. В основном эти проекты не давали повода для выражения политических позиций фракций и групп. Лишь в отдельных случаях прения в Думе принимали острый политический характер. В них отразились позиции основных политических сил Думы.

Ключевые слова: Государственная дума, пенсионное законодательство, фракции.

Законодательная деятельность Государственной думы многократно рассматривалась в самых различных аспектах. Кажется, нет такой области истории «первого российского парламента», которая не была бы предметом изучения. Но вопросы дополнения и развития пенсионной системы Российской империи до сих пор оставались в тени.

В работах, посвященных истории пенсионной системы в Российской империи, имеются лишь отдельные упоминания о важнейших законодательных актах думского периода¹. Наибольшее внимание историков пенсионного обеспечения в дореволюционной России справедливо привлекают изменения в пенсионном законодательстве, касающиеся военнослужащих².

Но поскольку эти работы относятся к жанру историко-правовых исследований, их авторы ограничиваются упоминанием (иногда — краткой

¹ Дегтярев Г.П. Пенсионные реформы в России. М., 2003; Федяев Г.Н. Пенсионная политика государства в дореволюционной России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 166–168; Кульчицкий А.В. История пенсионного обеспечения россиян за 1827–1917 гг.: Дисс. ... к. ист. н. Курск, 2011; Чеснокова Ю.В. Становление пенсионного обеспечения в России в XVI — начале XX вв. // Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 173–175; Гусаков Д.Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой вопрос: Дисс. ... к. юрид. н. СПб., 2015; Шамкина Е.В., Землякова Н.С. Особенности формирования и становления пенсионного обеспечения России в XIX–XX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 150–158; Лапаева А.В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в период действия Устава о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим 1827 г. // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Сб. материалов XVII Международной научно-практической конференции. Тольятти, 2020. С. 30–33 и др.

² Кульчицкий А.В. Указ. соч. С. 13; Гусаков Д.Б. Указ. соч. С. 74–77.

характеристикой) отдельных законодательных актов, не вдаваясь в предысторию их принятия, в частности, обсуждения в Государственной думе.

Пенсионное законодательство в дореволюционной России, начиная с 1827 г. и вплоть до 1917 г., было единым и непрерывным процессом. Сохраняясь в своих основах, оно постоянно дополнялось для новых учреждений и различных категорий должностей¹. Начиная со 2-й пол. XIX в., законодательно утверждались также уставы эмеритальных и пенсионных касс.

С появлением высших законодательных учреждений этот процесс неизбежно стал предметом их деятельности.

Основная законодательная деятельность Государственной думы в области пенсионного обеспечения проходила в 1907–1914 гг.

Возможными направлениями этой деятельности могли стать либо более или менее принципиальные реформы пенсионной системы, либо продолжение внесения частных поправок в эту систему. Преобладание того или иного направления зависело от законодательных инициатив правительства или же депутатов. Второе из этих возможных направлений возобладало.

По нашим подсчетам, всего за 1907–1913 гг. было принято 25 законодательных актов, относящихся к пенсионному обеспечению, а за период 1914–1917 гг. — 26. Увеличение интенсивности пенсионного законодательства во время войны было связано с необходимостью уточнений и определенных преимуществ для ряда категорий военных и гражданских служащих, хотя в этот период продолжали вноситься и текущие изменения в пенсионную систему, продолжавшие практику довоенного периода.

Из всех этих законодательных актов принципиальными можно считать лишь три: законы о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям², о призрении нижних воинских чинов и их семейств³ и о страховании рабочих от несчастных случаев⁴. Все они приходятся на июнь 1912 г.

Из них первый стал завершением долгого процесса попыток улучшения пенсионного обеспечения офицеров, начатого еще в 1899 г. Правила 1906 г. должны были действовать до 1909 г., затем их действие было продолжено до 1912 г., причем их недостаточность остро осознавалась руководством Военного ведомства⁵. Реформа пенсионного обеспечения военнослужащих была необходима для повышения боеспособности армии и омоложения командного состава. После долгих усилий Военного министерства (преодолевавшего сопротивление Министерства финансов) соответствующий закон удалось согласовать на правительственном уровне и внести в Думу.

Закон о призрении нижних воинских чинов также завершил долгую историю попыток соответствующей законодательной регламентации. Этот закон означал принципиальное расширение сферы пенсионного обеспечения

¹ Раскин Д.И. Пенсионная реформа Николая I // Былые годы. 2020. Т. 58. № 4. С. 2485–2494; Раскин Д.И., Солнышкин А.А. Судьба Пенсионного устава 1827 г. в Российской империи // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1712–1720; Раскин Д.И., Никитин Ф.Н. Пенсионное обеспечение «особых родов службы» в системе государственного аппарата Российской империи (XIX–нач. XX в.) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 417–431.

² ПСЗ-З. Т. 32. № 57442.

³ ПСЗ-З. Т. 32. № 57507.

⁴ ПСЗ-З. Т. 32. № 37444, 37445, 37446, 37447.

⁵ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 32–34.

военнослужащих. История его обсуждения и принятия заслуживает отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что он касался пенсионного обеспечения нижних чинов не за выслугу лет, а по случаю утраты трудоспособности на военной службе.

И, наконец, законодательство о страховании рабочих можно вывести за скобки настоящего обсуждения, т.к. оно еще не означало введения пенсионного обеспечения рабочих в старости (и их семейств — в случае утраты кормильца). Это было лишь началом включения в пенсионное обеспечение новой категории населения.

Но с точки зрения представленных в Думе партий законопроекты о пенсионном обеспечении делились не только на принципиально новые и текущие, но и на дававшие поводы для политических заявлений и не дававшие таких поводов.

Основная масса законодательных актов, регламентирующих пенсионное обеспечение, в рассматриваемый период относилась к текущим дополнениям и поправкам в законодательство. Инициатива таких дополнений исходила в основном от военного ведомства, Министерства народного просвещения (например, о дополнении правил о пенсиях по учебной части Министерства народного просвещения для лиц, выслуживших двадцатипятилетний срок по учебной части в губерниях Царства Польского¹, об установлении окладов для исчисления особых пенсий за службу в женских гимназиях Дальнего Востока лицам женского пола² и т.д.), а также МФ (например, о пенсиях отставным таможенным досмотрщикам³), МВД и др. ведомств.

Большая часть таких законов принималась по докладом профильных комиссий Государственной думы без особых прений.

Прения начинались тогда, когда предлагаемый закон мог расцениваться как носящий сколько-нибудь политический характер.

Но назначение пенсий (или льгот по пенсионному обеспечению) было не самой благоприятной почвой для выражения политической позиции. Одно дело — подвергать резкой критике то или иное ведомство при обсуждении его сметы, а другое — возражать против присвоения или увеличения служащим этого ведомства пенсий.

Например, при обсуждении закона о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства наиболее вменяемая часть оппозиции не имела возможности в принципе возражать против такого закона. Фракция кадетов ограничилась частными замечаниями: об ущемлении в законопроекте прав казачьих войск (использование войсковых капиталов, а не средств Государственного казначейства) и семейств офицеров, покончивших жизнь самоубийством в результате вскрывшихся служебных преступлений⁴. Эти замечания носили в общем характер делового обсуждения. Лишь примыкавший в то время к большевикам А.А. Войлошников (от Забайкальской области) высказался принципиально против пенсионных льгот для офицеров, перешедших на службу в дальневосточные местности⁵. Но и это критическое выступление относилось лишь к частности принимаемого закона, а не к закону в целом. В данном случае социал-демократ А.А. Войлошников выступал как представитель не столько

¹ ПСЗ-З. Т. 32. № 37512.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. Отд. 1. № 119.

³ ПСЗ-З. Т. 31. № 36172.

⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия 5. СПб., 1912. Ч. 4. (Заседания 120–153.) Стб. 517–524.

⁵ Там же. Стб. 516–517.

своей фракции, а, скорее, своего края. Хотя, конечно, его выступление было пронизано скрытой иронией по отношению к офицерству.

Законопроект успешно прошел через Государственную думу и через Государственный совет, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления, после чего 23 июня 1912 г. был утвержден императором¹.

Но в тех случаях, когда связанный с пенсионным обеспечением законопроект давал серьезный повод для выражения политических позиций, прения приобретали гораздо более ожесточенный характер.

Ярким примером «политического» обсуждения стали прения по проекту закона о предоставлении особых пенсионных преимуществ чинам тюремного ведомства, пострадавшим при исполнении ими служебных обязанностей.

Необходимо отметить, что сама законодательная норма, предусматривавшая особые пенсионные льготы для этой категории служащих, не была принципиальной новеллой.

Преимущества для пострадавших от «злонамеренных действий арестантов» тюремных служащих были установлены высочайшим повелением, объявленным министром внутренних дел, еще 16 февраля 1884 г.².

Но это был подзаконный акт, возможно, даже не известный большинству депутатов. К тому же революционные события 1905–1907 гг. сделали данный вопрос особенно актуальным.

В августе 1908 г. 177 членов Государственной думы (принадлежавших в основном к умеренно-правым и правым) внесли законодательное предложение о «вспомоществовании из средств Государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц». Докладчиком от авторов проекта выступил гр. В.А. Бобринский³. Инициатива 177 депутатов носила выраженный характер поддержки правительства в борьбе с революционным движением и осуждения террора. Левые фракции она провоцировала на протест, а кадетов (не одобрявших ни террор, ни правительственные репрессии) ставила в сложное положение.

И.П. Покровский (социал-демократ) указывал, что в революционных событиях у антиправительственных сил было гораздо больше жертв, напоминал о карательных экспедициях, о необходимости отмены смертной казни, о том, что проект служит интересам привилегированных классов и их защитников.

В.Е. Косоротов (социал-демократ, большевик) отметил, что, когда в стране будет установлена законность, «не потребуется у нас ни виселиц, ни тюрем, ни каторги и не потребуется ассигнований на пенсии полиции и др. лиц, погибших от террористических актов».

Г.С. Кузнецов (социал-демократ), говоря о правительственном терроре, предложил формулу перехода, осуждавшую правительственный террор и отвергавшую проект⁴.

А.А. Булат (трудовая группа) указывал на то, что инвалиды Русско-японской войны и семейства убитых гораздо больше нуждаются в помощи, чем полицейские.

Н.С. Розанов (в то время входивший в трудовую группу) указал на факты правительственного террора и беззаконий, на тяжелое положение народа и заявил, что этот проект направлен на помощь охраняющим это положение.

¹ ПСЗ-З. Т. 32. № 37442.

² ПСЗ-З. Т. 4. № 2035.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 1. СПб., 1908. Ч. 1. Заседания 1–30 (с 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). Стб. 1804.

⁴ Там же. Стб. 1824–1831, 1862–1864, 1840–1841.

Против законопроекта высказался и А.Г. Мягкий (трудовая группа).

К.М. Петров от имени трудовой группы внес предложение об отклонении проекта ввиду того, что только демократические реформы являются средством успокоения страны, а анархия является порождением произвола администрации¹.

А.И. Гучков от имени октябристов заявил, что его фракция сочувствует идее, положенной в основу законодательного предположения 177 членов Государственной думы, и что «чрезвычайно важно, чтобы это предложение было поддержано и оппозиционными группами», т.к. в этом случае террор будет осужден Думой, всеми партиями. При голосовании Гучков снял свою формулу перехода, поддержав тем самым формулу правого большинства².

За передачу проекта в комиссию (при условии его тщательной разработки) с надеждой, что он «не будет дальнейшим продолжением гнета и насилия», а станет первым актом к успокоению страны, для которого необходимо установление «начала конституции, законности, закономерности и равенства всех граждан пред законом», высказался представитель польской группы К.А. Завиша³.

А.И. Шингарев указал на «техническое» несовершенство проекта и отметил, что лица, состоящие на службе государства, и их семьи имеют несомненное право на государственное обеспечение. В то же время его партия, вопреки пожеланиям Гучкова, не может быть солидарна с правоцентристским большинством Думы. Он призвал к установлению законности, в том числе со стороны правительства, и высказался против принятия проекта.

От имени фракции народной свободы В.А. Степанов предложил проект формулы перехода к очередным делам: «Признавая обязанностью государства обеспечить семьи пострадавших лиц, находящихся на службе государства; отвергая террор как средство политической борьбы...; признавая, что система административного произвола... питает это зло и усиливает его; считая, что только последовательное и полное осуществление начал манифеста 17 октября может привести к прочному успокоению России, Государственная дума переходит к очередным делам». Это формулу поддержала также мусульманская группа⁴.

В результате проект ожидаемо был одобрен большинством Думы и передан в Комиссию о неприкосновенности личности⁵.

В соответствии с установленным порядком законодательства разработку законопроекта приняло на себя Министерство юстиции. Проект Министерства юстиции, юридически гораздо более проработанный и в силу этого более политически корректный, поступил на рассмотрение Думы.

При его обсуждении против законопроекта высказались социал-демократы (Г.С. Кузнецов, П.И. Сурков) и трудовик (Н.С. Розанов). Они указывали на многочисленные факты избияния политических заключенных, беспорядки и коррупцию в тюрьмах, характеризовали закон как антинародный⁶.

Кадеты, отметив, что беспорядки в тюремном ведомстве — результат правительственной системы и бороться с ними необходимо, заявили, что «все это

¹ Там же. Стб. 1815–1824, 1850–1853, 1867–1868, 1869.

² Там же. Стб. 1843, 1874.

³ Там же. Стб. 1868.

⁴ Там же. Стб. 1847–1848, 1873.

⁵ Там же. Стб. 1874–1875.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия 1. СПб., 1908. Ч. 1. Заседания 1–35: (С 15 окт. по 20 дек. 1908 г.). Стб. 2154–2179.

не может ... быть причиной к отказу исполнить долг государства перед служащими. Должно требовать устранения существующего порядка, но вместе с тем необходимо обеспечить семейства лиц, погибших на государственной службе». За что и удостоились криков «браво» справа и в центре¹.

Октябристы настаивали на политической нейтральности законопроекта.

Закон был принят и утвержден 21 декабря 1908 г.².

Подавляющее большинство рассмотренных Государственной думой законопроектов о пенсионном обеспечении исходило от правительства.

Отсутствие радикальных предложений со стороны думской оппозиции (да и думского большинства) по реформированию пенсионной системы было обусловлено отсутствием интереса общества к пенсионным правам бюрократии. А со стороны правительства отсутствовали политическая воля и, главное, финансовые возможности для коренного преобразования пенсионной системы.

Поэтому законодательная деятельность Государственной думы в области пенсионного обеспечения была в основном продолжением сложившейся во 2-й пол. XIX — нач. XX в. практики поправок к действующему законодательству. Дума эффективно участвовала в этом процессе.

¹ Там же. Стб. 2172–2173.

² ПСЗ-3. Т. 28. № 31308.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ АРМИИ¹

СОЛНЫШКИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
лаборант-исследователь,
аспирант Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: aas98@bk.ru

Аннотация: В статье рассматривается процесс завершения законодательного оформления пенсий для нижних чинов в Российской империи в начале XX в. Он выразился в принятии 25 июня 1912 г. закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». Разработка и принятие закона стали одним из итогов работы Государственной думы 3-го созыва. В ходе обсуждения в Государственной думе закон встретил сильное противоречие и сопротивление со стороны Государственного Совета, однако в итоге он был принят. Принятый закон упорядочивал пенсионное обеспечение солдат и матросов, получивших увечья, утративших трудоспособность или погибших на военной службе, а также их семейств; он стал важной составляющей частью российского законодательства о пенсионном обеспечении военнослужащих.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, Государственный совет, пенсии, нижние чины, пенсионное обеспечение.

В современной науке до сих пор остается ряд малоизученных сюжетов, одним из которых является вопрос пенсионного обеспечения в Российской империи военнослужащих, а точнее нижних чинов.

Указом Николая I от 6 декабря 1827 г. было анонсировано принятие особого положения об инвалидном содержании (пенсии) нижних чинов. Однако окончательное законодательное оформление прав нижних чинов и их семейств на пенсионное обеспечение произошло лишь в 1912 г., после издания закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». До издания закона 1912 г. нижние чины имели право на основании 36 статьи Устава Воинской повинности «...лишь на 3 и 6 рублей в месяц от казны пособия...», причем 3-рублевое пособие назначалось тем из них, которые «...сделались во время состояния на действительной службе неспособными к продолжению оной...», а также нижним чинам запаса, получившим увечье во время учебных сборов, в случае «...неспособности их к личному труду и неимению собственных средств к жизни, ни родственников, желающих принять их на свое иждивение...». 6-рублевое пособие назначалось тем нижним чинам, которые по результату медицинского освидетельствования признавались «...требующими постоянно за собой ухода...»². До издания закона призрение было возложено на земство, «городские управления» и сельские общества, которые оказывали помощь

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 22–28–00060.

² Блинов И.А. Пенсии солдатам, их вдовам и сиротам: закон 25 июня 1912 года с изданными в дополнение его инструкциями и разъяснениями Правительств. сената: (Уст. пенс. Св. зак. т. III по прод. 1912 г. ст. 807–865). Пг., 1915. С. 1.

из своих собственных средств¹. Кроме того, призрением раненых нижних чинов занимались различные благотворительные комитеты и общества, наиболее известными из которых являлись Александровский комитет о раненых и Алексеевский главный комитет. В начале XX в. законодательных актах в области призрения произошли определенные изменения. Закон от 16 июня 1905 г. утвердил «Правила в отношении обеспечения и воспитания детей жертв войны ...», по которым все расходы брала на себя государственная казна². Как указывает в своей работе современная исследовательница Н.Г. Семионкина, «...приняв законы от 2 января и 26 апреля 1906 г., государство взяло на себя обязательства по обеспечению вдов погибших на войне нижних чинов ... 10 января 1906 г. были утверждены „Правила об обеспечении детей воинских чинов, погибших при исполнении ими служебных обязанностей в мирное время...“»³. По этому закону впервые «...вдовам нижних чинов армии, флота, а также ратникам Государственного ополчения, погибшим в войну с Японией, предоставлялось право на пенсию из казны в размере 36 рублей в год...»⁴.

Несмотря на принятие этих важных законов, всеобъемлющего пенсионного закона для нижних чинов вплоть до 1912 г. так и не было принято.

Как в современной, так и в дореволюционной и советской историографии работ, посвященных истории пенсионного обеспечения нижних чинов в Российской империи в XIX — начале XX вв., а также закону «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» 1912 г. весьма мало. Наиболее подробно история пенсионного обеспечения нижних чинов до принятия закона 1912 г. рассмотрена в работах современного исследователя И.Г. Савина⁵. Несмотря на то, что в своих трудах автор также рассмотрел сам закон 1912 г., он оставил без внимания вопрос подготовки и принятия данного закона в Государственной думе 3-го созыва. История обсуждения закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» 1912 г. в Государственной думе имеет важное значение как для характеристики эволюции пенсионной системы в Российской империи в начале XX в., так и для оценки законодательной деятельности Государственной думы 3-го созыва. В связи с этим в настоящее время данный вопрос нуждается в комплексном исследовании.

Вопрос о возможности распространения «призрения» на нижние чины был поднят еще в 1908 г. Государственной думой 3-го созыва. Так, на заседании 8 декабря 1908 г. Государственная дума при обсуждении законопроекта «...о продлении срока действий временных правил о добавочных пенсиях военным служащим строевого состава...» обратила внимание на то, что существующие на данный

¹ О пенсиях, пособиях и льготах нижним воинским чинам и их семействам: (справочные сведения о том, как получить по закону 25 июня 1912 г. пособие семье солдата, призванного на войну, какими льготами может воспользоваться семья его и как получить пенсии раненому солдату и семье погибшего на войне солдата). Тверь, 1915. С. 2.

² Семионкина Н.Г. Правовое регулирование социального обеспечения нижних чинов в Российской Империи (опыт начала XX века) // Российское государственное управление. 2015. № 4. С. 24.

³ Там же. С. 24.

⁴ Фаворисов Е.В. Призрение семей нижних чинов, призванных в военное время на действительную службу (1874–1912 гг.) // Молодой ученый. 2010. № 9 (20). С. 220.

⁵ Савин И.Г. О пенсионном обеспечении военнослужащих и членов их семей в России (с начала XX века и в период действия Устава о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам 1912 года) // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 6 (275). С. 32–37; *его же*. О пенсионном обеспечении нижних чинов Российской императорской армии и Российского императорского флота, а также членов их семей в период с 1874 по 1917 годы // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 9 (278). С. 16–28.

момент оклады пенсий нижним воинским чинам и их семьям являются совершенно недостаточными для «...самого скромного обеспечения этих лиц...», выдача пенсий ввиду сложности производства дел часто затягивается на срок от 6 месяцев до полутора лет¹. В связи с этим Государственная дума предложила начать процесс постепенного пересмотра всех пенсионных положений, касающихся нижних чинов и их семейств. Правительство поддержало инициативу Государственной думы и возложило это на Министерство внутренних дел, которое немедленно приступило к разработке соответствующего законопроекта. 20 февраля 1909 г., параллельно работе Министерства внутренних дел, было сделано «...законодательное заявление 96 членов Государственной думы...» по вопросу призрения нижних чинов и их семейств².

К 1910 г. Министерством внутренних дел во исполнение возложенных на него поручений была проделана определенная работа. Из Особого журнала Совета министров от 6 октября 1910 г. следует, что в 1910 г. при Министерстве внутренних дел «...под председательством товарища министра внутренних дел тайного советника Лыкошина образовано было ... межведомственное совещание из представителей министерств: Финансов, Военного, Морского и Внутренних дел, Государственного контроля, Александровского главного комитета, Главного управления Российского общества Красного Креста, а также Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне нижним чинам...»³. Совещанием был разработан проект правил о призрении семей нижних чинов и их семейств. Совещание в этом проекте определило три основных вида призрения: «1) обеспечение участи самих нижних чинов, пострадавших на военной службе; 2) обеспечение участи семейств нижних чинов, погибших на военной службе; 3) призрение семейств нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных на действительную службу во время войны...»⁴. Забота о детях нижних чинов, погибших на войне либо получивших увечья, была возложена по закону на уже ранее упоминавшийся Алексеевский главный комитет. В качестве основных положений в проекте «о призрении нижних чинов и их семейств» совещание предложило.

1. Пенсии должны выдаваться всем нижним чинам, утратившим трудоспособность вследствие ран, повреждений и болезней, обусловленных прохождением военной службы как в условиях военного, так и мирного времени.

2. Действие новых правил должно распространяться на все нижние чины, пострадавшие на военной службе со дня «минувшей Русско-японской войны (именно это положение в будущем станет одним из главных «камней преткновения» между Государственной думой и Государственным советом при рассмотрении законопроекта в 1912 г.).

3. Пенсии назначаются нижним чинам вне зависимости от их имущественной обеспеченности.

4. Устанавливаются 5 окладов пенсий по 5 разрядам болезней от 36 до 180 рублей в год.

5. Назначение пенсий возлагается на уездные, окружные и городские по воинской повинности присутствия.

¹ Министерство юстиции. 1906 г. 2. Общее делопроизводство. Дело о составлении заключения Министерством юстиции по переданному из Государственной думы в Государственный совет представлению Министерства внутренних дел о призрении нижних воинских чинов и их семейств // РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1459. Л. 1 об.

² Там же. Л. 41.

³ Собственная Е.И.В. канцелярия. Часть 13. По проекту правил о призрении нижних чинов и их семей // РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 1021. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 3.

6. Существующие в настоящее время виды помощи нижним чинам из казны и Александровского комитета о раненых подлежат объединению в одну общую пенсию, с выдачей ее полностью из государственных денег¹.

При обсуждении последнее положение вызвало возражение со стороны представителя Александровского комитета при совещании И.Ф. Оношкова-Яцыны. Он был против того, чтобы комитет «...должен быть устраним от этой обязанности, успешно исполняемой им уже в течение многих лет...»². Совет министров пришел к выводу о том, что выдачу пенсий нижних чинов необходимо возложить полностью на казну, «...оставив на Александровском комитете о раненых лишь обязанность по восполнению офицерским чинам...»³.

Большую часть предложений совещания Совет министров поддержал, в том числе и распространение будущего закона о призрении на участников Русско-японской войны. Главное, с чем не согласился Совет министров, было предложение Алексеевского главного комитета «...о сосредоточении заведованием всем делом призрения нижних чинов в одном центральном учреждении...»⁴. По мнению Совета министров, это привело бы к тому, что произошло бы сильное замедление в назначении пенсий, а также вызвало бы значительные расходы казны по содержанию такого учреждения, которое к тому же было бы ограничено в своей работе, т.к. при назначении пенсий не в г. Санкт-Петербурге оно бы все равно опиралось на решения местных органов. В итоге было решено «...предоставить министру внутренних дел внести на законодательное рассмотрение проект правил о призрении нижних чинов...»⁵.

Именно этот законопроект Министерства внутренних дел, внесенный в Государственную думу в 1912 г., и стал основой для будущего закона от 25 июня 1912 г. «О призрении нижних чинов и их семейств».

После появления законопроекта в Государственной думе между Думой и Государственным советом возник ряд противоречий по некоторым положениям законопроекта. Для их разрешения была образована специальная согласительная комиссия, в которую вошли 12 депутатов Думы. На заседании № 131 от 12 мая 1912 г. был заслушан доклад комиссии, ранее образованной для преодоления разногласий, возникших по данному вопросу между Государственным советом и Государственной думой по законопроекту о призрении нижних чинов и их семейств (докладчик П.Г. Матюнин)⁶. Комиссией был изменен ряд статей в законопроекте. Например, ст. 37 будущего закона, посвященная рассмотрению губернским присутствием жалоб на невыдачу пенсий нижним чинам или их неправильный порядок выдачи уездными и городскими присутствиями, была подвергнута изменениям. Согласно изначальной версии: «...губернское областное присутствие рассматривает дела в ближайшем заседании, причем оставляет постановления уездного окружного или городского присутствия в силе или отменяет его...»⁷. Комиссия приняла решение изменить слово «отменяет», т.к. было непонятно, что в итоге делает само губернское присутствие — рассматривает ли жалобу в кассационном порядке либо по существу. Итоговым вариантом данной статьи стало следующее

¹ Там же. ЛЛ. 3 об., 4.

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Стенографические отчеты заседаний Государственной думы. Сессия 5. Заседание 131. 12 мая 1912 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 613. ЛЛ. 3–6.

⁷ Там же. Л. 4.

положение: «...причем или оставляет постановление уездного, окружного или городского присутствия в силе, или постановляет новое решение...»¹. После единогласного принятия поправок комиссии они были переданы для дальнейшего рассмотрения в Государственный совет.

Следующее и последнее обсуждение закона о призрении было на заседании № 135 от 9 июня 1912 г.². Докладчиком выступил А.И. Гучков как глава согласительной комиссии. В своей речи он отметил, что первоначально по законопроекту между Государственной думой и Государственным советом возникло множество разногласий. Затем после рассмотрения в Общем собрании Государственного совета, а затем в согласительной комиссии большая часть разногласий была разрешена, кроме одного, который и стал предметом жаркой дискуссии на этом заседании. Он состоял в том, что стоит ли распространять действие закона на всех тех нижних чинов, которые пострадали до его предполагаемого издания (это предлагала Государственная дума)? Государственный совет отклонил это требование, «...признав, что устав должен иметь отношение только к будущему...»³. Многие члены Государственной думы в согласительной комиссии не согласились с этим. А.И. Гучков и кадеты, входящие в ее состав, предложили компромиссное решение: распространить закон о призрении только на тех нижних чинов, которые пострадали в Русско-японской войне и Персидской экспедиции. Однако Государственный совет не хотел распространять действие закона на участников Русско-японской войны и Персидской экспедиции. Выступающие после А.И. Гучкова на заседании Государственной думы депутаты полностью согласились с его предложением, особенно подчеркнув, что закон категорически должен распространяться именно на героев Русско-японской войны: «...нельзя лишать этих самых героев японской войны какого-то обеспечения...»⁴. А.Ф. Бабянский (генерал-лейтенант, кадет, депутат от Пермской губернии) особенно подчеркивал, что «...наша обязанность загладить то преступление, которое называется Японской войной, и единственный способ это сделать — это дать всем жертвам, всем пострадавшим в эту войну возможность проживать спокойно ... Это обязанность Государственной думы, от которой она отступить не может и не должна...»⁵.

Многие высказывались, что в случае, если Государственный совет не согласится с Государственной думой, то закон все равно не будет иметь реального значения, и предлагали в таком случае, чтобы он оставался неутвержденным. В заключение А.И. Гучков снова выступил, заявив, что распространение закона на участников Русско-японской войны имеет исключительное значение для народа Российской империи. Также докладчик подчеркнул, что он не мог бы никогда присоединиться к таким депутатам, как А.Е. Кропотков (эсер, депутат от Вятской губернии), который явно желал, чтобы этот закон не был принят, т.к. этот закон позволит улучшить жизнь многих «заслуженных людей»⁶. Он отметил, что противоположную позицию не примет ни он, ни вся Государственная дума. После этого доклад был окончен под рукоплескания депутатов. При голосовании стоит отметить очень интересную деталь. Дополнение законопроекта о положении, которое внес А.И. Гучков, поддержали пять депутатов согласительной комиссии,

¹ Там же.

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. СПб., 1912. Ч. 4: Заседания 120–153: (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). Стб. 4217–4226.

³ Там же. Стб. 4217.

⁴ Там же. Стб. 4221.

⁵ Там же. Стб. 4222.

⁶ Там же. Стб. 4225.

а против высказались семь из нее. Несмотря на это, предложение Гучкова было одобрено большинством депутатов Государственной думы.

Ход обсуждения законопроекта о призрении нижних чинов и их семейств продемонстрировал консенсус большинства Государственной думы по вопросам укрепления обороноспособности государства. Такой консенсус был характерен для Государственной думы III и IV созывов.

25 июня 1912 г. Закон о призрении нижних чинов и их семейств был подписан императором. Принятие закона давно назрело. Этот закон значительно улучшил обеспечение солдат, ставших инвалидами от ран или болезней, полученных на военной службе. Многие нижние чины, получившие серьезные увечья во время недавней Русско-японской войны, теперь смогли наконец-то получить помощь от государства. Вместо незначительных и произвольно назначаемых пособий из разных источников такие бывшие солдаты стали получать четко определенные государственные пенсии, значительно превышающие прежние пособия. Был устранен произвол начальства при их назначении, заметно упрощен порядок выдачи пенсий. Они стали назначаться независимо от доходов пострадавшего (до издания закона претендовать на пособия могли лишь не имеющие средств). Также были установлены определенные выплаты (притом привязанные к цене продуктов, т.е. защищенные от инфляции) семьям мобилизованных солдат. Так пособием могли пользоваться все члены семьи, а также «отец, мать, дед, бабушка, братья и сестры», если они содержались ранее за счет труда мобилизованного¹. Действие закона распространялось на уволенных в отставку в период со дня начала войны с Японией до 1 января 1913 года (с этой даты он вступил в силу), а также на военнослужащих, утративших трудоспособность как в мирное, так и военное время, на вдов и круглых сирот тех нижних чинов, которые были убиты на войне или умерли по истечении года, либо находясь на военной службе. Данный вид призрения осуществлялся исключительно за счет казны. Пенсии могли назначаться пожизненно либо на определенный срок в зависимости от возможности восстановления трудоспособности. Также условием призрения являлось отсутствие собственных средств к пропитанию, а также родственников, желающих принять нуждавшихся на свое иждивение. Законодательство предусматривало следующие процедуры освидетельствования и назначения пенсий. Нижние чины при увольнении из войск вследствие полученных ими на военной службе ран, повреждений или болезней обязательно предоставляли документ, подтверждающий их право на пенсию, а также заявляли личное ходатайство. Те, кто стал нетрудоспособен до увольнения из войск или по иным причинам не проходил освидетельствование, могли обратиться в течение пяти лет с момента увольнения со службы с письменной или устной просьбой о назначении им пенсии. Заявление подавалось в уездное или городское по воинской повинности присутствие, уездному воинскому начальнику либо в уездную полицию, казаки могли подать прошение атаману. Эти учреждения и должностные лица были обязаны принять меры к освидетельствованию просителей в установленном порядке, а также могли по собственной инициативе возбуждать вопрос о назначении пенсии нижним чинам при их полной нетрудоспособности.

Принятие закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» стало важной составляющей частью законодательства о пенсионном обеспечении военнослужащих. Этот закон вскоре «пригодился» через 2 года в будущей I мировой войне. Российские власти как бы предугадали дальнейший ход событий.

¹ ПСЗ-З. XXXII. Отд. 1. № 37507. С. 943.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры
междисциплинарных исторических исследований
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: ikiryanov@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования стали новации, внесенные Государственной думой в историческую политику позднеимперской России. К основным институциональным формам влияния депутатов на реализацию исторической политики следует отнести выступления в парламентских прениях, принятие законопроектов о выделении сверхсметных средств, участие в праздновании исторических юбилеев. Благодаря деятельности Государственной думы в историческую политику были внесены партийная конкуренция в интерпретации исторических событий, разнообразие групповых представлений в понимании ее задач, публичность в обсуждении ее содержания, парламентский контроль за ее финансированием.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Государственная дума, политическое использование прошлого, историческая политика.

В последнее время сюжеты, связанные с исторической политикой в позднеимперской России, все чаще выступают предметом исследования. Так, развитие археологии в дореволюционной России в системе «наука–власть» рассматривается в монографии А.С. Смирнова, одной из задач которой указывается оценка «воздействия общества и власти на организацию археологической науки, выбор ее исследовательских приоритетов и направлений»¹. Целая серия публикаций посвящена анализу политического использования властью в начале XX в. юбилейных исторических дат².

¹ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерк институциональной истории науки XIX — начала XX века. М., 2011. С. 9.

² См., напр.: Бочков Е.А. «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 6–25; Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К. Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 280–291; Лиманова С.А. «Полтавский бой» императора Николая II. Празднование 200-летия легендарной битвы император пытался использовать для сплочения нации // Родина. 2020. № 12. С. 120–122; Сосницкий Д.А. Юбилеи допетровской Руси в императорской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1226–1239; Цимбаев К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 475–498.

В отношении термина историческая политика, актуализированного в отечественном академическом дискурсе А.И. Миллером в 2009 г., до сих пор отсутствует конвенциональное восприятие его содержания, включая соотношение с понятием политика памяти (Синонимы? Или одно является частным случаем другого?) и хронологию бытования самого феномена (относительно новое явление, возникшее на рубеже XX–XXI столетий, или универсальный феномен, присущий любому государству)¹. В настоящем исследовании под исторической политикой, вслед за Г.В. Касьяновым, понимается «целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях „исторической памяти“ и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций»².

В самом общем виде параметры исторической политики самодержавия до первой российской революции и реформы политической системы могут быть представлены следующим образом. Основу официального исторического нарратива составлял миф о национальном характере монархии в России (доктрина «официальной народности»)³ или «русский миф» Дома Романовых. Реализация исторической политики в рамках политической системы неограниченной и самодержавной монархии осуществлялась преимущественно бюрократическим составом акторов посредством ограниченного и контролируемого набора инструментов и практик. Стремлению самодержавия к установлению монополии на историю препятствовали «академические свободы», так и не прихлопнутые окончательно университетским уставом 1884 г. и поддерживавшие конкуренцию концепций исторического развития России.

Главным вызовом для исторической политики самодержавия стало появление новых акторов в рамках политической системы дуалистической монархии. Особую роль в корректировке, если не содержания, то практик и инструментов исторической политики, сыграла Государственная дума, депутатский корпус которой представлял разнообразие социальных и политических интересов, включая плюрализм коллективных представлений о прошлом. К основным институциональным формам влияния думцев на реализацию исторической политики следует отнести выступления в парламентских прениях, принятие законопроектов о выделении сверхсметных средств, участие в праздновании исторических юбилеев.

Наиболее содержательные и эмоциональные прения, имевшие касательство к исторической политике, состоялись в думских заседаниях при обсуждении докладов бюджетной комиссии по смете доходов и расходов Министерства народного просвещения на 1908 г. (июнь 1908 г.), на 1909 г. (апрель 1909 г.), на 1913 г. (май — июнь 1913 г.); законопроектов об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое (май 1909 г.), о начальных училищах (октябрь — ноябрь 1910 г.), о частных учебных заведениях, классах и курсах (май 1912 г.), о мерах к охранению памятников древности (июнь 1912 г.); заявления о спешности запроса о праздновании 50-летия отмены крепостного права (февраль 1911 г.).

Застрельщиками указанных дискуссий преимущественно выступали или консервативно настроенные депутаты, или представители польского кола,

¹ См. подробн.: Сафронова Ю.А. Историческая память: введение. СПб., 2019. С. 199–202.

² Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28–29.

³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. С. 495–498 и след.

и чаще всего тогда, когда речь заходила о школьном преподавании истории. И те и другие в подобных случаях акцентировали внимание именно на политическом аспекте исторического образования и просвещения. Развернутый сценарий подобных дискуссий был апробирован в июне 1908 г., когда думы впервые получили возможность обсуждать смету министерства народного просвещения. Во время выступления докладчика бюджетной комиссии М.Я. Капустина 6 июня на участие в прениях записались 120 депутатов, что привело к сутолоке и шуму около президиума. В конечном счете, собрание проголосовало за ограничение списка наполовину, т.е. на то количество выступающих (61), которое было согласовано между фракциями заранее.

Октябрист В.К. фон-Анреп, переговорив накануне с правым В.М. Пуришкевичем, сформулировал с думской кафедры главную задачу для министерства — создание «русской государственной школы». Необходимость подобного он обосновал примером выпускного экзамена в гимназии, «где ученик, очень хорошо аттестованный, отвечает без запинки превосходно о походе Цезаря в Галлию, он знает все, он знает и вооружение, и число войск, и маршрут на карте вам покажет, и тот же самый ученик очень смутно отвечает об отечественной войне и начинает путаться, когда речь идет о Севастопольской кампании, он не знает, с кем даже Россия воевала». Продолжая, он заявил: «Под русской государственной школой мы разумеем школу русскую, национальную. Под понятием „национальная“ мы разумеем необходимость с первых лет школьного возраста развивать в детях и юношестве чувство сознательного патриотизма. Под этим патриотизмом и национальностью в школе мы понимаем изучение России, ее прошлого, ее настоящего и ее национальных задач; развитие в детях чувства национальной гордости»¹.

С ним солидаризировался умеренно-правый С.М. Богданов: «Школа обязательно не только должна учить, но должна и воспитывать. Русская школа должна воспитывать будущих русских граждан. И в этом отношении мы считаем политику государства, известное влияние его на ход воспитания в нашей школе обязательными»².

Противоположный взгляд на задачи школы и политики в историческом образовании артикулировали представители польского коло и кадетов. Так, Р.В. Дмовский заявил о том, что «русская национальная школа в Польше невозможна. Она невозможна, потому что в Польше нет русского общества, и что она будет там всегда только полицейской школой. <...> да, действительно, мы боремся за польскую школу и против русской школы. И против русской школы мы не только потому боремся, что она преподает на русском языке <...> Эта школа, господа, учит вас о прошлом Польши, подбирая самые темные стороны из этого прошлого. Вообразите себе, какая бы вышла русская история, если бы подобрать из нее только самые темные стороны»³.

Кадетские ораторы, заявляя о первичности для школы культурного содержания, в конечном счете, возвращались к политическим задачам. В частности, П.Н. Милюков, возражая фон-Анрепу, заявил: «Прежде всего школа должна удовлетворять современным задачам, современным потребностям, потребностям сознательно отнестись к современной жизни. Другими словами, в противоположность принципу старо-немецкой, Гумбольдтовской, школы,

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 2399, 2401.

² Там же. Стб. 2449.

³ Там же. Стб. 2471, 2472, 2483.

принципу классицизма, ставится принцип модернизма, который я признаю <...> нам говорят, зачем знать подробный маршрут Юлия Цезаря во время его Галльских походов? Я говорю: не надо знать, действительно. Но когда мне дальше говорят, зато нужно знать маршруты последних военных походов России, то я должен сказать, что тоже и этих маршрутов знать нам не надо. <...> Русская школа должна воспитывать подрастающее русское поколение на тех началах, которые созданы нашим основным государственным переворотом, она должна воспитывать в возрастающем поколении идею политической свободы, идею гражданского равноправия, идею права, идею законности»¹.

Свой вклад в создание матрицы обсуждения вопросов исторической политики в Таврическом дворце внес и В.М. Пуришкевич. Еще во втором думском созыве в прениях о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов он оговаривал будущие «громадные суммы на народное образование» с уверенностью в том, что «каждая копейка пойдет впровод и на то, чтобы увеличить чувства национального самосознания в наших детях, развивать их физически и умственно и сделать их верными гражданами как Царю, так и отечеству»². В июне 1908 г. Пуришкевич заговорил о необходимости «блестящих знаний» родной истории и русской географии, всего того, что «касается русской жизни и даст нам возможность вникать в эту русскую жизнь и понимать ее хорошо», а первым долгом в школьном образовании ему виделось создание из средней школы источника «познания родной страны, который заставил бы нас знать и любить эту родную страну еще, так сказать, с гимназической скамейки»³.

Другой институциональной формой вовлеченности думцев в реализацию исторической политики являлось принятие законопроектов о выделении сверхсметных средств на «историю», новеллами которых в 1908–1914 гг. стали:

– дополнительное содержание различных исторических институций (15 законов о дополнительных средствах; временных дополнительных пособиях; единовременных пособиях; увеличении пособий музеям, обществам, в т.ч. Кавказской археографической комиссии, Императорскому Археологическому обществу, Императорскому Одесскому Обществу истории и древностей, Императорскому Обществу истории и древностей российских при Московском университете, Тверскому историко-археологическому музею, Ростовскому музею церковных древностей, Императорскому Санкт-Петербургскому историко-филологическому институту, Императорскому Русскому историческому обществу, Императорскому Русскому военно-историческому обществу, Императорскому Московскому археологическому институту имени Императора Николая II на содержание музея в Смоленске, Обществу истории, археологии и этнографии при Императорском Казанском университете);

– установление / содержание штатов исторических институций / изменение структуры институций (4 закона в отношении Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве; Сенатского архива, Московского архива Министерства юстиции, Варшавского главного архива древних актов и об установлении положения этого архива; Русского археологического института в Константинополе);

¹ Там же. Стб. 2508.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. СПб., 1907. Ч. 1. Стб. 1008–1009.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 2665, 2666.

- издание исторических документов и материалов (2: дипломатические материалы, история Русско-японской войны на море в 1904–1905 гг.);
- сохранение исторических памятников (2: домик Петра Великого в Архангельске; ремонт одной из башен древней деревянной крепости в Якутске);
- празднование двухсотлетия Гангутского сражения (1);
- проведение археологических раскопок в городище Ани Карской области и его окрестностях (1);
- введение в артиллерийских училищах курса истории русской армии (1).

Как правило, голосами октябристов, националистов и правых указанные законопроекты проходили без особых проблем. Лейтмотивом подобного консенсуса выступало высказывание князя И.А. Куракина: «В то время, когда особенно горячо мы относимся к своей русской истории, в то время, когда национальное чувство особенно развивается, мне кажется, что перед этой ассимовкой останавливаться не следует»¹.

Особое место в законодательном регулировании исторической политики должно было занять «Положение об охране древностей», проект которого был внесен в Государственную думу в 1911 г. Е.П. Ковалевский, выступая 7 июня 1912 г. докладчиком комиссии для рассмотрения данного законопроекта, обратил внимание на три принципиальных расхождения с позицией министерства внутренних дел. Во-первых, комиссия раскритиковала избыточную централизацию деятельности по охране древностей, включая бюрократический и громоздкий состав Центрального комитета (30 человек), предложив образовать коллегию из 9 специалистов (археология, архитектура, живопись, ваяние, иконопись, археография) и 3 чиновников. Во-вторых, комиссия указала на недостаточность финансирования деятельности (ежегодно на реставрацию памятников древности из казны направлялось 15 000 рублей), предложив выделять до 200 000 рублей, согласовав с правительством 80 000 рублей, а на неотложное приобретение древностей от частных лиц — 25 000 рублей, тогда как правительство испрашивало 10 000 рублей. В-третьих, комиссия предложила включить памятники церковных древностей в сферу государственной системы охраны².

С особым мнением выступил член комиссии польский депутат А.И. Парчевский, призвавший к «широкой децентрализации» дела охраны древностей, подразумевая под этим не только децентрализацию и «возможно широкое привлечение масс, по крайней мере, интеллигенции», но и фактическую регионализацию данной деятельности, обосновывая это национальным и культурным разнообразием Российской империи: «Ведь есть армянская и грузинская культура; мусульмане составляют совсем отдельный культурный мир. Наконец, у нас в Польше все наше искусство, все наше зодчество, живопись шли по другому пути, а не по этому, по которому шли соответственные области жизни на Руси. Мы были под влиянием западной культуры, западного стиля и западных течений; Россия шла под влиянием культуры византийской, и потому трудно требовать, во всяком случае невозможно, чтобы комитет, состоящий из представителей науки, специализация которой шла в одном направлении, мог обсуждать вопрос о стиле произведения живописи или зодчества западного, которым они специально не занимались»³.

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 3159.

² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 3. Стб. 4002–4003.

³ Там же. Стб. 4020, 4021.

Первое думское обсуждение проекта «Положения об охране древностей» оказалось и последним: в Российской империи так и не появилась государственная система сохранения историко-культурного наследия. Подобный исход явился следствием противоречий по существу нормативного акта не только между министерством внутренних дел и парламентской комиссией, но и внутри депутатского корпуса.

В заседании 7 июня 1912 г., одном из последних в деятельности третьего созыва, более 30 законопроектов были приняты в трех чтениях без прений в редакции думских комиссий. На такой ускоренный режим ориентировался и Е.П. Ковалевский: «Я могу доложить в одну минуту закон, рассмотренный весьма обстоятельно в специальной комиссии и бюджетной, и затем, если вам угодно, две-три поправки, которые для нас ясны, мы можем рассмотреть в течение четырех-пяти минут, и мы можем закончить законопроект»¹. Между тем, после его отнюдь не минутного доклада был объявлен перерыв, после которого наступило время заявлений о запросах. Потребовалось три голосования (одно — вставанием, два — «в двери») для того, чтобы большинством всего в два голоса (108 против 106) принять решение о возвращении к обсуждению законопроекта, встреченное репликой с места Н.Е. Маркова: «масоны побеждены»². Развернувшаяся дискуссия показала, что ускоренный сценарий рассмотрения законопроекта не будет реализован, а это означало, учитывая отсутствие института преемственности законодательных работ между думскими созывами, провал законопроекта.

Заметной практикой исторической политики в межреволюционный период стало проведение едва ли не ежегодных торжеств по случаю юбилеев исторических событий, среди которых выделялись празднования 200-летия Полтавской битвы (1909), 200-летия присоединения Лифляндии (1910), открытия памятника императору Александру II в Киеве (1911), 100-летия Бородинского сражения (1912), 300-летия Дома Романовых (1913), а также планировавшееся, но отмененное из-за начала Первой мировой войны празднование 200-летия Гангутского сражения (1914).

После проигранной войны с Японией и утраты прерогатив неограниченной власти вследствие революции самодержавие нуждалось в дополнительной легитимации и поддержании официального исторического нарратива о национальном характере монархии. В этой связи показательными были торжества в Полтаве, где при посещении кадетского корпуса Николай II произнес речь, в которой выразил уверенность в том, что после периода невзгод Россия вступила «на путь развития и благоденствия и что будущим поколениям легче будет жить и служить своей родине. Но для этого нужно, чтобы все верные мои подданные помогали своему государю, нужна вера в силу своего отечества, любовь к нему и любовь к своей старине». В конце своей речи император провозгласил тост «за единение царя с народом»³.

О значимости для самодержавия исторических юбилеев свидетельствует то, что в список наиболее значительных деяний и событий периода правления Николая II, составленный Межведомственным юбилейным комитетом накануне празднования 300-летия Дома Романовых, были включены наряду

¹ Там же. Стб. 3999.

² Там же. Стб. 4009.

³ Плетнев М.Д. Дни Полтавских торжеств: Рус. воинам и рус. нар. памятка о незабв. днях празднования 200-летия славной Полтавской победы. М., 1909. С. 61.

с манифестом 17 октября 1905 г. и указом о созыве Государственной думы празднования двух юбилеев — Полтавского и Бородинского сражений¹.

По замечанию Р. Уортмана, Николай II использовал юбилейные торжества как «тенденциозный прием, необходимый, чтобы вступить в конкуренцию с Думой и преподнести себя в качестве единственного предмета национальных чувств»². В утвержденных церемониалах юбилейных мероприятий участие членов Думы в них либо не предусматривалось (торжества 1910 и 1912 г.), либо им отводилась исключительно присутственная роль (торжества 1909 и 1913 гг.).

Особое место в конкуренции смыслов исторических юбилеев занимает 50-летие отмены крепостного права. Если самодержавие ориентировалось на коммеморацию памяти Царя-Освободителя, с чем и связывалось открытие памятника Александру II в Киеве 1 сентября 1911 г., то стараниями прежде всего левоцентристского крыла Государственной думы именно 19 февраля все же было признано официальной юбилейной датой.

17 февраля по инициативе трудовой группы, поддержанной социал-демократами и частью кадетов, в Думу был внесен запрос министру внутренних дел по поводу принятия С.-Петербургским градоначальником мер, направленных к стеснению некоторых научных обществ в отношении празднования пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости, в котором указывалось на регламентированные списки рекомендуемой литературы, на требования конспектов будущих публичных лекций, исключение ряда профессоров из списков ораторов и др. При обсуждении спешности запроса кадет А.И. Шингарев, объявив предстоящий юбилей «величайшим праздником русской государственности и русской власти за все прошлое столетие», выступил против правительственной «монополии праздника государственности» и призвал депутатов «отмежеваться от этой монополии своеобразной государственности, спешите сказать, что вы все вместе, как один человек, желаете чтить память величайшего события вашей истории, спешите сказать, что вы не боитесь свободного слова ученого собрания, отдельных людей. Спешите сказать на весь мир, что вы все свободно и открыто можете праздновать этот праздник без усиленной охраны, без нарядов полиции»³.

Вынужденное официальное празднование 50-летия отмены крепостного права все же состоялось: 19 февраля в Казанском соборе с участием императора был совершен молебен, после которого Николай II принял в Зимнем дворце 51 депутата из крестьян от разных парламентских группировок.

Деятельность Государственной думы, активное использование депутатами прошлого в политических целях способствовали внесению в историческую политику наряду с партийной конкуренцией в интерпретации исторических событий, разнообразия групповых представлений в понимание ее задач, публичности в обсуждении ее содержания, а также появление парламентского контроля за ее финансированием.

¹ См.: Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 102.

² Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. С. 569.

³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. 2. Стб. 2315–2316.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРЕДФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры Гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета,
Ярославль, Россия;
e-mail: holyaevsv@ystu.ru

Аннотация: В статье Государственная дума рассматривается с необычной стороны. Мы привыкли уделять основное внимание рассмотрению думской деятельности преимущественно с враждебной стороны по отношению к правительству и верховной власти. Однако была и другая Государственная дума, защищающая интересы империи в военный период. Внутри Думы имелась правая часть, активно противостоявшая планам радикалов. У нее были свои лидеры, были их пламенные речи по защите государства и правительства. Наиболее запомнились их выступления на думских заседаниях, происходивших 19 ноября и 16 декабря 1916 года. При самых сложных поворотах, когда почти вся общественность, включая часть правых организаций, подобно Русскому народному Союзу имени Михаила Архангела, возглавлявшемуся В.М. Пуришкевичем, казалось, перешла на сторону оппозиции, обе расколотых организации Союза русского народа, дубровинская и обновленческая, вновь объединили усилия и действовали совместно, защищая власть и страну. Правоту правой части депутатов подтверждают и многочисленные документы и речи, исходящие от основной, ведущей части депутатского корпуса — Прогрессивного блока. Каждый раз, когда власть ложно обвинялась ими в бездействии и предательстве, они неизменно подчеркивали, что ситуация вовсе не является такой критической, как только что утверждалось. Такие вставки были необходимы именно потому, что все их речи являлись ничем иным, как банальным нагнетанием обстановки. В докладе приводятся многочисленные положения из документов и реплики думских речей, реально доказывающие правоту правого вектора Думы в предреволюционный период. Среди них переписка В.В. Шульгина и А.И. Шингарева, письма П.Н. Милюкова, выступления М.В. Родзянко и А.И. Коновалова.

Ключевые слова: Государственная дума, Первая мировая война, черносотенцы, либералы, П.Н. Милюков, А.И. Коновалов, В.М. Пуришкевич, Г.Г. Замысловский, Н.Е. Марков.

В ходе Первой мировой войны, до свержения в феврале 1917 года российской монархии, Государственная дума превратилась в оплот оппозиционных сил. Во всяком случае, как минимум, все оппозиционные структуры, партии и организации, существовавшие в стране, за исключением, пожалуй, лишь большевиков, декларировали, что действуют от ее имени или хотя бы в ее интересах. Но была и другая Государственная дума, защищавшая власть и правительство и отстаивавшая военные интересы России против иностранных сил, в том числе и тех, которые называли себя союзниками, а на деле

желали ослабления российского государства. Да, она находилась в меньшинстве, но историческую правоту определяет не количество мандатов¹, и правая часть партийного спектра выполняла в условиях войны важнейшую роль легитимизации в стране политического руководства, монарха и правительства, призванных координировать усилия всех тех, кто борется с внешним врагом — армией и народом.

Совместной работы думской оппозиции и власти не получалось. Воспользовавшись неудачами на фронтах, оппозиционеры развязали открытую кампанию по разоблачению правительства. Отступление 1915 года позволило либералам говорить о несовершенстве военной организации и сбоях в правительственном механизме. Они развернули борьбу с правительством в тот момент, когда Россия действительно находилась в сложной ситуации, и поражение страны в войне выглядело вполне возможным, но их критика ничем не улучшала военное положение в государстве.

19 ноября 1916 года, когда противостояние внутри Думы достигло апогея, только что назначенный премьер А.Ф. Трепов прибыл в Думу призвать народных избранников к совместной работе с правительством. Исход военной борьбы, заметил глава кабинета, предрешен, и Россия не собирается складывать оружие до полной победы над врагом. Но выступление нового премьера и очерченная им программа ближайших правительственных мер произвели положительное впечатление только на правое меньшинство в Думе.

Монолог премьера не изменил поведения думского большинства, несколько раз прерываясь возгласами: «Когда выгоните Протопопова?» Более всего оппозицию теперь интересовал этот вопрос². Лидер думской правой Н.Е. Марков обрушился с гневной речью на депутатов за то, что они не «рукоплескали» «великому акту» — договору о передаче России Константинополя и проливов. По мнению Маркова, это произошло только потому, что огласил его не С.Д. Сазонов, тот человек, «чьей заслугой перед Россией является заключение этого договора»³.

Прояви западные послы хоть немного объективности, они услышали бы призыв Маркова, торжественно прозвучавший на том заседании. «Всякий, кто призывает в данный момент к миру с Германией, является государственным преступником и изменником». И правительству, и деятелям правомонархического лагеря было сложно приписывать намерения заключить сепаратный мир с Германией⁴.

Хотя Трепов в ходе своего выступления, в присутствии союзных послов Д. Бьюкенена и М. Палеолога, публично огласил содержание договора с союзниками, заключенного в марте 1915 года, именно это выступление одного из временных премьер-министров (через месяц, в конце декабря, он будет снят) до предела обострило отношения союзников с российским правительством. Никаких сомнений в том, что Россия будет продолжать войну и хочет завершить ее победой, оставаться вроде бы как уже не могло. А конфликт в течение этого месяца не спадал, напротив, дойдя до крайней степени

¹ По итогам выборов в IV Государственную думу в правую фракцию вошло всего 65 депутатов, а в ноябре 1916 года, после раскола фракции, ее численность и вовсе сократилась до 20 человек (Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 59–60).

² Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 275; Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 333.

³ Васюков В.С. Указ. соч. С. 276.

⁴ Там же. С. 276.

иступления — декабрьский съезд Земгора, усиленно готовилось и состоялось убийство Г.Е. Распутина. Действия союзников определялись не опасением, что Россия может досрочно выйти из войны, а стремлением, совпадавшим с желаниями либералов отстранить от власти до окончания войны Николая II. К моменту завершения войны по их планам в России обязательно следовало утвердить другое правительство, принадлежавшее оппозиции.

16 декабря 1916 года состоялось одно из самых жестких думских заседаний. Оно посвящалось разбору причин разгона съездов Земского и Городского союзов, планировавших свою работу с 9 по 11 декабря. Они намеревались выйти за пределы своих обозначенных функциональных обязанностей, приняв резолюцию, призывавшую Государственную думу взять всю полноту власти в стране в свои руки¹. Думское большинство доминировало в ходе собрания, обвиняя правительство в произволе. Тем не менее, представителям Прогрессивного блока пришлось выслушать несколько критических выступлений от депутатов из правого меньшинства. Самой запоминающейся была речь Г.Г. Замысловского, представлявшего русское население Виленской губернии: «Со стороны формальной разгон съезда правительственной властью есть, безусловно, деяние законное, потому что раз в Москве военное положение, то не может быть никаких сомнений в том, что власть имела право это сделать. Что касается существа вопроса, то власть, если она мало-мальски себя уважает, не может допустить, чтобы собирались съезды, которые прямо заявляют, что цель собрания — борьба с этой властью. Понятно, что власть такой съезд должна немедленно распустить. Это логика вещей»².

Выступление Замысловского сопровождалось неоднократными выкриками из зала недовольных приверженцев думского большинства, но оспорить справедливость его возражений им было сложно. «Вы ведете вашу борьбу с правительством во имя законности, вы говорите, что правительство попирает закон. Но если под этим лозунгом ведется ваша борьба, то вы сами должны прежде всего закон соблюдать. А что же вы делаете? Этот самый пресловутый московский съезд, которому вы теперь собираетесь выражать свое одобрение, прямо призывает к неисполнению закона... Вы сами не уважаете закон. Вы говорите о законности, а в первом пункте повестки у вас сказано: объединение мероприятий по обороне государства. Разве относятся ваши речи к этому пункту... повестки? Они к этому пункту никакого отношения не имеют... Что же, это называется уважением к закону? Вы прямо попираете закон. У вас, конечно, готтентотская мораль; вам все возможно, а другим ничего нельзя... ораторам не из блока нельзя говорить с этой кафедры, потому что вы их постоянно перебиваете. Нет, господа, правительство поступило совершенно правильно, что тех, кто хотел с ним бороться, оно разогнало»³.

Астраханский купец, председатель Астраханской народно-монархической партии (в прошлом председатель Астраханского отдела Союза русского народа) Н.Н. Тиханович-Савицкий в телеграмме, предназначенной Главному совету Союза русского народа, обращал внимание единомышленников на несоответствие публичных заявлений либералов, называвших себя патриотами, их реальной политике, ослаблявшей военное могущество страны. «Если правительство плохо, а левые были бы действительно патриотами, маску которых

¹ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Воспоминания. Мн., 2004. С. 405.

² Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV. С. 221.

³ Там же. С. 221.

они на себя надели, то сказали бы: „Будем с плохим правительством работать“, — не трясли бы страну 2 года в тяжкое для нее время — левые отлично знают, что Царь не может отдать им Своей Власти, в которой он неволен, а требуют — явное предательство»¹.

Возглавлявшийся В.М. Пуришкевичем «Русский народный союз имени Михаила Архангела» оказался, однако, единственной правой партией, присоединившейся к либералам. Остальные, в том числе обе части Союза русского народа, обновленческая и дубровинская, теперь вновь объединились для совместной поддержки правительства². Наиболее яркий оратор правого меньшинства в Думе, обновленец Н.Е. Марков 2-й, обвинил депутатский корпус в разжигании гражданской войны. Государственное учреждение (Дума) занято взаимными распрями, «натравливанием одних на других». У армии отбирается последнее оружие, которое еще оберегает Россию от германцев — «это уверенность там (на фронте — С.Х.), что сзади (в тылу — С.Х.) нас не предадут». Тот день, когда в народе будет окончательно посеяна уверенность в предательстве тыла, станет последним в жизни русского народа, «ибо его расхватают на клочки». Но первыми погибнут депутаты, «маленькие люди», — пророчески вещал Марков 2-й³.

Показательно при этом, что сам Пуришкевич оценивал перспективы дальнейшего участия России в войне вполне благоприятно. Выступая в думских стенах 14 февраля 1917 года, он отмечал: «Пока в тылах России тихо, пока народ наш будет проникнут сознанием того, что в неустанной работе на армию залог ее победы, можно глядеть с величайшим спокойствием на будущее... Россия, имея такую армию, какую она имеет, может быть совершенно спокойна»⁴.

Противники правого лагеря из парламентского большинства, Прогрессивного блока, неоднократно в своих выступлениях с трибуны Государственной думы или в частной переписке подчеркивали правоту правого меньшинства в благоприятной для России оценке реальных перспектив мировой войны. Депутаты Государственной думы сообщали друг другу об истинном положении дел на фронте. Верный соратник П.Н. Милюкова, член кадетского ЦК, в будущем министр Временного правительства А.И. Шингарев в начале 1917 года в письме коллеге по Прогрессивному блоку В.В. Шульгину подтверждал информацию, изложенную в Думе военным министром Шуваевым: «... наше военное могущество технически выросло как никогда. Наше весеннее наступление будет поддержано невиданным количеством снарядов. Надо бы дотянуть до весны». Что касается Шульгина, кстати, входившего в Особое совещание по обороне, его оценка подготовленности России к наступлению была даже гораздо категоричнее: «Весной, по-видимому, начнется всеобщее наступление, и есть все шансы, что оно будет удачным. Если это так, то тогда вообще все спасено, можно хоть прогнать Государственную думу»⁵.

Одним из наиболее известных документов, по которому мы можем понять планы либералов, является письмо П.Н. Милюкова, датированное августом 1917 года, широко распространенное в сегодняшней историографии. Милюков

¹ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 628.

² Омельянух И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022. С. 413, 428; Иванов А.А. Указ. соч. С. 348, 349.

³ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. С. 75, 76.

⁴ Там же. С. 239, 241.

⁵ Васюков В.С. Указ. соч. С. 283.

в нем откровенно признавался: «... твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны... ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая (1917 года — С.Х.) наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего... прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»¹.

Исходя из него, мы можем сделать вывод о том, что либералы были хорошо осведомлены о том, что правительство в реальности продолжает войну и успешно готовит весеннее наступление совместно с союзниками. А, значит, информация о сепаратном мире, усиленно распространяемая думской оппозицией, была ложной. В начале 1917 года руководящая сила Прогрессивного блока, партия кадетов, обосновывая свою ущербную, с точки зрения российских национальных интересов, тактическую линию, выходившую на грань предательства, в предназначенных для массового распространения в народе призывах к свержению правительства закономерно ретранслировала в адрес последнего обвинение в непатриотизме: «Правительство не патриотично. Оно — враг России и русской нации, не может и не хочет понимать и слышать здоровые голоса земли... Истинный патриотизм должен объединиться и защитить страну от двух врагов: от „внешнего“ и извечного „внутреннего“ — Русского Правительства»². Подобные обращения преследовали узкокорыстные интересы и заведомо вводили страну в заблуждение.

По запоздалым признаниям самого Милюкова они прекрасно знали, что их приход к власти по определению, как минимум, откладывал победу. Правительственный курс был гораздо успешнее: к последующей разрухе страну привели либералы, а не правительство: «... мы знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что... если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатим за свержение Царя лишь временной отсрочкой победы»³. Это говорит о том, что русская оппозиция не была самостоятельной силой и априори зависела от позиции иностранцев.

Из контекста речи А.И. Коновалова, произнесенной как раз 16 декабря по поводу разгона съездов Земгора, также было очевидно, что он занимался не анализом реальной политической обстановки в стране, а банальным нагнетанием страстей. Обвиняя правительство в неспособности обеспечить победу над внешним врагом («власть находится в руках недостойных лиц, которые не могут справиться с грандиозной задачей, выпавшей на их долю... власть в стране является синонимом бессилия воли и мысли...»), он стремился направить энергию активной части социума против внутреннего политического режима. «Основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над врагом внутренним»⁴.

В то же время сам депутат отчетливо понимал, что положение в стране менее трагично, чем он утверждал. «Господа, когда раздается... крик отчаяния — „Отечество в опасности“, вся страна понимает, что эта опасность идет изнутри. Это не есть предвидение какого-нибудь сокрушительного нового удара со стороны врага, которому будет противопоставлен отпор нашей доблестной могучей армией; это не есть сознание опасности от недостатка живой силы

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. ЛЛ. 1–1 об.

² Там же. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 82.

³ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1744. Л. 6.

страны и материальных ресурсов — в них недостатка все же нет»¹. Значит, Коновалов не признавал внутреннее положение России трагичным, и борьба с правительством объяснялась вовсе не его недееспособностью, а сугубо политическими причинами — отстраненностью либералов от рычагов государственного управления.

Еще одной фигурой, вносившей свой вклад в разгорание конфликта, являлся председатель Государственной думы М.В. Родзянко. В специальной записке, предназначенной Николаю II, он оценивает положение России как не только катастрофическое, но одновременно и трагическое: «Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше...». Так в чем же заключался катастрофизм и трагизм положения России? В том, что «позади армии, в тылу, идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы». А отчего в тылу идет такой развал, разве не от того, что информация о происходящем в стране координирует и контролирует не российская власть, направляющая основные усилия для организации победы над внешним врагом, а российская оппозиция, находящаяся в одних рядах с ним, Родзянко? Неконструктивизм Родзянко в те критические дни поразителен. Председатель Думы в той же записке царю признает, что российская армия вовсе не разбита, «она снабжена предметами вооружения более чем когда бы то ни было раньше»².

Данную мысль о виновности либералов в катаклизмах, обрушившихся на Россию в 1917 году, во все том же письме признал и один из главных вождей либеральных сил П.Н. Милюков: «История проклянет пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю. Что же делать теперь, спросите Вы... Не знаю. То есть внутри мы... знаем, что спасение России в возвращении к монархии... Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание есть крах всего дела и всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которому мы являемся представителями. Признать не можем... соединиться с теми правыми, с которыми так долго и с таким успехом боролись, тоже не можем. Вот все, что могу сейчас сказать»³.

Милюков писал эти строки в августе 1917 года, то есть тогда, когда русская императорская армия переживала последний акт своей трагедии. Л.Г. Корнилов в отчаянной яростной попытке хотел отстоять право на существование почти разложившейся погибающей армии. Армии, которая могла стать, но так и не стала армией Победы.

Таким образом, внутри высшей бюрократии произошел раскол. В результате него значительная часть бюрократической элиты от единения с монархом перешла к неформальному союзу с Государственной думой. Последствием такой ее позиции стал паралич высшей власти, резко затруднивший проведение каких-либо репрессивных мер по отношению к Думе⁴. Высшие круги российского общества в условиях кризиса часто предпочитали поддерживать Думу: им казалось, что массовая поддержка законодательного учреждения, переход весомой части высших кругов на сторону Думы удержат страну на краю пропасти и не дадут конфликту перерасти в горячую фазу, позволив сохранить устои самодержавно-помещичьего строя. Дворянские верхи для сохранения своих привилегий были готовы пожертвовать частью царских prerogatives

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 204.

² Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы Первой мировой войны. М., 1998. С. 103.

³ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1 об.

⁴ Куликов С.В. Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.): Дисс. ... к. ист. н. СПб., 1999. С. 580.

и императором. Они надеялись, что трансформация самодержавия в конституционную монархию и замена Николая II на другого монарха стабилизирует положение в России и прекратит внутривластный кризис¹.

Но Николай II в действительности располагал куда большей информацией, чем высшие дворянско-бюрократические круги, перешедшие на сторону оппозиции, и считал, что требования и просьбы высших сановников пойти на уступки Прогрессивному блоку в вопросе создания министерства общественного доверия не приведут к успокоению страны и не выведут царизм из социально-экономического кризиса, так как представители буржуазной общественности не пользуются авторитетом и доверием у населения. Антиправительственная позиция либералов вела лишь к разложению государства. Новая революционная власть (февральская) была органически неспособна справиться с возрастающим недовольством народа, а при таком положении вполне возможным становилось и военное поражение России, принципиально невозможное до февральского разлома².

¹ Дякин В.С. Кризис верхов в России накануне Февральской революции // Вопросы истории. 1982. № 3. С. 83.

² Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 231.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО: 1906–1917 гг.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В ОСВЕЩЕНИИ ВОЛОГОДСКОЙ ПРЕССЫ

ЕГОРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета
Череповец, Россия;
e-mail: anegorov65@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль вологодской газеты «Северная земля» в освещении избирательной кампании и деятельности I Государственной думы. Отмечается, что «Северная земля» в 1906 г. была единственной общественно-политической газетой Вологодской губернии, которая подробно освещала парламентскую тематику. Газета относилась к изданиям неопределенно-оппозиционного направления: напрямую не связанная ни с одной политической партией, она пропагандировала идеи, близкие как умеренным социалистам, так и левым либералам. После открытия Думы газета поддержала фракцию трудови́ков и давала подробную информацию о работе парламента в ее духе. На страницах «Северной земли» нашли отражение надежды населения губернии, в основном крестьян, на коренное переустройство страны.

Ключевые слова: Вологодская губерния, пресса, политические партии, избирательные кампании, Государственная дума, трудови́ки.

Проблема освещения различных сторон выборов и деятельности дореволюционного российского парламента в региональной прессе весьма важна, поскольку именно газеты являлись для провинциального обывателя, интересующегося политикой, основным источником информации о Государственной думе. Именно пресса создавала политический образ парламента в регионах. В современной историографии есть немало работ по данной теме¹, но роль газет Вологодской губернии по освещению парламентской проблематики пока не исследована.

Отметим, что значение региональной прессы как исторического источника в изучении различных аспектов парламентской истории весьма значительно. На региональном уровне к основным источникам по истории парламентаризма

¹ См.: Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная дума России. М., 2007. Практически в каждом ежегодном сборнике материалов научной конференции «Таврические чтения» публикуются статьи по данной тематике, основанные на материалах различных регионов Российской империи. Все сборники размещены на сайте Центра истории парламентаризма: <http://parlament-history.ru/library/>.

можно отнести делопроизводственные материалы по выборам в Думу, годовые отчеты губернаторов о политическом положении на местах, материалы прессы и воспоминания современников. Применительно к Вологодской губернии делопроизводственные документы сохранились довольно хорошо, но они содержат только официальную информацию о ходе выборов. Годовые отчеты губернатора Вологодской губернии за 1906–1910 гг. в архивохранилищах Российской Федерации не выявлены¹. Причина этого заключается, по нашему мнению, в том, что с июля 1906 г. по август 1910 г. Вологодским губернатором был А.Н. Хвостов. В своей деятельности он не гнушался нарушать те или иные законодательные нормы, что могло отразиться в отчетах. Став министром внутренних дел, он имел полную возможность их изъять и уничтожить².

В воспоминаниях современников выборы в Государственную думу по Вологодской губернии практически не отразились, поскольку все имеющиеся в нашем распоряжении мемуары написаны представителями революционного лагеря (прежде всего членами РСДРП), в основном политическими ссыльными, т.е. теми людьми, которые парламентской тематике не придавали большого значения. В такой ситуации применительно к Вологодской губернии именно пресса становится важнейшим, а в ряде случаев единственным источником по многим аспектам истории парламентаризма.

К началу 1906 г. в Вологде выходило всего три печатных органа: «Вологодские губернские ведомости», «Вологодские епархиальные ведомости» и «Вологодский листок объявлений». Первые два издания носили исключительно официальный характер и материалов аналитического характера по политическим проблемам развития страны не содержали. В приложении к «Вологодским губернским ведомостям» публиковалась только официальная информация, связанная с ходом выборов в Думу. «Вологодский листок объявлений» носил рекламный характер и был далек от политики. Таким образом, ниша общественно-политической периодики в регионе была свободна. Незначительное количество периодических изданий в Вологодской губернии легко объяснимо: уровень грамотности по первой всеобщей переписи населения 1897 г. в губернии составлял всего 19,5%, к 1906 г. грамотных мужчин насчитывалось 17%, женщин — 5%³.

С 10 января 1906 г. в Вологде начинает выходить ежедневная газета «Северная земля»⁴. Издателем выступил Алексей Алексеевич Галкин — общественный деятель, владелец типографии, помощник присяжного поверенного, позднее, с 1913 г., член Вологодского общества изучения Северного края, близкого к социал-демократическим кругам меньшевистского толка. Газета распространялась довольно широко, как по всей Вологодской губернии, так и за ее пределами — в соседних регионах, включая Санкт-Петербург. В основном распространение шло по железной дороге.

¹ Раздорский А.И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи. 1845–1916: сводный каталог. СПб., 2020. С. 242.

² Еще являясь Нижегородским губернатором в 1910–1912 гг., А.Н. Хвостов находился под следствием за неправильное расходование казенных средств. После Февральской революции он был арестован Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства по обвинению в различных злоупотреблениях властью. См.: Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 568–570.

³ Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. Вологда, 1911. Отдел второй. С. 62.

⁴ Не путать с легальной социал-демократической газетой «Северная земля», издававшейся в Санкт-Петербурге летом 1906 г. (Русская периодическая печать (1895–октябрь 1917): Справочник / Сост. М.С. Черпахов, Е.М. Фингерит. М., 1957. С. 129).

«Северная земля» изначально задумывалась как общественно-политическая газета: в 1906 г. она стала единственным печатным органом подобного рода в губернии. Она относилась к изданиям неопределенно-оппозиционного направления: напрямую не связанная ни с одной политической партией, газета пропагандировала идеи, близкие как умеренным социалистам, так и левым либералам. В состав редакции, помимо прочих, входили лица, близкие к эсеровской партии¹.

Большое внимание газета уделяла аграрному вопросу и земельной политике, социально-экономическому положению страны. Она выступала за полноправное народное представительство, за справедливые выборы, призывала к коренному изменению старого порядка управления. Основным источником информации, помимо телеграмм Петербургского телеграфного агентства и заметок от корреспондентов, служила кадетская и вообще левая пресса («Наша жизнь», «Речь» и др.).

Выход в свет первого номера пришелся на фактическое начало избирательной кампании в Думу, поэтому практически во всех номерах в той или иной форме отражалась парламентская тематика. Учитывая низкий процент грамотного населения губернии, газета много внимания уделяла информации о роли и месте парламента в политической жизни страны. Газета разъясняла права и полномочия Государственной думы, механизм выборов, особенности избирательного закона, требования к лицам, имеющим право участвовать в выборах, призывала проверять списки избирателей и т.п. В этом вопросе усилия газеты отчасти совпадали с разъяснительной политикой властей. Так, 6 и 8 января 1906 г. в Вологодских церквях читались Высочайшие указы от 11 декабря 1905 г. о выборах в Думу, городская управа расклеивала объявления о правилах выборов и т.п.².

В ходе предвыборной кампании широко обсуждалась идея бойкота выборов в Думу, за что активно выступали в большинстве своем левые революционные партии. Позиция «Северной земли», несмотря на все их симпатии к левым, была иной. Газета приводила все доводы в пользу бойкота, но решительно выступала за участие в выборах, опираясь в этом вопросе на мнение Г.В. Плеханова, соответствующее заявление которого было перепечатано из «Дневника социал-демократа» в одном из январских номеров³.

«Северная земля» отразила широко распространенные большие надежды на Государственную думу, представления о том, что созданный парламент сможет разом решить все основные проблемы страны: «Государственная дума должна во всех ступенях управления заменить мертвящую чиновничью опеку стремлением к „одной высокой цели“ — действительному и великому благу народному. Она должна обеспечить гражданам основные права личности. Она должна дать стране всеобщее избирательное право. Она должна в самых широких размерах подготовить все для проведения полного и окончательного земельного переустройства»⁴.

С началом предвыборной кампании перед газетой встал вопрос: кого поддерживать на выборах? В городах Вологодской губернии в начале 1906 г. оформились организации кадетской партии, Союза 17 октября, Партии правового

¹ Колмаков В. Мои воспоминания о 1905–1907 годах в Вологодской губернии // 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии / Под ред. В.Н. Новосельского. Вологда, 1925. С. 127.

² Северная земля. 1906. 11 января. С. 4.

³ Северная земля. 1906. 26 января. С. 3.

⁴ Северная земля. 1906. 9 апреля. С. 2.

порядка и «Союза русского народа». Представители революционных партий (РСДРП и ПСР) действовали в губернии нелегально, поддержали идею бойкота и в избирательной кампании не участвовали¹. При таком раскладе политических сил у «Северной земли» не было никаких других вариантов, кроме как поддерживать кандидатов кадетской партии.

Начиная с 8 номера (18 января 1906 г.), «Северная земля» публикует предвыборные обращения Вологодского комитета ПНС, всячески пропагандирует предвыборные собрания кадетской партии, подробно рассказывает о них на своих страницах. Газета перепечатывала из центральной кадетской периодики («Речь» и др.) различные материалы, посвященные парламентской тематике. Стороннему наблюдателю могло показаться, что «Северная земля» превратилась в печатный орган кадетской партии, что не соответствовало действительности. Пропагандируя предвыборные лозунги ПНС, газета всегда находила возможность их критиковать с левых позиций. Так, рассказывая о предвыборных собраниях ПНС, газета наиболее подробно приводила речи социал-демократов, выступавших на этих собраниях с критикой в адрес кадетской партии (особенно за неопределенность в аграрном вопросе)².

Вологодская губерния являлась по преимуществу крестьянской: в городах проживало всего 4,4% населения, рабочей курии не было из-за незначительного количества пролетариев. В губернском избирательном собрании уполномоченные от волостей имели 46 мест из 80³. Поэтому неудивительно, что аграрный вопрос стоял в центре внимания предвыборной борьбы, и подавляющее большинство материалов «Северной земли» было посвящено именно ему.

Газета широко отражала надежды крестьян на Государственную думу, используя разнообразные, в том числе стихотворные, формы:

Кончается рабство... нам выхода нет...

Найдем мы свободную долю.

Вдали показался желанный рассвет (созыв Думы — А.Е.),

Увидим мы землю и волю⁴.

В Вологодской губернии, как и по всей стране, крестьяне составляли приговоры в Государственную думу со своими требованиями. Некоторые из них, разумеется, в сокращенной отредактированной форме, печатались на страницах «Северной земли». Требования вологодских крестьян в целом соответствовали общероссийским тенденциям и заключались в стремлении передать землю в той или иной форме тем, кто ее обрабатывает. Крестьяне стремились увеличить свое землепользование за счет удельных, государственных, церковных и частновладельческих земель, беспощадно заготавливать дрова в казенных и удельных лесах, выступали за отмену обложений с предметов первой необходимости, введение государственного подоходного налога, бесплатное и всеобщее начальное образование для крестьянских детей, введение волостного земства и пр.⁵.

¹ Тарутин А.А. К истории революционного движения и политической ссылки в Вологде // Север: Орган научного северного краеведения. Вологда. 1927. № 2 (6). С. 5. (1–8).

² Северная земля. 1906. 28 января. С. 4.

³ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 86.

⁴ Северная земля. 1906. 26 апреля. С. 2.

⁵ Северная земля. 1906. 13 января. С. 2.

«Северная земля» подчеркивала, что с появлением Государственной думы Россия вступила на путь серьезных конституционных преобразований. Для иллюстрации данного положения использовались исторические примеры из событий Великой французской революции. Довольно простой, лубочный, стиль таких публикаций был рассчитан на самую широкую, не искушенную в политике аудиторию: «Король понимал, что при новом государственном строе нельзя будет швырять по-прежнему народными деньгами, а главное, его „благородную“ натуру возмущала необходимость считаться с мнением „черни“, как он называл народ, на который король привык смотреть только как на дойную корову. Но он также понимал, что раз восстал весь народ, то ему ничего не поделать с кучкой попов и дворян, и, затаив злобу, он подписал конституцию, т.е. ограничение своих прав»¹. Любому малограмотному крестьянину не составляло труда провести аналогию между описанными событиями Французской революции и современным положением России.

«Северная земля» неоднократно обращалась к теме пассивного равнодушного отношения избирателей к выборам. Так, в заметке из Никольского уезда говорилось: «Выборы в Думу у нас прошли крайне плачевно: из 84 выборных явилось 56; подготовки к выборам не было никакой, и собравшиеся выборные были крайне затруднены даже выбором кандидатов и выбрали старшину и старосту — людей крайне консервативных»². Из уездного города Вельска писали: «Страна на краю пропасти, повсюду господствует правительственный террор, а в забытом и архимирном Вельске все спокойно!.. Настроение городка сонливое, духовная физиономия не из особенно привлекательных. Наблюдателю особенно бросается в глаза обывательская отсталость в политическом развитии. Никаких организаций, ни партий до сих пор не наблюдалось. Какая-то полная „беспартийность“, и полное равнодушие к освободительному движению»³.

Порой при чтении «Северной земли» возникает своеобразный диссонанс: с одной стороны, газета постоянно подчеркивала активность и единение всего народа в стремлении через Думу добиться своих прав, а с другой — даже по отношению к избирателям губернского города Вологды встречались такие нелестные оценки: «Отношение публики к выборам, по-видимому, безразличное»⁴. Отсюда и стремление «Северной земли» всячески «разбудить» избирателя, привлечь его внимание к насущным проблемам.

Не удивительно, что выборы в Вологодской губернии прошли довольно хаотично, зачастую случайно. Кадеты благодаря поддержке части выборщиков городской курии и агитации «Северной земли» имели шанс провести в Думу своего представителя, но против них сыграли образ кадета как «барина», «чиновника», «господина»⁵, а также не вполне удачная предвыборная кампания. Так, на вопрос корреспондента «Северной земли» о том, почему крестьяне не проголосовали за кадетскую партию, депутат Думы А.Л. Шемякин, избранный от крестьянской курии, ответил: «А что не прошли ее кандидаты, то надо сознаться, уж очень они надоели за последние дни со своими услугами да ухаживанием. А потом — не особенно по вкусу пришлись и слова В.Ю. Зубова (один из лидеров вологодских кадетов — А.Е.), когда крестьян он назвал стадом

¹ Северная земля. 1906. 25 апреля. С. 3.

² Северная земля. 1906. 8 февраля. С. 3.

³ Северная земля. 1906. 2 марта. С. 3.

⁴ Северная земля. 1906. 23 февраля. С. 4.

⁵ Так могли восприниматься все три кадетских выборщика от Вологды: председатель Вологодского окружного суда С.Н. Цемш, городской голова И.Ф. Клушин и земской и городской гласный Н.Я. Масленников (Северная земля. Вологда. 1906. 24 марта. № 2).

баранов и рекомендовал взять в пастухи себе кадета... Вообще, надо заметить, среди мужичков замечается недоверие к чиновникам»¹. Напрасно кадеты уверяли, что их партия не чиновничья, а В.Ю. Зубов в «Северной земле» опубликовал опровержение, в котором утверждал, что говорил: «чиновники хотели бы, чтобы Дума была стадом баранов», а не кадеты, его неправильно поняли².

В итоге избрали губернского предводителя дворянства, октябриста Н.Н. Андреева и четырех беспартийных крестьян: Д.К. Мартянова, С.И. Федотовского, П.Д. Щипина и А.Л. Шемякина (избран от крестьянской курии)³. После выборов в «Северной земле» стали выходить очерки о вологодских депутатах из крестьян (представителя властей Н.Н. Андреева газета демонстративно игнорировала), интервью с ними, информация об отношении к ним земляков. Также публиковались обращения избирателей к своим депутатам в леворадикальном духе.

В Государственной думе Д.К. Мартянов и С.И. Федотовский политической активностью не отличались и ориентировались на Н.Н. Андреева. А.Л. Шемякин симпатизировал кадетам и трудовикам, но ни в какую фракцию не вошел. И лишь один из крестьянских депутатов, П.Д. Щипин, занял четкую политическую позицию: он вступил во фракцию трудовиков и активно в ней работал (его подпись стоит под 9 запросами Государственной думы)⁴.

«Северная земля» полностью поддержала трудовую группу и, по сути, стала ее органом. Неудивительно, что симпатии газеты были на стороне П.Д. Щипина: он стал основным вологодским думским персонажем «Северной земли». По всей видимости, именно он и передавал в редакцию материалы о деятельности трудовой группы. Газета неоднократно публиковала различного рода обращения, приговоры, телеграммы крестьян Вологодской губернии в поддержку трудовой группы и П.Д. Щипина, критиковала остальных вологодских депутатов за политическую умеренность. Так, на страницах газеты была опубликована телеграмма крестьян одной из волостей Вологодского уезда, в которой содержалось порицание вологодским депутатам из крестьян за то, что те не поддерживали трудовиков⁵.

«Северная земля» давала весьма подробную информацию о работе парламента: на страницах газеты публиковались обширные выдержки из стенограмм, речи депутатов, в основном левого толка, статьи и заметки о Думе. Все оппозиционные демарши депутатов подавались как мнение всего народа. Газета поддерживала все радикальные требования Думы, как, например, требование отставки правительства И.Л. Горемыкина. При этом тон и характер публикаций отличались ярко выраженной радикальной, антиправительственной направленностью: «Дума высказала горячее желание, чтобы правительство лжи, насилий и безответственности уступило свое место министерству, выбранному из думского большинства, пользующемуся доверием Думы и народа. Министры должны подчиняться этому указанию, если они не желают,

¹ Северная земля. 1906. 29 марта. С. 3.

² Северная земля. 1906. 9 апреля. С. 4.

³ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 88.

⁴ Социал-демократические фракции I и II Государственных дум: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1906–1907 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2020. С. 109, 111, 112, 117, 121, 122, 124, 695.

⁵ Северная земля. 1906. 31 мая. С. 4.

чтобы в России разгорелось то, что зовется войною народа с правительством. Много уже человеческой крови на нем... Нет, им мало этого, и они ведут Россию к кровавому потоку. Уйдите! Одним этим вы окажете величайшее благо родине»¹. Очевидно, что публикации подобно рода только раскручивали спираль противостояния между парламентом и правительством, укрепляя уверенность депутатов, читавших провинциальную прессу, в том, что вся страна поддерживает их радикальные требования.

Получив известия о роспуске I Думы, члены редакции «Северной земли», по всей видимости, ждали народного взрыва. Именно поэтому в обращении к читателям они назвали роспуск парламента «ужасным и великим моментом», когда «судьба отчизны, судьба народа так внезапно оказалась в руках самого народа». Газета призывала не «мириться со сложившимся», но проявлять осмотрительность и согласовывать свои действия с «общим великим народным движением»².

Последними материалами «Северной земли» о I Думе стали перепечатанные из «Нашей жизни» статьи о Выборгском совещании депутатов, в которых излагалось в общих чертах содержание «Выборгского воззвания»³.

Как уже отмечалось в литературе, в 1906 г. местные губернские администрации продолжали действовать в отношении печати «прежними методами запретов и умолчаний»⁴. Администрация Вологодской губернии в полной мере использовала фигуру умолчания, полагая, что не стоит акцентировать внимание населения на деятельности российского парламента. Поэтому думская тематика практически не находила отражения на страницах официальной газеты «Вологодские губернские ведомости». Это приводило к тому, что политически неравнодушно население Вологодской губернии получало информацию о деятельности I Государственной Думы, в основном (не считая распространения в губернии центральных газет) в трактовке «Северной земли» — единственной общественно-политической газеты губернии в 1906 г. Естественно, что подобная трактовка в духе трудовой группы носила односторонний леворадикальный характер. Тем самым, информационное противостояние на уровне Вологодской губернии власти проиграли, о чем говорит характерный факт: из пяти избранных от губернии депутатов II Государственной думы четверо примкнули к трудовикам⁵.

Противопоставить левой пропаганде в Вологодской губернии властям было нечего, кроме административно-полицейских методов запрета. В итоге, в декабре 1906 г. по определению Московской судебной палаты издание «Северной земли» было приостановлено, а после решения суда полностью прекращено⁶. Вологодский губернатор А.Н. Хвостов, понимая значение прессы, сделал соответствующие выводы и с сентября 1907 г. организовал издание в Вологде газеты «Русский Север», ставшей, по сути, печатным органом местного отделения «Союза русского народа».

¹ Северная земля. 1906. 18 мая. С. 2.

² Северная земля. 1906. 11 июля. С. 2.

³ Северная земля. 1906. 13 июля. С. 2.

⁴ Кострикова Е.Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб., 2020. С. 50.

⁵ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 89.

⁶ Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2006. С. 131.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЗИЦИЯ ИЗДАНИЯ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ» В ПЕРИОД ДО И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В III ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (1907 г.)

ГАЛЕПА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА,

кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка
Центра дополнительного образования
Новочеркасского инженерно-мелиоративного института
имени А.К. Кортунова –
филиал ФГБОУ ВО Донской ГАУ,
Новочеркасск, Ростовская обл., Россия;
e-mail: galepa1@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию публицистических материалов издания «Приазовский край» в 1907 г. по парламентской тематике. На примерах редакционных заметок и авторских статей рассматривается отражение на страницах газеты политического момента «второго междуумья», а также периода после выборов в III Государственную думу на Юге России.

Ключевые слова: парламентская журналистика, II и III Государственная дума, кадеты, октябристы, конституция, публицистическая риторика, авторская позиция, средства языковой выразительности.

В переломные моменты истории, когда требуется консолидация всех здравомыслящих сил социума, публицистика была и остается ценным свидетельством настроений общества и направляющей силой в идеологическом поле. В настоящее время СМИ все больше осваивают цифровые форматы; традиционные газеты и журналы уходят в прошлое, однако понятие об авторской позиции и ее влиянии на аудиторию не теряет актуальности.

Царский Манифест от 3 июня 1907 г. о досрочном роспуске II Государственной думы ознаменовал фактическое завершение российской революции 1905–1907 гг. В документе, подписанном императором Николаем II, прямо указывается, какие цели ставились перед депутатами второго созыва и в чем они разочаровали царя и правительство: «К прискорбию Нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению Государства... Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетья»¹.

С июля 1907 г. на страницах «Приазовского края» публикуются обзоры под общим названием «К выборам» — редакционный материал, представляющий из себя дайджест сообщений на предвыборную тему из наиболее весомых изданий Российской империи.

¹ Государственная дума. Справочник. СПб., 1910. Вып. 2. С. 183–184.

«Приазовский край» — политическая, экономическая и литературная газета, ее первый номер вышел 1 сентября 1891 г., когда секретарь Нахичеванской-на-Дону городской управы, титулярный советник Серафим Христофорович Арутюнов, выкупивший до этого издание «Донское поле» и проведший большую организационную работу, выпустил в свет газету под новым названием. В 1893 г. С.Х. Арутюнов присоединил к «Приазовскому краю» газету «Ростовские-на-Дону известия», что позволило ему стать лидером печатного дела на Юге России. География издания неуклонно расширялась, к 1898 г. подписка на «Приазовский край» принималась не только в Ростове, но и в отделениях в Новочеркасске, Азове, Пятигорске, Таганроге, Мариуполе, Ейске, Керчи, Новороссийске, Екатеринодаре, Ставрополе, Харькове, Бахмуте, Бердянске. Сначала газета выходила 6 раз в неделю на 4–6 полосах, а с 1908 г. — дважды в день (утренний и вечерний выпуски) на 4 полосах. К 1917 г. газета достигла тиража в 42 000 экземпляров и по праву считалась одним из крупнейших российских региональных изданий. «Приазовский край» был закрыт в 1920 г. декретом В.И. Ленина как вражеское буржуазное издание¹.

Начиная с июльских номеров «Приазовского края» за 1907 г. и до момента выборов, издание перепечатывает материалы крупных российских газет («Русское слово», «Петербургский листок», «Торгово-промышленная газета», «Русь», «Биржевые ведомости» и др.) о подготовке к очередному избирательному циклу разных политических партий. К примеру, в одном из июльских номеров в рубрике «К выборам» размещены заметки о предстоящем 15 июля съезде монархистов, о решении центрального комитета «Союза 17-го октября» обратиться с особыми воззваниями к духовенству, о том, что подготовка октябристов к выборам в III Государственную думу продвигается вяло («все члены в разъезде, да и вообще петербургский отдел союза... не намерен принимать участия в предвыборной агитации»)².

В том же номере газеты размещена часть интервью с П.Б. Струве из «Русского слова». «Беседа на тему о современном политическом моменте неизбежно привела к вопросу о соглашении кадетов и октябристов»³, — пишет корреспондент. По данному вопросу Петр Бернгардович высказал мысль о том, что главная ошибка кадетов в настоящий момент заключается в том, что они слишком много внимания уделяют «прошлому» октябристов, а «политический момент определяется реальными комбинациями настоящего, а не критическими исследованиями прошлого... Люди меняются»⁴. П.Б. Струве считает, что целесообразно признать силу октябристов и направить эту силу в нужное русло: «Политик должен брать все силы, где бы он их ни нашёл»⁵. И выступает за предвыборное соглашение между октябристами и кадетами с целью объединения конституционных сил.

Опыт первых двух Государственных дум Российской империи привел к изменениям избирательной системы, цель которых, в том числе, состояла в увеличении русского населения по отношению к национальным меньшинствам. Этот аспект также нашел отражение на страницах «Приазовского

¹ Волошинова В.Ф., Шумов В.В. История донской журналистики. Справочник. Ростов-на-Дону, 2007. С. 114–116.

² К выборам // Приазовский край. 1907. 13 июля. № 183. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

края». Так, в № 187 от 17 июля 1907 г. передовица «К выборам» начинается заметкой из варшавского издания «Slovo», в которой сообщается, что генерал-губернатор предложил президенту города организовать из среды живущих в Варшаве русских избирателей специальный комитет «по делу об особой русской курии в Варшаве». Цель этого комитета — информировать русское население о предстоящих выборах и «помогать магистрату собирать сведения о русских выборщиках, что довольно трудно ввиду летнего времени»¹.

Далее, в том же выпуске, следует заметка из газеты «Дневник Виленский» о том, что некоторое число литовцев, «не желая иметь ничего общего при выборах с поляками», обращаются к виленскому генерал-губернатору с ходатайством о зачислении их в русскую курию².

Тема национальных курий будет продолжена и в последующих номерах «Приазовского края». В № 191 опубликована заметка из «Русского слова» о том, что петербургская колония поляков и еврейская народная группа будут голосовать за кадетов, «немецкая же группа примкнет к „Союзу 17-го октября“»³.

Часть материалов столичной печати, размещенная на страницах «Приазовского края», касается персоналий, имеющих отношение к Государственной думе II или будущего III созывов. В № 190 от 20 июля 1907 г. в рубрике «Столичные вести. К выборам» упоминаются кадеты В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, Ф.А. Головин, М.В. Челноков, «октябристы» А.И. Гучков, Ф.Н. Плевако⁴.

«Приазовский край» внимательно следит за всеми изменениями, которые происходят на партийном поле накануне выборов. Например, в заметке из «Торгово-промышленной газеты» читаем: «Правое крыло „союза 17-го октября“ недовольно общей позицией центрального комитета „союза“, который пытается найти почву для сближения с кадетами», в то время как правое крыло пытается сблизиться с монархическими группами. «Правое крыло партии... предполагает резко отдалиться от кадетов и заключить тесное соглашение с „союзом русского народа“»⁵.

В выборе редакцией материалов из столичных газет для размещения в «Приазовском крае» заметна настроенность на максимально широкий охват предвыборных тем, на объективное освещение избирательной кампании. Однако либеральный уклон все же чувствуется. Качественный и разнообразный контент из столицы, а также частота выхода номеров «Приазовского края» позволяют провинциальному читателю быть в курсе всех событий.

Большой интерес представляют собой авторские материалы рассматриваемого издания. В первой части статьи «Злободневные негативы» Н. Бороздин высказал ряд опасений и даже претензий относительно грядущих выборов. Аспекты, которыми недоволен автор: количество избирателей («это „всеобщее“ избирательное право! 12 000 избирателей на 200 000 жителей»), низкая явка избирателей («...из этих 12 000 привилегированных явится на выборы не более 50 процентов. Так было на первых и на вторых выборах»),

¹ К выборам // Приазовский край. 1907. 17 июля. № 187. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ К выборам // Приазовский край. 1907. 21 июля. № 191. С. 2.

⁴ Столичные вести. К выборам // Приазовский край. 1907. 20 июля. № 190. С. 2.

⁵ К выборам // Приазовский край. 1907. 21 июля. № 191. С. 3.

непрозрачность предвыборных процедур («избирательные списки составляются в глубокой тайне»), закрытость от прессы («репортеры были изгнаны из уединенной комнаты, где восседал синедрион составителей»), увлеченность предвыборными делами в ущерб городским проблемам («теперь — городские дела побоку»). Логика публикации автора приводит к однозначному выводу: «При той „свободе“ выборов, какая у нас циркулирует, все шансы на стороне правого блока»¹. Как станет известно после выборов, этот прогноз сбудется: III Государственная дума сделала резкий крен «вправо» в сравнении с I и II созывами. В более поздней публикации ей даже «заранее поспешили дать крестное имя „господской“»².

Во второй части этой публикации Н. Бороздин подробно рассматривает механизм, каким образом достигнут этот результат, а вернее, будет достигнут. Автор описывает и критикует подходы к двум предстоящим избирательным съездам, процедура проведения которых будет основана на новом избирательном законе, призванном обеспечить, «чтобы среди выборщиков доминировал первый разряд», опора «правого порядка», т.е. крупные землевладельцы. Н. Бороздин завершает повествование саркастическим высказыванием: «И выборы пройдут благополучно...». Многозначие в конце статьи представляет собой умолчание — средство художественной выразительности, состоящее «в экспрессивно-эмоциональном обрыве высказывания, предполагающем возможность... догадаться, что именно осталось невысказанным»³. Таким образом, автор «перетягивает» читателей на свою точку зрения: сначала перечисляет массу недостатков начавшейся избирательной кампании, тщательно, с опорой на цифры, доказывает, что выборщики не смогут стать объективным отражением чаяний населения, а в конце намекает о якобы благополучном завершении выборов, применяя умолчание. Ясно, что у читателей должно возникнуть ощущение полного совпадения с мнением автора и чувство справедливого негодования по поводу предстоящей III Государственной думы.

Еще больший интерес с точки зрения трансляции авторской позиции представляет собой эссе под названием «Письма о Думе» Бориса Ф. Его публикации на страницах «Приазовского края» возникли с начала работы III Государственной думы. Первое эссе, посвященное перипетиям избрания Председателя Думы и его заместителей (товарищей), заняло 8 колонок, т.е., если учесть, что «Приазовский край» печатался форматом А2, то это целая полоса!⁴ (№ 298 от 10 ноября 1907 г.). Объем публикации свидетельствует о небывалом интересе у читателей такой злободневной темы, как открытие новой Думы. Автор подробно описывает, как вели себя «правые» и «левые» на первых заседаниях, как кадеты обманулись в своих ожиданиях относительно договоренности с октябристами (о том, что из двух товарищей председателя один должен быть кадет). Борис Ф. явно симпатизирует кадетам, его отношение сформулировано в таких эмоциональных высказываниях: «...правые, упоенные своею победою, ...злорадствуют вовсю, как бы спеша выместить за все свои унижения, которые им пришлось вынести в первой и второй Думах», «кадетам и пикнуть не дадим... Будет же им командовать... Поцарствовали и достаточно». Экспрессии добавляют эпитеты и метафоры:

¹ Бороздин Н. Злободневные негативы // Приазовский край. 1907. 26 июля. № 196. С. 3.

² Отголоски печати // Приазовский край. 1907. 10 октября. № 276. С. 2.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 485.

⁴ Борис Ф. Письма о Думе // Приазовский край. 1907. 10 ноября. № 298. С. 2–3.

«злейшее политическое коварство», «политические младенцы», «октябристский златоуст Плевако»¹.

В следующем номере газеты Борис Ф. рассказывает, как он посетил «кадетский клуб на Потемкинской». Ценность этой публикации состоит в том, что в ней отражены позиции донских депутатов М.С. Аджемова и М.С. Воронкова по поводу произошедших событий. Так, М.С. Аджемов возмущен поступком графа Уварова, который призвал не руководствоваться наказом II Думы при проверке депутатских полномочий на том основании, что «он [наказ] был выработан прежними Думами»². Со слов же М.С. Воронкова, автор публикации повествует о поведении казаков-депутатов Кадацкого, Кравцова и Петрова, которые по прибытии в Петербург вначале «дружили» с кадетами, а потом дали себя переманить в стан «правых». Завершает статью Борис Ф. прогнозом: последуют события неутешительного характера.

«Письма о Думе» того же автора в № 307 от 19 ноября 1907 г. знакомят читателя с заседанием Государственной Думы 13 ноября того же года, которое автор называет историческим. Впервые в публикациях Бориса Ф. появляется слово «конституция» и попытка подобрать к нему дефиниции. Таковы выражения: «законодательные труды», «права народного представительства, упроченные основными законами Империи». Главным итогом заседания автор считает состоявшийся факт — «большинство Думы объявило себя сторонниками конституции!» Далее Борис Ф. открыто заявляет свою позицию: «И мы не можем не приветствовать улучшения в Думе позиций, занятых истинными конституционалистами»³.

Интересно понять, кто же этот автор — Борис Ф.? Кто же скрывается за этим псевдонимом? С большой долей вероятности можно предположить, что это Борис Давидович Флит⁴. Свои публикации в разных изданиях он подписывал как Б.Ф., Борис Ф., Весёлый философ, Маллори, Незнакомец и др. Наибольшую известность ему принесла деятельность, связанная с одесскими литературно-художественными и сатирическими журналами «Огонек», «Крокодил», «Бомба», где Борис Флит был не только журналистом, но и редактором. Однако первые его заметки выходят еще в 1904 г., в Кременчуге, откуда он родом. В 1906 г. он поступил на естественный факультет Новороссийского университета вольнослушателем. Это позволяет выдвинуть предположение, что в 1906 г. Борис Флит бывал в Новороссийске и действительно мог сотрудничать с изданием «Приазовский край», которое с конца XIX века имело там свой филиал.

Так что связь с «Приазовским краем» весьма и весьма вероятна. Личность Бориса Давидовича Флита вообще очень интересна, его судьба отразила трагическое время начала XX века. О.И. Киянская и Е.Л. Яворская в статье «Одесский сатирический журнал „Бомба“: из материалов уголовного дела журналиста Бориса Флита»⁵ пишут, что он был очень плодovit как работник пера. В одном из номеров «Бомбы» была помещена карикатура на Флита, где

¹ Там же.

² Борис Ф. Письма о Думе // Приазовский край. 1907. 11 ноября. № 299. С. 2.

³ Борис Ф. Письма о Думе // Приазовский край. 1907. 19 ноября. № 307. С. 2.

⁴ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 165.

⁵ Киянская О.И., Яворская Е.Л. Одесский сатирический журнал «Бомба»: из материалов уголовного дела журналиста Бориса Флита // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 1 (34). С. 23–30.

он изображен пишущим и руками, и ногами, а подпись под рисунком гласит: «В натуре [Флит] немножко хуже этого шаржа. Правой рукой пишет фельетоны для „Одесских новостей“, левой — для „Сатирикона“, правой ногой — пьесы, а левой — редактирует „Бомбу“...» Коллеги называют его стиль опереточным. В 1920-х годах Флит переехал в Москву. Под разными псевдонимами писал статьи и фельетоны в большинство московских изданий, был постоянным сотрудником московского журнала «Крокодил», печатал сборники собственных фельетонов (часть из них доступна в Интернете). Активно участвовал в литературной жизни Москвы. М.А. Булгаков считал Флита одним из своих гонителей¹.

Советскую власть бывший редактор «Бомбы» очень не любил. В апреле 1935 года Флита арестовали, ему предъявили обвинение в том, что он проводил «систематическую контрреволюционную агитацию среди журналистов», и сослали на 3 года в Оренбург. Больше о нем коллеги не слышали. И только из материалов его уголовного дела, рассекреченного гораздо позже, стало известно, что в 1937 году Флит был расстрелян. В 1957 году по вновь открывшимся обстоятельствам дело журналиста было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. В том же году Борис Давидович Флит посмертно реабилитирован.

¹ Там же.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРЛАМЕНТА, ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОБЩЕСТВА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

АРОНОВА СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА,

доктор экономических наук, профессор,
директор департамента международных связей
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева,
Орел, Россия;
e-mail: aronovasa@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается специфика поднимаемых экономических вопросов в деятельности Государственной думы России в период с 1906 по 1917 г. Анализ осуществляется в контексте сопоставления с аналогичными тенденциями за рубежом (в странах Европы и США). Осуществлена попытка выявления с учетом развития парламентаризма, как круг озвучиваемых в динамике деятельности Думы проблем соответствовал российским реалиям и чаяниям различных слоев общества. Показан процесс взаимодействия по выдвигаемой проблематике представителей российского парламента, правительства и общества в целом.

Ключевые слова: парламентаризм, экономическая проблематика, аграрный вопрос, финансовое законодательство, трудовое законодательство, протекционизм, бюджетное регулирование, взаимодействие Государственной думы, российского правительства и общества.

Рубеж XIX–XX вв. — особая эпоха для расширения государственного регулирования экономики в наиболее развитых странах мира, включая Россию. Именно в этот период концепция невмешательства государства в хозяйственную жизнь начинает отходить на второй план в силу различных причин и обстоятельств. Происходит постепенно осознание необходимости государственного вмешательства. Экономическая проблематика все больше входит в круг вопросов, по которым ведутся активные дебаты в парламентах многих европейских стран и в США. Не исключением стала Государственная дума Российской империи. Кроме того, развитие парламентаризма и расширение функционала парламентов влияют на данные процессы и ускоряют их. Данная тенденция не обошла и российскую практику. Это было естественным запросом общества, которое воздействовало на практику государственного управления через национальные парламенты.

Перед переходом к анализу взаимодействия парламентариев, правительства, представителей общества в рамках решения проблем хозяйственной практики отметим, что исследователи предшествующих лет не исключали полностью необходимость государственного регулирования (меркантилисты). Этой позиции придерживался И.Т. Посошков.

Среди последующих экономистов, не отрицавших роль государства в экономике, можно упомянуть А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Миля. Но это было допущением возможности государственного регулирования, а не его обоснованием. На рубеже XIX–XX вв. стало явным, что повторяющиеся периоды инфляции и безработицы, мировые экономические кризисы, появление

монополий, активизация профсоюзного движения и иные процессы требуют расширения сферы государства в экономике.

Анализ партийных и парламентских документов дает возможность выявить общее и специфическое с позиций экономико-исторической компаративистики в развитии проблематики и вырабатываемых решений.

К основным экономическим вопросам, актуальным для рассмотрения в парламентах в начале XX в., можно отнести трудовое законодательство; антимонопольную политику; протекционистские меры и степень открытости торговли; поддержку национальной промышленности, банков; налогообложение; бюджетные вопросы и аграрный вопрос. Степень их значимости в парламентах разных стран не одинакова, что вполне укладывается в концепцию различий социально-экономического уровня развития и влияния материальных условий на политические дебаты. Систематизация по уровню значимости экономической проблематики показывает следующее.

Таблица 1

Сопоставление круга экономических вопросов в парламентах России, Европы и США (по степени значимости)

Россия	Европа	США
Аграрный вопрос	Бюджетное регулирование	Антимонопольное регулирование
Финансовое законодательство	Трудовое законодательство	Финансовое законодательство
Трудовое законодательство	Аграрный вопрос	Протекционизм
Бюджетное регулирование	Антимонопольное регулирование	Трудовое законодательство
Протекционизм	Финансовое законодательство	Бюджетное регулирование
Антимонопольное регулирование	Протекционизм	Аграрный вопрос

В России на первое место явно выходит аграрный вопрос, а в парламентах европейских стран и США он имеет меньшее значение. Вопросы антимонопольного регулирования, активно обсуждаемые в США, практически в России не поднимаются. Это укладывается в концепцию А. Гершекрона о трех эшелонах развития мирового капитализма, согласно которой страны первого эшелона (Северной Америки и Западной Европы) к началу XX в. прошли многие этапы формирования экономических отношений, ибо к модернизации приступили с XIV в., а Россия, страны Восточной Европы, Турция и Япония проходили эти процессы с опозданием. Они относятся ко второму эшелону — с началом преобразований в конце XVIII — середине XIX вв.¹ Это обусловило разную роль государства в экономике: от заметной в Западной Европе и США до значительной в Восточной Европе, России, Турции, Японии.

¹ Herschenkman A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.): Harvard, 1962. P. 353–364.

Анализ деятельности I–IV Государственной думы России в 1906–1917 гг. и активность рассмотрения экономических вопросов в динамике показывают наличие определенной эволюции.

Таблица 2

Динамика экономической проблематики в I–IV Государственной думе России в 1906–1917 гг.

I Дума	II Дума	III Дума	IV Дума
24 апреля — 8 июля 1906 г.	20 февраля — 2 июня 1907 г.	1 ноября 1907 г. — 9 июня 1912 г.	15 ноября 1912 г. — 6 октября 1917 г.
Основные экономические вопросы: аграрный	Основные экономические вопросы: аграрный	Основные экономические вопросы: аграрный, рабочее законодательство, бюджетное регулирование	Основные экономические вопросы: бюджетное законодательство, протекционизм
Затрагиваемые экономические вопросы: бюджетный вопрос, рабочее законодательство, финансовая помощь	Затрагиваемые экономические вопросы: бюджетное регулирование, рабочее законодательство, финансовая помощь	Затрагиваемые экономические вопросы: протекционизм, налоговое законодательство, помощь промышленности и торговле	Затрагиваемые экономические вопросы: аграрный вопрос, рабочее законодательство, налоговое законодательство, биржи, государственные займы

Актуальность дискуссий экономического толка, по которым все действующие партии России вырабатывали свою программу, определялась мейнстримом модернизации российской экономики и определенной незавершенностью реформ 60–70-х гг. XIX в., в первую очередь аграрной и финансовой. Государственная дума России отличалась от ее западных парламентов ограниченностью в правах. Взаимодействие законодательной и исполнительной власти было достаточно противоречивым в период деятельности Государственной думы всех четырех созывов, что сказывалось на эффективности решаемых вопросов. Следует, однако, отметить, что уровень противостояния по многим вопросам имел тенденцию к понижению при решении экономических проблем на протяжении 1906–1917 гг.

Аграрная проблематика продолжала оставаться центральной среди всех экономических вопросов, начиная с первой Думы до 1917 года включительно, что соответствовало как чаяниям общества, так и интересам многих представителей власти имущих, допущенных в Думу. Однако, интенсивные процессы индустриализации в России в конце XIX столетия активизировали так называемый «рабочий вопрос», связанный с продолжительностью рабочего времени, регулированием экономических забастовок, страхованием, легализацией деятельности профсоюзов и т.п. Это укладывалось в парадигму общеевропейской повестки, поскольку процессы, связанные с развитием промышленности, протестным движением индустриальных рабочих и необходимостью регулирования труда и доходов пролетариев, были весьма характерны для многих партий и парламентов в Европе.

Не исключением в рамках взаимодействия парламентариев, членов Правительства и российского общества были дебаты по поводу бюджета, финансовой помощи, деятельности банков, финансовых преобразований (особенно обсуждение целесообразности деятельности С.Ю. Витте). Большое значение в рамках финансовых приоритетов играли вопросы протекционизма, налоговой политики. Изменение таможенных тарифов и пошлин объективно было обусловлено инновационными преобразованиями в аграрной сфере, в промышленности и торговле, в центре и на национальных окраинах, продолжением колонизации, модернизации денежной системы. Государственная дума рамках обсуждения названного круга экономических проблем вынуждена была лавировать между интересами различных экономических и поэтических агентов.

Не стоит недооценивать участие Думы в рассматриваемый период в воздействии на финансовую политику страны. Законодательство свидетельствует о наличии у нее полномочий в области утверждения государственной росписи доходов и расходов. Дума могла отчасти контролировать и внешние заимствования государства. В то же время наличие многих ограничений данных полномочий, противоречия с представителями российского правительства, включая фигуру министра финансов, наличие разногласий с весьма консервативным Госсоветом фактически привели к выведению существенной части доходно-расходной части бюджета из ведения Думы. Именно утвержденные до начала работы Думы Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов явились основанием новой бюджетной политики страны¹.

Основные экономические вопросы, рассматриваемым в I Думе: в рамках аграрного вопроса — отмена выкупных платежей и передача земель в собственность; в рамках рабочего законодательства — размер заработной платы и отмена штрафов; в области бюджетных вопросов — функционал Думы в области бюджетных расходов и проблема сбалансированности бюджета; вопросы одобрения финансовой помощи промышленности и торговле, а также пострадавшим от неурожая.

Ключевым был аграрный вопрос, а точнее такой его аспект, как принудительное отчуждение частновладельческих земель. С 15 мая по 6 июня 1906 г. парламентарии рассматривали проекты земельной реформы с целью передачи их в аграрную комиссию. Фактически он стал основанием того, чтобы в течение нескольких недель после начала работы между Думой и правительством произошел разрыв. На обсуждение I Думы, помимо правительственного, были выдвинуты законопроекты: кадетов, трудовой группы, фракции социалистов-революционеров². Совет министров фактически объявил о реформе в правительственной интерпретации. Дума сочла, что исполнительная власть не может не подчиняться законодательной. Принятый Думой проект аграрного закона был отклонен, что вызвало кризис и вынесение вотума полного недоверия Совету министров. 8 июля 1906 г. Дума была распущена.

Из всех экономических законопроектов был принят только один — об ассигновании 15 миллионов рублей в помощь населению губерний, пострадавших

¹ Высочайше утвержденные правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных от 8 марта 1906 г. // ПСЗ-3. Т. XXVI. Отд. I. № 27505. С. 223–225.

² Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы. М., 2006. С. 656.

от неурожая. Процедура его принятия в условиях жесткой конфронтации между Думой и правительством достаточна, интересна и показала возможность достижения компромисса. В итоге документ прошел обе палаты, хотя объем помощи был иным, чем запрашивало правительство¹.

Что касается остальных экономических вопросов (например, проблем регламентации трудовых отношений), то в рамках сессий они не рассматривались, несмотря на наличие обещаний, значимость в революционных событиях 1905–1907 гг. и отражение в соответствующих запросах. Главная причина — конфликтное противостояние правительства и нового законодательного органа.

К основным экономическим вопросам, которые были затронуты во II Думе, можно отнести следующие: в рамках аграрного вопроса — передача земель в собственность и проблема крестьянской задолженности; в рамках рабочего законодательства — ограничение рабочего времени и урегулирование права на экономические забастовки; в области бюджетных вопросов — ограничение преференций окраинам и проект изменения денежной системы; вопросы оказания финансовой помощи кустарной промышленности и агропромышленным предприятиям.

Аграрный вопрос во II Думе оставался главным: каждая фракция представила свой проект. Дума занималась рассмотрением продовольственного вопроса, принимала госбюджет на 1907 г. Как ни парадоксально, но среди получивших силу закона законопроектов два касались снова помощи пострадавшим от неурожая. О том, что законодательная власть и исполнительная вновь не находят общего языка, свидетельствует такой факт: правительством России в Думу было внесено 287 законопроектов, из них одобрено: 20.

Вопросы трудового законодательства, включая рабочее время, по-прежнему на сессиях не рассматривались, несмотря на обсуждение в комиссиях. Фактически, законодательная деятельность российского парламента была ограничена субъективными и объективными причинами. Противоборство законодательного и исполнительного органа не позволяло проводить эффективную работу по почти всему спектру экономических вопросов, включая рабочее законодательство.

Дума III созыва начала работать 1 ноября 1907 г. Основные экономические вопросы, которые были затронуты во время ее деятельности в рамках аграрного вопроса: передача земель в собственность и появившаяся проблема сельской общины; в рамках рабочего законодательства — ограничение рабочего времени, урегулирование права на экономические забастовки, вопросы социального страхования; в области бюджетных вопросов — законопроект об изменении бюджетного правила от 8.03.1906 г., проблема бюджетных приоритетов и покрытия бюджетного дефицита; протекционистские меры (пересмотр таможенных тарифов, отмена беспошлинного ввоза ряда товаров и закрытие порто-франко на Дальнем Востоке), поддержка промышленности и торговли (новый порядок открытия торговых и промышленных предприятий), налоговая реформа.

Уровень конфронтации законодательной и исполнительной ветвей власти в России стал затихать. В итоге, III Дума одобрила ряд правительственных законопроектов. В области налогообложения выросли оборочная подать в Сибири, земельный налог на Кавказе, надбавлены гербовые сборы. Все

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. 1906 г. СПб., 1906. Ч. 2.

мероприятия проводились с одобрения соответствующих комиссий и парламентариев¹.

Важным итогом деятельности III Думы по регулированию трудовых отношений стали законы по страхованию рабочих в случаях травматизма, инвалидности, заболеваний («О страховании рабочих от несчастных случаев» и «Об обеспечении рабочих на случай болезни»). Они были приняты² и получили одобрение и со стороны промышленников³. Законы были подписаны Николаем II⁴. Они были достаточно прогрессивны для своего времени, т.к. в их основу были фактически заложены принципы социального партнерства.

Что касается отражения интересов промышленников и торговцев в Думах всех созывов, то наиболее значимой думской комиссией, от деятельности которой зависело исполнение намерений российских предпринимателей, была финансовая. В силу этого такая фракция, как октябристы, ввела в нее наиболее значимых своих представителей, а также возглавила ее.

К основным экономическим вопросам, рассматриваемым в IV Думе, можно отнести: бюджетное законодательство (налогообложение и добавочные доходы; открытое утверждение использования средств; размер бюджетного дефицита); протекционизм (защита собственной промышленности и торговли; поддержка коммерческих банков); рабочее законодательство (социальное страхование; рабочее время; профсоюзы); государственные займы (объемы займов, бюджетное правило; целевой характер займов). IV Дума продолжила разработку проекта реформы обложения наследственных имуществ. Налогообложение национальных окраин, Сибири и Дальнего Востока увеличилось вопреки стремлениям либеральной части депутатов создать единую систему государственных тарифов и налогов. Возможная причина — улучшение состояния государства в финансовом плане после значимых урожаев 1909 и 1910 гг.

Это краткое перечисление наиболее значимых проблем экономического характера, обсуждение которых связано как с политической позицией парламентариев, так и с ориентацией на определенные электоральные группы.

Таблица 3

Контекст соответствия электоральным предпочтениям

Группы электората	Аграрии	Промышленники и торговцы	Рабочие	Крестьяне
Основные интересы	Завершение земельной реформы, преференции, налогообложение	Защита национальной промышленности: протекционизм, финансовая помощь, денежная реформа	Трудовое законодательство: ограничение рабочего времени, штрафов, заработная плата, экономические забастовки, социальное страхование	Завершение аграрной реформы, преференции, налогообложение
Итоги	Противоречивость	Совпадение интересов	Частичное решение	Противоречивость

¹ Государственная дума. Третий созыв: стеногр. отчет. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 4.

² Государственная дума. 3-й созыв. 5-я сессия. СПб., 1912. Ч. 2. С. 67, 107.

³ Промышленность и торговля. 1908. № 1. С. 24.

⁴ ПСЗ-3. Т. XXXII. № 37446. С. 855–868, 868–882.

Отечественные публицисты отмечали существование территориальной дифференциации электорального пространства. А. Стахович писал, что многие избиратели и многие уполномоченные старались во что бы то ни стало избрать в выборщики или члены Думы непременно лицо из своего села, волости¹.

Стоит попытаться оценить степень решенности различных экономических вопросов парламентариями с учетом ожиданий электората и конечной реализации, что также отражают социологические исследования и ретроспективный анализ деятельности думских фракций в 1906–1917 гг.

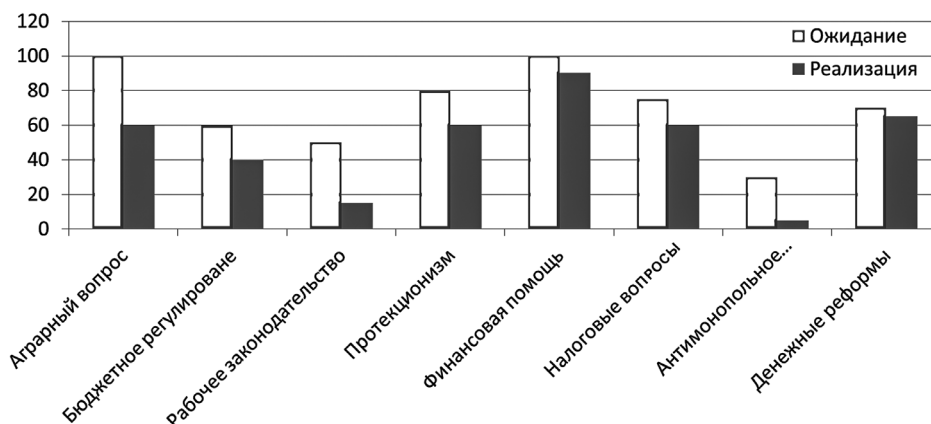

Рис. 1. Степень решенности различных экономических вопросов

Фактологический вывод позволяет указать следующее: российские парламентарии действовали вполне в контексте мейнстримовой тенденции расширения функций государства в экономике на рубеже XIX–XX веков. Специфика их деятельности была связана с особенностями становления российского парламентаризма и капитализма и отражала в достаточной степени электоральные предпочтения и особенности социально-экономической среды. Конфликт между законодательной и исполнительной властью не позволял действовать достаточно эффективно.

¹ Стахович А. Как и кого выбирать в Государственную думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М., 1907. С. 14.

ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ПРОБЛЕМА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ВЫСЕЛЕНИЯ ЕВРЕЙСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916 гг.)

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.)

Института истории и социальных наук

РГПУ имени А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru, zlatmari@yandex.ru

Аннотация: В статье поднимается вопрос о степени и формах вовлечения членов Государственной думы в разрешение проблемы принудительного выселения еврейских жителей театра боевых действий и прифронтовой зоны в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: беженцы, выселенцы, эвакуация, Особое совещание по устройству беженцев, Государственная дума, Первая мировая война.

Манифесты, подписанные Николаем II 20 июля и 26 июля 1914 года, объявляли о вступлении Российской империи в войну против Германии и Австро-Венгрии: страна втягивалась в Первую мировую. Первые бои прошли уже в двадцатых числах июля 1914 года¹. И практически одновременно с началом военных действий возникло явление беженства. Поскольку сражения проходили на территории Царства Польского и западных губерний России, основных местах проживания еврейского населения, большую часть беженцев составили именно евреи. Но, помимо добровольного бегства, для еврейского населения оказалось характерным еще одно явление — насильственное выселение их военными властями из прифронтовой зоны. Архивные материалы и пресса периода Первой мировой войны подтверждают данные факты. Так, в докладе Московскому еврейскому обществу помощи жертвам войны от уполномоченного сообщалось, со слов очевидцев, что «уже 29 июля 1914 еврейскому населению было приказано покинуть город (Мышенец, Ломжинской губ. — М.З.)»².

Беженцы и выселенцы из западных губерний — в первый год войны значительное место среди них занимали евреи, поэтому в статье именно им будет уделено внимание, — надеялись, что в сложившейся сложной ситуации им, в том числе, помогут депутаты Государственной думы. Особые надежды связывались с М.Х. Бомашом (депутатом от города Лодзь Петроковской губернии, входившим во фракцию кадетов) и Н.М. Фридманом (также член фракции партии народной воли, представитель Гродненской губернии). Тем более, что оба вышеозначенных члена Госдумы в сентябре 1914 года стали

¹ Хроника // Речь. 1914. 22 июля (4 августа).

² Сведения о выселении евреев из прифронтовой полосы // ГА РФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167. Л. 116.

учредителями «Общества для вспоможения семьям евреев-воинов и еврейскому населению, пострадавшему от военных действий». Также надеялись на помощь со стороны Э.Б. Гуревича, депутата от Курляндской губернии, тоже кадета. Но писали еврейские вынужденные мигранты не только членам Государственной думы из числа евреев, к другим думцам также обращались по мере возможности.

Однако первые послания были связаны не столько с просьбой остановить или хотя бы приостановить само выселение, сколько с озвучиванием проблемы невозможности даже временно находиться вне черты оседлости для тех, кто вынужден покинуть родные края из-за войны, и чьи родственники жили во внутренних губерниях Российской империи¹. В августе 1914, когда наплыв еврейских беженцев стал еще больше, в русской провинциальной и столичной прессе («Двинской мысли»², «Петроградском курьере»³) начали печатать сообщения о получении «еврейскими депутатами целого ряда телеграфных ходатайств от евреев — жителей пограничных местностей, в которых они просят, чтобы им разрешили поселиться на время войны вне черты оседлости». В редакцию еврейского журнала «Новый восход» «то и дело обращаются с указаниями на то невозможное положение, в котором очутились беглецы из западных губерний. Их, по военным соображениям, выселили, или они были вынуждены бежать из родных местечек, все их родственники и друзья проживают во внутренних губерниях, а когда они явились к последним, ища у них приюта, — их выселяет полиция. Множество таких случаев зарегистрировано в самом Петербурге»⁴. Есть свидетельства, что некоторые из этих запросов — обращений к депутатам Думы — удавалось довести до сведения правительства. Так, например, на заседании Совета министров от 30 июля 1914 г. было рассмотрено, в том числе, прошение от Петербургской еврейской общины касательно еврейских беженцев, переданное в Совет через председателя Государственной думы М.В. Родзянко, поскольку «прибывшая из Торнео в Петербург группа евреев, выселенных из-за границы, на вокзале была задержана полицией, которая не хотела пропустить их в город, как не имеющих права жительства. Евреи по телефону обратились к некоторым депутатам, в том числе к П.Н. Милокову. Милоков по телефону попросил содействия у М.В. Родзянко. Родзянко поехал к И.Л. Горемыкину и сообщил ему об этом случае». Председатель Совета министров «немедленно распорядился по всем полицейским участкам и на все вокзалы о том, чтобы евреям, возвращающимся из-за границы, была дана возможность беспрепятственно жить в Петербурге»⁵. В итоге на заседании Совета министров было решено не выселять еврейских беженцев из-за границы в течение двух месяцев со дня прибытия в Петербург⁶. Правда, с реализацией этого решения на деле было отнюдь не все так гладко, согласно архивным материалам⁷: все зависело от решения градоначальника, скоординированного с министерством внутренних дел. Но попытки решить проблемы, заявленные в обращении к депутатам, имели место и даже иногда действительно разрешались в пользу просителей.

¹ Ст. Выселения // Новый восход. № 30. 1914. 31 июля. С. 5.

² Ходатайство евреев // Двинская мысль. 1914. 24 августа.

³ Ходатайство евреев // Петроградский курьер. 1914. 19 августа.

⁴ Ст. Неотложное // Новый восход. № 32. 1914. 14 августа. С. 1.

⁵ Права евреев // Двинская мысль. 1914. 8 августа.

⁶ Яхонтов А.Н. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 366.

⁷ См. материалы: РГИА. Ф. 1284. Оп. 224.

Но все это были единичные случаи реакции думцев на запросы от населения, тем более что Государственная дума пока еще была распущена на каникулы. Однако собравшийся на третью сессию (с 27 по 29 января 1915 года) главный орган народного представительства обошел стороной вопрос о положении еврейских беженцев. В своих мемуарах П.Н. Милюков писал, что «за день до открытия сессии Думы 27–29 января 1915 г. устроили частное совещание думской комиссии обороны с участием министров. Говорить на этом совещании пришлось, главным образом, Шингареву и мне (П.Н. Милюкову — М.З.). Я, со своей стороны, остановился на отношении Маклакова к печати, к национальностям — полякам, евреям — и к политике в Галиции»¹. Но дальше кулуарных разговоров дело не пошло. На заседаниях зимней сессии Государственной Думы 1915 года представители кадетской партии продолжали придерживаться политики единения во имя войны, не поднимая вопроса о беженцах. Еврейский депутат Н.М. Фридман лишь вскользь упомянул, что «за истекшие шесть месяцев евреи пережили многое и страшное. На долю их выпали неожиданные испытания, усугубившие и без того тяжкий гнет бесправия», но «в час борьбы с внешним врагом» он не станет заострять на этом внимания; далее шла речь об исполнении долга еврейским населением перед родиной². Подняли вопрос о политике в отношении еврейского населения западного края только представители трудовой группы. В.И. Дзюбинский выступил с речью, в которой говорилось о том, что «наше правительство не только не прекращает прежние системы гонений, но и, совершенно не считаясь ни с переживаемым моментом, ни с огромными жертвами, которые несет вся разноплеменная Россия, делает невыносимой жизнь бесправных евреев <...>»³. Но данное заявление не было поддержано другими фракциями. И в формуле перехода никак не был отражен вопрос о политике в отношении еврейских беженцев, в том числе об их насильственном выселении. Главный орган выражения общественного мнения на данном этапе решил промолчать.

Основную роль в попытке решить проблему насильственного выселения евреев с театра военных действий и прифронтовой зоны взяли на себя делегации еврейских общественных деятелей, в состав которых вошли и евреи — депутаты Государственной думы 4-го созыва. Еврейские депутации стремились попасть на прием к министрам царского правительства и представителям местных органов власти. Так, 12 февраля 1915 г. была принята председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным еврейская делегация в составе члена Государственной Думы Н.М. Фридмана, прис. пов. О.О. Грузенберга и члена правления варшавской еврейской общины Давидсона (другой вариант — Давидзона⁴). Председателю Совета министров было сообщено о положении еврейского населения в Польше в районе военных действий и высказана просьба о помощи в прекращении массовых выселений евреев. «Горемыкин выразил депутации свое сочувствие и обещал оказать содействие»⁵. При этом председатель Совета министров прямо расписался в своей бессилии разрешить сложившуюся ситуацию, как в вопросе прекращения выселения евреев: «Что же делать... Центральное правительство тут ни при чем...», так и по поводу отмены черты оседлости: «Если Вы имеете в виду расселение вне черты

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 397.

² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия третья. СПб., 1915. Стб. 33.

³ Там же. Стб. 150.

⁴ Хроника // Петроградские ведомости. 1915. 14 февраля.

⁵ Хроника // День. 1915. 13 февраля.

оседлости, я не могу... закон»¹. Но И.Л. Горемыкин обещал написать верховному главнокомандующему и «о содействии Енгальчеву (Варшавский генерал-губернатор)»². Впоследствии, 23 февраля 1915 года, депутат Н.М. Фридман в индивидуальном порядке посетил И.Л. Горемыкина, передав ему докладную записку по вопросу о положении евреев в Царстве Польском³. В тот же день, 23 февраля, члены Государственной думы Н.М. Фридман и М.Х. Бомаш «посетили министра иностранных дел С.Д. Сазонова» с той же целью: «ознакомить его с печальным положением евреев в Царстве Польском. Судя по сохранившейся стенограмме совещания, министр иностранных дел был в курсе событий, происходивших с еврейским населением в западных губерниях»⁴. С.Д. Сазонов обещал содействие в деле облегчения участи евреев»⁵. Причина посещения с просьбой о помощи именно министра иностранных дел могла быть связана с тем, что, по сведениям историка М.Ф. Флоринского, «министром, находившимся более или менее в курсе относительно ситуации на фронте, намерений Ставки, был именно С.Д. Сазонов. При штабе верховного главнокомандующего возникла целая дипломатическая канцелярия, во главе которой встал один из служащих Министерства иностранных дел Н.А. Кудашев. Через Кудашева Ставка поддерживала контакты с Министерством иностранных дел»⁶. И именно с Кудашевым обещал связаться С.Д. Сазонов, чтобы передать ходатайства еврейской депутации верховному главнокомандующему. «Н.М. Фридман: „Мы просили бы Вас обратить внимание верховного главнокомандующего“. С.Д. Сазонов: „Непременно, непременно... Это я сделаю. У меня там свои представители, в ставке... Князь Кудашев — беспристрастный человек“»⁷.

В связи с прошедшими в январе — феврале 1915 года выселениями евреев из местечек Варшавской губернии, а также слухами о возможном массовом выселении к варшавскому генерал-губернатору П.Н. Енгальчеву 5 марта 1915 г.⁸ прибыла «еврейская депутация в составе председателя варшавской общины и делегатов от Радомской и Келецкой губерний с ходатайством об улучшении положения евреев»⁹. Обращение за помощью к П.Н. Енгальчеву могло быть

¹ Еврейская депутация у И.Л. Горемыкина. Депутация состояла из члена Государственной думы Н.М. Фридмана, прис(яжного) пов(еренного) О.О. Грузенберга и члена Правления Варшавской Еврейской общины г. Давидсона (*Яшунский И.* Российское еврейство и Мировая война. Приложение № 1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm#k9>).

² Там же.

³ За неделю // Новый восход. № 8. 1915. 27 февраля. С. 34.

⁴ Беседа с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым членов Государственной думы Н.М. Фридмана и М.Е. Бомаша 23 февраля 1915 г., Петроград (*Яшунский И.* Российское еврейство и Мировая война. Приложение № 1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm#k9>).

⁵ За неделю // Новый восход. № 8. 1915. 27 февраля. С. 34.

⁶ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 164.

⁷ Беседа с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым членов Государственной думы Н.М. Фридмана и М.Е. Бомаша 23 февраля 1915 г., Петроград (*Яшунский И.* Российское еврейство и Мировая война. Приложение № 1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm#k9>).

⁸ Ходатайство Радомских евреев // День. 1915. 6 марта.

⁹ Еврейская депутация у Варшавского генерал-губернатора // Минский голос. 1915. 12 марта.

вызвано и тем, что его содействие в деле еврейских выселенцев обещал еврейской депутации И.Л. Горемыкин. «Генерал-губернатор принял депутацию благосклонно и потребовал представить ему докладную записку»¹. Но, поскольку никаких ответных действий по представленным вопросам не было принято, в марте 1915 года еврейские общественные деятели вновь посетили председателя Совета министров и министра иностранных дел, а также министра внутренних дел Н.А. Маклакова и министра финансов П.Л. Барка. «На днях, 19 марта 1915 года², министром внутренних дел Н.А. Маклаковым была принята еврейская депутация из членов Государственной думы Н.М. Фридмана, М.Х. Бомаша, представителя еврейской общины города Радома Бекермана и представителя города Кельцы Мардера. Депутация имела с министром продолжительную беседу о положении и нуждах еврейского населения, находящегося в районе военных действий»³. Н.А. Маклаков, как и прежде И.Л. Горемыкин, расписался в своем бессилии повлиять на политику, проводимую военными властями в районе боевых действий. «Все эти вопросы находятся в компетенции военных властей. Хотя я и знал все, что вы мне сейчас сообщили, я ничего не могу сделать. Я не могу вмешиваться»⁴.

«Еврейские депутаты Н.М. Фридман и М.Х. Бомаш посетили министра финансов П.Л. Барка и представили ему докладную записку по еврейскому вопросу». Встреча состоялась 14 марта 1914 года. Еврейскими депутатами вновь была поднята проблема о выселении евреев. Н.М. Фридман сообщил министру об «исключительных мерах по отношению к еврейскому населению. По мере приближения неприятеля евреев стали выселять из районов военных действий; выселяли их из многих городов тысячами. В одной Варшаве их набралось свыше 11 тысяч»⁵. В ответ П.Л. Барк лишь обещал возбудить вопрос о чистке оседлости на заседании Совета министров, но, как показали дальнейшие события, на данном этапе это были лишь пустые слова.

Таким образом, попытки решить проблему, донеся ее до самого высокого уровня — главы Совета министров и министров ведущих ведомств (внутренних дел, иностранных дел, финансов), были предприняты, правда, только еврейскими депутатами; сама Государственная дума пока молчала, за исключением фракции трудовиков. Но и эти усилия предотвратить или хотя бы замедлить выселение еврейских жителей из прифронтовой зоны разбивались о невозможность гражданских властей вмешиваться в политику военных. При этом надо учитывать, что все эти события происходили еще до конца весны — лета 1915 года, до периода «Великого отступления», для евреев обернувшегося

¹ Варшава // Киевская мысль. 1915. 11 марта.

² Встреча г.г. Фридмана, М.Е. Бомаша и представителей городов Кадома и Кельцы, г.г. Марбера и Бикермана с министром внутренних дел России Н.А. Маклаковым. 19 марта 1915 г. (*Яшунский И.* Российское еврейство и Мировая война. Приложение № 1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm#k9>).

³ Еврейская депутация у министра внутренних дел // Минский голос. 1915. 22 марта.

⁴ Встреча г.г. Фридмана, М.Е. Бомаша и представителей городов Кадома и Кельцы, г.г. Марбера и Бикермана с министром внутренних дел России Н.А. Маклаковым. 19 марта 1915 г. (*Яшунский И.* Российское еврейство и Мировая война. Приложение № 1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm#k9>).

⁵ Беседа членов Государственной думы М.Е. Бомаша и Н.М. Фридмана с министром финансов П.Л. Барком 14 марта 1915 г. (*Яшунский И.* Российское еврейство и Мировая война. Приложение № 1 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm#k9>).

массовым выселением из Курляндской и Ковенской губерний в начале мая 1915 года. Потом к ним добавились и другие народности, населявшие западные губернии в прифронтовой зоне.

В июне 1915 года на заседании Совета министров Н.Б. Щербатов говорил о том, что наблюдается «движение массовое по дорогам», и «необходимы организация и план устройства движущихся»¹; к августу 1915 года ситуация стала еще более плачевной. Выселения из западных губерний жителей было массовым и касалось уже отнюдь не только евреев. Собравшаяся на свою четвертую сессию Государственная дума четвертого созыва уже не могла не озвучить остроактуальную проблему вынужденных выселенцев и оказания им помощи. На заседаниях, посвященных принятию законопроекта «О мерах по обеспечению участи беженцев», о насильственном выселении жителей и всех сопутствующих этому моментах высказалось большинство депутатов, связанных с западными губерниями. Прежде всего, представители еврейского, польского, латышского и литовского населения.

При сравнении текста опубликованной версии стенограммы закрытого десятого заседания Государственной думы от 14 августа 1915 г.² с ее первоначальным архивным вариантом³ выясняется, что в основном были «порезаны» речи депутатов Думы, выступавших на этапе «общего обсуждения» законопроекта. Из сообщений депутатов Г.И. Свенцицкого, Л.К. Дымши, Н.О. Янушкевича, Н.М. Фридмана, Ф.И. Лошкейта были вычеркнуты данные о насилии над местным населением со стороны русских войск, имевших место при проведении поголовного принудительного выселения жителей из районов военных действий⁴, а также были убраны наиболее резкие высказывания депутатов о том, что необходимо прекратить поголовное насильственное выселение жителей районов военных действий и прифронтовых зон, поскольку подобная политика лишь вредила государственным интересам⁵.

Однако все эти речи, в большей и наиболее резкой своей части даже не дошедшие до широкого зрителя, тем более не возымели прямого воздействия на военные власти.

Следующей площадкой для встреч с представителями власти, на которой депутаты Государственной думы попытались донести до сведения правительства проблему выселения жителей прифронтовой зоны, стало Особое совещание по устройству беженцев. Уже на первом заседании новой организации, состоявшемся 10 сентября 1915 г., член Государственной думы Г.И. Свенцицкий поднял вопрос о проблеме так называемого вторичного выселения (эвакуации) беженцев, недавно перемещенных и устроившихся в западных губерниях России⁶. Он же подчеркнул, что, несмотря на приказ верховного главнокомандующего об отмене принудительной эвакуации местного населения из прифронтовой зоны, не всюду точно исполнялось это распоряжение. И лишь после телеграфного обращения группы членов Государственной думы

¹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 192.

² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия четвертая. СПб., 1915. Стб. 795–856.

³ См.: Государственная дума. IV Созыв, IV сессия. 10 заседание (закрытое) от 14 августа 1915 // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 213.

⁴ Там же. ЛЛ. 13–19, 30–31, 40–44, 53–54, 65.

⁵ Там же. ЛЛ. 33, 40.

⁶ Журнал Особого совещания по устройству беженцев и Кредитной комиссии // РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

к верховному главнокомандующему был издан успокаивающий население циркуляр, немного улучшивший ситуацию¹.

После длительных дебатов, в которых приняли участие не только думы, но и члены Государственного совета, общественные деятели, представители правительства, входившие в состав Особого совещания, по поводу вопроса о принудительной эвакуации населения с театра военных действий и прифронтовой зоны, на голосование были вынесены две резолюции. Первый вариант был предложен членом Государственной думы Л.К. Дымшей: «Принудительное или поголовное выселение признается с государственной точки зрения мерой безусловно вредной, но в тех случаях, когда она является неизбежной, она должна быть проводима с особой осторожностью, согласно указаниям верховного главнокомандующего». Однако его резолюция была отвергнута в пользу второго варианта: «Поголовное и принудительное выселение признается с государственной точки зрения мерой безусловно вредной, в тех случаях, когда, с точки зрения военных соображений, она является необходимой, она должна быть проведена с особой осторожностью, согласно указаниям Верховного Главнокомандующего»². Как видим, в утвержденной резолюции вариативный союз «или» был заменен на «и»: поголовное и принудительное выселение. Добавлена фраза о том, что не просто при неизбежной ситуации, а именно в случае необходимости, определяемой военными властями, выселение может производиться. Таким образом, Особым совещанием по устройству беженцев был выбран вариант, соглашающийся с правом военных властей по своему усмотрению проводить принудительную эвакуацию местных жителей, пусть и смягченный фразой, что делать это все-таки нежелательно. А если придется — со всей осторожностью, но, опять же, по указаниям военных властей.

На четвертом заседании Особого совещания по устройству беженцев от 22 сентября 1915 г. вновь, в том числе и депутатом Государственной думы Г.И. Свенцицким, был поднят вопрос о массовом выселении жителей прифронтовой зоны западных губерний России. Была поставлена под сомнение резолюция, выработанная по этому поводу Особым совещанием на своем первом заседании³. Но в итоге она была сохранена в прежнем виде, в том числе потому, что председательствующим на заседании товарищем министра внутренних дел Н.В. Плеве было заявлено, что Особое совещание не имеет полномочий давать указания военным властям.

Таким образом, члены Государственной думы, входившие в состав Особого совещания по устройству беженцев, хоть и были одними из инициаторов обсуждения проблемы выселения военными властями жителей из прифронтовой зоны, приведшего к принятию резолюции, осуждавшей массовую принудительную эвакуацию, все-таки дальше утверждения данного решения продвинуться не смогли. Тем более, что правки, внесенные в резолюцию, привели к тому, что даже при наличии факта осуждения было зафиксировано признание за военными властями права на насильственное выселение жителей по своему усмотрению.

В дальнейшем на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев еще будут обсуждаться сюжеты, связанные с проблемами принудительной

¹ Журнал Особого совещания по устройству беженцев и Кредитной комиссии // РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

² Там же. Л. 5.

³ Дело с черновыми журналами Особого совещания по устройству беженцев. Ч. 1 // РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 17–18.

эвакуации, в том числе еврейских жителей. Но успешно разрешить эти ситуации получалось только в отношении предотвращения вторичного выселения беженцев¹. С аналогичной проблемой удавалось помочь депутатам Государственной думы и при частном письменном обращении к ним представителей еврейского населения. Например, после обращения за помощью к депутату А.М. Александрову от последнего последовало ходатайство в Министерство внутренних дел. В итоге последовало распоряжение о приостановлении выселения из Екатеринославской губернии в Тамбовскую всех еврейских беженцев, прибывших в губернию до 20 июня 1915 г.².

Таким образом, можно констатировать, что депутатам Государственной думы нередко поступали сообщения от еврейского населения с просьбами о помощи: предотвратить или хотя бы отсрочить выселение обитателей западных губерний Российской империи по распоряжению военных властей. Первоначально это касалось преимущественно еврейского населения, однако, с течением времени, в период Великого отступления, эта проблема затронула людей всех национальностей. В основном за содействием и поддержкой обращались к членам Государственной думы, избранным от губерний, оказавшихся в прифронтовой зоне или близких к ней; учитывалась и национально-конфессиональная составляющая. Думцы, по возможности, старались реагировать на полученные запросы, а также сами, по своей инициативе, поднимали ставший настолько острым вопрос о принудительном перемещении массы народа с окраин вглубь страны. Для разрешения проблемы применялись различные приемы и методы: депутатии членов Госдумы к министрам, обращения в частном порядке, поднятие данного вопроса на заседаниях Государственной думы. После учреждения Особого совещания по устройству беженцев думцы стали активно использовать и новосозданную организацию как площадку для обсуждения проблемы насильственного выселения местных жителей по распоряжению военных властей. Результативность деятельности депутатов Госдумы на данном поприще была в силу ряда причин не столь высока, однако, это не отменяло немалую вовлеченность думцев в процесс разрешения данной проблематики.

¹ См. подробн.: Златина М.А. «Заявление пяти членов Госдумы»: рабочий момент или свидетельство неэффективности деятельности особого совещания по устройству беженцев (сентябрь 1916 г.) // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2022. Ч. 1. С. 109–116.

² См. подробн.: Златина М.А. Еврейские беженцы в Екатеринославской губернии: проблемы с жильем и правом на постоянное проживание (май–декабрь 1915 г.) // Евреи Европы и Ближнего Востока: традиция и современность. История, языки, литература. Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». СПб., 2016. Вып. 11. С. 180.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДУМЕ НА РУБЕЖЕ 1916–1917 гг. (Б.В. ШТЮРМЕР, А.Д. ПРОТОПОПОВ, А.Ф. ТРЕПОВ, Н.А. МАКЛАКОВ): ПРОЕКТЫ И РЕАЛИИ

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук, доцент,

доцент исторического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова,

ведущий научный сотрудник

Отдела новейшей истории

Русской Православной Церкви ПСТГУ,

Москва, Россия;

e-mail: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: Актуальность темы связана с вопросом о роли информационных войн в политических революциях. В ноябре 1916 г., с началом думского «штурма власти», правительство под напором широкой оппозиции утеряло политическую инициативу и перешло в глухую оборону. В ответ возникла записка кружка А.А. Римского-Корсакова, в которой планировалось осуществить государственный переворот более серьезного масштаба, чем третьеиюньский (роспуск Думы, изменение ее полномочий и порядка выборов). Позиция министра внутренних дел А.Д. Протопопова заключалась в том, что его бывшие коллеги по Государственной думе никакой серьезной опасности для власти не представляли. По сути его поддерживал председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов. Премьер А.Ф. Трепов хотел удаления Протопопова и в случае примирения с Думой, и в случае противодействия ей. Этой же позиции придерживался кн. Н.Д. Голицын. И Трепов (после обструкции в Думе), и Голицын поддерживали программу кружка Римского-Корсакова, но Николай II на ее реализацию не решился. Как бы то ни было все представители власти исходили из того, что эпицентром противоправительственной политики была именно Дума. Без нее шансы революции (даже если она считалась близкой перспективой) резко снижались.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Совет министров Российской империи, Николай II, Б.В. Штюрмер, А.Д. Протопопов, А.Ф. Трепов, Н.А. Маклаков.

Начатый Государственной думой 1 ноября 1916 г. «штурм власти» привел к совершенной дезорганизации правительства и, в первую очередь, его главы — премьера Б.В. Штюрмера. Он отказался лично выступить в Думе и опровергнуть обвинения в государственной измене и подготовке сепаратного мира с Германией¹. Хотя правительство 3 ноября приняло решение о привлечении неформального лидера Прогрессивного блока П.Н. Милюкова к суду за клевету², но это решение так и не было воплощено в жизнь. Вместо этого

¹ Игнатъев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282; Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 480–481.

² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 544–545.

в палату с примирительной инициативой были направлены военный министр Д.С. Шуваев и морской министр И.К. Григорович, однако в самой Думе это было воспринято как свидетельство раскола в Совете министров¹. Вскоре цензура пропустила в печать оппозиционные думские речи В.А. Маклакова и В.В. Шульгина. Лишь выступления П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского были запрещены к публикации².

Невнятность правительственной линии спровоцировало спешное оформление записки кружка А.А. Римского-Корсакова (участниками этого консервативного салона были экс-министр внутренних дел Н.А. Маклаков, правые депутаты Н.Е. Марков, Г.Г. Замысловский и др.³). Основным автором записки, по всей вероятности, был член Государственного совета М.Я. Говорухо-Отрок⁴, после которого текст редактировал Маклаков. Дума была обвинена в подготовке «государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». В ответ предполагалось на только укрепить административную вертикаль, но и изменить определенную актами 23 апреля 1906 г. и 3 июня 1907 г. политическую систему (иными словами, осуществить контрпереворот). В соответствии с планом Дума распускалась без указания срока возобновления ее деятельности, менялись ее полномочия и порядок выборов. Законодательный статус палат изменялся на законосовещательный. Предполагалось утверждение императором избранных кандидатов в депутаты. Записка была вручена Штюрмеру для передачи царю, но премьер не сделал этого, поскольку придерживался более умеренных взглядов. После этого записку Николаю II передал участник кружка Римского-Корсакова председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н.Д. Голицын⁵.

Назначение 10 ноября премьером взамен растерявшегося Штюрмера министра путей сообщения А.Ф. Трепова было вполне закономерно: в Совете министров он был правой рукой своего предшественника. Трепов был сторонником жесткой линии в отношении палаты, но сразу поменял свое отношение, как только стал премьером. Трепов поехал к председателю Думы М.В. Родзянко и вступил в торги. Новый премьер предполагал добиться отставки четырех наиболее непопулярных министров (министра внутренних дел А.Д. Протопопова, земледелия гр. А.А. Бобринского, торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховского и обер-прокурора Синода Н.П. Раева). 14 ноября на всеподданнейшем докладе отставка троих министров (кроме Протопопова) была согласована. Трепову также удалось организовать аудиенцию Родзянко (16 ноября), на ней тот вслед за Треповым настаивал на отставке министра внутренних дел, еще так недавно являвшегося товарищем самого Родзянко⁶.

¹ *Игнатъев П.Н.* Указ. соч. С. 282–284; *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893–1917. М., 2019. С. 226–227.

² РГАЛИ. Ф. 1701. Оп. 2. Д. 107. ЛЛ. 53, 57–58, 65, 85–94, 107–113.

³ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 297.

⁴ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 289.

⁵ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. М., 1991. Кн. 3. Т. 5. С. 337–343.

⁶ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. № 1 (56). С. 118; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1911: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 156, 161–162, 172; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 312–315.

19 ноября Трепов выступил в Думе с правительственной декларацией, обещая срочно провести реформу городского самоуправления, ввести волостное земство и снять национальные ограничения на получение образования. Премьер также сообщил о соглашении с союзниками, по которому Россия по окончании войны получала Проливы (тем самым, отметалось обвинение в подготовке сепаратного мира)¹. Однако Прогрессивный блок на соглашение с Треповым не пошел. По сути, от правительства ждали капитуляции. 22 ноября Думу поддержал Государственный совет. В ответ 26 ноября министр юстиции А.А. Макаров от имени правительства заявил в Государственном совете, что при публикации речей членов палат в печати пропусков быть не должно². 29 ноября все ноябрьские думские речи были опубликованы без купюр.

Однако сам Трепов, не преуспевший в Думе, в конце ноября начал смещаться вправо — к своим обычным взглядам. 26 ноября во время доклада царю премьер инициировал чистку состава Государственного совета и усиление в нем правого крыла³. Председателем на 1917 г. назначался экс-министр юстиции И.Г. Щегловитов. В отношении Думы политика, между тем, оставалась относительно мягкой. 10 декабря Трепов доложил императору о думской формуле с требованием ответственного министерства. Это противоречило Основным законам, и премьер спрашивал возможность правительству ответить на думскую формулу. Он также предполагал распустить Думу до 12 января 1917 г., а затем сделать это «окончательно», если она продолжит критику правительства (в 1917 г. истек срок полномочий текущего состава). План получил высочайшее одобрение⁴. Трепов стремился сохранить личные отношения с Родзянко, обещая решить вопрос с отставкой Протопопова⁵. Настойчивость в этом вопросе стоила премьеру его поста⁶.

Вскоре после убийства Г.Е. Распутина 21 декабря Н.А. Маклаков написал Николаю II личное письмо, в котором призывал решительно призвать Думу к порядку во избежание новой революции. Экс-министр напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем Япония⁷. 1 января Маклаков был удостоен ордена Владимира II степени. 8 февраля 1917 г. Протопопов передал Маклакову повеление царя составить текст манифеста о роспуске Думы. Маклаков и Протопопов вместе составили проект⁸. Тем не менее, дальнейший ход ему дан не был. Сам Протопопов любил говорить, что «кровью зальет Россию» в случае подавления революции. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Н.П. Харламов вспоминал: «Как-то раз, рассказывая мне о том, что все кругом боятся революции, пугают ее призраком, он истерически закричал: „Нельзя всего бояться, мало ли кто чего боится, я, например, тараканов боюсь, понимаете, тараканов! Так что же из этого?! Следует ли, что тараканы нас заедят?!“ <...> „В России некому революцию делать, — всегда говорил он, — что же вы думаете, ее думские

¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Ч. I. Стб. 240–259.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. ЛЛ. 5–5 об.

³ Падение царского режима. Т. 6. С. 363–364.

⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг. (Л.), 1927. Т. 5. С. 186–187.

⁵ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 169–170, 172.

⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 153, 188–191; Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 237–240.

⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. ЛЛ. 10–11 об.

⁸ Там же. Д. 1003. ЛЛ. 1–2.

болтуны сделают? Вы их не знаете и потому переоцениваете. А я знаю их хорошо. Всем им — ломаный грош цена. И какие они революционеры?! На словах только»¹.

Пост премьера после отставки Трепова получил лично преданный монарху кандидат — кн. Н.Д. Голицын, незадолго до этого вручивший ему записку кружка Римского-Корсакова. Новый премьер также пытался добиться отставки Протопопова для установления более гладких отношений с Думой, но столь же безуспешно². 1 января 1917 г. председателем Государственного совета стал Щегловитов. Бывший министр предварительно отказался стать премьер-министром. Протопопов завязал с новым председателем тесные отношения и советовался с ним ежедневно. Вместе с тем, Щегловитов не поддержал инициированного правыми более радикального изменения состава палаты³.

Поздним вечером 26 февраля, когда в Петрограде уже начался военный мятеж, в Совет министров прибыли члены Государственного совета А.Ф. Трепов, Н.А. Маклаков и А.А. Ширинский-Шихматов. Они призвали правительство к решительным мерам. 27 февраля военный министр М.А. Беляев на правительственном заседании предложил немедленно объявить об отставке Протопопова, поскольку он, по мнению Беляева, был главной причиной волнений. После заседания «бледный, дрожащий» Протопопов подошел к министру торговли и промышленности Шаховскому и «спросил, не следует ли ему застрелиться». Шаховской «сказал, что этим он никому не поможет»⁴.

Таким образом, с началом думского «штурма власти» в ноябре 1916 г. правительство утеряло политическую инициативу и перешло в глухую оборону. В результате в правительственных (и околоправительственных) кругах возникло две позиции по вопросу о противодействии оппозиции. Одна была сформулирована Протопоповым и поддержана Щегловитовым. Протопопов был уверен в неспособности Думы организовать революционное движение. Другая позиция была обозначена в кружке Римского-Корсакова: она предполагала смену государственного строя и лишение Думы законодательного статуса. Сторонником такой точки зрения был участник кружка Маклаков. Трепов первоначально надеялся на соглашение с Думой, но после провала этого плана стал склоняться к более жесткой линии (хотя и не предполагал изменения государственного строя). Ее также поддерживал Голицын. Предполагалось, что после роспуска Думы оппозиция будет обезглавлена, а революция не будет иметь шансов на успех. Как бы то ни было все представители власти считали Думу эпицентром оппозиционной активности.

¹ ОР РГБ. Ф. 261. Оп. 20. Д. 5. Л. 12 об.

² РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 258 об.

³ Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 56–57, 458, 460.

⁴ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 322–325.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПРАВИТЕЛЬСТВО ВО ВЛАСТИ ВЗАИМНЫХ СЛУХОВ: ЭФФЕКТ САМООСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГОСЯ ПРОРОЧЕСТВА

АКСЕНОВ ВЛАДИСЛАВ БЭНОВИЧ,

доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
e-mail: vlaks@mail.ru

Аннотация: В статье критикуется современная тенденция изучения российской революции в рамках политехнологического подхода, следствием которой становятся конспирологические теории о ее рукотворном характере, в том числе гипертрофированной революционной роли Государственной думы. Автор обращает внимание, что образ Думы как органа революции возник в Департаменте полиции и Охранном отделении в условиях усилившегося недоверия между властью и обществом накануне 1917 г., в период распространения массовых слухов, которые провоцировали ошибочные политические стратегии. Последние обнаруживают признаки «самоосуществляющегося пророчества».

Ключевые слова: Государственная дума, слухи, Первая мировая война, революция 1917, самоосуществляющееся пророчество.

Созданная в процессе Первой российской революции Государственная дума, несмотря на некоторую неопределенность ее парламентского статуса, играла важную роль в политической истории России. Для императора и определенной части консервативной общественности ее законодательный характер являлся сильным раздражителем, для демократической общественности — надеждой на либерализацию политической системы. Эти страхи и надежды порождали в массовом сознании современников разнообразные теории, слухи, завышавшие политическое значение депутатов, их интриг и способности влиять на внутреннюю ситуацию в империи. Отчасти эта искаженная оптика современников начала XX в. обнаруживается и в трудах историков спустя столетие.

В историографии сохраняется негативная тенденция использования политехнологического подхода, сквозь призму которого любая более-менее организованная деятельность оппозиционных групп рассматривается как «революционная технология». Особенно это характерно для тех, кто имел опыт участия в PR-кампаниях или определенное отношение к государственным органам власти. В последнем случае в результате профессиональной аберрации возникает иллюзия понимания работы неких «исторических механизмов», приводящая к вульгарным конспирологическим построениям. Примером последнего можно считать высказывания о роли Государственной думы Российской империи бывшего депутата ГД РФ С.Н. Бабурина во время пленарного заседания «Таврических чтений 2022». Впрочем, обвинения депутатов, общественников в «организации» революции в феврале 1917 г. звучат и из уст

профессиональных историков, используются обороты «февралисты», «думская революция», «революционные технологии», «информационная война» и проч. При этом в ряде случаев термин произвольно привязывается к явлениям, имеющим противоположную, стихийную, а не организованную природу. Так, например, С.В. Холяев называет распространение массовых слухов, дискредитировавших императора, «информационной войной»¹. Вместе с тем в историко-руморологических исследованиях уже показано, что слухи эти имели горизонтальный, а не вертикальный характер распространения, а в их основе нередко лежали архетипические образы, порожденные коллективными страхами, предрассудками, которые просачивались в прессу с улицы².

Причиной искажения профессиональной оптики историка может быть политическая ангажированность или то, что можно назвать «информационным шумом» современности, когда громкие события сегодняшнего дня определяют значение дней давно минувших. В другом случае причиной того, что история российской революции приобретает «злонамеренный характер», является интерпретация прошлого исключительно в рамках институционального подхода, в котором не остается места скрытым социальным процессам. В результате единственными акторами оказываются органы государственной власти, общественные организации и их деятели. Так, фокусируется внимание на исключительной роли Государственной думы в дни февраля 1917 г., ЦВПК и А.И. Гучкова: исследователи находят причины считать главными революционерами генштабистов; существуют и экзотические версии о том, что революцию «устроило» духовенство (православное синодальное или старообрядцы)³. В общем, кто из историков чем занимается, на то и делает упор в истории революции. Естественно, нельзя забывать о роли петроградского гарнизона, столичных рабочих, а также студенчества. При этом следует согласиться, что во всех этих версиях есть доля правды, но это значит, что, признавая революционные роли депутатов, общественников, членов императорской семьи, духовенства, солдат, рабочих, студентов, творческой интеллигенции и т.д., мы автоматически развенчиваем миф об организованном характере революции, так как получается, что она не имела единого организационного центра, а одновременно вызревала во всех слоях общества.

Конспирологическим интерпретациям способствует и некритичный подход к историческим источникам, например, докладам Охранного отделения, рисовавшим искаженную картину действительности. Нередко отраженные

¹ Государственная дума и крушение Российской империи / Дискуссия // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 9–10 декабря 2021 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2022. Ч. 2. С. 27.

² См.: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.

³ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. СПб., 2017; Куликов С.В. IV Государственная дума, Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г. // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 192–206; Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015; Бабкин М.А. Священство и царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011 и др.

в источниках личного происхождения разговоры о заговорах депутатов, общественников, офицеров выдаются за сами заговоры.

Главный тезис данной статьи состоит в том, что сложившийся к началу 1917 г. политический кризис стал следствием не только рациональных стратегий в борьбе определенных политических групп, но и скрытых иррациональных процессов, заложниками которых становились все участники событий. Природа этих иррациональных процессов связана с возросшей эмоциональностью социума, в результате чего чувства начинали управлять политикой. Механика влияния чувств на политику довольно проста: возросшая в условиях затянувшейся войны и нараставшего внутреннего кризиса тревожность современников, с одной стороны, усиливала ощущение приближающейся катастрофы и поднимала градус страстей в риторике, с другой — понижала доверие к официальным источникам информации, одновременно повышая значение слухов, отличавшихся в ряде случаев не только абсурдностью, но и повышенной эмоциональностью, в результате чего формировались искаженные образы, предопределявшие ошибочные стратегии. Заметим, что тревожность современников — не метафора, а вполне верифицируемая по статистике психических расстройств россиян характеристика психологического состояния общества периода войны и революции¹.

При изучении революционной (в том числе предреволюционной) эпохи нельзя недооценивать роль масс. В свое время социолог К. Манхейм отметил, что в период кризисов, когда обостряются конфликты между различными «силами масс», «группы лидеров, полагающие, что они используют эти силы, все более подпадают под действие закона, в соответствии с которым они, думая, что подталкивают их, в действительности подталкиваются ими»². Актуальные на определенном историческом этапе идеи, символы, апеллирующие к эмоциям, инстинктам масс, нередко программируют и политиков, и само общество на те или иные сценарии. Последнее уже неоднократно становилось предметом внимания социологов. У. и Д. Томас, Р. Мертон, К. Поппер внесли вклад в разработку концепции «самоосуществляющегося пророчества», в соответствии с которой ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания, вне зависимости от того, были они направлены на его предотвращение или исполнение³. Нечто подобное обнаруживается во взаимоотношениях власти и Думы. Тем самым эпоха 1914–1917 гг. не может быть понята вне социально-психологического подхода, без обращения к психологии эмоций, имагологии и руморологии.

Главным стимулом, возбудившим в сознании широких слоев иллюзии на начало нового этапа взаимоотношений власти и общества в годы

¹ См. подробн.: Аксенов В.Б. От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы революций и гражданской войны // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Материалы XI Санкт-Петербургского международного colloквиума по русской истории. СПб., 2020. С. 337–356.

² Манхейм К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М., 2009. С. 14.

³ Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. New York, 1928. P. 571–572, Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Free Press. 1968. P. 477, Поппер К. Нищета историзма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.

Великой войны, стала идея единения, прозвучавшая уже в манифесте Николая II от 20 июля 1914 г.: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом». За ней последовали символические жесты, например, рукопожатие на внеочередном заседании Думы 26 июля идейных противников П.Н. Милюкова и В.М. Пуришкевича (черносотенная «Земщина» дополняла, что П.Н. Милюков пожал руку и Н.Е. Маркову 2-му). Премьер-министр И.Л. Горемыкин давал повод предположить, что заседания в Таврическом дворце будут проходить чаще, и степень участия Думы в государственных делах возрастет¹. О полном доверии к Думе говорил министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Соответственно, и народные избранники в порыве патриотических чувств выражали доверие правительству. В августе появился слух, что царь собирается сделать ряд шагов навстречу обществу, и вскоре будет опубликован соответствующий указ. Со ссылкой на главноуправляющего землеустройством А.В. Кривошеина сообщалось, что «этот указ будет представлять собой нечто схожее с манифестом 17-го октября»². Тем не менее, вопреки обещаниям постоянного сотрудничества на практике оказалось, что Дума была не «досрочно созываемая», а «досрочно распускаемая», что провоцировало кризис доверия между властью и народными избранниками.

В правительстве знали об общественных ожиданиях и с тревогой следили за инициативами депутатов, собирая, в том числе, различные слухи. В частности, полицию беспокоил слух о намерениях определенных кругов подтолкнуть императора к либеральным шагам путем составления на его имя адреса. Начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов передавал, что в адресе будет указано на безотлагательную необходимость созыва Государственной думы и привлечение общественности к обсуждению важных вопросов, на пагубность реакционной политики³. Обсуждалось, что адрес будет передан императору либо лично председателем Думы М.В. Родзянко, либо объединенной делегацией представителей Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Однако эта идея реализована не была. Общество продолжало надеяться, что сама верховная власть проявит в этом вопросе инициативу, тем более что в ноябре появились слухи о намерении царя опубликовать 6 декабря «особый высочайший акт, в котором выражена будет благодарность народу за патриотические воодушевления и жертвы, и вместе с тем будут даны некоторые обещания или даже конкретные указания о новом курсе внутренней политики»⁴.

Пока депутаты ждали от царя очередной милости, власти продолжили политику репрессий: был арестован вернувшийся в Россию по патриотическим соображениям из эмиграции публицист и издатель В.Л. Бурцев, а второго ноября в Озерках были арестованы, несмотря на депутатскую неприкосновенность, пять представителей большевистской фракции в Государственной думе, высказавшиеся против войны и выдвинувшие лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Нарушение принципа неприкосновенности депутатов воспринималось актом агрессии власти в отношении Думы, поэтому в определенных кругах общества с тревогой ожидали последствий

¹ Стенографический отчет заседания Государственной думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 8.

² Минский голос. 1914. 6 августа.

³ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 64.

⁴ Там же. С. 3.

этого конфликта. Издатель и редактор журнала «Новый экономист» П.П. Мигулин 12 декабря 1914 г. так описывал общественные настроения: «Положение теперь такое: Государственную думу очень бояться. Хотели бы ее созвать самое большее на три дня, а еще лучше на один день. Есть серьезное течение отложить созыв даже до февраля. Боятся запросов, обструкции со стороны социал-демократов»¹. В ситуации, когда война возбудила общественные инициативы, проявившиеся в патриотической мобилизации, активной благотворительной работе, власти предпринимали ряд антиобщественных шагов, что мыслилось актом предательства. Естественным следствием стали слухи об измене в верхах, «темных силах». Главным кандидатом на роль предателя массовое сознание выбрало императрицу Александру Федоровну.

Начавшееся весной 1915 г. отступление русской армии укрепило мнение о предательстве «в верхах» и активизировало патриотическую деятельность общественных организаций, привело к созданию военно-промышленных комитетов, Земгора, а в Государственной думе — Прогрессивного блока. Несмотря на то, что некоторые министры поддержали инициативу думцев о создании «кабинета доверия», между парламентом и правительством сохранялось недоверие, и ряд министров высказывались за скорейшую отправку Думы на каникулы. Прерывание сессии Думы 3 сентября 1915 г. выглядело в глазах общества антипатриотическим актом, противоположным заявлениям царского манифеста от 20 июля 1914 г., что укрепляло общество в уверенности о существовании «темных сил», предателей во властных кругах или даже самой императорской семье.

Но и сам Совет министров в сентябре 1915 г. склонен был демонизировать общественные организации, в частности, на заседании министры Щербатов, Сазонов и Кривошеин воспроизвели слухи (и частично верили в них), что Земский союз создает свою собственную армию с 300 бронированными автомобилями. В военно-промышленных комитетах создавались рабочие группы, задача которых состояла в разрешении всех возникающих между рабочими и заводской администрацией конфликтов с целью недопущения стачек в военное время. Однако МВД считало, что через рабочие группы ВПК занимаются революционной агитацией на военных предприятиях, указывая в качестве аргумента то, что в состав многих рабочих групп вошли рабочие-меньшевики. Власть и общественность оказывались в плену искаженных слухами взаимных образов.

В январе 1916 г. министры (Хвостов, Трепов, Барк) признавали, что внутриполитическая ситуация ухудшилась, и необходимо идти на более тесный контакт с Думой. Причем в случае готовности Думы к компромиссам допускался созыв бессрочной сессии². Однако в итоге сессию решили все же ограничить. В глазах широких слоев авторитет Думы рос обратно пропорционально падению престижа высшей власти. В сентябре–октябре 1916 г. в столице усиливается рабочее движение, растет недовольство населения продовольственной ситуацией. Начальник Петроградского губернского жандармского управления в октябре 1916 г., незадолго до открытия той сессии Государственной думы, которая была прозвана «штурмовым сигналом революции», признавал, что «грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону», проводил параллели с 1905 г.³. Таким образом, револю-

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2046.

² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 312–313.

³ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 129.

ционные настроения сложились в широких слоях общества в межсессионный период, Дума не имела прямого отношения к революционизации общества, созревавшей в условиях распространявшейся хозяйственной разрухи, на фоне «министерской чехарды», однако, справедливо считая себя выразителем народных дум, нижняя палата российского парламента считала своим долгом озвучивать царившие в массах настроения. Это было особенно важно, если учесть цензурную политику властей, при которой периодическая печать лишалась возможности критиковать власть. В результате депутаты брали на себя функции средств массовой информации, и общество жадно следило по газетам за речами, произносимыми в стенах Таврического дворца. При этом большинство депутатов, за исключением представителей социалистических фракций, негативно относились к перспективе революции.

В сентябре–октябре 1916 г. в донесениях, сводках Петроградского и Московского охранных отделений отмечались ожидания кадетов, которые предполагали, что в условиях надвигающейся революции власти будут вынуждены ради собственного спасения пойти на союз с Думой. Оппозиционная риторика кадетов не означала, что они жаждут революции, наоборот, в некотором роде это было предостережение, адресованное властям в надежде на более тесное сотрудничество. Не случайно Палеолог сказал, что Милюков — не оппозиция его величеству, а оппозиция его величества. Милюков предостерегал соратников от того, чтобы не заиграться в революцию: «Нравственный кредит правительства равен нулю; в последний момент, охваченное ужасом, оно, конечно, ухватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добивать правительство, что значило бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т.е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры»¹.

При этом Шингарев, Александров и другие полагали, что до «революции осталось всего лишь несколько месяцев, если только таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше». Многие современники утратили надежды на достижение компромисса между Думой и правительством. Депутат от Томской губернии кадет А.А. Дутов писал домой в октябре 1916 г.: «Трудно сейчас сказать, что нас ожидает. Дума с правительством, которое сейчас у власти, работать не может. Поэтому она или добьется смены многих министров, или же ее распустят. Во всяком случае, время сейчас тревожное, и что-то будет впереди — мы не знаем — но, должно быть, что-то серьезное»².

Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский еще в начале 1915 г. признавал, что даже Совет министров зачастую действовал, основываясь на непроверенных слухах. По мере приближения к 1917 г. ситуация лишь ухудшалась. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев сообщал начальнику Петроградского военного округа генералу С.С. Хабалову, ссылаясь на слухи: «Передают, как слух, о том, что накануне минувших Рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания представителей левого крыла Государственного совета и Государственной думы»³.

Слухи о секретных совещаниях депутатов, вместе с информацией о деятельности рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, приводят к версии об их тесной связи. Накануне ареста рабочей группы

¹ Буржуазия накануне февральской революции. С. 147.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1058. Л. 839.

³ Буржуазия накануне февральской революции. С. 161.

26 января 1917 г. Глобачев передает информацию, полученную от агентов, что рабочей группой ЦВПК управляют Родзянко и Милюков (sic!), которые с ее помощью пытаются организовать 14 февраля, в день открытия Думы, шествие к Таврическому дворцу, во время которого народ должен потребовать от Думы создать Временное правительство, или «правительство спасения»¹. Эти же слухи приводил в своем докладе и градоначальник А.П. Балк. Эта ошибочная информация приводит к ошибочным действиям властей, которые лишь приближают трагическую развязку: ликвидация рабочей группы, созданной для разрешения конфликтов рабочих с заводской администрацией, делает невозможным мирный исход забастовки на военном Путиловском заводе, результатом чего стал локаут 22 февраля, выбросивший на улицу 36 тысяч человек, которые на следующий день присоединились к забастовке женщин-работниц, требовавших хлеба. В соответствии с социологическими теориями Р. Мертона, К. Поппера происходит эффект самоосуществления пророчества: напуганные недостоверными слухами о подготовке революции легальной оппозицией, власти разрабатывают контрмеры, которые лишь приближают революцию.

Вопреки распространявшимся в среде консерваторов-патриотов слухам о рукотворном, технологическом характере революции (якобы ее сделали либералы — депутаты Государственной думы, которых методичками снабжал лорд Бьюкенен) она явилась вполне исторически закономерным и объективным явлением, чьи предпосылки уходили корнями в социально-политические противоречия конца XIX в., которые не были разрешены первой российской революцией 1905–1907 гг. и оказались усугублены Первой мировой войной. Если же и начинать поиск виновных, то придется признать, что главная ответственность лежит на императоре и его ближайшем окружении, которое отказывалось замечать и признавать вызовы современности, продолжая мыслить в категориях прошлого века. Великий князь Андрей Владимирович, размышляя 10 марта 1917 г. в дневнике о причинах революции, обвинял правительство и самого императора в допущении критических ошибок во взаимоотношениях с дворянством, армией и Государственной думой, отмечая, что власть не поспевала за меняющейся современностью: «Необходимо признать факт, что жизнь идет вперед, и надо идти впереди событий»².

Таким образом, сформировавшиеся в представлении властей искаженные образы Думы приводят к ошибочным стратегиям, реализовавшим принцип «самоосуществляющегося пророчества»: приписав Государственной думе революционизирующую роль, власти повели наступление на полномочия российского парламента, провоцируя с его стороны все большую критику в свой адрес и, в конечном счете, поспособствовав тому, что после начала революции депутаты Государственной думы перешли на сторону народа, сыграв важную роль в создании и организации новых органов власти.

¹ ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. ЛЛ. 12–13.

² Дневники, воспоминания, письма великого князя Андрея Владимировича: 1898–1917. М., 2018. С. 272.

ДУМСКАЯ БИОГРАФИКА

ПУБЛИЦИСТИКА А.С. ВЯЗИГИНА В ДОДУМСКИЙ ПЕРИОД

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры Отечественной истории
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: Omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается публицистика видного правого политика, профессора Харьковского университета, председателя Харьковского отдела «Русского собрания», редактора и издателя журнала «Мирный труд», члена Государственной Думы III созыва, а затем и председателя ее правой фракции А.С. Вязигина. В своих работах он отстаивал самобытный путь цивилизационного развития России, отличный от западного, доказывал преимущества самодержавия перед другими политическими системами, критиковал парламентаризм, введение которого, по его мнению, приведет к распаду России, доказывал опасность воссоздания Земского собора, выступал против революционного пути модернизации страны, требовал перестройки образования на национальных началах и изгнания политики из высшей школы.

Ключевые слова: А.С. Вязигин, публицистика, журнал «Мирный труд», революция, самодержавие, парламентаризм, образование, самоуправление, национальный вопрос.

Андрей Сергеевич Вязигин, профессор Харьковского университета, известный своими исследованиями по истории папства в Средние века, основатель и председатель Харьковского отдела «Русского собрания», член СРН и РНСМА, член Государственной думы третьего созыва, а затем и председатель ее правой фракции, был не менее известен и как редактор и издатель монархического журнала «Мирный труд», выходившего в 1902–1914 гг. в Харькове. На его страницах публиковались многие представители правого лагеря, в том числе и сам А.С. Вязигин, вынужденный иногда скрываться за псевдонимом «А. Каут». В.М. Пуришкевич в своих стихотворных «Думских записках» коротко охарактеризовал своих коллег по правой фракции, выделяя, как правило, одну характерную черту каждого персонажа. Среди них был и «В-н», в котором нетрудно узнать А.С. Вязигина:

Презрев трусливую орду,
Своих запуганных собратий,
Не убоявшись их проклятий,
Зовет он к мирному труду!¹

¹ Пуришкевич В. Думские записки // Мирный труд. 1907. № 5. С. IV.

Именно правового публициста, идущего «против течения», в первую очередь увидел в А.С. Вязигине автор этой строфы, а под «запуганными собратьями» подразумевались профессор, добровольно или под давлением коллег, студентов и общественности оказавшиеся под знаменами либеральной оппозиции. Действительно, профессор А.С. Вязигин, отстаивавший самодержавие, был скорее исключением, чем правилом в университетах России начала XX века. Его публицистика до избрания его членом Государственной думы и стала предметом нашего исследования.

Редакционная статья первого номера журнала «Мирный труд», издаваемого и редактируемого А.С. Вязигиным, была посвящена проблеме цивилизационного выбора России и ее взаимоотношениям с Западом. Автор статьи признавал, что, «пока мы выносили на своих плечах борьбу с кочевниками... народы запада... достигли неоспоримых успехов во всех отраслях науки и искусства; они взойшли на высоты материальной культуры и явили миру великие образцы подвижников истины и художников слова». Поэтому есть в России горячие головы, призывающие к заимствованию европейских политических институтов. Однако, утверждал А.С. Вязигин, «нет оснований считать путь, избранный западной Европой, единственно верным и для всех обязательным! Нельзя усматривать в ее недавнем прошлом и настоящем показатель нашего будущего». Ведь там «с поразительной яркостью обнаруживаются зияющие общественные язвы, выясняющие всю односторонность западноевропейской цивилизации», доказывал А.С. Вязигин. Однако он не призывал, «как еще приглашают нас иные ревнители», копать «в слепом ужасе» глубокий ров между нашим «в благополучии пребывающим отечеством» и «гнилым западом». Напротив, России «нельзя поворачиваться спиной к Западу, „стране святых чудес“, по выражению родоначальника нашего славянофильства А.С. Хомякова»¹, поскольку «живое взаимодействие народов лишь облегчает их совместную работу на благо общечеловеческой семьи». При этом «надо только каждому ее члену, оставаясь самим собою, не гоняться за недостижимым, не рвать со своим прошлым и не покидать устоев, воздвигнутых трудами длинной вереницы поколений»². А.С. Вязигин призывал «с особым вниманием и осмотрительностью взвесить хорошее и дурное в общественном строе и укладе наших западных соседей, а не требовать ускоренного им подражания, не видеть наше единственное спасение в простой пересадке их учреждений и нравов на нашу почву»³. В следующем номере журнала его главный редактор вновь отстаивает тезис об опасности слепого заимствования культурных образцов. По его мнению, усвоение чужой культуры приводит к губительным последствиям, примером чему могут служить романизация западной Европы и эллинизация Востока⁴.

До начала Русской революции А.С. Вязигин еще несколько раз обращался к теме отношений России и Запады. Так, в январе 1904 г. он вновь подчеркнул, что на Западе в настоящее время «всюду смута, ожесточенная борьба классов, драки и позорные перебранки продажных народных представителей, подкупность печати, страшный рост преступности и сумасшествия, всюду ясные знамения вырождения, глубокого нравственного падения... Успехи социализма и неистовства анархистов предвещают близость событий, сулящих потрясти

¹ Вязигин А.С. От редакции // Мирный труд. 1902. № 1. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Там же.

⁴ Вязигин А.С. Два слова о культе новизны // Мирный труд. 1902. № 2. С. 190.

самые основы западноевропейской культуры»¹. Не отрицая полезности заимствований европейских достижений в области материальной культуры и гражданственности, осуществленных в первой четверти XVIII в. Петром Великим, А.С. Вязигин категорически выступал против подобных заимствований в начале XX столетия: «Но теперь, какая страна запада может послужить для нас образцом, [какая страна Запада] не страдает сама от глубоких внутренних болезней?»².

В полном соответствии с уваровской формулой («Православие, Самодержавие, Народность») главным устоем русского государства А.С. Вязигин считал Православие: «оно приобщило наших предков к мировой культуре; оно дало нам зачатки просвещения и гражданственности; оно насадило и всегда поддерживало государственный порядок; оно избавило нас от тех религиозных смут и потрясений, какие выпали на долю народов Запада»³. «Вторым устоем самостоятельного бытия Российской державы, — полагал А.С. Вязигин, — является Самодержавие — идеальная форма чисто нравственных уз, соединяющих в единое целое Царя и вверенные Богом его заботам народы»⁴. Оно всегда было «цементом, связующим разноплеменные и иноверные части русского государства с его основным ядром», а сам самодержец «издревле считался воплощением закона, орудием божественной воли, проводником евангельских указаний в жизнь человеческих обществ»⁵. Одним из главных достоинств монархической формы правления А.С. Вязигин считал независимость Верховной власти от различных политических сил, что позволяет ей быть справедливым третейским судьей в социальных конфликтах, тогда в республике глава государства избирается при содействии конкретных политических сил, интересы которых он обязан потом учитывать в первую очередь. Самодержавие, утверждал А.С. Вязигин, это «власть чуждая партийных расчетов, не способная подпасть соблазну подкупа или личной выгоды, опирающаяся на все классы населения, а не на одну какую-либо сословную группу». При этом самодержавие нисколько не препятствует «самодетельности общества» и уж тем более не «подавляет личную свободу». Утверждать обратное могут «только теоретики, воспитавшие свою мысль на западных началах»⁶.

Понимание А.С. Вязигиным третьей составляющей уваровской формулы — «Народности» — несколько отличалось от традиционного погодинско-шевыревского «единения царя с народом». По его мнению, главным было «господство русской народности», которому угрожает развитие окраинного национализма. Для противодействия последнему А.С. Вязигин призывал «будить наше [русское] национальное сознание, а не усыплять самодетельность русского человека уверениями в необходимости предварительного его превращения в „гражданина мира“»⁷. По его мнению, вхождение «иностранцев» в состав Российской империи являлось для них благом, так как, утратив политические права, они получили защиту, возможности для экономического развития,

¹ Хорсов П. Праздник русского самосознания. (Открытие Харьковского отдела «Русского собрания».) // Мирный труд. 1904. № 1. Отдел второй. С. 44.

² Там же.

³ Хорсов П. В Харьковском отделе Русского собрания // Мирный труд. 1904. № 9. С. 157.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ Итоги первого года // Мирный труд. 1903. № 5. С. V.

сохранив при этом свои культурные права и этнографическую самобытность. А.С. Вязигин подчеркивал, что в отличие от европейских государств «у нас нет гонений на народные языки... у нас, рядом с русскими, безвозбранно существуют инородческие школы... Местные правовые обычаи и законы у нас остаются неприкосновенными, поскольку их существование совместимо с интересами целого — с благом империи и общеимперскими нуждами»¹.

Отстаивая самодержавную монархию, А.С. Вязигин подверг уничтожающей критике парламентаризм, в котором оппозиция видела чудодейственное средство исцеления всех социально-политических недугов России. «Разве мы не читали о продажности народных представителей, о подкупах на выборах, о драках в стенах парламентов, об упадке семейной жизни, вырождении, алкоголизме, росте преступности, безверии, вопиющей нищете... об ожесточении социальной борьбы в тех странах, где народ якобы оказался вершителем своей судьбы?!» — писал он². Европейский опыт, доказывал А.С. Вязигин, «наставляет нас, что погоня за властью под видом народного представительства насаждает господство кучки политиканов, не пропускающих свежих бескорыстных работников в парламенты, политиканов, делящих между присными блага земные, грабящих народ соглашениями с международными капиталистами и уклоняющимися от плодотворного труда над общественными улучшениями ради торжества партийных интересов»³. Вслед за немецким философом Э. фон Гартманом А.С. Вязигин предлагал искать спасения «не в одряхлевшем парламентаризме, а в целесообразной деятельности правительства»⁴. «Полное крушение парламентаризма — вопрос недалекого будущего», — утверждал он в другой статье⁵.

В 1904–1905 гг. в обществе циркулировала идея воссоздания Земского собора. Если либералы видели в этом первый шаг к полноценному народному представительству с законодательными полномочиями, то часть правых стремилась учреждением Земского собора, с одной стороны, восстановить «единение царя с народом», а с другой — «выпустить пар» социального напряжения из перегретого конституционными ожиданиями «котла» русского общества. А.С. Вязигин жестко раскритиковал эту идею: «Вполне разделяя славянофильское учение о необходимости тесного общения между Царем и народом, считаю, однако, требованием научной совести высказаться против извлечения из могилы отжившего свой век учреждения»⁶. Земские Соборы успешно функционировали в Средние века, пока «экономическое единообразие не вызвало расчленения населения на борющиеся на экономической арене классы, достигшие ясного сознания общности и обособленности своих интересов», — писал А.С. Вязигин⁷. В настоящее же время, если созвать Земский Собор, власть в нем захватят инородцы и враги самодержавия, «вооруженные „последним словом“ западноевропейской (капиталистической или социалистической) науки», с которыми едва ли «столкнутся... наши волостные старшины»⁸.

¹ Хорсов П. В Харьковском отделе Русского собрания // Мирный труд. 1904. № 9. С. 159.

² Каут А. Мнимая спасительность парламентаризма // Мирный труд. 1904. № 8. С. 201.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Вязигин А.С. Мертвое учреждение // Мирный труд. 1905. № 2. С. 179

⁶ Там же. С. 175.

⁷ Там же. С. 177.

⁸ Там же. С. 178.

Вместо опоры престола Земский собор в настоящее время может превратиться в орудие его разрушения, предупреждал А.С. Вязигин.

Как и большинство правых, манифест о создании законосовещательной («Булыгинской») Думы А.С. Вязигин встретил в штыки. «Прежде всего, бросается в глаза полное отсутствие связи Думы с главным устоем Российской державы — Православной верой... ни одно постановление не обнаруживает попечения о закреплении за создателем русской державы, русским народом преобладающего положения... явственно замечается уклон в сторону парламентаризма и, следовательно, и отступление от заветов неограниченной монархии», — писал он¹. Созданием законосовещательной Булыгинской Думы власть, «утратившая свою прежнюю связь с Народностью и Православием, приложила, наоборот, к западноевропейскому абсолютизму»², а «устанавливаемое манифестом „единение Царя с народом“ не таково, каково оно было встарь, а потому едва ли может лечь в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»³. «Ни одно из современных общественных течений в России не может найти в Думе полное удовлетворение своих заветных стремлений», — справедливо утверждал А.С. Вязигин⁴. Действительно, консерваторам Булыгинская Дума показалась слишком оппозиционной, а радикалам — недостаточно революционной, лагерь же умеренных реформистов, от которых можно было бы ожидать поддержки нового учреждения, был в этот момент крайне малочисленным.

Критикуя парламентаризм, А.С. Вязигин предлагал свою схему взаимодействия власти и народа: решением местных вопросов должно заниматься не народное представительство, а местное самоуправление. В августе 1904 г. он писал: «...нам надо устранение пагубного предрассудка, будто Самодержавие несовместимо с самоуправлением...». А.С. Вязигин осознавал и возможные негативные последствия расширения самоуправления в России, которое, отстаивая интересы региона, может действовать в ущерб всему государству. Поэтому он настаивал, чтобы самоуправление, в первую очередь, имело «в виду пользу края» и не пыталось «притязать на решение общегосударственных вопросов»⁵. Кроме того, существовала и опасность бюрократического перерождения органов местного самоуправления. Чтобы не допустить этого, работа последних «должна подлежать строгой отчетности перед правительством. Общество путем широкой гласности также должно знать все о деятельности своих избранников, дабы самоуправление не оказалось самооткармливанием сплоченной кучки воротил, пристроившихся возле общественного пирога»⁶.

Информированием же центральной власти о проблемах регионов должна заняться «хорошо поставленная печать, ответственная перед судом и законом, вполне чуждая зависимости от космополитов-плутократов». Она «может принести стране несравненно большую пользу, чем пресловутая „организация“ [парламент]», утверждал А.С. Вязигин⁷. Однако в настоящее время, полагал он (повторяя тезис С.П. Шевырева), «наши газеты в огромном большинстве превратились в промышленные [коммерческие — И.О.] предприятия и забыли

¹ Вязигин А.С. Государственная дума // Мирный труд. 1905. № 7. С. 195.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 197.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ Каут А. Мнимая спасительность парламентаризма // Мирный труд. 1904. № 8. С. 206.

⁶ Там же. С. 207.

⁷ Там же.

о своих общественных обязанностях»¹. «Вовсе не цензура, а раболепство перед толпой, угодничество заставляют многих молчать и осуждать тех, кто смеется касаясь наболевших нужд, кто разоблачает злоупотребления, желая спасти невинных, приносимых в изобилии на алтари кроважанных партийных богов», — писал А.С. Вязигин. При этом он подчеркивал, что «свобода печати — орудие обоюдоострое, могущее причинить неисправимый вред при неосмотрительном с ним обращении. Развращенная болтовня уличных листов не приведет к благу, если они получают право судить и рядить обо всем с высоты своего невежества»². Поэтому «создание свободной и независимой печати, дорожающей своим правом и достойным образом представленной»³, является первой задачей, стоящей перед российским обществом.

А.С. Вязигин осуждал революционный путь преобразования общества: «Слепая вера в чудодейственную и всеисцеляющую силу революций находит пламенных исповедников лишь между горячими и неопытными головами, хотя тает, как воск от света, проливаемого научным знанием». «Ни природа, ни история не делают скачков, и только медленное, незаметное для поверхностного взгляда накопление благоприятных условий создает прочное улучшение», — писал он⁴. Отдавая должное справедливым лозунгам, начертанным на знаменах революционеров, он, тем не менее, утверждал, что конечный исход всех революций «ясно показывает, что они не приводили к намеченным идеальным целям»⁵. Однако, руководствуясь христианским догматом о постоянном совершенствовании личности, А.С. Вязигин полагал необходимым и постоянным совершенствовать государственный порядок⁶.

Будучи профессором Харьковского университета, А.С. Вязигин не мог оставить без внимания проблемы высшего образования в России. Как правило, он писал под псевдонимом «А. Каут», вероятно, дабы избежать возможной обструкции со стороны радикально настроенных студентов. По мнению А.С. Вязигина, «уже давно наши высшие учебные заведения представляют собой печальную картину почти непрерывных беспорядков; научные интересы играют в жизни студенчества роль второстепенную; спокойные занятия над собственным развитием сменились стремлением поучать других, вмешиваясь чуть ли не во все отрасли государственной и общественной жизни; „учащаяся молодежь“ превратилась в „неучащуюся“; появились нелепые „забастовки“ и „обструкции“ с целью помешать своим более добросовестным товарищам работать». Следствием такой обстановки в университетах стало снижение качества подготовки «выступающих на смену старшим поколениям общественных деятелей и работников во всех областях сложной государственной организации», а «полная неподготовленность студенчества засвидетельствована во всеуслышание в ряде высокоавторитетных заявлений»⁷. В силу того, что «Россия не только не увеличивала, но даже не пополняла ряды столь необходимых ей образованных деятелей... иностранцы и инородцы захватывали исподволь лучшие места, завладевали выгодными предприятиями и оттирали усиленно назад наивных мечтателей, собирающихся облагодетельствовать

¹ Там же. С. 209.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 210.

⁴ Вязигин А.С. От редакции // Мирный труд. 1902. № 1. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Вязигин А. Является ли «Русское Собрание» противником всяких преобразований // Мирный труд. 1905. № 6. С. 158–159.

⁷ Каут А. О настроении русской молодежи // Мирный труд. 1904. № 7. С. 151.

„все человечество“ ... принесением в жертву кровных интересов родного народа»¹. Но все же А.С. Вязигин выражал надежду, что «пройдет еще несколько времени, отрезвление сделает еще большие успехи, и прозревшее юношество займется своим прямым делом, подготовкой себя для служения Отечеству и его Верховному Вождю»².

Однако уже через два месяца «А. Каут» бьет тревогу: «Правильное течение академической жизни давно нарушено, и мирные занятия наукой всегда находятся в опасности быть прерванными нелепыми выходками „неучащейся молодежи“. Причиной этого стала политика, „широкой волной“ захлестнувшая учебные заведения. В результате — незрелое, неопытное юношество вместо исполнения своих прямых обязанностей притязает на решение общегосударственных вопросов первостепенной важности». По мнению А.С. Вязигина, «наша молодежь попала в цепкие руки врагов России ... наша школа поставлена неправильно и лишена твердых национальных основ, которые единственно могут спасти наши подрастающие поколения от пагубной заразы космополитическими и атеистическими идеалами»³. Однако А.С. Вязигин указал и на положительные (для сторонников самодержавия) тенденции, наметившиеся в университетской жизни: «Русское студенчество встряхнулось и стало оказывать противодействие попыткам фанатиков, стремящихся исказить прямое назначение университетов»⁴. Речь идет о так называемых «партиях академического порядка», выступавших против университетских забастовок. Одна из первых таких организаций была основана в Харьковском университете еще в 1901 г. при непосредственном участии А.С. Вязигина⁵.

В начале нового 1905 г. А.С. Вязигин вновь пишет о проблемах высшей школы. По его мнению, «космополитическая закваска, положенная у нас в основу воспитания подрастающих поколений, давно уже содействует изготовлению каких-то „общечеловеков“, витающих в мире книжных построений и бумажных теорий», в стенах высших учебных заведений свила свое «теплое гнездо» политическая пропаганда, «аудитории в часы лекций пустуют, наполняясь во время сходов и пламенных обсуждений»⁶. Единственным светлым пятном в этой нарисованной мрачной картине вновь оказываются академики: «В ряде учебных заведений появились противники насилий над совестью и запретов заниматься своим прямым делом». Однако, сокрушается А.С. Вязигин, «смельчаков ждали новые усиленные гонения со всех сторон: и от товарищей, и от иных преподавателей, и от общества; в конце концов, началась настоящая травля в печати»⁷. Поэтому пока не будут проведены «необходимые преобразования... в духе национальном», которые «вот уже несколько лет остаются неосуществленными, несмотря на признанную безотлагательность», университеты останутся очагами революции⁸.

В своей рецензии на книгу А.С. Будиловича «Наука и политика» (СПб., 1905) А.С. Вязигин также обращается к проблеме образования. По его мнению, «вырвавшись из растлевающей обстановки средней школы, молодежь

¹ Там же. С. 151–152.

² Там же. С. 155.

³ Каут А. По поводу студенческих беспорядков // Мирный труд. 1904. № 9. С. 226.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Хорсов П. Праздник русского самосознания. (Открытие Харьковского отдела «Русского собрания».) // Мирный труд. 1904. № 1. Отдел второй. С. 7, 50.

⁶ Каут А. Гонения на русскую молодежь // Мирный труд. 1905. № 1. С. 210, 211.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Там же. С. 210.

несет свою свободу на алтарь политической борьбы, вместо того, чтобы восполнить вопиющие пробелы своего общественного мирозерцания, вывести его из зачаточного состояния, сделать широким и твердо обоснованным». «Нашей молодежи надо учиться, оставив политиканство», — доказывал он¹. Будучи профессиональным историком-медиевистом, А.С. Вязигин сравнивал проблемы образования в Средние века и начале XX в. и находил в них много общего. «В былую пору наука считалась „служанкой“ богословия, ныне хотят сделать ее рабой революционных теорий, забывая, что чистая наука служит только установлению и развитию истины, а потому должна быть свободной: как прежде рабское подчинение богословию задерживало ее поступательный ход, так и теперь может только пагубно повлиять на превращение профессоров в политических агитаторов, науки — в служебное орудие революционного движения, юношей и девушек неосведомленных и незнакомых с жизнью — в вершителей судеб многомиллионного государства», — писал он².

Интересно, что А.С. Вязигин поддерживал развитие женского образования, что, в общем-то, нетипично для консерваторов. «Развитие женского образования, — писал он, — является одной из насущнейших потребностей наших дней, ибо оно одно может удержать за матерью, главной охранительницей высоких идеалов семьи, руководство подрастающими поколениями. Невежественная или полубразованная мать рано утрачивает свое влияние над детьми и становится бессильной оказать должное противодействие разным посторонним темным влияниям, так властно захватывающим сердца молодежи в наше смутное время»³.

Таким образом, в своей публицистике А.С. Вязигин отстаивал самобытный путь цивилизационного развития России, отличный от западного, доказывал преимущества самодержавия перед другими политическими системами, критиковал парламентаризм, введение которого, по его мнению, приведет к распаду России, доказывал опасность воссоздания Земского собора, выступал против революционного пути модернизации страны, требовал перестройки образования на национальных началах и изгнания политики из высшей школы. Основной трибуной для популяризации своих взглядов А.С. Вязигин избрал издаваемый им «Мирный труд», ставший самым популярным правым журналом, рекомендованным Министерством народного просвещения для включения в школьные библиотеки.

¹ Рецензия А. Каута на книгу А.С. Будиловича «Наука и политика». СПб., 1905 // Мирный труд. 1905. № 8. С. 171.

² Там же. С. 170.

³ Вязигин А.С. Федор Яковлевич Фортинский // Мирный труд. 1903. № 5. С. 162.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ГУЧКОВА ВО ВРЕМЯ ДЕКАБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 1905 г.

АЛМАЗОВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук, ассистент
кафедры истории России XIX в. — начала XX в.
Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Мытищи, Россия;
email: vnm128@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется роль А.И. Гучкова в событиях, происходивших в Москве в период Декабрьского вооруженного восстания в Москве 1905 г. Автор рассматривает участие одного из лидеров формирующегося «Союза 17 октября» в ходе дискуссий в Московской городской думе, которая в период восстания стала фактическим центром политической жизни для «цензовых кругов», деятельность политика за стенами городского самоуправления в этот период, а также использование им своих действий в качестве своеобразного «капитала» в дальнейшей политической борьбе. Для исследования заявленных сюжетов в статье привлекается широкий круг источников: материалы делопроизводства — приглашения на совещания к генерал-губернатору, протокол одного из них, датированный 22 декабря 1905 г. (4 января 1906 г.), журналы и стенографические отчеты заседаний городской думы, протоколы ЦК «Союза 17 октября»; прессы; личного происхождения (мемуары В.Ф. Джунковского, А.К. Квашнина-Самарина). Часть этих материалов отложилась в ЦГА Москвы и ГА РФ. В результате анализа данных материалов автор приходит к выводу, что инициативы А.И. Гучкова в условиях восстания имели незначительные практические последствия, что, однако, не помешало ему активно использовать свой вклад в «восстановление порядка» в дальнейшей политической карьере.

Ключевые слова: А.И. Гучков, Ф.В. Дубасов, Московская городская дума, Декабрьское вооруженное восстание 1905 г., «Союз 17 октября», Н.И. Гучков, Пресня, Государственная дума.

Настоящая статья посвящена изучению роли А.И. Гучкова в событиях, происходивших в Москве в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г., когда один из лидеров формирующейся партии «Союз 17 октября» входил в число самых активных гласных Московской городской думы. Исследование данной темы позволяет получить лучшее представление о взаимодействии власти и общественности во время революционных катаклизмов начала XX в., а также способствует более тщательному воссозданию биографии А.И. Гучкова. Его деятельность в Декабрьские дни 1905 г. упоминалась в ряде работ (Е.Д. Черменского, А.С. Вальдина, С.Е. Вдовина и др.)¹, но до сих пор не была предметом целостного изучения.

¹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 209–210; Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) вооруженного восстания в Москве: Дисс. ... к. ист. н. М., 2000. С. 201–204; Вдовин С.Е. Деятельность партийно-политических групп гласных Московской Городской Думы 1904 — февраль 1917 г.: Дисс. ... к. ист. н. М., 2002. С. 183; Engelstein L. Moscow 1905: Working-class organization in Political Conflict. Stanford (Calif), Stanford University Press, 1982. P. 211.

В статье рассматриваются участие А.И. Гучкова в ходе дискуссий в Московской городской думе (в период восстания она стала фактическим центром политической жизни для «цензовых кругов»), его «внедумская» деятельность в декабре 1905 г., а также использование будущим лидером октябристов своих действий в это время в качестве своеобразного «капитала» в дальнейшей политической борьбе.

Основными источниками послужили материалы делопроизводства, часть из которых отложилась в фондах канцелярии московского генерал-губернатора, городской думы и управы в ЦГА Москвы (приглашения на совещания к генерал-губернатору, протокол одного из них, датированный 22 декабря 1905 г. (4 января 1906 г.), журналы и стенографические отчеты заседаний городской думы, протоколы ЦК «Союза 17 октября»¹, прессы (заметки о совещаниях при генерал-губернаторе, публиковавшиеся в газете «Русский Листок», отчеты о дополнительных выборах депутатов Государственной думы в 1909 г., опубликованные в «Голосе Москвы» и переизданные в собрании материалов, относящихся к протоколам и съездам ЦК октябристской партии)², личного происхождения (воспоминания В.Ф. Джунковского, А.К. Квашнина-Самарина, черновики А.И. Гучкова, отложившиеся в его фонде в ГА РФ и др.)³.

Как известно, по возвращении с Дальнего Востока А.И. Гучков занял позицию ярого противника революционного движения, возглавив вместе с братом Николаем неофициальную консервативную партию в Думе⁴. В практическом плане это выразилось в выступлениях, земско-городских съездах в сентябре и ноябре 1905 г. против автономии Царства Польского, в думе и на ноябрьском съезде — против политических забастовок и союза либералов с революционерами, а также участия в создании «партии порядка» — «Союза 17 октября»⁵. В то же время сохранял он и определенную дистанцию по отношению к власти: например, отказался от вступления в правительство С.Ю. Витте⁶, поддержал идею всеобщих выборов на заседаниях Совета министров в ноябре и на Царскосельском совещании в декабре 1905 г.⁷. В восприятии правящих верхов (например, известного мыслителя-неославянофила, близкого к придворным кругам, генерал-лейтенанта А.А. Киреева и самого Николая II) он представлял вполне благонадежным и перспективным политиком⁸.

Неудивительно, что после начала Декабрьского восстания он был привлечен к сотрудничеству Ф.В. Дубасовым — новым московским генерал-губернатором,

¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. ЛЛ. 457, 458–463; Оп. 233. Д. 49. Л. 1; Ф. 179. Оп. 22. Д. 289; Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы за 1905 г. Январь–декабрь. М., 1906–1907; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. М., 1996–2000. Т. 1–2.

² Русский листок. 1905. № 332, 338, 339; Газетные сообщения о предвыборных собраниях «Союза 17 октября» в Москве 19–21 и 23–25 сентября 1909 г. с участием членов ЦК Союза (Партия «Союз 17 октября». Т. 2. С. 59).

³ Джунковский В.Ф. Воспоминания (1905–1915 гг.). Т. 1. 1905–1912 гг. М., 1997; Записка А.К. Квашнина-Самарина // Из истории Московского вооруженного восстания. Материалы и документы. М., 1930. С. 141; ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 491.

⁴ Вдовин С.Е. Указ. соч. С. 175.

⁵ Там же. С. 175–180; Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 396, 464–465, 478, 492; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 534.

⁶ Первая революция в России. С. 395.

⁷ Там же. С. 401; Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 243–244.

⁸ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 гг. М., 2010. С. 111, 113; Мемуары графа И.И. Толстого. С. 244.

в назначении которого значительную роль сыграл С.Ю. Витте. 9 (22) декабря Гучков был приглашен на частное совещание к Дубасову¹, а с 15 (28) числа стал постоянным членом «Гражданского совета» — более-менее регулярно-го совещательного органа при генерал-губернаторе². На заседаниях Городской думы 13–16 (26–29) и 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) А.И. Гучков стал одним из самых активных ораторов, выступавших за решительный отпор восстанию, поддержку власти, оказание помощи солдатам и полицейским, но в то же время — за возможный поиск компромисса по отношению к повстанцам, желавшим сложить оружие, и создание совещательного органа при генерал-губернаторе, через который к главному руководителю Первопрестольной столице «будет доходить... правда»³.

Деятельно проявил себя один из лидеров «Союза» и в других сферах. 9 (22) декабря вместе с крупным московским предпринимателем Г.А. Крестовниковым организовал вооруженную охрану банков на Ильинке⁴. 13 (26)–14 (27) декабря по поручению брата, городского головы Николая, вместе с известным врачом и московским общественным деятелем Н.Н. Баженовым Александр вел переговоры с бюро Медицинского союза о легализации подчиненных ему санитарных отрядов⁵. Вечером 17 (30) декабря он прибыл на Пресню вместе с братом Николаем, губернским предводителем дворянства князем П.Н. Трубецким, гласными В.В. Пржевальским и Н.Н. Щепкиным для организации эвакуации женщин и детей⁶.

Каков был итог столь энергичных действий? В силу объективных обстоятельств восстания (потеря связи между районами города из-за строительства баррикад, малочисленность войск и полиции и т.д.)⁷, а также авантюрного склада личности А.И. Гучкова значительная часть его инициатив не имела успеха или была вторичной по отношению к предложениям других участников событий. Так, предлагаемое им генерал-губернатору (наряду с управляющим канцелярией последнего А.А. Ворониным⁸) увеличение числа полицейских и ночных сторожей, что, по всей видимости, было высказано «на случайном» совещании 9 (22) числа⁹, было с трудом осуществимо в условиях восстания и успехом не увенчалось¹⁰. На заседаниях же «Гражданского совета» Александр (опоздавший с выдвижением идеи его создания), в отличие от брата Николая, не выступил ни с одной значимой инициативой¹¹. Речи А.И. Гучкова в думе, пользовавшиеся поддержкой большинства гласных, в то же время, в отличие от выступлений его брата Николая, были более полемичны и вели к эскалации в отношениях между участниками заседания, среди которых при обсуждении текущих событий задавали тон левое

¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 1.

² Русский листок. 1905. № 332; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. ЛЛ. 458–463.

³ Стенографические отчеты. С. 996–1098; ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289. ЛЛ. 109–111 об.

⁴ Стенографические отчеты. С. 1009, 1018; Партия «Союз 17 октября». Т. 2. С. 59.

⁵ Стенографические отчеты. С. 1012–1015, 1042–1043.

⁶ Записка А.К. Квашнина-Самарина. С. 141.

⁷ Первая революция в России. С. 364, 367.

⁸ Базилович К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи, 1905–1906. М., 1925. С. 232.

⁹ Стенографические отчеты. С. 1009.

¹⁰ Алмазов М.Г. Федор Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 63.

¹¹ Русский листок. 1905. № 332, 338, 339; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 261. Л. 457; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 127.

и правое крылья¹. Например, едва ли способствовала успокоению страстей такая филиппика: «Посмотрите, что мы сделали с Городским Управлением! Как это создалось, я не знаю, но вне сомнения, что наше учреждение являлось цитаделью революции»². Предложенная же им практическая мера — выделение 10 тысяч руб. семьям убитых и пострадавших полицейских и солдат (позднее сумма была увеличена до 15 тыс.) — была каплей в море рядом с капиталом в 165 тыс. руб., выделенным для помощи стражам порядка Московским биржевым комитетом под председательством Г.А. Крестовникова³. Созданная им и Гучковым охрана так и не отличилась в боях с революционерами, хотя и способствовала охранке банков от разгрома. Легализация отрядов Медицинского союза заработала только под конец восстания⁴. Наконец, с женщинами и детьми массово покидали Пресню и революционеры, притворявшиеся мирными жителями⁵.

Однако в глазах власти репутация А.И. Гучкова как эффективного борца за «порядок» упрочилась. В результате наибольших успехов он смог добиться в деле партийного строительства. В декабре 1905 г. была создана сеть местных комитетов «Союза 17 октября» в Москве, причем на первых собраниях почти всех их Гучков лично председательствовал⁶. Под влиянием политика Дубасов добился разрешения на беспрепятственную деятельность «Союза» и позволил проведение встреч членов партии с избирателями в Государственную думу⁷.

И в дальнейшем Гучков неоднократно использовал свою «твердую позицию» в Декабрьские дни 1905 г. как «политический капитал». Так, выступая 19 сентября (2 октября) 1909 г. на предвыборном собрании в Государственную думу, организованном для выдвижения кандидатов от «Союза 17 октября», он не преминул подчеркнуть свои заслуги в деле «наведения порядка» в Москве в декабре 1905 г. и противопоставить их деструктивным действиям противников — кадетов: «В то время как кадеты ораторствовали на митингах, мы с Г.А. Крестовниковым здесь, в здании биржи, собирали артельщиков и организовали самооборону, потому что было уже очевидно, что забастовочное движение перейдет в вооруженное восстание. Мы... организовали охрану и этим спасли от разгрома ту часть Москвы, где сосредоточены все ее богатства»⁸. Справедливости ради надо сказать, что в ряде случаев эти заслуги работали против него: так, Гучков даже работал над опровержением информации, что якобы он вместе с Дубасовым должен был подготовить доклад международной конференции в Женеве

¹ Стенографические отчеты. С. 996–1098.

² Там же. С. 1034. В эмиграции, давая интервью Н.А. Базили, Гучков уже будет настаивать на стихийном характере восстания и заявлять, что в 1905 г. оценивал его именно так (Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 39). Видимо, он либо изменил свое первоначальное мнение, либо изначально лукавил с целью заработать «политические очки».

³ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 22. Д. 289. Л. 111 об.; Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 5. ЛЛ. 4, 5. См. также: Черменский Е.Д. Указ. соч. С. 210.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 10.

⁵ Костицын В.А. Декабрьское восстание 1905 г. // Мое утраченное счастье... Воспоминания. Дневники. М., 2017. С. 209–210.

⁶ Партия «Союз 17 октября». Т. 1. С. 41–42.

⁷ Там же. С. 42; ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 95. Д. 523. ЛЛ. 5, 7.

⁸ Партия «Союз 17 октября». Т. 2. С. 59.

об исключительно революционном характере санитарных отрядов, действовавших во время восстания¹.

Таким образом, на примере А.И. Гучкова хорошо видно, что «цензовая» общественность оказывалась на вторых ролях во время баррикадных боев в декабре 1905 г., но в то же время могла активно использовать их опыт в свою пользу (только в отличие от кадетов, критиковавших жестокие репрессии властей в отношении «мирного населения»², лидер октябристов пропагандировал свой вклад в дело восстановления порядка).

¹ ГА РФ, Ф. 555. Оп. 1. Д. 491. Л. 1.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 69.

ДЕПУТАТЫ ОТ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЛАВРИНОВИЧ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова»
Могилев, Республика Беларусь;
e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрываются социальные и политические характеристики депутатов Государственной думы от Минской губернии (крестьян, помещиков, представителей духовенства и мещан). В I Думе из 9 депутатов 7 были представителями дворянского сословия, поляками и католиками по вероисповеданию. По политическим представлениям среди них преобладали сторонники либеральных партий. Особенно активно действовали конституционные демократы и польские «краевцы» (А.Р. Ледницкий, Р.А. Скирмунт, В.О. Янчевский и другие). Благодаря поддержке местных властей во II Государственную думу были избраны кандидаты Русского окраинного союза. Несмотря на цензовый характер избирательного закона от 11 декабря 1905 г., состав депутатского корпуса, на этот раз, в целом отражал социальный состав населения Минской губернии: среди депутатов преобладали крестьяне (все православные). Депутаты II Думы были более пассивны, но принимали посильное участие в политической и законотворческой деятельности.

Ключевые слова: Государственная дума, Минская губерния, политические партии, национальные группы, Прогрессивный блок избирателей, «Союз 17 октября», Русский окраинный союз, аграрный вопрос.

Динамика общественно-политической жизни Российской империи в начале XX в. в значительной мере была вызвана участием различных политических сил в выборах Государственной думы. В регионе с многонациональным и поликонфессиональным составом населения, каковой была Минская губерния, избирательные кампании имели особенности по сравнению с центральными губерниями Российской империи.

Избирательная кампания в I Государственную думу началась зимой 1906 г. Особенностью Минской губернии было то, что выдвижение кандидатов в выборщики происходило на национальных совещаниях. 21 февраля был образован Предвыборный комитет землевладельцев Минской губернии, по сути, ставший штабом польских помещиков¹. В Минске были созданы городские польский, еврейский и русский предвыборные комитеты. Из числа кадетов в выборщики были избраны поляки А.Р. Ледницкий (присяжный поверенный, член Московского совета адвокатов) и В.О. Янчевский (присяжный поверенный, гласный Минской городской думы), еврей С.Я. Розенбаум (присяжный поверенный), Э.М. Бейленсон (частный поверенный при окружном суде),

¹ *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). Мн., 2008. С. 41.

А.И. Кацель (управляющий отделением Северного банка), О.Л. Лунц (врач), русский И.И. Бибилов (бывший минский прокурор)¹, составившие избирательный список «прогрессивных русских, евреев и поляков». На городских выборах 5 апреля 1906 г. они одержали победу.

В условиях вмешательства властей в процесс выборов местные кадеты заключили союз с национальными либеральными организациями. Так, в Минской губернии был образован Прогрессивный блок избирателей, включивший Конституционно-демократическую партию, Польскую независимую партию, Белорусско-литовскую группу, Предвыборный комитет землевладельцев Минской губернии, комитеты русских и еврейских избирателей². Для того, чтобы получить поддержку польских аграриев, А.Р. Ледницкий пообещал Э.А. Войниловичу, бывшему тогда председателем Минского общества сельского хозяйства, не поднимать в Государственной думе вопроса об отчуждении помещичьих земель³.

Минское общество сельского хозяйства выдвинуло и организовало мощную поддержку своим представителям: Р.А. Скимунту, И.И. Вишневскому, И.Э. Друцкому-Любецкому, Е.И. Любанскому.

Активно включился в предвыборную борьбу и Минский отдел «Союза 17 октября». С помощью местных властей ему удалось организовать рассылку агитационной литературы по всей губернии. Тем не менее, программа октябристов успехом не пользовалась. Еврейское население белорусских городов отрицательно относилось к ним за их нежелание выступить с требованием немедленного предоставления евреям равноправия и отмены черты еврейской оседлости. Польских землевладельцев не удовлетворяло решительное отстаивание союзом принципа сохранения единой и неделимой России. Отвечая на запрос Департамента полиции, минский губернатор отмечал, что на значение «Союза 17 октября» на выборах рассчитывать трудно: его лидеры не пользуются поддержкой обывателей, т.к. считаются крайне правыми⁴. Поэтому, несмотря на все усилия, избирательная кампания в I Государственную думу окончилась для октябристов поражением.

6 апреля 1906 г. на уездных съездах было избрано 70 выборщиков: 57 помещиков, 12 крестьян и 1 православный священник⁵. Помещики представляли, главным образом, пропольский Предвыборный комитет землевладельцев Минской губернии и Минское общество сельского хозяйства.

На губернских выборах выборщики поделились на три национальные группы: польскую (в основном помещики) — свыше 60 человек, белорусскую (православные крестьяне) — около 50 человек, еврейскую (представители городов) — около 20 человек. Поляки заключили соглашение с евреями, пообещав поддержать одного их кандидата в депутаты (лидера сионистов С.Я. Розенбаума). Крестьяне смогли выбрать только одного «обязательного» крестьянского депутата (С.И. Готовчица), после чего в знак протеста покинули губернский избирательный съезд. Поляки одержали победу, проводя

¹ Переписка ЦК КДП с кадетами Минской губернии (1906 г.) // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 243. Л. 30.

² Мартюхова М.А. На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 — июль 1906 гг.). Мн., 1986. С. 48.

³ Войнилович Э. Воспоминания. Мн., 2007. С. 145.

⁴ Наряд по секретной переписке по Минской губернии // ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1906 г. Оп. 236. Д. 828. Ч. 7. Л. 2 об.

⁵ Забайскі М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). С. 49.

в Государственную думу семерых своих кандидатов. Таким образом, представители польской национальной группы, выступавшие в общеполитической сфере под кадетским флагом, получили около 80% голосов выборщиков¹.

Первыми депутатами, избранными местным населением в Государственную думу в марте–апреле 1906 г., стали Иван Иванович (Ян Янович) Вишневецкий, Степан Иванович Готовиц, Иероним Эдвинович Друцкий-Любецкий, Александр Робертович Ледницкий, Евстафий Иванович Любанский, Петр Петрович Массониус, Семен Яковлевич Розенбаум, Роман Александрович Скирмунт, Виктор Осипович Янчевский. Они отличались социальным статусом, имущественным положением, уровнем образования, жизненным опытом, придерживались разных политических взглядов.

Семеро депутатов были дворянами, владевшими землями в Минской губернии либо имевшими недвижимость в Минске. И.И. Вишневецкий (1863–?) имел земли в Мозырском уезде Минской губернии и Овручском уезде Волынской губернии. Он окончил гимназию в Варшаве и юридический факультет Дерптского университета, занимался сельским хозяйством в своих имениях, был членом Минского общества сельского хозяйства².

И.Э. Друцкой-Любецкий (1861–1919) происходил из древнего княжеского рода. Он родился в Пинске, окончил немецкую гимназию в Риге и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После службы в армии занимался сельским хозяйством в имении отца Ново Поле Минского уезда, стал членом совета Минского общества сельского хозяйства, организатором отделов кустарных промыслов белорусов на выставках в Минске, Вильно и Санкт-Петербурге. Друцкой-Любецкий занимался и общественной деятельностью, являясь членом комитета губернского правления по земским делам³.

А.Р. Ледницкий (1866–1934) на момент выборов постоянно проживал в Москве. Он родился в шляхетской семье, участвовавшей в восстании 1863–1864 гг. Рано потеряв отца, воспитывался в доме дяди, привившего ему польский патриотизм. Окончил гимназию в Минске и Демидовский юридический лицей в Ярославле. Занимался адвокатской практикой, активно участвуя при этом в общественной жизни. В 1905 г. Ледницкий являлся одним из организаторов Союза адвокатов и кадетской партии⁴.

Е.И. Любанскому (1859–1917) принадлежали имение Лошица Минского уезда Минской губернии, паточный и винокуренный заводы. Образование он получил в земледельческой академии в Прушкове в Силезии. Активно занимался сельским хозяйством, являлся членом Минского общества сельского хозяйства, избран в гласные Минской городской думы, был одним из создателей Минского отдела Конституционно-демократической партии⁵.

¹ Там же. С. 52, 53.

² Вишневецкий Иван Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 92.

³ Бородин А.П., Постников Н.Д. Друцкой-Любецкий Иероним Эдвинович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 174; Brzoza C., Stepan K. Poświę Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. Warszawa, 2001. S. 53.

⁴ Ледницкий Александр Робертович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 323–324; Brzoza C., Stepan K. Poświę Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. S. 113, 114.

⁵ Любанский Евстафий Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 340.

П.П. Массониус (1862–1945) владел имением Марьяновка Новогрудского уезда Минской губернии. Он окончил физико-математический факультет Варшавского университета и получил степень доктора философии в Лейпцигском университете, занимался издательским делом, был членом редколлегии еженедельника «Край» (Санкт-Петербург), редактором «Варшавской газеты», газеты «Реформа»¹.

Р.А. Скирмунт (1868–1939) был помещиком Пинского уезда Минской губернии. Он окончил юридический факультет Варшавского университета, а также изучал философию в Венском университете. Карьеру общественного деятеля он начал в качестве председателя общества по разработке сельскохозяйственных и экономических нужд Полесья, затем был избран членом совета Минского общества сельского хозяйства. В ноябре 1905 г. Р.А. Скирмунт выступил с инициативой создания региональной политической партии. В виленской газете «Курьер литовский» он опубликовал обращение «Краевой партии Литвы и Беларуси» (КПЛ и Б), в котором призывал единомышленников объединиться вокруг следующей политической платформы: 1) постепенного введения политических свобод и равноправия граждан перед законом; 2) развития местного самоуправления; 3) признания равенства всех наций; 4) возможности получения образования на родном языке и введения бесплатного начального образования. Перечисленные либеральные принципы дополнялись весьма умеренными предложениями в аграрной сфере. Скирмунт выступал за неприкосновенность помещичьего землевладения. По его мнению, крестьянам должна была оказываться государственная помощь в приобретении земли. Со своей стороны, в Минском обществе сельского хозяйства Скирмунт проводил мысль о необходимости сближения помещиков с крестьянами. По его инициативе общество стало принимать в свои члены крестьян на льготных условиях. В январе 1906 г. Скирмунт предпринял вторую попытку создания партии, но только летом 1907 г. КПЛ и Б, наконец, была создана².

В.О. Янчевский (1858 — после 1922) родился в польской дворянской семье в Могилевской губернии, окончил с золотой медалью гимназию в г. Елец Орловской губернии, затем юридический факультет Киевского университета, получил степень кандидата прав. С 1883 г. Янчевский жил в Минске, работая присяжным поверенным. В 1892 г. он стал гласным городской думы, через некоторое время — ее председателем. По его инициативе были организованы Минское городское кредитное общество и публичная библиотека³.

Представителем белорусского крестьянства был С.И. Готовчиц. Он проживал в селе Кривошин Новогрудского уезда Минской губернии, окончил только двухклассное народное училище, занимался сельским хозяйством на наделенной земле. В Государственную думу он прошел от съезда уполномоченных от волостей Минской губернии⁴.

¹ Массониус Петр Петрович // Там же. С. 362.

² Бородин А.П., Постников Н.Д. Скирмунт Роман Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 561; Смалянчук А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб., 2004. С. 235, 236.

³ Янчевский Виктор Осипович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 725; Brzoza C., Stepan K. Poświęcie Polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. Warszawa, 2001. S. 91.

⁴ Готовчиц Степан Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 144.

С.Я. Розенбаум (1859–1934) родился в Пинске в семье кузнеца. Окончил юридический факультет Новороссийского университета и стал заниматься адвокатской практикой сначала на родине, а затем в Минске. Увлекался палестинофильскими идеями, активно участвовал в сионистском движении, создал множество сионистских кружков, входил в руководство Всемирной сионистской организации, в 1906 г. вступил в кадетскую партию¹.

Анализ социальных характеристик депутатов показал, что среди них преобладали представители элитарных слоев населения Минской губернии: из 9 выборных представителей 7 были дворянами-помещиками. Несмотря на преобладание в регионе православного населения, все они были католиками. Только С.И. Готовчица можно рассматривать как представителя самой многочисленной группы населения — белорусского крестьянства. Таким образом, социальный и национальный состав депутатов I Государственной думы от Минской губернии не соответствовал социально-национальному составу большинства населения края. Депутаты-дворяне представляли и защищали интересы польского меньшинства, в основном помещиков, заботившихся, прежде всего, о сохранении своих земельных владений.

Депутаты из высших слоев общества принадлежали примерно к одной возрастной группе от 38 до 48 лет. Самым молодым был крестьянин С.И. Готовчиц.

В Государственной думе посланцы Минской губернии вошли в комиссии. Так, В.О. Янчевский, как опытный деятель городского самоуправления, вошел в комиссию по исполнению государственной росписи доходов и расходов. Кроме того, он, наряду с Р.А. Скирмунтом, участвовал в работе аграрной комиссии. С.Я. Розенбаум записался сразу в несколько комиссий: по равноправию и неприкосновенности личности, об исследовании незаконных действий должностных лиц, для разбора корреспонденции².

Политические воззрения депутатов были близки, большинство из них придерживались либеральных взглядов. После начала работы I Государственной думы во фракцию кадетов вошли А.Р. Ледницкий, С.Я. Розенбаум и В.О. Янчевский. В польскую Группу западных окраин вступили И.И. Вишневский, И.Э. Друцкой-Любецкий, Е.И. Любанский, П.П. Массониус. Членство в последней совмещали В.О. Янчевский и А.Р. Ледницкий, бывший, наряду с И.Э. Друцким-Любецким, одним из руководителей группы³. Кроме того, А.Р. Ледницкий возглавлял Союз автономистов, насчитывавший более 120 депутатов⁴. С.И. Готовчиц остался беспартийным⁵.

Наиболее активно в Думе выступали И.Э. Друцкой-Любецкий и Р.А. Скирмунт. Острые прения вызвал аграрный вопрос. Выражая мнение польских помещиков белорусско-литовских губерний, И.Э. Друцкой-Любецкий предложил, чтобы вопрос об отчуждении частновладельческих земель решался на региональном уровне. Таким путем он рассчитывал сохранить в руках польских землевладельцев максимальное количество земли. Р.А. Скирмунт настаивал на соблюдении принципа неприкосновенности земельной собственности, допуская только передачу небольших участков крестьянам от помещиков за выкуп⁶.

¹ Розенбаум Семен Яковлевич // Там же. С. 529.

² Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 529, 561, 725; Минские вести // Голос провинции. 1906. 5 июля. С. 2.

³ *Забайўскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). С. 57, 58.

⁴ *Смалянчук А.Ф.* Указ. соч. С. 199.

⁵ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 144.

⁶ *Забайўскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). С. 61.

Противостояние Государственной думы и правительства привело 8 июля 1906 г. к роспуску «народного представительства». В ответ через два дня в Выборге депутаты подписали воззвание с призывом к народу не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Из депутатов от Минской губернии воззвание подписал только В.О. Янчевский¹.

Избирательная кампания во II Государственную думу началась осенью 1906 г. Власти Минской губернии решили оказать открытую поддержку монархическим партиям и организациям, чтобы не допустить в Думу представителей оппозиционных сил. Лидерами минских октябристов Г.К. Шмидтом, Д.В. Скрынченко и И.Д. Чигиревым был организован Минский отдел Русского окраинного союза (РОС), который объединил большинство сторонников правительственного курса. Его члены вели активную агитацию среди населения, устраивали вечера, спектакли, лекции, пытались перетянуть на свою сторону, прежде всего, крестьян. 1 октября 1906 г. в местечке Ляды Игуменского уезда состоялся съезд делегатов от крестьян, состоявших в рядах «Союза 17 октября», посвященный разработке методов пропаганды и выборной тактики². Октябристам удалось склонить к сотрудничеству бывшего депутата I Думы крестьянина С.И. Готовчица. Совместно с ним Г.К. Шмидт и И.Д. Чигирев написали и начали распространять среди крестьян воззвание «Как и кого выбирать в Государственную думу», затем во всех газетах проправительственного направления от имени Готовчица (реальным автором был Шмидт) появилось «Открытое письмо к крестьянам»³. В письме содержался призыв к крестьянам голосовать на выборах за кандидатов РОС. В результате пропагандистской кампании многие крестьяне, поверив его обещаниям, примкнули к октябристам⁴.

Действия властей существенно ослабили кадетов в Минской губернии. Тем не менее, они решили принять участие в выборах во II Государственную думу, рассчитывая, прежде всего, на поддержку еврейского населения городов. Как и на выборах в I Думу, кадеты вступали в блоки с другими местными либеральными организациями. В Минске на городских выборах победу снова одержал список объединенного комитета прогрессивных гласных, в котором были и кандидатуры конституционных демократов: В.О. Янчевского, О.Л. Лунца и Я.С. Залкинда⁵. Власти всячески пытались провалить представителей оппозиции. В итоге на губернских выборах ни один представитель Конституционно-демократической партии не был избран во II Думу. На губернских выборах благодаря 44 выборщикам-крестьянам при поддержке 35 православных помещиков убедительную победу одержали кандидаты Русского окраинного союза⁶.

Депутатами, избранными местным населением в Государственную думу второго созыва, стали Александр Алексеевич Гаврильчик, Петр Феофилович Грудинский, Иван Самойлович Иващенко, Андрей Алексеевич Красковский, Григорий Александрович Лашкарев, Варфоломей Минич Мельник, Дмитрий Яковлевич Ременчик, Иван Адамович Шиманский, Вячеслав

¹ По краю // Свободное слово. 1906. 21 июля. С. 3.

² Минские вести // Голос провинции. 1906. 4 октября. С. 2.

³ Минские вести // Голос провинции. 1906. 17 сентября. С. 2.

⁴ Переписка ЦК «Союза 17 октября» с Минским отделом // ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 74. Л. 9.

⁵ Провинциальный отдел. Минск // Вестник народной свободы. 1907. 22 марта. С. 810.

⁶ *Забайцкі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). С. 91.

Андреевич Якубович. На этот раз состав депутатов лучше отражал социальную структуру населения Минской губернии. Пятеро из них были крестьянами, двое дворянами, один священнослужителем, один происходил из мещанского сословия. Большинство депутатов было православного вероисповедания.

Г.А. Лашкарев (1862–1931) был крупным землевладельцем, ему принадлежало имение Озаричи, 8794 дес. земли в Бобруйском уезде Минской губернии. Образование он получил в Пажеском корпусе, затем окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в лейб-гвардии Преображенском полку, дослужился до воинского звания полковника. После отставки был гласным Бобруйского уездного и Минского губернского земских собраний¹.

И.С. Иващенко (1851–1924) сделал карьеру в финансовой сфере в Санкт-Петербурге. Он окончил юридический факультет Киевского университета, был членом совета Государственного банка, управляющим Санкт-Петербургской ссудной казны. На протяжении многих лет являлся гласным Санкт-Петербургского уездного и губернского земских собраний².

Священник В.А. Якубович (1868–после 1917) окончил Минскую духовную семинарию, служил настоятелем Свято-Николаевской церкви в местечке Петриков Мозырского уезда, был благочинным 2-го округа Минской губернии, членом Мозырского уездного комитета попечительства о народной трезвости. За службу в 1905 г. был награжден орденом Святой Анны 3-й степени³.

П.Ф. Грудинский (1878–1930) жил в м. Глуск и принадлежал к мещанскому сословию, но уже его отец занимался земледелием, арендовал церковную землю. После окончания Глусского народного училища был волостным писарем в с. Городок Бобруйского уезда. Как и отец, он занимался сельским хозяйством, имея 20 дес. наделной и приобретенной земли⁴.

Крестьянские представители во II Государственной думе от Минской губернии принадлежали к средним и бедным слоям сельского населения. А.А. Гаврильчик (1880–1937) был крестьянином деревни Лошницы Борисовского уезда Минской губернии. Окончил народное училище. Занимался сельским хозяйством на участке в 15 десятин⁵. А.А. Красковский (1871–после 1907) — крестьянин деревни Ляхово Новогрудского уезда Минской губернии, имел начальное образование, занимался земледелием, имея всего 9 дес. земли⁶. В.М. Мельник (1867–после 1907) жил в местечке Лоев Речицкого уезда Минской губернии. Он окончил Лоевское народное училище и вел крестьянское хозяйство на участке 9,5 дес. наделной и 2 дес. приобретенной земли⁷. Д.Я. Ременчик (1863–после 1907) был крестьянином местечка Любань Бобруйского уезда. Образования он не имел, но являлся грамотным. Распоряжался 4 дес. наделной и 17 дес. приобретенной земли, исполнял

¹ Бородин А.П., Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Лашкарев Григорий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 319.

² Иващенко Иван Самойлович // Там же. С. 217–218.

³ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Якубович Вячеслав Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 722.

⁴ Грудинский Петр Феофилович // Там же. С. 151.

⁵ Гаврильчик Александр Алексеевич // Там же. С. 118.

⁶ Красковский Андрей Алексеевич // Там же. С. 297.

⁷ Мельник Варфоломей Минич // Там же. С. 368.

обязанности волостного старшины и волостного судьи¹. И.А. Шиманский (1872–1938) — крестьянин деревни Струг Минского уезда Минской губернии, получил начальное образование в народном училище, имел всего 8 дес. земли².

Депутаты II Государственной думы от Минской губернии в среднем были моложе своих предшественников в Думе первого созыва. Шестерым из них было меньше 40 лет, а самому молодому (А.А. Гаврильчику) исполнилось только 26 лет.

В Государственной думе депутатов-крестьян интересовали вопросы, связанные с улучшением социального и экономического положения сельского населения. Так, А.А. Гаврильчик, В.М. Мельник и И.А. Шиманский записались для работы в комиссию по народному образованию. А.А. Красковский вошел в аграрную комиссию. Мещанин П.Ф. Грудинский, живший в сельской местности и принимавший участие в работе волостного правления, стал членом комиссии, занимавшейся реформированием местных судов. Кроме того, он и В.М. Мельник числились членами думской комиссии по запросам³.

По своим политическим взглядам все депутаты II Государственной думы от Минской губернии принадлежали к умеренному и консервативному лагерям. Все депутаты-крестьяне (А.А. Гаврильчик, А.А. Красковский, В.М. Мельник, Д.Я. Ременчик, И.А. Шиманский) и священник В.А. Якубович на выборах выступали как кандидаты Русского окраинного союза. В Думе А.А. Красковский вошел во фракцию умеренно-правых, В.А. Якубович — во фракцию «Союза 17 октября». Большинство крестьян остались беспартийными. И.С. Иващенко был членом «Союза 17 октября». Г.А. Лашкарев вошел во фракцию правых. П.Ф. Грудинский был беспартийным⁴.

Социальное происхождение большинства депутатов II Государственной думы от Минской губернии сказывалось на их деятельности. Депутаты-крестьяне в основном выступали в прениях по земельному вопросу, предлагая наделить крестьян дополнительными участками земли на правах собственности. Они категорически выступили против решения земельных вопросов на региональном уровне, чего добивались польские помещики. В связи с этим они не поддерживали идею «краевой» автономии, усматривая в ней способ сохранить и усилить влияние польских помещиков в западных губерниях Российской империи⁵. Раскрыться как политические деятели депутаты-крестьяне не успели. 3 июня 1907 г. II Государственная дума была распущена указом Николая II.

Подводя итоги, можно отметить существенные различия социальных и политических характеристик депутатов от Минской губернии. В I Думе из 9 депутатов 7 были представителями дворянского сословия, поляками, католиками по вероисповеданию. По политическим представлениям среди них преобладали сторонники либеральных партий. Депутаты I Государственной думы в политическом плане не скрывали своей оппозиционности, не боялись обращаться за поддержкой к выборщикам. Особенно активно

¹ Ременчик Даниил Яковлевич // Там же. С. 521.

² Шиманский Иван Адамович // Там же. С. 702.

³ Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. С. 118, 297, 368, 521, 702.

⁴ Там же. С. 151, 218, 297, 319, 722.

⁵ Забайскі М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.). С. 96, 97.

действовали конституционные демократы и польские «краевцы» (А.Р. Ледницкий, Р.А. Скимунт, В.О. Янчевский и другие).

Благодаря поддержке местных властей во II Государственную думу были избраны кандидаты Русского окраинного союза. Несмотря на цензовый характер избирательного закона от 11 декабря 1905 г., состав депутатского корпуса, на этот раз, в целом отражал социальный состав населения Минской губернии: среди депутатов преобладали крестьяне (все православные). Депутаты II Думы были более пассивны, но принимали посильное участие в политической и законотворческой деятельности.

Посредством Государственной думы представители Минской губернии впервые оказывали влияние на развитие общественно-политической ситуации, как на территории Северо-Западного края, так и в целом Российской империи.

ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОГО СОЗЫВА БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПЕТЕРСОН: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СТОГОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
г. Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности землевладельца Ветлужского уезда Костромской губернии, известного земского деятеля, члена Государственной думы второго созыва Бориса Леонидовича Петерсона (1873–?). Исследование деятельности Б.Л. Петерсона представляет актуальность и практический интерес ввиду того, что использование богатого опыта деятельности дореволюционных органов местного самоуправления необходимо в нелегком деле возрождения малых городов Российской Федерации, многие из которых пребывают в плачевном состоянии. Исследованные нами архивные документы из фонда Государственной думы РГИА дополняют известные нам сведения о деятельности парламентария. Б.Л. Петерсон состоял в Конституционно-демократической партии, однако позже разошелся с ней, являлся беспартийным левым, в Думе примкнул к фракции народных социалистов. Предметом дискуссии остается вопрос о якобы существовавшей в период революции 1905–1907 гг. «Ветлужской республике», возглавлявшейся «президентом» Б.Л. Петерсоном. Дальнейший поиск архивных источников мог бы прояснить вопрос о ее существовании.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, либерализм, левые, земство, образование, здравоохранение, контрреволюция.

В условиях развития российского парламентаризма актуально обращение к богатому опыту работы дореволюционных земств и земских деятелей, связанному с развитием экономики России, социальной сферы, культуры.

Статья посвящена деятельности землевладельца Ветлужского уезда Костромской губернии, земца, члена второй Государственной думы Бориса Леонидовича Петерсона (1873–?). В историографии политическая деятельность Б.Л. Петерсона практически не рассматривалась, за исключением статьи П.П. Резепина в энциклопедии «Государственная дума Российской империи»¹. Упоминания имени Б.Л. Петерсона содержатся в краеведческих работах, посвященных городу Ветлуге Нижегородской области (до 1922 г. — Костромской губернии) и Ветлужскому району².

¹ Резепин П.П. Петерсон Борис Леонидович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917 / Сост. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. М., 2008. С. 454.

² См., напр.: Кирьянов И.А., Золотухин Н.В. Поветлужье в 1918 году. М., 2018. С. 38, 49, 224.

Борис Леонидович Петерсон родился 25 ноября 1873 г.¹ в семье коллежского секретаря, земского гласного, члена земской управы Ветлужского уезда Леонида Дмитриевича Петерсона, крестился в Воскресенской церкви Ветлуги². Род Петерсонов входил в третью часть Указателя дворянских родов Костромской губернии (под номером 698)³.

Отец Б.Л. Петерсона получил известность как один из инициаторов создания ветлужской больницы⁴. Родной брат Б.Л. Петерсона — Николай Леонидович Петерсон (1866–1920) — был помощником по гражданской части наместника на Кавказе (1913–1915), сенатором, гофмейстером. В годы Гражданской войны участвовал в Белом движении⁵, скончался на острове Лемнос в Греции⁶. Его супруга Анастасия Павловна (ок. 1868–1944) умерла в Белграде, похоронена на Новом кладбище сербской столицы⁷.

Б.Л. Петерсон два года учился в Костромской гимназии, пять лет — в Казанской первой гимназии, которую окончил в 1893 г. с серебряной медалью (с «четверками» по математике и немецкому языку)⁸, затем два года обучался в Военно-медицинской академии⁹, не окончив ее, а позже, с 1895 г., — на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. По отношению к воинской повинности пользовался льготами вольноопределяющегося первого разряда¹⁰. В университете на платной основе¹¹ слушал лекции по различным отраслям права, статистике, богословию, политэкономии, истории русского права и др.¹². Среди его преподавателей — знаменитые юристы В.В. Ефимов, Д.Д. Grimm, А.Х. Гольмстен, И.Я. Фойницкий, Ф.Ф. Мартенс, В.И. Адамович, Н.Л. Дювернуа и др.¹³. В период летних и зимних каникул выезжал в Ветлугу, реже — в Москву и Кострому¹⁴. Окончил университет 30 марта 1900 г., получив свидетельство о том, что в течение «восьми зачетных полугодий» прослушал курсы, «участвовал в установленных учебным планом практических занятиях», «подвергался испытанию из богословия и немецкого языка»¹⁵. В период обу-

¹ В статье П.П. Резепина (и вслед за ним в интернет-источниках) без ссылки на первоисточник указан 1874 г. (без указания числа и месяца рождения) (*Резепин П.П.* Петерсон Борис Леонидович. С. 454). Однако документы из университетского дела Б.Л. Петерсона свидетельствуют, что он родился в 1873 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32378. Л. 5).

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32378. Л. 5.

³ Алфавитный указатель дворянских родов Костромской губернии, внесенных в родословную книгу, разделенную на шесть частей с 1790 по 1899 год. Кострома, 1900. С. 24.

⁴ *Сизинцева Л.И.* «Одно из лучших в Костромской губернии...»: Земское дело в Ветлужском уезде // Ветлужская сторона: Историко-краеведческий сборник. Кострома, 1995. С. 42; Ветлуга — сиреневый город [В. Горшенин и др.]. Нижний Новгород, 2008. С. 556–557. См. также его формулярный список: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32378. ЛЛ. 6–7.

⁵ Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1 сентября 1914 года. Пг., 1914. С. 68; *Мурзанов Н.А.* Словарь русских сенаторов, 1711–1917 гг. СПб., 2011. С. 338.

⁶ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5. С. 410.

⁷ Там же.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32378. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. ЛЛ. 14, 15, 24, 25, 29, 30.

¹³ Там же. ЛЛ. 14, 25, 29.

¹⁴ Там же. ЛЛ. 11, 12, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 31, 32, 33, 34.

¹⁵ Там же. Л. 43.

чения считался политически благонадежным, «поведения был отличного»¹. 12 мая 1900 г. выехал в Киев².

В период с 1902 по 1911 г. Б.Л. Петерсон являлся почетным мировым судьей по Ветлужскому уезду Костромской губернии³. В 1906–1909 гг. был гласным Ветлужского уездного земского собрания, а в 1907–1909 гг. — гласным Костромского губернского земского собрания⁴. Печатался в костромских периодических изданиях. По данным П.П. Резепина, владел 5419 десятинами собственной земли и 21 379 десятинами земли в совместном владении⁵. По данным на 1911 г., владел 5418 десятинами земли⁶.

20 сентября 1905 г. на заседании Ветлужского уездного земского собрания по запискам большинством голосов Б.Л. Петерсон был единогласно избран членом ревизионной комиссии собрания вместо В.Н. Верховского⁷. 24 сентября того же года Петерсон вместе с П.Е. Шабаровым выступил с докладом по поводу требования крестьян Яковищенского общества понизить оценку их дачи в связи с происшедшим пожаром, признав, что это требование лишит земство значительных финансовых поступлений⁸.

6 октября 1905 г. в Ветлужском земском собрании состоялось объяснение по поводу доклада Б.Л. Петерсона в попечительный совет Ветлужской женской пятиклассной прогимназии. В докладе земский деятель, обращая внимание на имевшие место жалобы учениц, подверг резкой критике руководство учреждением за самоуправство и потребовал ревизии работу прогимназии⁹. Б.Л. Петерсон, будучи либералом по убеждениям, критикуя гимназическое начальство и требуя ревизии ее деятельности, фактически пытался защищать интересы учениц.

Деятельность Б.Л. Петерсона не ограничивалась расследованиями инцидента в прогимназии. На заседании Ветлужского земского собрания 20 февраля 1906 г. он вступился за гласного Ветлужского земства В.Я. Яковлева, арестованного исправником якобы «без законных оснований», потребовал его освобождения и обратил внимание на «противозаконные действия полиции»¹⁰. Также он потребовал выразить публично протест, считая необходимым «кричать о насилии»¹¹. В итоге земское собрание приняло решение направить телеграммы с выражением протеста С.Ю. Витте, в Министерство внутренних дел и Министерство юстиции¹².

На заседании 17 ноября 1907 г. Б.Л. Петерсон баллотировался в председатели Ветлужской уездной земской управы на трехлетний срок с окладом в 200 рублей. За его кандидатуру проголосовали 20 из 21 гласных¹³.

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Л. 42.

³ Резепин П.П. Петерсон Борис Леонидович. С. 454.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Справочная книжка Костромской губернии. Календарь на 1911 год. Издание Костромского губернского статистического комитета. Кострома, 1911. С. 376.

⁷ Сборник постановлений Ветлужского уездного земского собрания... очередной сессии 1905 года. Ветлуга, 1906. С. 2–3.

⁸ Там же. С. 120–122.

⁹ Там же. С. 794–795, 797–798, 805–807, 824.

¹⁰ Сборник постановлений Ветлужского уездного земского собрания... чрезвычайных сессий 20, 21, 22, 23 февраля и 12, 13 утреннего и 13 вечернего, марта 1906 года. Ветлуга, 1906. С. 2.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 3.

¹³ Там же. С. 460–461.

Однако уже 20 февраля 1908 г. стало известно о сложении Б.Л. Петерсоном полномочий председателя управы. Судя по всему, причиной отставки стал конфликт с органами исполнительной власти. В связи с этим известием гласный П.Е. Шабаров обратился к земскому собранию г. Ветлуги, выразив сожаление в связи с уходом председателя¹. В свою очередь, представитель удела А.Д. Кочуков признался, что знал Б.Л. Петерсона около десяти лет. По его свидетельству, Борис Леонидович, еще будучи студентом, проявлял интерес к земскому делу. По мнению выступающего, Петерсон, руководя управой, вполне оправдал его ожидания². А.Д. Кочуков выразил «глубокое сожаление по поводу его ухода»³. В итоге Земское собрание единогласно выразило Б.Л. Петерсону сожаление по поводу его ухода с земской службы. В ответном слове Б.Л. Петерсон выразил «глубокую благодарность» Земскому собранию⁴.

Петерсоны активно участвовали в культурной жизни Ветлуги и Ветлужского уезда⁵.

10 февраля 1907 г. земский деятель был избран членом Государственной думы второго созыва от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания⁶, в Санкт-Петербурге проживал в доходном доме Гукасовых (Литейный пр., 46)⁷.

В сведениях о членах Государственной думы сообщалось, что в 1907 г. он владел 5000 десятинами земли в Костромской губернии Ветлужского уезда⁸. 13 февраля 1907 г. ему выдали удостоверение за номером 457 для первоначальной явки в Государственной думе⁹. В зале заседания нижней палаты российского парламента Петерсон занимал кресло за номером 214¹⁰.

О работе Б.Л. Петерсона в Государственной думе имеется мало сведений. Стенограммы заседаний Государственной думы¹¹ не содержат каких-либо выступлений парламентария. Известно, однако, что он, состоя первоначально в Конституционно-демократической партии, позже разошелся с ней¹², являлся беспартийным левым¹³, однако в Думе примкнул к фракции народных социалистов¹⁴. Являлся секретарем IX отдела Государственной думы¹⁵. Состоял

¹ Сборник постановлений Ветлужского уездного земского собрания очередной сессии с 10 по 21 ноября 1907 г. и чрезвычайной сессии 20 и 21 февраля 1908 г. Ветлуга, 1908. Ч. 2. С. 45.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 46–47.

⁴ Там же. С. 46–47.

⁵ Шафранова-Крук З.Ф. Город моего отрочества (май 1979 года) // История Ветлужского края. Урень, 1999. С. 65–66.

⁶ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 327. ЛЛ. 2, 6; Д. 574. ЛЛ. 5, 11–13 об., 17, 18, 19, 19 об., 21, 21 об., 22, 23 об., 24.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. Заседания 1–30 (с 20 февраля по 30 апреля); Т. II. Заседания 31–53 (с 1 мая по 2 июня).

¹² Боиович М.М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Второй созыв. М., 1907. С. 148.

¹³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 327. ЛЛ. 3, 8.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Список членов Государственной думы по отделам, образованным в заседании 24 февраля 1907 г. // Государственная дума. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. Заседания 1–30 (с 20 февраля по 30 апреля). С. 51.

в комиссиях: по исполнению государственной росписи доходов и расходов, по местному управлению и самоуправлению.

В архивном фонде Государственной думы сохранилось заявление Б.Л. Петерсона от 21 мая 1907 г., направленное в Государственную распорядительную комиссию, в котором депутат сообщал, что намерен отлучиться из Петербурга с 22 мая на две недели¹. Таким образом, во время роспуска нижней палаты 3 июня 1907 г. он, судя по всему, еще находился не в столице.

В дальнейшем Б.Л. Петерсон продолжал общественную деятельность в г. Ветлуге. С 1914 г. он являлся старшиной, в 1916 г. — старшиной-распорядителем и казначеем Общественного собрания г. Ветлуги². Также Петерсон был казначеем Ветлужского попечительства о бедных³. Накануне Октябрьской революции Петерсоны владели 2356 десятинами земли⁴.

После Октябрьской революции Б.Л. Петерсон как бывший крупный землевладелец оказался в оппозиции советской власти. Он принимал активное участие в антибольшевистском уренском мятеже⁵, являлся начальником Ветлужского военного штаба восстания⁶. После подавления мятежа вместе с другими повстанцами двинулся в Яранск⁷. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Активный и талантливый земский деятель, приложивший немало усилий для благоустройства города Ветлуги и Ветлужского уезда, Б.Л. Петерсон являлся продуктом своей эпохи. Дрейфуя в политическом смысле во время революции 1905–1907 гг. из либерального лагеря влево, после Октябрьской революции он оказался в стане «демократической контрреволюции», а закончил свою жизнь в полной безвестности.

Предметом дискуссии остается вопрос о якобы существовавшей в период революции 1905–1907 гг., если верить воспоминаниям Н.И. Астрова, «Ветлужской республике», возглавлявшейся «президентом» Б.Л. Петерсоном⁸. Дальнейший поиск архивных источников мог бы прояснить вопрос о ее существовании. Если подобного рода проявление сепаратизма и имело место, то «Ветлужская республика» действовала в глубоком подполье. Судя по Сборникам постановлений Ветлужского земского собрания, вел себя Петерсон внешне вполне респектабельно, в рамках закона. Возможно, прояснить данный вопрос могло бы доскональное изучение причин конфликта земского деятеля с Костромской губернской администрацией, который привел к неутверждению в 1908 г. его кандидатуры на должность главы земской управы.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. П созыв. Д. 327. Л. 7.

² Справочная книжка по Костромской губернии на 1916 год. Издание Костромского губернского статистического комитета. Кострома, 1916. С. 83.

³ Там же. С. 82.

⁴ Рыжов Л.В. Ветлуга и ветлужане летом 1917 года // Ленинское знамя. 1988. 14 мая. № 58.

⁵ Кириянов И.А., Золотухин Н.В. Поветлужье в 1918 году. С. 49.

⁶ Там же. С. 224.

⁷ Смирнов С.А. Большеvizму — нет! Уренское восстание [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://pereklichka.livejournal.com/1379860.html>

⁸ Астров Н.И. Воспоминания. Париж, 1941. Т. 1. С. 328; Седова Я.А. Октябрьский режим [обзор важнейших законопроектов, рассмотренных Государственной думой Российской империи в 1906–1911 гг.: в 2 т.]. М., 2018. Т. 1. С. 28.

«ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПРОНИКНУТЫ ЧУВСТВОМ ПРОТИВОРЕЧИЯ, КАК, НАПРИМЕР, КОЛЮБАКИН»: ЧЛЕН III ДУМЫ А.М. КОЛЮБАКИН И МАСОНЫ

МАРОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marov@mail.ru

Аннотация: В статье производится соотнесение событий масонской деятельности члена III Государственной думы А.М. Колюбакина с событиями его партийной и думской работы. Анализируются высказывания о нем членов масонских лож в целях уточнения характеристик его личных качеств как политического и общественного деятеля. Оценивается влияние принадлежности Колюбакина к масонам на его политические взгляды и решения, а также на эволюцию самого сообщества российских масонов первых двух десятилетий XX века. Даются указания на некоторые неточности, допущенные авторами отдельных публикаций о российских масонах в отношении А.М. Колюбакина.

Ключевые слова: Александр Михайлович Колюбакин, III Государственная дума, партия конституционных демократов, российские масоны начала XX века, ложа «Полярная звезда», ложа Роз, Великий Восток народов России.

Участие Александра Михайловича Колюбакина в деятельности масонского сообщества не является секретом. Его фамилия многократно упоминается в целом ряде изданий, посвященных вопросу о политической роли масонского сообщества в событиях первых двух десятилетий XX века¹. Воспользуемся имеющимися в источниках сведениями об участии А.М. Колюбакина в масонском сообществе для соотнесения событий его масонской деятельности с событиями партийной и думской работы, а также для оценки влияния принадлежности Колюбакина к масонам на эволюцию его политических взглядов, на мотивы его поступков и решений, а также на реорганизацию самого масонского сообщества.

Автору не известны публикации, в которых вопросы масонской деятельности А.М. Колюбакина рассматривались бы в таком контексте, что определяет актуальность темы публикации.

Масонская деятельность А.М. Колюбакина началась с его посвящения в ложу «Полярная звезда», созданную в Санкт-Петербурге в ноябре 1906 г. Дата посвящения известна по спискам членов ложи, опубликованным в 1996 г. в Лондоне эмигрантским историком Б. Элькиным, — это ноябрь 1907 г.² Как известно, ложа «Полярная звезда» наряду с московской ложей «Возрождение»,

¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. [М.], 1990; Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996; Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003; Серков А.И. История русского масонства XX века: [в 3 т.]. СПб., 2009. Т. 1.

² Elkin B. Attempts to Revive Freemasonry in Russia // The Slavonic and East European Review. 1996. July. Vol. 44. No. 103. P. 464–465.

созданной в ноябре 1906 г. в Москве, были ложами французского обряда, образованными с ведома Великого Востока Франции и работавшими под его руководством. Их создание расценивается историками как нелегальное возрождение масонства в России в XX веке после его официального запрета указом императора Александра I от 1 августа 1822 г.¹

По мнению видного исследователя российского масонства В.И. Старцева, создатели лож видели в них «не путь к спасению души, как это часто понималось их предшественниками, не средство самоусовершенствования, а тайный политический инструмент, который поможет им добиться главной цели — превращения России в современное правовое государство западно-европейского типа». Предполагалось, что достижения политических целей можно добиться «путем инфильтрации в правительственный механизм»².

По-видимому, такие политические цели и способы их достижения на момент ноября 1907 г. привлекали А.М. Коллюбакина. Факт его появления в рядах одной из двух первых масонских лож, созданных в России после почти векового перерыва, говорит о внутренней готовности к вступлению в братство «вольных каменщиков». Эту готовность можно объяснить еще и тем, что к моменту посвящения А.М. Коллюбакина в масоны в ноябре 1907 г. в политической жизни России произошел целый ряд значимых событий. Избранная в феврале 1907 г. II Государственная дума 3 июня 1907 г. была распущена с одновременным принятием нового избирательного закона, препятствующего проникновению в Думу леворадикальных элементов. В сентябре 1907 г. прошли выборы в III Государственную думу, в которую был избран и А. Коллюбакин, и состав которой отражал явный перевес правых сил. Позиции кадетской партии в III Думе были существенно ослаблены. Была очевидна необходимость расширения внепарламентской деятельности партии, о чем в феврале 1907 г. на заседании Центрального комитета был сделан доклад кн. Д.И. Шаховским. При этом А. Коллюбакин с 1907 г. являлся членом комиссии по руководству внепарламентской деятельностью кадетской партии³. Участие в масонском сообществе могло рассматриваться как одна из форм внепарламентской деятельности кадетов⁴.

Следует принять во внимание и тот факт, что в ноябре 1907 г. в политической деятельности Коллюбакина, на тот момент члена III Государственной думы, был сложный период. Незадолго до этого, 29 октября 1907 г., Саратовская судебная палата приняла определение о даче хода делу о члене Государственной думы А.М. Коллюбакине по обвинению его в распространении призывов «Выборгского воззвания» во время выступлений на съезде кадетской партии в Саратове в 1906 г. В связи с этим министр юстиции И.Г. Щегловитов направил председателю Думы копии определения и обвинительного акта, и эти документы были внесены на рассмотрение Думы 18 ноября 1907 г. Депутаты Государственной думы должны были принять решение о временном устранении члена Думы А.М. Коллюбакина от участия в заседаниях⁵. Перед

¹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 28, 50.

² Там же. С. 54–55.

³ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. М., 1994. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911. С. 185, 477.

⁴ Серков А.И. История русского масонства XX века. Т. 1. С. 177.

⁵ Маров М.Н. Тактика действий фракции народной свободы III Государственной думы по вопросу исключения депутата А.М. Коллюбакина // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная

Александром Михайловичем возникла реальная угроза тюремного заключения и устранения из Думы. По-видимому, надежды на моральную поддержку в среде «братьев»-масонов тоже сыграли определенную роль в решении Коллюбакина вступить в их сообщество. Недаром ведь одними из главных защитников А.М. Коллюбакина от устранения из Думы были его «братья» по ложе «Полярная звезда», депутаты III Государственной думы и коллеги по кадетской партии адвокаты В.А. Маклаков и О.Я. Пергамент.

На момент вступления А.М. Коллюбакина в ложу «Полярная звезда» в ней состояли трое прекрасно знающих его соратников по партии конституционных демократов: Е.И. Кедрин, кн. Д.И. Бебутов, которые, как и Коллюбакин, были членами Петербургского городского комитета партии, и В.А. Маклаков. Видимо, кто-то из них и сделал Коллюбакину предложение о вступлении в ложу. Официальная инсталляция ложи «Полярная звезда» состоялась позже ее открытия, в мае 1908 г., и на тот момент А.М. Коллюбакин записан в список ложи как член-основатель 1-й степени¹.

Как отмечал В.И. Старцев, Коллюбакин вошел в масонство в числе той плеяды политиков, родившихся около 1870 года, которые были существенно моложе основателей новой волны российского масонства: Е.И. Кедрина, М.М. Ковалевского (оба родились в 1851), кн. Д.И. Бебутова (р. в 1859)². В состав «молодого» поколения масонов входил и Николай Виссарионович Некрасов (р. в 1879), член партии конституционных демократов, депутат III Государственной думы³. Он был посвящен в ложу «Полярная звезда» в 1908 г. Являясь выразителем взглядов левого крыла кадетской партии, Н. Некрасов, по мнению В.И. Старцева, «смотрел на масонство как на собственный революционный инструмент борьбы с самодержавием, за превращение России в демократическую республику». При этом кн. Д. Бебутов, как представитель «старого» поколения российских масонов, «будучи тоже врагом самодержавия, считал, что масонство обладает моральной ценностью прежде всего само по себе, а его ритуалы и формальности имеют облагораживающее воздействие на человеческую личность»⁴. Такое различие взглядов на масонство привело к началу 1910 года к расколу в масонской среде, названному В.И. Старцевым «незримой драмой», а В.С. Брачевым даже «февральским переворотом» 1910 года в русском масонстве⁵.

В результате этого «переворота» в феврале 1910 г., происходившего на фоне опасений масонов в провокациях со стороны правительства и поиска царских агентов в своих рядах, произошло устранение от руководства ложами или, используя масонскую терминологию, «усыпление» масонов «старой» французской школы: Д.И. Бебутова, Е.И. Кедрина, М.С. Маргулиеса и ряда других, в том числе, кстати, и В.А. Маклакова⁶. Решение «уснуть» приняли и некоторые масонские ложи. Для Н.В. Некрасова и его сторонников была открыта возможность реорганизации масонства на новых, чисто российских, началах

научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2-х частях / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 1. С. 140.

¹ Серков А.И. Российские масоны: 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М., 2020. Т. 4. С. 33–37.

² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 57.

³ Некрасов Николай Виссарионович // Серков А.И. Российские масоны: 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М., 2020. Т. 2. С. 589–593.

⁴ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 81.

⁵ Там же. С. 84–85; Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 323–345.

⁶ Серков А.И. История русского масонства XX века. Т. 1. С. 171–172.

и с гораздо более радикальными, чем прежде, целями, в числе которых было превращение масонских лож в инструмент для уничтожения существующего строя¹. Какова была роль А.М. Коллюбакина в этом процессе?

Некоторые исследователи указывают на самую активную роль А.М. Коллюбакина в реорганизации российского масонства. Так, А.И. Серков пишет: «Реорганизация масонства в России была начата А.М. Коллюбакиным уже в 1910 году»². Аналогичное утверждение находим и у В.С. Брачева: «Инициатором коренной реорганизации русского масонства на новых, более отвечающих политическим реалиям страны началах был А.М. Коллюбакин. Деятельную роль в этом процессе сыграли также его коллеги по кадетской партии Н.В. Некрасов и князь С.Д. Урусов»³. В. Брачев ссылается при этом на публикацию материалов Б.И. Николаевского, но в этих материалах нет прямых указаний на такую решающую роль А. Коллюбакина.

По мнению А.И. Серкова, основой возрожденной масонской организации стала ложа «Гальперна», возобновленная в 1910 г. А.М. Коллюбакиным, который числился в этой ложе членом-учредителем⁴. К 1912 г. в российской масонской среде созрело желание создать сообщество, независимое от Великого Востока Франции и конституированное в России. Политическим фоном для этого служила подготовка к выборам в IV Государственную думу, требовавшая поиска форм внепартийного союза политических сил⁵.

С целью создания нового масонского сообщества в строго конспиративной обстановке был созван конвент масонов, состоявшийся в 1912 г. в Москве под председательством Н.В. Некрасова. В конвенте участвовал и А. Коллюбакин. По воспоминаниям масона А.Я. Гальперна⁶, предложение о создании масонской организации, независимой от Франции, было принято значительным большинством, а вокруг вопроса о названии организации на конвенте разгорелись споры. Предполагалось назвать Орден Великим Востоком России. Украинский националист М.С. Грушевский был категорически против включения в название слова «Россия». Споры продолжались два дня. Как вспоминал Гальперн: «Самыми лучшими были выступления Коллюбакина (который вообще производил подкупающее впечатление), Некрасова и Штейнгеля». В итоге было принято название «Великий Восток народов России»⁷.

В завершение конвента состоялись выборы в Верховный совет Великого Востока народов России, первое заседание которого прошло здесь же, в Москве. А.М. Коллюбакин был избран в состав Верховного совета. В том же 1912 г. он был выбран секретарем Верховного совета и оставался в этой должности до своего отъезда на фронт в конце 1914 г.⁸. В ведении Верховного Совета находился вопрос организации новых лож. Масон А.Я. Гальперн вспоминал: «Провинцию для этой цели специально объезжали члены Верховного Совета — обычно Некрасов, Керенский, Коллюбакин, Урусов»⁹.

¹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 84.

² Серков А.И. История русского масонства XX века. Т. 1. С. 175.

³ Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 325.

⁴ Серков А.И. Российские масоны: 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. Т. 4. С. 28.

⁵ Там же. Т. 1. С. 176–178.

⁶ Гальперн (Гальперин, Галперн) Александр Яковлевич // Серков А.И. Российские масоны: 1721–2019. Т. 1. С. 442–443.

⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 54–55.

⁸ Там же. С. 56.

⁹ Там же. С. 57.

В 1912 г. в Петербурге была создана «Думская» ложа Роз, в состав которой входили бывшие и действующие депутаты Государственной думы¹. Входил в ложу Роз и А.М. Коллюбакин, который в тот период исполнял обязанности секретаря думской фракции партии кадетов. «Думская» ложа была призвана служить инструментом взаимодействия членов Думы различной партийной принадлежности: кадетов, прогрессистов, меньшевиков, социал-демократов, трудовиков. Возможно, взаимодействие в рамках масонской ложи с представителями партий левого крыла Думы послужило причиной серьезного тренда влево политических взглядов самого А.М. Коллюбакина.

Об этом же свидетельствуют и воспоминания П.Н. Миллюкова, утверждавшего, что после созыва IV Государственной Думы в кадетской партии четко обозначилось левое крыло во главе с Н.В. Некрасовым. Коллюбакина Миллюков называл «вторым лидером «левых». Некрасов и Коллюбакин были сторонниками тесного контакта с левыми группировками, «строгаго согласования с ними деятельности во всех вопросах, вообще „левого блока“»².

В 1912–1913 гг. в Петербурге был создан Местный совет Великого Востока народов России, председательствовал на котором кн. В.А. Оболенский. Совет действовал на правах ложи, и членом этого совета также был А.М. Коллюбакин.

Как известно, после начала Первой мировой войны А.М. Коллюбакин стал добиваться отправки его на фронт, в действующую армию. О мотивах такого решения осталось мало свидетельств, одно из которых находим в воспоминаниях масона Н.С. Чхеидзе. Он участвовал в заседании Верховного совета Великого Востока народов России, собранном через несколько дней после чрезвычайной однодневной сессии IV Государственной думы 26.07.1914 г., одобрившей военные усилия правительства. По воспоминанию Чхеидзе, на поставленный вопрос «что делать?» Коллюбакин заявил: «Надо идти на фронт, надо принять участие в борьбе, всячески помогать ей»³. Таким образом, решение о необходимости личного участия в военных действиях было принято А.М. Коллюбакиным без каких-либо колебаний через считанные дни после начала войны.

В октябре 1914 г. Александр Михайлович выехал на фронт в район юго-западнее Варшавы. По дороге останавливался в Витебске, где в его честь был устроен обед на квартире кадета А.О. Волковича⁴, бывшего члена I Государственной думы. По свидетельству Г.Я. Аронсона, во время краткого пребывания в Витебске Коллюбакин основал там ложу и посвятил в масоны А.О. Волковича, а также бывшего депутата I Государственной думы кадета Г.Я. Брука⁵ и поляков-прогрессистов Бамаса, Федоровича и Писаревского⁶. Надо заметить, что это свидетельство Аронсона подвергалось сомнению в работе А.Я. Авреха⁷.

Всего через два месяца после основания ложи в Витебске А.М. Коллюбакин погиб во время ночной атаки на немецкие позиции вблизи от фольварка Воля Шидловская, ведя вперед возглавляемую им роту под непрерывным огнем противника. Будучи ранен, продолжал двигаться вперед, увлекая за собой

¹ Серков А.И. Российские масоны: 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. Т. 4. С. 37–38.

² Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 90–91.

³ Там же. С. 87–88.

⁴ Волкович Алексей Онуприевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 98–99.

⁵ Брук Григорий Яковлевич // Там же. С. 68.

⁶ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 102–103.

⁷ Аврех А.Я. Масоны и революция. С. 39–41.

солдат и заменив раненого командира батальона, пока не был сражен пулей, попавшей в лицо, в двухстах шагах от вражеских окопов. Его действия в этой атаке были подробно расследованы воинским командованием и расценены как подвиг с представлением к награждению посмертно георгиевским оружием¹.

При этом в ряд публикаций о российских масонах попала вымышленная версия обстоятельств гибели А.М. Колюбакина, введенная одними авторами и некритически подхваченная другими.

Так, В.И. Старцев в публикации 1996 г. «Русское политическое масонство начала XX века» охарактеризовал гибель А.М. Колюбакина на фронте как «убитого случайной пулей в прифронтовой полосе»², ссылаясь при этом на мемуары кн. В.А. Оболенского. Впоследствии слова о «случайной пуле в прифронтовой полосе», убившей А.М. Колюбакина, со ссылкой на того же В.А. Оболенского были растиражированы В.С. Брачевым в его книгах о российских масонах³. В мемуарах князя В.А. Оболенского, возглавлявшего в тот период военно-санитарный отряд, располагавшийся неподалеку от места гибели и временного захоронения А.М. Колюбакина, о таком варианте гибели Александра Михайловича ничего не говорится⁴.

Возможно, появление произвольно выдуманной версии о случайной пуле в прифронтовой полосе связано с публикацией Г.Я. Аронсона в посвященной масонам главе книги «Россия накануне революции». Пересказывая со слов анонимного собеседника⁵ историю отъезда А.М. Колюбакина на фронт, Аронсон отмечает: «Он уж оттуда не вернулся — кажется, пал жертвой несчастного случая»⁶. Со ссылкой на Г. Аронсона Н.Н. Берберовой была сочинена формулировка «умер от несчастного случая на фронте в 1915 г.», включенная в статью о А.М. Колюбакине в ее биографическом словаре русских масонов⁷. От этой формулировки уже недалеко до надуманной версии «убит случайной пулей в прифронтовой полосе».

Еще одной неточностью является то, что в книгах В.И. Старцева и В.С. Брачева А.М. Колюбакин обозначен как член не только III, но и IV Государственной думы⁸. Как известно, Колюбакин, устраненный из состава III Думы 27 апреля 1909 г., в IV Думу не избирался, выполняя в период ее работы обязанности секретаря думской фракции партии народной свободы и председателя Петроградского городского комитета партии⁹.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26967. ЛЛ. 287–293 об.

² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 134.

³ Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 350; его же. Масоны у власти. М., 2006. С. 350.

⁴ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 462.

⁵ Имя собеседника Г. Аронсона раскрыто в сборнике Б.И. Николаевского — это Борис Абрамович Гуревич (см.: Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 102–103; Гуревич Борис Абрамович // Серков А.И. Российские масоны. Т. 1. С. 555–556).

⁶ Аронсон Г.Я. Россия накануне революции: исторические этюды: монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962. С. 118.

⁷ Берберова Н.Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 165.

⁸ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. С. 172; Брачев В.С. Масоны и власть в России. С. 349.

⁹ Маров М.Н. Депутат III Государственной думы А.М. Колюбакин: к 150-летию со дня рождения // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г.: Сборник научных статей. В 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 2. С. 107–108.

В заголовок статьи включена фраза, содержащаяся в одной из глав мемуаров кн. Д.И. Бебутова, хранящихся в личном фонде Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета¹. В чем проявлялось у Колюбакина чувство противоречия, Д.И. Бебутов не раскрывает. Повидимому, высказывание Бебутова о чувстве противоречия А.М. Колюбакина мотивировано описанным ранее критическим расхождением во взглядах приверженцев старой школы в организации и деятельности масонских лож с уклоном в морально-нравственные принципы и новой волны российских масонов, стремившихся к созданию лож политической ориентации. Это высказывание указывает на высокий накал страстей внутри масонского сообщества перед его расколом: «старые» масоны не слышали аргументов «молодых», воспринимая их доводы как обусловленные единственным желанием все опровергать и опротестовывать.

Проведенный анализ участия А.М. Колюбакина в деятельности «вольных каменщиков» дает возможность лучше понять ряд его поступков и принятых решений, услышать высказывания о его личности, узнать оценки его личных качеств из уст «братьев»-масонов и в целом добавить дополнительные штрихи к его портрету как человека, гражданина, общественного и политического деятеля, без чего, на наш взгляд, цикл биографических материалов о нем нельзя считать полным.

¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. С. 147.

П.П. КУЗЬМИН: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ДЕПУТАТ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

СОКОЛОВ АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры Истории, философии и права
Рязанского государственного радиотехнического университета,
Рязань, Россия;
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы жизненного пути общественного деятеля П.П. Кузьмина. Особое внимание уделено его деятельности в качестве депутата IV Государственной думы от Рязанской губернии. После 1917 г. его политический опыт оказался невостребованным.

Ключевые слова: Государственная дума, Первая мировая война, П.П. Кузьмин, земства, Рязанская губерния.

Петр Петрович Кузьмин родился 19 июня 1861 г. в Петербурге в дворянской семье. После окончания 2-го кадетского корпуса в Санкт-Петербурге он был принят в 1880 г. вольноопределяющимся в лейб-гвардии Егерский полк. Выдержав испытания при 2-м Константиновском военном училище на производство в офицеры, был произведен в прапорщики¹. В 1887 г. произведен в поручики и назначен командиром роты². В 1890 г. Кузьмин был зачислен в запас гвардейской пехоты. После выхода в запас Кузьмин занимал должность земского начальника в Данковском уезде Рязанской губернии, затем перешел на службу по ведомству внутренних дел, заведовал делопроизводством по определению прав жительствовавших и торговли лиц иудейского вероисповедания³. В декабре 1906 г. он был произведен в действительные статские советники. В 1911 г. Кузьмин был избран предводителем дворянства в Данковском уезде, в связи с чем вышел в отставку. Он был почетным мировым судьей Данковского уезда.

Кузьмин был награжден орденом св. Станислава 1-й степени (1913 г.), св. Владимира 3-й степени (1910 г.), св. Анны 2-й степени (1904 г.), имел Бухарский орден «Золотая звезда» 2-й степени, золотой знак в память 50-летия земской реформы, был отмечен медалями⁴. Кузьмин имел право ношения Кульмского знака.

В 1912 г. он был избран членом Государственной думы от съезда землевладельцев Рязанской губернии⁵. Входил во фракцию русских националистов и умеренно-правых, с декабря 1915 г. в группе П.Н. Балашова⁶. Кузьмин состоял членом комиссии: по Наказу, по запросам, по местному самоуправлению,

¹ Николаев А.Б. Кузьмин Петр Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 308.

² Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016. С. 270.

³ Акульшин П.В., Князева И.С. Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. Рязань, 2011. С. 195.

⁴ Рязанская энциклопедия / Гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 1999. Т. 1. С. 540.

⁵ История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П.В. Акульшина. Рязань, 2007. С. 130.

⁶ Николаев А.Б. Кузьмин Петр Петрович. С. 308.

бюджетной, по направлению законодательных предложений, а также товарищем председателя земельной комиссии (до декабря 1916 г.) и председателем комиссии по запросам (с декабря 1916 г.). В комиссии он выступал с докладами по вопросу о продлении действия закона от 17 июня 1909 г. об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин (март 1916 г.), об установлении штата полиции г. Армавир Кубанской области (июль 1916 г.), об ассигновании Павловскому Посаду и Воскресенску пособия по содержанию арестных помещений и т.д.

5 ноября 1913 г. Кузьмин выступил с предварительным отчетом о результатах работы комиссии по запросам за период первой сессии IV Думы. По его словам комиссия рассмотрела 22 запроса, 8 запросов было отклонено, в 14 запросах должны были быть изменения относительно главных пунктов формулировок этих запросов¹. Как заметил рязанский депутат: «в большинстве случаев составители запросов не заботятся о результате рассмотрения этих запросов в комиссии, и, выходя на трибуну, они в большинстве случаев говорят не о срочности запроса, а по существу, причем успевают обычно исчерпать в полной мере существо самого запроса². Кузьмин призвал ограничить время выступления докладчика продолжительностью не более пяти минут, «пожалеть дорогую всеми трибуну молодой русской Государственной думы», ведь она, по словам оратора, «погибает под напором 92 процентов не основательно построенных запросов»³.

На очередном заседании 8 ноября 1913 г. Кузьмин выступил с речью по поводу событий, имевших место в императорском университете в Санкт-Петербурге 28 октября, когда полиция разогнала учащихся университета за учиненные беспорядки. Обращаясь к депутатам, он говорил: «Если вы будете поддерживать молодежь, которая позорит седины уважаемого профессора, вы не найдете не только талантливого профессора, а просто порядочного человека, вы не заманите его на кафедру». Кузьмин отмечал, что «у нас все идет насадку, у нас все бросается на тлеющий костер, которые так старательно разжигают с левых трибун Государственной думы. Ни для кого не секрет, что всякие беспорядки в университете — это прелюдия к забастовке, ни для кого также не секрет, к сожалению, что стены наших высших учебных заведений соединены какими-то духовными нитями с главарями забастовок на фабриках и заводах». Судя по содержанию выступления Кузьмин был возмущен действиями молодежи. Он заявил: «Я полагаю, что наступил давно уже тот момент, чтобы громко сказать с этой трибуны неистовствующей молодежи: остановитесь, что вы делаете?»⁴. От имени фракции русских националистов и умеренно правых он заявил о поддержке вопроса постоянного присутствия полиции в высших учебных заведениях.

В ноябре 1913 г. Кузьмин, обращаясь к депутатам Государственной думы, призывал их «всемерно беречь молодой представительный строй, нашу Государственную Думу, всем нам дорогую, затем работать, не теряя ни минуты, не покладая рук, памятуя твердо, что каждый лишний час стоит многих народных денег, памятуя старинное изречение, дошедшее к нам еще от Петра Великого, что «времени потеря смерти подобно есть»⁵.

¹ Акульшин П.В., Князева И.С. Указ. соч. С. 210.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 746.

³ Там же. Стб. 747.

⁴ Там же. Стб. 864.

⁵ Там же. Стб. 1301.

В июне 1915 г. открылась четвертая сессия IV Государственной думы и была приурочена к первой годовщине войны. В июне 1916 г. на заседании Думы Кузьмин выступил с речью, в которой заявил: «По-моему, кошунственно перед памятью наших борцов высчитывать по капле ту кровь, которую они проливали за родину, ибо вся эта кровь благородна, и мне кажется, что нет такого сословия, которое, защищая нашу общую мать, нашу родину, стало бы требовать себе какое-нибудь материальное вознаграждение». Он заявил: «Мы спасаем душу нашей родины, и мы должны ее спасти до конца. А для сего мы, как первые христиане Римской империи, прежде всего, должны преисполниться таким же смирением и всеми своими сословиями слиться воедино для того, чтобы сокрушить грозного врага»¹.

С началом Первой мировой войны рязанское дворянство избрало П.П. Кузьмина уполномоченным санитарного поезда². Также он состоял членом Исполнительной комиссии Общедворянской организации помощи больным и раненым воинам (1916 г.). После Февральской революции выполнял задания Временного комитета Государственной думы на Юго-Западном фронте³. 24 марта 1917 г. думскому Комитету была доложена телеграмма от 23 марта, что депутаты Государственной думы, среди которых находился Кузьмин, начали объезд частей шестого корпуса Юго-Западного фронта⁴. Через месяц, 21 апреля, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал А.А. Брусилов отправил председателю Государственной думы Родзянко телеграмму, в которой сообщил, что депутаты, среди которых находился Кузьмин, закончили объезд армий фронта. При этом генерал высоко оценил деятельность думцев⁵. Затем по заданию Временного комитета Государственной думы Кузьмин был командирован в Псковскую и Рязанскую губернии «для сношения с войсками и населением»⁶.

После октября 1917 г. П.П. Кузьмин эмигрировал во Францию⁷. Умер 1 октября 1938 г. в Бордо⁸.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 4878.

² Акулишин П.В., Князева И.С. Выборы в Государственную думу Российской империи IV созыва в Рязанской губернии // Выборы: теория и практика. 2012. № 2. С. 61.

³ Николаев А.Б. Кузьмин Петр Петрович. С. 308.

⁴ Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы: хроника заседаний 20–30 марта 1917 г. // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей: в 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 244.

⁵ Николаев А.Б. Частные совещания деятелей Государственной думы в апреле 1917 г. // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей: в 2-х ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 2. С. 81.

⁶ Акулишин П.В. Депутаты Государственной думы от Рязанской губернии и политические процессы в столице и провинции в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная Дума. М., 2015. С. 14.

⁷ Российское зарубежье во Франции 1919–2000: биографический словарь: в 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 750.

⁸ Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М., 2001. Т. 3. С. 612.

ДОЛГ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: ПРАКТИКА РАБОТЫ НАРОДНОГО ИЗБРАННИКА С ИЗБИРАТЕЛЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I–IV СОЗЫВОВ К.К. ЧЕРНОСВИТОВА)

ПЛЕНКИН ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ,

независимый исследователь,

г. Владимир, Россия;

e-mail: o.plenkin@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются особенности взаимоотношений члена Государственной думы Российской империи и избирателей в думский период, анализируются ключевые формы этих взаимоотношений, прослеживается их эволюция. В фокусе изучения — многолетний опыт работы с избирателями кадета К.К. Черносвитова. Несмотря на юридическое закрепление неподотчетности членов Государственной думы избирателям, поначалу в обществе был высок запрос на контакты с народными избранниками, обусловивший в 1906–1907 гг. складывание элементов полусвободного мандата. В последующие годы этот процесс тормозился снижением интереса населения к политике, низким уровнем политической культуры основной массы избирателей, а также энергичным противодействием со стороны исполнительной власти, считавшей внедумскую активность оппозиционных политиков, таких как К.К. Черносвитов, деятельностью нежелательной.

Ключевые слова: Владимирская губерния, Государственная дума Российской империи, депутат, избиратель, мандат, К.К. Черносвитов, Ярославская губерния.

Характер взаимоотношений депутата представительного органа власти и избирателей определяется юридической природой депутатского мандата. Из статьи 14 Учреждения Государственной думы Российской империи следовало, что статус члена Думы был основан на доктрине национального представительства и модели свободного мандата. Предполагалось, что народные избранники представляют не избирателей своего округа, а народ в целом, не получают официальных наказов от избирателей и не обязаны отчетами перед ними. Свободный мандат означал прекращение юридической связи избранника с избирателями после производства выборов.

Такая норма следовала теории народного представительства, которая к тому моменту давно господствовала в науке государственного права¹. Вместе с тем дореволюционные государствоведы отмечали, что в условиях демократизации политического строя парламентская практика европейских государств с конца XIX в. демонстрировала фактически сложившуюся связанность депутата с избирателями, при которой его подчинение избирателям становилось, по выражению Н.И. Лазаревского, «психологически неустрашимым требованием», юридически, однако, не оформленным².

¹ См.: Котляревский С.А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 102–103.

² Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1908. С. 327–333. См. также: Устинов В.М. Учение о народном пред-

В России не было признано право на обращение населения с петициями к парламенту, а ограничение свободы печати, собраний и союзов препятствовало укреплению связи между членами Государственной думы и населением. Несмотря на это, некоторые думцы по своей инициативе готовили для избирателей подробные отчеты о своей деятельности¹. Большое значение взаимоотношениям с избирателями придавали конституционные демократы. При решении вопроса о печатании регулярных сессионных отчетов думской кадетской фракции В.А. Караулов на фракционном заседании заявил, что кадеты-думцы «обязаны отчетом перед своими избирателями»², имея в виду, вероятно, обязанность в том самом «психологическом», а не юридическом смысле. Его товарищ по фракции К.К. Черносвитов, выступая чуть ранее на таком же заседании, между прочим сказал, что много придает значения личному общению с избирателями³.

Анализ практики работы с избирателями К.К. Черносвитова⁴, горячего сторонника конституционно-демократической партии, члена Государственной думы I–III созывов от Владимирской губернии и IV созыва от Ярославской губернии, благодаря сохранению за ним депутатского статуса в течение почти всего периода работы Государственной думы Российской империи, позволяет проследить, как зарождалась эта практика, каковы были ее формы, какую эволюцию они претерпели.

Владимирские избиратели уже в 1906 г. выступили инициаторами контактов с народными избранниками, заявив, что гражданский долг членов Думы — выслушать пожелания избирателей о местных нуждах, а не по общим политическим вопросам⁵. К.К. Черносвитов ответил на эту инициативу словами о неподотчетности местному населению, однако посчитал возможным и полезным публичное общение с ним⁶.

ставительстве. М., 1912. Т. I: Идея народного представительства в Англии и Франции до начала XIX в. С. V–XXXIX; Корф, бар. С.А. Русское государственное право. М., 1915. Ч. 1. С. 127–130, 156.

¹ Отчет избирателям И.Н. Ефремова о деятельности в качестве члена III Государственной думы. 1907–1912 гг. СПб., 1911–1912. Ч. [1]–3; Отчет избирателям за первую — четвертую сессию члена Государственной думы графа А.А. Уварова. Саратов, 1908–1911.

² ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 59 об. (заседание 6 мая 1908 г.)

³ Там же. Л. 57 об. (заседание 5 апреля 1908 г.).

⁴ См.: Николаев А.Б. Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 675–676.

⁵ Захаров А., Рябкин С. Письмо в редакцию // Клязьма. 1906. 15 апреля.

⁶ Черносвитов К. Письмо в редакцию // Клязьма. 1906. 18 апреля. В реальной политической обстановке обыватель, конечно, меньше всего мыслил сложными теоретическими конструкциями. Он продолжал связывать народных избранников не только с губернией, пославшей их в Думу, но и с конкретным социальным классом, желая непременно видеть в Думе представителя своего сословия. Местная газета передавала разговор, состоявшийся в поезде по дороге между Ковровом и Владимиром и касавшийся работы III Государственной думы. Обмениваясь мыслями, один из собеседников, торговец, заявил: «У нас вот Черносвитова облюбовали... Третий раз послали в Думу, а что он может сделать для нашего брата? Ровно ничего! Нужно нам, простым людям, быть там...» (Добрый [Леонтьев П.Ф.]. С дороги // Старый Владимирец. 1908. 5 сентября). Высказанная К.К. Черносвитовым в ответном письме избирателям точка зрения свидетельствовала о точном следовании политика действовавшему законодательству, а его думская деятельность подтвердила неоднократно выражавшееся им стремление отстаивать права населения всего государства, а не только той социальной группы, которая симпатизировала ему на выборах.

Выявлены следующие формы работы К.К. Черносвитова с избирателями в думский период: личные контакты (в виде личных встреч и переписки), публичные выступления (с докладами и лекциями) и выступления по думским вопросам в местной печати.

Черты наказов избирателей содержались в приветственных адресах по случаю избрания К.К. Черносвитова членом Государственной думы и начала думских работ¹, а также устных пожеланиях, высказываемых избирателями перед его отбытием в Думу².

О личных встречах К.К. Черносвитова с избирателями известно немного, поэтому затруднительно судить об их частоте и содержании. Им самим описан прием крестьян в один из приездов во Владимир в начале марта 1907 г.³

К.К. Черносвитов вел огромную переписку с избирателями, а также со всеми, кто обращался к нему как члену Государственной думы за помощью⁴. Переписка, как правило, возникала по поводу различных вопросов, нужд и требований избирателей. О ней можно судить по сохранившимся немногочисленным письмам и упоминаниям⁵. Нередко избиратели видели в К.К. Черносвитове надежного «курьера». Обращаясь в Государственную думу, они просили дать им ответ через него⁶ или просили народного избранника препроводить в Думу их приговоры и указы⁷, передавали ему просьбы и жалобы для доставки высокопоставленным адресатам⁸. Избиратели верили, что таким образом их обращения не затеряются в ведомственных канцеляриях, а авторитет члена Думы поможет решить волновавшие их вопросы в благоприятном ключе. К.К. Черносвитов сохранял контакты и с образованными, интеллигентными избирателями, своими однопартийцами, в таком случае переписка приобретала характер глубокого обсуждения актуальных вопросов текущей политической жизни⁹.

Судьба устных и письменных обращений была разной. В одних случаях, проделав определенную работу, К.К. Черносвитов признавался, что решить

¹ См.: Внутренние известия // Народное дело. 1906. 7 июня; О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах. Вып. I. По архивным материалам и личным воспоминаниям / под ред. А.Н. Асаткина. Владимир, 1926. Прил. № 6. С. 255; Государственная дума / Обращение к депутатам // Речь. 1907. 27 февраля (12 марта); ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1836. ЛЛ. 22–22 об.

² См.: Внутренние известия / Владимир, 24 апреля // Народное дело. 1906. 26 апреля; Областной отдел / Наши корреспонденции / Владимир губ[ернский] // Речь. 1906. 26 апреля (9 мая); Выступление в Народном доме 12 фев[аля] // Владимирец. 1907. 18 февраля.

³ См.: Черносвитов К. Поездка к избирателям // Государственная дума: бесплатное прил. к газ. «Речь» и «Реформа». 1907. 22 марта (4 апреля).

⁴ См.: К.К. Черносвитов — кандидат в Учредительное собрание от партии Народной Свободы // Свободное слово. 1917. 10 (23) ноября.

⁵ См., напр.: Московские вести // Народное дело. 1906. 17 мая; Приговоры и указы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг.: Сб. документов / автор-сост. Л.Т. Сенчакова. М., 2000. С. 207. № 143; ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1836. ЛЛ. 35–37; Д. 2111.

⁶ См.: Приговоры и указы крестьян Центральной России. С. 306. № 246.

⁷ См.: Черносвитов К. Поездка к избирателям.

⁸ См.: Владимирская еженедельная газета. 1906. 2 июня; ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1836. ЛЛ. 66–66 об.

⁹ См., напр., фрагмент перлюстрированного Департаментом полиции письма покровского кадета З.М. Белоуса, участника третьей думской избирательной кампании во Владимирской губернии: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 388 (письмо от 21 июля 1915 г.).

проблему не может¹. В других случаях обращение могло быть передано им в соответствующую думскую комиссию² или стать основой для формулирования запроса в Государственной думе. Так, получив в 1906 г. обращения от муромлян³, К.К. Черносвитов обещал рассмотреть в Думе факты избиения толпы полицейскими в Муроме⁴. Он лично подготовил и юридически обосновал соответствующий запрос министру внутренних дел (запрос № 199)⁵ и выступил с этим запросом в Государственной думе в качестве докладчика комиссии 33-х по исследованию незаконных действий должностных лиц⁶. Также ему удалось обеспечить внесение во II Государственную думу запроса о насилиях стражников над населением в Меленковском уезде и избиении рабочих в Меленках (запрос № 18)⁷. Известны случаи личного обращения К.К. Черносвитова к высшим должностным лицам государства. Так, в начале июня 1906 г. благодаря разговору владимирского думца с П.А. Столыпиным удалось предотвратить еврейский погром во Владимире⁸, а примерно в 1912 г. на приеме у директора Департамента полиции С.П. Белецкого К.К. Черносвитов доказывал (по-видимому, успешно) незаконность возбуждения владимирским губернатором вопроса об административной высылке гласного Н.М. Иорданского за речь в уездном земском собрании⁹.

Первое выступление К.К. Черносвитова перед владимирскими избирателями состоялось уже 19 апреля 1906 г., тогда были обрисованы ключевые вопросы, над которыми он собирался работать в Думе¹⁰. Потребность избирателей быть информированными о ходе думских работ поначалу была столь велика, что К.К. Черносвитов вынужден был выступать в роли транслятора думских новостей. Не случайно его выступление во Владимире 29 мая 1906 г. вызвало небывалый интерес. Скромное зимнее помещение городского клуба смогло вместить не более 650 человек, люди стояли в проходах и даже в соседних комнатах, многие желающие послушать владимирского перводумца дежурили у входа. Черносвитову была устроена оvation, продолжавшаяся и по выходе его на улицу¹¹.

¹ РО ИРЛИ. Разряд III. Оп. 1. Ед. хр. 2132. ЛЛ. 1–1 об.

² Иваново-Вознесенск / Около праздничного отдыха // Старый Владимирец. 1912. 4 марта.

³ Обращения к депутатам // Дума. 1906. 19 мая (1 июня).

⁴ По Владимирской губернии / Г. Муром / Кровавый праздник // Клязьма. 1906. 6 мая; Письмо К.К. Черносвитова // Клязьма. 1906. 16 мая.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. I созыв. Д. 508.

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля). СПб., 1906. С. 1716–1717.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 1253; Второй период революции. 1906–1907 годы. Январь — июнь 1907 года. Кн. I. М., 1963. С. 271. № 173.

⁸ Внутренние известия // Народное дело. 1906. 15 июня; Телеграмма члена Государственной думы от Владимирской губ[ернии] К.К. Черносвитова // Владимирская еженедельная газета. 1906. 30 июня.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 846. Л. 121.

¹⁰ См.: ГАВО. Ф. 981. Оп. 2. Д. 85. ЛЛ. 49–50 об.; Лекция в Народном доме 19-го апреля // Клязьма. 1906. 23 апреля.

¹¹ См.: Приезд во Владимир члена Государственной думы по избранию от Владимирской губернии К.К. Черносвитова // Владимирская еженедельная газета. 1906. 2 июня; Сегодняшние телеграммы «Русского слова» // Дума. 1906. 31 мая (13 июня); Внутренние известия // Народное дело. 1906. 2 июня; Телеграммы / Дума и провинция // Речь. 1906. 31 мая (13 июня); Владимир губернский // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 14. Стб. 953–954.

Отправляясь в Петербург в феврале 1907 г. для работы во II Государственной думе, владимирские избранники К.К. Черносвитов и Н.М. Иорданский «обещали возможно чаще навещать Владимирскую губернию для устройства собраний и сообщения населению о ходе работ в Думе»¹. Анонсировались приезд К.К. Черносвитова уже на Масленицу и устройство им публичного собрания на первой неделе Великого поста. Первую встречу с избирателями К.К. Черносвитов провел еще 12 февраля в статусе избранного члена Думы², а уже 7 марта 1907 г., в соответствии с данным им ранее обещанием, рассказал владимирцам о первых думских шагах. На этот раз даже вместительный Народный дом не смог принять всех желающих. По одним данным, 300–400 человек, а по другим, не менее тысячи остались на улице перед входом в здание. Во время выступления К.К. Черносвитова социал-демократами были спровоцированы беспорядки, сопровождавшиеся стихийным митингом и потасовкой с полицией. После устранения беспорядков К.К. Черносвитов повторно выступил с докладом для той публики, которой изначально не хватило мест в Народном доме³.

Правая владимирская пресса неодобрительно называла эти выступления «внедумской работой» (в смысле не относящейся к прямым депутатским обязанностям), подозревала кадетов в стремлении посредством этой «работы» разжечь настроения общества, подтолкнуть его к беспорядкам, желанием «балаганничать». Она риторически вопрошала: для того ли кадетов послали в Думу, затем ли они получают довольствие из казны?⁴ Такого же мнения был владимирский губернатор И.Н. Сазонов, получивший после инцидента 7 марта 1907 г. веский аргумент для отказа соискателям выступлений на думские темы. Не только перед К.К. Черносвитовым закрылась возможность публично общаться с избирателями: тень легла на всех местных политиков-думцев, разделявших левые взгляды.

Первый такой отказ К.К. Черносвитову последовал уже в конце марта 1907 г., когда полиция не разрешила устроить во Владимире собрание с чтением доклада о думской деятельности⁵. Следующий запрет состоялся в конце 1907 г. по поводу намерения прочесть доклад о деятельности III Государственной думы. Запрет объяснялся тем, что «деятельность Государственной думы 3-го созыва известна всем и каждому по более беспристрастным

¹ Местная хроника // Владимирец. 1907. 16 февраля.

² См.: Собрание в Народном доме 12 февр[аля] // Владимирец. 1907. 18 февраля; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. 110 ч. Д. 30. ЛЛ. 2–3.

³ См.: ГАВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 1161. ЛЛ. 56–57 об.; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. 110 ч. Д. 30. ЛЛ. 4–4 об.; Местная хроника // Владимирец. 1907. 9 марта; Я. Доклад г. Черносвитова // Владимирский край. 1907. 9 марта; Черносвитов К. Поездка к избирателям; Растопчин Н.П. Воспоминания // Рабочее движение и социал-демократическая работа во Владимирской губернии. Вып. III. Владимирская окружная организация РСДРП. (Материалы к истории социал-демократической большевистской работы во Владимирской губернии.) 1892–1914 / под ред. А.Н. Асаткина. Владимир, 1927. С. 376.

⁴ Мудров И. Владимирцы в Думе // Владимирский голос. 1907. 31 марта; Иваново-Вознесенск. 4 апреля // Ивановский листок. 1907. 4 апреля; Я. «Владимирец», по обычаю... // Владимирский край. 1907. 11 марта.

⁵ Местная хроника // Владимирец. 1907. 27 марта; В. Нам пишут / Из Владимира // Биржевые ведомости. [1-е изд.] 1907. 31 марта (13 апреля); Черносвитов К. Вторая поездка к избирателям // Государственная дума: бесплатное прил. к газ. «Речь» и «Реформа». 1907. 6 (19) апреля.

о ней стенографическим отчетам периодической печати»¹. В октябре 1908 г. не была поддержана инициатива К.К. Черносвитова познакомить избирателей с итогами первой думской сессии². В конце мая или начале июня 1909 г. К.К. Черносвитов добился личного приема у И.Н. Сазонова, но получил очередной отказ в публичном выступлении перед избирателями. Детали состоявшегося между ними разговора попали (конечно, от К.К. Черносвитова) в газеты³, передавшие его «почти дословно». На утвердительный ответ К.К. Черносвитова о принадлежности к кадетской партии И.Н. Сазонов заявил: «В таком случае я вас заранее предупреждаю, что в течение пяти лет, пока вы будете состоять в звании члена Гос[ударственной] думы, вы не прочтете во Владимирской губернии ни одного доклада. Я чувствую себя гораздо спокойнее, когда кадеты не читают докладов избирателям». Безуспешной оказалась и попытка владимирского кадета А.А. Эрнэ устроить весной 1911 г. публичное собрание с лекцией К.К. Черносвитова «Итоги деятельности четвертой сессии Государственной думы третьего созыва»⁴. В 1915 г. К.К. Черносвитов столкнулся с новым отказом выступить перед избирателями, на этот раз ярославскими. Губернатор гр. Д.Н. Татищев запретил ему чтение в Ярославле уже анонсированной лекции на тему «Война и задачи русской общественности»⁵. К заблаговременному, т.е. еще до получения официального разрешения, анонсированию лекции путем размещения сообщения о ней в газетах кадеты прибегали, вероятно, для того, чтобы в случае запрета вызвать у желавшей послушать лекцию публики недовольство администрацией. Подобная «тактика» политизировала публичные выступления и, вероятно, еще больше раздражала местную власть.

Попытки К.К. Черносвитова преодолеть выставленные административные барьеры не были лишены изобретательности. Пользуясь депутатским правом обращения к высшим должностным лицам государства, он еще в марте 1907 г., перед очередным приездом во Владимир с намерением выступить перед избирателями, провел переговоры с товарищем министра внутренних дел А.А. Макаровым. В Петербурге дали понять, что не будут решать, возможно ли устройство соответствующего мероприятия, но выразили готовность рассмотреть мотивы отказа⁶. Запрет на чтение лекции в Ярославле, о котором было сказано выше, удалось-таки преодолеть благодаря личному разговору К.К. Черносвитова с управляющим Министерством внутренних дел А.Н. Хвостовым⁷ и телеграфированию последним ярославскому

¹ Провинциальный отдел / Владимир // Вестник Партии народной свободы. 1908. № 1. Стб. 26. См. также: *Riha T. Constitutional Developments in Russia // Russia under the Last Tsar / T.G. Stavrou ed. Second print. Minneapolis, 1971. P. 104–105.*

² Собрание // Старый Владимирец. 1908. 11 октября; Несостоявшееся собрание // Старый Владимирец. 1908. 12 октября.

³ Я.Л. [Ливищиц Я.Б.]. Губернатор и депутат // Речь. 1909. 30 августа (12 сентября); Современное слово. 1909. 30 августа.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 116. 110 ч. Д. 30. ЛЛ. 8–8 об. См. также: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. I. Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 1797.

⁵ Ярославская жизнь / Лекция члена Государственной думы // Голос. 1915. 22 сентября (5 октября); Ярославская жизнь / О лекции Кир[илла] К[ирилловича] Черносвитова // Приложение к газете «Голос». 1915. 25 сентября (8 октября).

⁶ Черносвитов К. Вторая поездка к избирателям.

⁷ ОР РНБ. Ф. 266. Ед. хр. 570. ЛЛ. 6–6 об. (письмо К.К. Черносвитова Н.П. Дружинину от 13 октября 1915 г.).

губернатору¹. Лекция, название которой было несколько изменено («Задачи русской общественности в 1915 г.»), была прочитана. Любопытно, что своему названию она мало соответствовала: «главное содержание лекции сводилось к характеристике трех сессий Гос[ударственной] думы, прошедших со времени объявления войны»². Еще одним рычагом являлась пресса. Из-за огласки в печати на состоявшуюся в 1909 г. беседу К.К. Черносвитова с владимирским губернатором обратил внимание Департамент полиции, завязавший переписку с И.Н. Сазоновым. Переписка, однако, последствий не имела³. Вероятно, Министерство было удовлетворено полученными объяснениями.

Запреты на проведение публичных собраний и чтение лекций на политические темы, несомненно, сковывали кадетскую активность в провинции, ставили закономерный вопрос, «неужели доступна только конспирация»⁴, и вынуждали искать способы донести до избирателя актуальную политическую информацию в неявном, завуалированном виде. О последнем говорят два случая.

22 марта 1909 г. К.К. Черносвитов прочитал в Народном доме лекцию «Прогоулки по Норвегии», сопровождавшуюся теневыми картинками. Формально лекция была устроена Обществом детской помощи и детских развлечений в г. Владимире и, как сообщалось в ее программе, должна была быть посвящена рассказу о туристических впечатлениях лектора от совершенной им в 1908 г. поездки по Норвегии⁵. Однако даже из газетного отчета о лекции понятно, что К.К. Черносвитов говорил не столько о достопримечательностях, сколько о политическом и социальном строе этой скандинавской страны⁶. Другим примером «аполитичного» выступления К.К. Черносвитова была назначенная на 2 марта 1910 г. к прочтению в Народном доме лекция «Исторический очерк развития местного хозяйства»⁷. Ее детали остались неизвестными.

Давление исполнительной власти приносило результат: начиная с 1907 г., связь с избирателями теряла прочность. В 1910 г. газета «Старый Владимирец» сетовала, что население «лишено возможности получить сведения о работе своих депутатов от них самих непосредственно. Некоторым из них устройство собраний для выслушания отчетов об их деятельности не разрешается, как это было с К.К. Черносвитовым, а другие, против которых администрация ничего не имеет, сами, очевидно, не находят нужным это делать! Впрочем, быть может, так и следует поступить: если не разрешается делать доклад одним депутатам, не следует пользоваться привилегией и их

¹ Там же. Л. 7 (копия письма А.Н. Хвостова К.К. Черносвитову от 4 ноября 1915 г.).

² ОР РНБ. Ф. 266. Ед. хр. 570. ЛЛ. 8–16; Лекция Кир[илла] К[ирилловича] Черносвитова // Голос. 1915. 20 ноября (3 декабря); Ярославская жизнь / «Задачи русской общественности» // Приложение к газете «Голос». 1915. 21 ноября (4 декабря); «Задачи русской общественности». (С лекции К.К. Черносвитова.) // Голос. 1915. 25 ноября (8 декабря).

³ См.: ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2673; Барченкова О.Б. Владимирские депутаты четырех Государственных дум // Материалы исследований. Сб. № 13: Научно-практическая конференция (27–28 ноября 2006 г.) / сост. А.А. Тенеткина. Владимир, 2007. С. 67–68.

⁴ Черносвитов К. Вторая поездка к избирателям.

⁵ Местная хроника / Лекция // Старый Владимирец. 1909. 21 марта.

⁶ Лекция члена Государственной думы Кирилла Кирилловича Черносвитова // Старый Владимирец. 1909. 24 марта.

⁷ Местная хроника / Лекция // Старый Владимирец. 1910. 2 марта.

товарищам по работе. Но наши депутаты могли бы знакомить избирателей со своей деятельностью через местные органы печати». Газета заключала, что избиратели остаются совершенно неосведомленными о деятельности депутатов, избранных ими в Государственную думу, а сами депутаты почти не пытаются исправить это положение¹.

Действительно, оставалась возможность доносить политическую позицию через местную печать. В качестве публициста К.К. Черносвитов оказался не столь плодовитым, как некоторые другие думцы — его товарищи по фракции. Если в период работы I и особенно II Государственной думы он нередко помещал статьи по думским вопросам в местных газетах «Клязьма», «Владимирская еженедельная газета», «Владимирец» (эту газету он издавал)², то в течение всего срока работы III Думы он опубликовал в газете «Старый Владимирец» только три статьи³. Начиная работу в IV Думе, он писал редактору и издателю ярославской газеты «Голос»: «Я не журналист по профессии», — и тем не менее заявлял, что предполагает время от времени печататься в газете. В «Голосе» им были опубликованы четыре статьи, все — в 1914 г.⁴.

Реальная политическая жизнь показала обоюдное стремление народных избранников и избирателей к тесному взаимодействию. Обыватель отказывался понимать конструкцию свободного мандата, желая не только видеть в думском политике защитника местного населения, но и заслушать отчеты о его деятельности. Он считал народного представителя «властью» и стремился сделать его ходатаем в правительственных кругах. Практика работы члена Государственной думы с избирателями в Российской империи фактически воспроизводила тот тип взаимоотношений между депутатами Государственной думы и избирателями, который закреплён в современном российском законодательстве. Таким образом, ещё на заре российского парламентаризма возник запрос на построение этих взаимоотношений в контурах полусвободного мандата. В дореволюционном праве эта модель не успела получить юридическое закрепление, а потому воплощавшая её деятельность не могла не политизироваться. Она открывала для политиков оппозиции возможность использовать общение с избирателями в целях сплочения и умножения электората, а для исполнительной власти — вмешиваться в это общение, рассматривая внедумскую активность таких политиков как деятельность нежелательную.

В целом можно говорить о том, что после 1907 г. открытое взаимодействие представителя думской оппозиции и избирателей становилось затруднительным, возрастал и абсентеизм среди избирателей. Негативную роль

¹ Сведения о владимирских депутатах // Старый Владимирец. 1910. 2 марта.

² Что делает Государственная дума? // Клязьма. 1906. 31 мая; 9-е июля 1906 г. // Владимирская еженедельная газета. 1906. 9 сентября; Перед открытием Думы // Владимирец. 1907. 22 февраля; Первые дни второй Думы // Владимирец. 1907. 7 марта; Министры во второй Думе // Владимирец. 1907. 27 марта; Три выступления министра юстиции // Владимирец. 1907. 19 мая; Об амнистии // Владимирец. 1907. 23 мая.

³ Думские впечатления // Старый Владимирец. 1909. 25 января; Новые обещания думского большинства // Старый Владимирец. 1909. 15 февраля; Всеобщее обучение в Думе // Старый Владимирец. 1910. 13 ноября.

⁴ Предстоящее преобразование Первого департамента Сената // Голос. 1914. 20 февраля (5 марта); Ответственность должностных лиц // Голос. 1914. 2 (15) апреля; Ответственность или безответственность // Голос. 1914. 24 мая (6 июня); Объединение или разделение // Голос. 1914. 20 июля (2 августа).

также сыграл начавшийся в это время процесс распада местных кадетских партийных организаций¹. В отсутствие специальных правовых норм складывающиеся практики взаимодействия подпадали под существовавшие общие законы и, таким образом, находились в непосредственной зависимости от применения этих законов губернаторами. Общение с избирателями в частном порядке было сложнее контролировать (если оно не становилось предметом интереса перлюстраторов Департамента полиции или не проникало в печать), поэтому оно оставалось наиболее широко используемой формой работы вплоть до 1917 г.

¹ См. об этом: *Dahlmann D.* Parteileben in Provinzstädten. Die Konstitutionell-Demokratische Partei Rußlands 1906–1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 48. H. 1. 2000. S. 10; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 272–284.

ПРАВЫЙ ДЕПУТАТ Н.Е. МАРКОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ

ИВАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Аннотация: В статье представлены новые факты биографии видного российского политического деятеля, депутата Государственной думы III и IV созыва, последнего председателя Главного совета Союза русского народа и лидера русской правой монархической эмиграции Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945). Особое внимание обращено на новые источники, позволившие уточнить и прояснить некоторые факты биографии правого депутата, а также исправить содержащиеся в исследовательской литературе неточности и ошибки, касающиеся Н.Е. Маркова. Статья основана на документах российских и зарубежных архивов, материалах российской и иностранной периодической печати, не использовавшихся ранее справочных материалах. Выявленные сведения позволяют внести ряд существенных уточнений в биографию правого политика и способствуют более полному представлению о его личности и политической деятельности.

Ключевые слова: Н.Е. Марков, Государственная дума, фракция правых, Союз русского народа, Российская империя.

Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) не принадлежит к числу забытых российских политиков: имя его хорошо известно всем, интересующимся историей последнего царствования, революции и русской эмиграции. Вождь черной сотни, депутат Государственной думы III и IV созывов и один из лучших ее ораторов, последний председатель Главного совета Союза русского народа (СРН) и лидер русской правой монархической эмиграции был личностью хоть и весьма неоднозначной, но бесспорно яркой, талантливейшей, хорошо запоминающейся. Между тем, полной и подробной биографии этого правого политика до сих пор не написано, а имеющиеся статьи о нем содержат многочисленные «лакуны». Цель данной публикации — обратить внимание на неизвестные и малоизвестные факты биографии правого политика, которые ранее были вне поля исследовательского внимания, недостаточно прояснены или освещались превратно.

Одним из таких сюжетов в биографии Н.Е. Маркова является вопрос о месте его рождения. В биографических очерках, посвященных политику, обычно указывается, что местом его рождения был либо Симферополь¹, где его отец служил директором гимназии и народных училищ Таврической губернии, либо Курск², либо одно из родовых имений дворян Марковых в Щигровском

¹ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive. (Далее — BAR). N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. P. 1. Предоставлено С.В. Машкевичем.

² Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357.

уезде Курской губернии¹. Сам же Марков, заполняя в 1944 году анкету, собственноручно указал местом своего рождения г. Арзамас². Казалось бы, личное свидетельство Маркова, оставленное незадолго до смерти и в итоге появившееся в свидетельстве о смерти 1945 года, должно было поставить точку в вопросе о месте его рождения. Мотива искажать сведения о месте своего рождения у Маркова не было никакого, да и что-то напутать в этом вопросе, несмотря на возраст, кажется, едва ли возможно. Но, то ли память все-таки подвела политика, то ли он зачем-то сознательно вносил путаницу в свою биографию, однако архивные документы этой версии не подтверждают. Сегодня с уверенностью можно утверждать следующее: Н.Е. Марков родился в субботу Светлой Седмицы 2 апреля 1866 г. в Симферополе и там же, в кафедральном соборе, священником Гавриилом Селецким 26 мая был крещен. Восприемниками его стали инспектор местной гимназии В.Ф. Щерещкий и жена отставного полковника А.И. Познанская, которая позже станет мачехой Николая³. Но детство и юность Маркова были тесно связаны с Щигровским уездом Курской губернии, где располагались имения дворян Марковых — Александровка, основанное дедом Л.А. Марковым и названное так в честь прадеда (местные жители до революционных событий 1917 г. часто именовали это имение Марково), Патепник или Теребуж (с. Богородицкое), поэтому современники, а вслед за ними и исследователи нередко считали местом его рождения Курскую губернию.

Другая довольно распространенная неточность, встречающаяся в работах, в которых упоминается Н.Е. Марков, — это утверждение, что по образованию он был инженером путей сообщения⁴. На самом деле, окончив курс 2-й Московской военной гимназии⁵ (позже была переименована во 2-й Московский кадетский корпус), Николай Марков в 1883 г. поступил в Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге. По окончании полного курса наук в мае 1888 г. Советом института Марков был «удостоен звания гражданского инженера с правом производить работы по гражданско-строительной и дорожной частям, носить особый высочайше установленный знак и, при поступлении в гражданскую службу, получить чин X класса»⁶. Среди однокурсников Маркова были известные архитекторы Л.Н. Кекушев, И.А. Иванов-Шиц, В.А. Величкин⁷. Так что по образованию Марков не был путейцем и в структурах, подчинявшихся Министерству путей сообщения, никогда не служил. Его профессиональная карьера была следующей: некоторое время он занимался частными заказами, а затем, поступив в начале 1890-х гг. на службу

¹ Смолин М.Б. Монархический ригоризм Имперского Зубра // *Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937.* М., 2002. С. 9.

² Петров И.Р. От Союза русского народа до «зголошения побуту чужинця» // Livejournal.com [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://labas.livejournal.com/1216907.html>; Arolsen Archives, Signatur 100104141.

³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1621. Л. 9.

⁴ Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 168.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 7. Д. 21. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Краткий исторический очерк пятидесятилетия Института гражданских инженеров, бывшего Строительного училища Министерства внутренних дел, 1842 — 17 декабря 1892. СПб., 1892. С. 80–81.

в Министерство внутренних дел¹, был командирован в распоряжение правления Общества Курско-Киевской железной дороги на должность начальника 3-й дистанции². Выбор места службы был не случаен. Дядя Н.Е. Маркова Николай Львович (также ставший депутатом Государственной думы и известный как Марков 1-й) являлся в 1888–1906 гг. председателем правления Курско-Киевской железной дороги³; на строительстве той же дороги трудился и его старший брат — военный инженер Лев Евгеньевич Марков (1862–1936). Недолгая служба Н.Е. Маркова на железной дороге сформировала представление о нем, как об инженере-железнодорожнике, и даже курский губернатор отмечал в одной из справок, что думский депутат служил по ведомству МПС⁴, а не МВД, как то было на самом деле.

При этом в исследовательской литературе крайне редко упоминается, что, оставив работу на железной дороге, Марков занялся архитектурой. Как утверждает эмигрантский автор биографического очерка о Маркове (вероятно, его племянник), будущий депутат принимал участие в проектировании собора в Конотопе (возможно, речь идет о Никольской церкви), за что получил очень хороший гонорар, позволивший ему оставить службу и начать «карьеру свободного архитектора в Москве»⁵. Правда, «после Конотопского собора больших деловых удач уже больше не было, их заменила нормальная карьера занятого московского архитектора — всякие дома и постройки, в общей сумме создающие доход на небогатую, но довольную жизнь, масштаб которой, установившийся за этот период, остался уже на всю жизнь»⁶. Фамилия Маркова значится в числе авторов утвержденного в 1896 г. проекта перестройки главного дома городской усадьбы В.В. Думнова — Н.Л. Маркова (Москва, Калашный переулок, д. 6, стр. 1); также он являлся архитектором производственного корпуса и общежития для рабочих (1897 г., Москва, улица Льва Толстого, д. 23, стр. 3, 5).

Историками также оказался совершенно упущенным такой факт биографии Н.Е. Маркова, как его служба в рядах Русской императорской армии. Как ни странно, но никто из исследователей не задавался вопросом, почему Марков не только был членом думской комиссии по обороне, а в годы Первой мировой войны и Особого совещания по обороне государства, но и достаточно компетентно выступал по вопросам, касавшимся артиллерии. Автор диссертации о думских комиссиях по обороне А.А. Чирков утверждает, что у Маркова не было никакого военного опыта⁷, однако это не так. По окончании института, 18 ноября 1888 г., Марков поступил на действительную военную службу вольноопределяющимся 1 разряда, то есть добровольно на льготных условиях, как имеющий высшее образование. Служить ему довелось канониром 6-й батареи 5-й артиллерийской бригады, затем — бомбардиром 6-й

¹ Список чиновникам Министерства внутренних дел. СПб., 1894. Ч. 1. С. 293; Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строит. училище, 1842–1892). СПб., 1893. С. 212.

² Барановский Г.В. Юбилейный сборник. С. 212; Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 94.

³ Николаев А.Б. Марков (Марков 1-й) Николай Львович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 359.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10316. Л. 195 об.

⁵ BAR. N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. P. 2.

⁶ Ibid. P. 4.

⁷ Чирков А.А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.). Дисс. ... к. ист. н. М., 2016. С. 261.

батарей (с января 1889 г.). За время прохождения службы Марков успешно сдал экзамен на звание ефрейтора и был произведен в младшие фейерверкеры (июнь 1889 г.). 2 сентября 1889 г. он выдержал испытание на чин прапорщика полевой артиллерии, получив 36 баллов из 40 возможных (средний балл 9 из 10), после чего уже как артиллерийский офицер был уволен в запас 14 сентября 1889 г.¹ Своей службой в рядах Русской императорской армии Марков гордился и впоследствии в одной из своих думских речей в защиту армейской субординации, заявлял: «Когда мне приходилось во исполнение правил военных ... отдавать честь не только офицерам, а даже ефрейтору, имеющему нашивкой больше, чем я, то я никакого чувства стеснения не испытывал, как его не испытывал ни один порядочный гражданин Российской империи. <...> Основа гражданского порядка та, что военное дело — есть первый долг гражданина»².

Довольно распространенной ошибкой, встречающейся в литературе, является утверждение, что первое яркое публичное политическое выступление Н.Е. Маркова состоялось в декабре 1904 г. Причина этой неточности — свидетельство самого политика³, которого, видимо, немного подвела память. Именно тогда, по словам Маркова, консервативно настроенные гласные Курского губернского земского собрания составили адрес императору Николаю II, в котором говорилось о незыблемости самодержавия, и дали отпор своим политическим противникам, не желавшим голосовать за этот адрес. На деле же инцидент в Курском губернском земском собрании произошел 6 января 1905 года. Причиной его действительно стало составление адреса по случаю рождения наследника престола цесаревича Алексея. Большинство, включая Маркова и его брата, голосовало за редакцию, в которой говорилось о том, что «курское земство повергает к царским стопам горячую веру курских людей в незыблемость самодержавия, черпающего свою мощь в плодотворной целине живых сил русского народа»⁴. Далее говорилось о поддержке царского указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (12 декабря 1904 г.), который, по словам автора адреса, «прозвучал благовестом» и вселил надежду, что «великий самодержец земли русской соизволил по примеру древних предков допустить к подножию престола выборных людей от всех сословий земских, дабы в единении с возлюбленным монархом народ обрел свободу мнения, а царь, внимая благосклонно, являл самодержавную волю»⁵. Меньшинство курских земцев, включая князя П.Д. Долгорукова, предлагало вариант адреса, в котором после выражения поздравления императору в связи с рождением наследника ни слова не говорилось о незыблемости самодержавия, зато делался акцент на необходимости коренного обновления страны⁶.

Как отмечал в дневнике один из свидетелей развернувшейся в курском земстве борьбы, большинство высказывалось «очень определенно за незыблемость

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 25772. ЛЛ. 31–33.

² Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 2391–2392.

³ См.: Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. М., 1907. С. 208; Ответ Маркова 2-го // Вестник Союза русского народа. 1910. № 10. С. 4.

⁴ Журналы заседаний XL очередного Курского губернского земского собрания 1905 г. с приложениями. Курск, 1905. С. 102.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 103.

самодержавия» и «очень слабо ... о желательности созыва представителей»; проект меньшинства же «был составлен в очень лояльных формах, но без упоминания о самодержавии»¹. Впрочем, лояльный тон меньшинства и выражение конституционных устремлений «в очень слабой форме» обуславливались не столько умеренностью их вожделений, сколько желанием склонить на эту редакцию большинство земцев. На деле же либерально настроенные земцы ставили вопрос о конституционном строе «с полной откровенностью»².

В ходе открытого голосования 39 голосов было отдано в поддержку первого варианта и 23 — второго. Меньшинство отказалось подчиниться решению большинства, заявив, что не может подписаться под принятым им адресом³. Поддержку оппозиционному меньшинству выразила и часть собравшейся в зале публики, что нашло выражение «в аплодисментах, криках, свистках и бранных словах». «Поднялся невообразимый шум, — отмечал очевидец событий, — свист, шиканье и некоторые сильные выражения по отношению к председателю и земцам»⁴. Недовольные принятием адреса стали кричать «долой самодержавие» и распевать революционные песни⁵. Остановить этот «концерт» председатель собрания не смог, выставить смутяжнов из зала также не получилось, в связи с чем собрание досрочно было объявлено закрытым⁶.

О том, что произошло дальше, мы знаем со слов самого Маркова. Однако учитывая, что сказаны, а затем написаны они были спустя всего лишь несколько лет после описываемых событий, когда были живы многие их свидетели, можно отнестись к ним с большой долей доверия. «За принятие моего адреса, — писал Марков, — служащие в то время кадетской губернской земской управы ворвались к нам во время заседания, угрожая стульями и палками, выгнали наше земское собрание из земского дома и, оставшись победителями на поле брани, влезли на столы и стали петь рабочую „Марсельзу“. Возмущенный наглостью революционеров, я вошел в их круг и провозгласил „ура“ Самодержцу Всероссийскому. Мой возглас был поддержан большею частью публики, и испуганное патристическим порывом народа разбойничье племя постыдно бежало на улицу»⁷. Уже тогда, вспоминал в 1907 г. Марков, к правым курским земцам было применено прозвище «черносотенцы», которого сам он не устыдился, а, напротив, принял его с гордостью, так как воспринял его как почетное⁸. Однако победа консервативных земцев тогда оказалась неполной. На следующий день заседание земского собрания пришлось открывать под охраной полиции при недопущении публики. Лишь при этих условиях принятие адреса прошло спокойно и без эксцессов⁹.

¹ ОР РГБ. Ф. 376. Картон 14. Ед. хр. 13. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Журналы заседаний XL очередного Курского губернского земского собрания 1905 г. с приложениями. Курск, 1905. С. 27.

⁷ Ответ Маркова 2-го // Вестник Союза русского народа. 1910. № 10. С. 4.

⁸ Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. С. 208. «...к нам в земское собрание ворвалась толпа, выгнала весь состав гласных вместе с уважаемой публикой, кричали: „вон, черносотенцы!“...» — вспоминал Марков (там же).

⁹ ОР РГБ. Ф. 376. Картон 14. Ед. хр. 13. Л. 1.

Когда революция уже вовсю бушевала, Н.Е. Марков окончательно решил оставить свою профессиональную деятельность и всецело броситься в политическую борьбу. «...в апреле 1905 года, уступая настояниям своей партии, я решился бросить Москву и все свои дела, с Москвою связанные, и переселиться в Курск, дабы отделиться исключительно политической деятельности. Этот перелом в моей жизни наносил мне крупный материальный ущерб и вынуждал меня к затратам для ликвидации своих дел в Москве», — вспоминал политик¹. Политической организацией, упомянутой Николаем Евгеньевичем, была Курская народная партия порядка (КНПП), и именно с нее начался путь Маркова-политика².

Помимо «ранней» биографии Н.Е. Маркова самым плохо исследованным периодом его жизни является последний этап его жизни, связанный с событиями Второй мировой войны. Хорошо известно, что со второй половины 1930-х гг. Марков стал сотрудничать с немецкими нацистами. Однако никаких подробностей о его деятельности и позиции во время Великой Отечественной войны до сих пор не было известно. «Вторая мировая война, начавшаяся в сентябре 1939 г. и особенно нападение Германии на СССР в июне 1941 г. поставили русскую эмиграцию перед тяжелейшим нравственным выбором. Выразить солидарность с Советским Союзом означало отказаться от многолетней борьбы с большевистским режимом, встать на сторону фашистской Германии означало предать собственный народ, обреченный гитлеровцами на рабство. Эмигранты, в том числе те, чьи имена были символами белого движения, решали эту дилемму по-разному. <...> В идейном отношении Марков был ближе к [П.Н.] Краснову, тем более что он всегда симпатизировал фашистскому режиму. Однако (по крайней мере, в моем распоряжении) нет достоверных сведений об активном сотрудничестве бывшего лидера черносотенцев с нацистами во время Отечественной войны. Возможно, он, не найдя для себя приемлемого решения, самоустранился, или же это произошло просто в силу преклонного возраста и состояния здоровья», — отмечает С.А. Степанов³. Сегодня, несмотря на то, что многое в биографии Маркова в период 1941–1945 гг. остается неясным, мы можем несколько расширить имеющиеся в историографии сведения.

Об отношении Маркова к национал-социализму и его сотрудничестве с германскими нацистами в 1930-е гг. уже писалось⁴, поэтому отметим здесь лишь новые факты, относящиеся к периоду войны Германии с Советским Союзом. Учитывая, что во второй половине 1930-х гг. Марков возлагал определенные надежды на то, что Германия и Япония, напад на СССР, приведут к падению в России коммунизма, есть основания считать, что вторжение немцев

¹ Марков Н.Е. Щекинская исповедь (Письмо второе) // Курская быль. 1907. 24 августа.

² См.: Иванов А.А. «Канаписты»: из истории создания Курской народной партии порядка (1905 г.) // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. С. 254–262.

³ Степанов С.А. Черная сотня. С. 606–607.

⁴ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. 1) «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 140–156; 2) Неизвестные страницы биографии Н.Е. Маркова: по материалам Бахметевского архива // Научный диалог. 2013. № 11 (23): История. Социология. Философия. С. 30–43; 3) Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н.Е. Маркова (по материалам личных писем политика) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. Ч. 2. С. 79–85.

22 июня 1941 г. он приветствовал. При этом в бескорыстие и благородство враждебных СССР держав правый политик не верил, но все же допускал, что жизненные интересы Германии заставят гитлеровцев пересмотреть свое отношение к России и русским, а также надеялся, что внешнее вторжение поможет русскому народу избавиться от коммунистической диктатуры и оздоровит народ, пробудив в нем патриотические чувства. И хотя, по признанию Маркова, в результате победы Германии над СССР «наше отечество выйдет с отрубленными краями, изувеченное», Россия все же выживет, а потому «мы должны готовиться к тяжелой операции и увы! не можем и не должны мешать этой операции: без операции грозит ведь смерть от гнилостного заражения социалистическим интернационализмом. Пусть уж режут нас по живому мясу!»¹.

Как сообщал эмигрантский «Социалистический вестник», с началом войны против СССР «Марков стал особенно активен». Правда, публичных выступлений он избегал, и, как отмечало это эмигрантское издание, «было, кажется, всего только одно собрание, устроенное им в Берлине в конце 1941 года»². Известно, что в 1941–1942 гг. Марков редактировал нерегулярно выходившее антисемитское издание «под красочным названием» «Жидоед», являвшееся русскоязычным приложением к ультрарадикальному нацистскому еженедельнику «Der Stürmer» («Штурмовик»), выступавшему против евреев и коммунистов³. Во время войны Марков продолжал публиковаться в нацистских изданиях, причем статьи этого периода выходили, как правило, не на русском, а на немецком языке. Среди них на данный момент известны его антисемитские публикации 1944 г., в которых правый политик повторял свои более ранние выпады против еврейства, писал о роли иудаизма в русской истории «с 17 века по 17-й год», разоблачал «еврейско-коммунистическую» революцию в России и «доказывал», что в СССР вся власть оказалась в руках евреев, являвшихся «врагами русского крестьянства»; обличал коллективизацию, карательную политику большевиков⁴. Единственной русскоязычной публикацией Маркова периода 1940-х гг., которую на данный момент удалось выявить, является статья «Иудеи у власти в Советском Союзе», представляющая собой сокращенный вариант текста из редактировавшегося правым политиком журнала «Мировая служба»⁵. Как видно уже из заглавия публикации, статья продолжала цикл антисемитских работ Маркова, кроме того, она была направлена против Коминтерна и политики советской власти в целом. В рамках концепции «всемирного еврейского заговора», сторонником которой Марков был еще в дореволюционные годы, правый политик называл советскую власть «покорной исполнительницей иудейских планов» и врагом русского народа⁶.

¹ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». С. 145–146.

² Н-ский Б. Зловещая фигура старой России // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1948. № 1 (604). С. 18.

³ Там же; Николаевский Б. Пораженчество 1941–1945 годов и генерал А.А. Власов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1948. Т. 19. С. 238–239; Окоороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 203.

⁴ Markow N.E. 1) Der Jude ist der Parasit des Bauerntum. Frankfurt/Main: Welt-Dienst Verlag, 1944; 2) Die Rolle des Judentums in Rußland seit seinem Erscheinen im 17. Jahrhundert bis zu seiner Machtergreifung 1917. Frankfurt/Main: Welt-Dienst Verlag, 1944.

⁵ Иудеи у власти в Советском Союзе (Отрывки из статьи Н.Е. Маркова) // Казачьи ведомости. 1944. № 9–10. С. 5–8.

⁶ Там же. С. 8.

Однако ни в одной из известных на сегодняшний день статей, вышедших в период Второй мировой войны, Марков, окончательно заиклившись на антисемитизме, ни словом не обмолвился ни о самой войне, ни о своем отношении к ней.

Эмигрантское социалистическое издание утверждало, что Марков «полностью поддерживал борьбу Гитлера» и влиял «на постановку русской пропаганды в министерстве Геббельса»¹, но подтвердить или опровергнуть это утверждение пока не представляется возможным. Однако находившиеся в эмиграции меньшевики укоряли Маркова не столько за сотрудничество с гитлеровцами, сколько за то, что во время войны он оказался противником Русской освободительной армии (РОА) генерала-коллаборациониста А.А. Власова. «...за кулисами, — писал автор статьи о Маркове в „Социалистическом вестнике“ меньшевик Б.И. Николаевский, — именно он стал центральной фигурой той группы старых русских эмигрантов, которая оказывала противодействие т.н. „власовскому движению“, как движению, развертывавшемуся под демократическими лозунгами и упорно отказывавшемуся поднять боевое антисемитское знамя»². При этом, если верить свидетельству Николаевского, «под влиянием именно Маркова 2-го была предпринята направленная против „власовских“ планов попытка формирования под Ораниенбаумом особых русских частей под покровительством СС — так называемого „Русского боевого союза“, военным руководителем которого был полк[овник] Гиль-Радионов»³. В то, что Марков выступал против власовцев, легко поверить: для него, как и для большинства представителей старой монархической эмиграции, они, декларировавшие свою приверженность идеалам революции 1917 года и демократическим ценностям, мало чем отличались от других социалистов. Но что касается эсесовского отряда, созданного пленным полковником РККА В.В. Гилем (псевдоним Родионов или Радионов), который в 1943 г. снова перешел на советскую сторону и возглавил Антифашистскую партизанскую бригаду, то тут, скорее всего, Николаевский что-то напутал. Организация Гиля называлась иначе, под Ораниенбаумом не находилась, к моменту ее возникновения Власов еще не был пленен, да и едва ли Марков мог играть существенную роль при ее создании. Хотя нельзя не признать, что название организации, созданной по инициативе немецких спецслужб весной 1942 г., — «Боевой союз русских националистов», а тем более ее первое наименование — «Национальная партия русского народа» — вполне могло импонировать бывшему лидеру СРН.

Благодаря выявленным исследователем русской эмиграции И.Р. Петровым в архиве Бад Арольсена «заявлению о месте жительства иностранца» Н.Е. Маркова⁴, заполненному 12 мая 1944 г., и свидетельству о его смерти, стало возможным прояснить и некоторые другие биографические сведения последнего года жизни правого политика. Интересно, что свою фамилию тот указал как Марков-Муринов (Markoff-Murinoff), т.е. воспользовался в качестве второй ее части одним из своих эмигрантских псевдонимов. Показательно, что девичью фамилию своей покойной матери — Надежды Николаевны Детловой (1845–1875) — дворянки Калужской губернии, представительницы старинного прусского рода фон-Детлов, обосновавшегося в России еще в петровские

¹ Н-ский Б. Зловещая фигура старой России. С. 18.

² Там же.

³ Там же. С. 18–19.

⁴ Петров И.Р. От Союза русского народа до «зголошения побуту чужинця».

времена¹, Марков указал не по-русски, а по-немецки: фон Детлофф (v. Detloff). В графе «профессия» Марков обозначил себя как писателя и служащего, а местом работы указал «Институт „Welt-Dienst“» («Мировая служба»), т.е. издаваемую на нескольких европейских языках, включая русский, антисемитскую и антикоммунистическую газету, выпускавшуюся т.н. «Институтом изучения еврейского вопроса» нацистской Германии. В анкете также было указано, что гражданства, за исключением прежнего — русского, он не имел, обладая в Третьем рейхе лишь паспортом иностранца; религию исповедовал «русскую православную», принадлежал к «арийской расе» и являлся «белым русским» (weißrussisch). Из документа также следует, что право проживания на территории нацистской Германии политик-эмигрант имел на основании сотрудничества с изданием «Welt-Dienst», переехал в рейх из Франции 1 августа 1935 г. и последовательно проживал там по следующим адресам: Эрфурт, Reichartstr. 1 (01.08.1935–01.04.1936), Roonstr. 46 (до 22.12.1936), Roonstr. 69 (до 29.07.1939); Франкфурт-на-Майне, Brentanostr. 15 (до 25.03.1944); Бад Швальбах, гостиница Löwenburg, Brunnenstr. (до 30.03.1944) и с 30 марта 1944 г. в Бад Швальбахе, пансион Wedemeyer am Park. Как следует из свидетельства о смерти Н.Е. Маркова, скончался он 22 апреля 1945 г. в 10 часов в Висбадене в квартире по адресу Blumenstr, 1².

¹ Архив ДРЗ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4. Л. 233.

² Петров И.Р. От Союза русского народа до «зголошения побуту чужинця».

П.Б. СТРУВЕ В 1918 ГОДУ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А.А. БОРМАНА)

ГОЛИЦЫН ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
руководитель направления по истории финансового рынка
ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС»,
Москва, Россия;
e-mail: golitsyn57@mail.ru

Аннотация: Данная статья основана на воспоминаниях Аркадия Альфредовича Бормана, сына известной общественной деятельницы и члена ЦК конституционно-демократической партии А.В. Тырковой-Вильямс. А. Борман, будучи белогвардейским агентом, около полугода работал в центральном аппарате Наркомата торговли и промышленности, благодаря чему ему удалось нелегально перевести через советско-финляндскую границу П.Б. Струве, которого осенью 1918 г. уже разыскивали. В своих мемуарах он отразил и некоторые другие сюжеты, связанные с деятельностью П.Б. Струве. Источником для написания статьи стали написанные в конце 1920-х годов неопубликованные мемуары А.А. Бормана, хранящиеся в фонде «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» Государственного архива Российской Федерации, и очерки Бормана из эмигрантской печати конца 1960-х годов.

Ключевые слова: П.Б. Струве, поездка по северной России, нелегальный переход границы, бегство в Финляндию, эмиграция.

О русском экономисте, политике и публицисте Петре Бернгардовиче Струве написано немало статей и книг, но о некоторых событиях его жизни, особенно начального периода Гражданской войны в России, известно немного. Автор данной статьи, используя новые источники, попытался восполнить некоторые пробелы.

Аркадий Альфредович Борман родился в Петербурге в 1891 г. Его отцом был инженер-кораблестроитель Альфред Николаевич Борман, член известной петербургской немецкой купеческой семьи. Матерью стала Ариадна Владимировна Тыркова (во втором браке — Вильямс), представительница старинной дворянской провинциальной фамилии, позднее член ЦК партии кадетов и долгое время единственная женщина в его составе. Они поженились в 1890 г. От этого брака родились сын Аркадий и дочь Софья¹.

Осенью 1910 г. А. Борман поступил в Санкт-Петербургский университет, но в 1914 г. началась Первая мировая война, и вместо последнего курса он добровольно стал работать во фронтовом санитарном отряде. Выпускные экзамены в университете Борман сдавал «по специальному разрешению» весной 1916 г., приехав из действующей армии². В дни Февральской революции 1917 г. А. Борман был в Петрограде вместе с матерью. Помогал ей заниматься благотворительностью и работать в ЦК кадетской партии³.

После неудачных для кадетов выборов в Учредительное собрание А. Борман уехал из Петрограда в Новочеркасск, где в то время началось формирование

¹ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына. Вашингтон, 1964. С. 29.

² Борман А. Университет // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1968. 25 августа.

³ Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам. С. 132.

Белой армии; там он вновь встретился с П.Б. Струве, с которым был знаком с детства, и стал работать под его руководством. В декабре 1918 г. Борман нелегально переправил Струве из Советской России в Финляндию. В годы Гражданской войны судьбы этих людей еще неоднократно пересекались.

В начале 1920-х годов А. Борман жил в Лондоне. Весной 1925 г. П. Струве предложил ему переехать из Лондона в Париж и стать секретарем газеты «Возрождение». После ухода Струве из редакции в 1927 г. Борман остался в газете, после чего их отношения испортились¹.

В марте 1951 г. А. Борман с семьей и матерью переезжают в США. Переезд был связан с началом работы Бормана на радиостанции «Голос Америки». После его смерти 20 мая 1974 г. газета «Новое русское слово», где он много лет печатался, поместила некролог, в котором отмечалось, что его статьи были написаны простым языком и «всегда отличались твердостью антикоммунистических взглядов автора, его гуманностью и моральной честностью»².

Сегодня известно два варианта мемуаров А.А. Бормана. Первый находится в фонде Р-5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)³. Общий объем записок «В стане врагов. Воспоминания о Советской стране в период 1918 года» составляет 95 машинописных страниц с авторскими правками, он написан в конце 1920-х годов. Впервые отрывки из воспоминаний А.А. Бормана, хранящиеся в ГА РФ, были опубликованы В.Г. Бортневским и Е.Л. Варустиной в начале 1990-х годов⁴. Но, к сожалению, данные материалы были далеко неполными, и они редко используются отечественными историками. Второй (гораздо более полный) вариант хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета⁵. О нем стало известно не так давно из работ Р. Пайпса и А.С. Пученкова⁶.

В данной статье использованы вариант мемуаров А. Бормана, хранящийся в ГА РФ, и его же статьи, опубликованные в 1960-е гг. в газете «Новое русское слово» (США), которые в определенной степени дополняют архивный материал.

Аркадий Борман познакомился с П.Б. Струве в Париже в 1904 г., когда его мать А.В. Тыркова бежала из России, будучи приговоренной к тюремному заключению за попытку контрабандной перевозки через финляндскую границу журнала «Освобождение», издававшегося Струве. Вот как Борман описывает свои первые впечатления: «Внешность Струве сразу бросалась в глаза: длинная рыжая борода и рассеянно-сосредоточенный вид. Позже, при каких бы обстоятельствах я его ни встречал, у меня всегда создавалось впечатление, что

¹ Борман А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новое русское слово. 1969. 8 сентября.

² Некролог // Новое русское слово. 1974. 22 мая.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81. ЛЛ. 1–95.

⁴ В стане врагов. Москва, 1918 года, глазами белогвардейского агента / публ. подг. В. Бортневский и Е. Варустина // Единство. 1990. № 1 (17 мая). С. 8; Борман А.А. Москва — 1918 (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1991. Кн. 1. С. 115–149.

⁵ Columbia University Libraries. Manuscript Collections. Bakhmeteff Archive (BAR). General manuscripts collection. Arranged B(4). A. A. Borman «Vospominaniia».

⁶ Пайпс Р. Струве. Биография. В 2 т. М., 2001. Т. 2. Струве: правый либерал, 1905–1944; Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013; его же. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года). СПб., 2021.

этот человек углублен в свои мысли и не замечает или старается не замечать, что происходит кругом, чтобы не отвлечься от своих размышлений»¹.

Позднее Борман вспоминал, что в Париже они жили рядом с семьей Струве и летом вместе снимали дом на море в Бретани. Семьи действительно дружили и тесно общались, что подтверждается достаточно интимным рассказом Бормана о том, что в день опубликования царского манифеста 17 октября 1905 г., когда Нина Александровна Струве рожала своего пятого ребенка, сам Струве был настолько увлечен известиями, поступавшими из России, что постоянно «вырывался в комнату роженицы и сообщал последние новости, не обращая внимания на то, что происходит кругом»².

После возвращения в Россию семьи продолжали общаться, и перед Первой мировой войной Струве предложил Аркадию поехать с ним в качестве секретаря «на какие-то заводы для изучения экономических условий гвоздильной промышленности»³. И хотя поездка по какой-то причине не осуществилась, согласие молодого человека на выполнение таких обязанностей способствовало совместной работе Струве и Бормана на протяжении многих лет.

В конце 1917 или начале 1918 г. А. Борман и П. Струве встретились в Новочеркасске. По просьбе Струве Борман был командирован командованием Добровольческой армии в район, находившийся под контролем Красной армии, для освобождения группы белогвардейских артиллеристов, захваченной в плен красноармейцами. В этой группе находился старший сын Струве Глеб. Попытка Бормана оказалась неудачной.

В марте 1918 г. А. Борман возвращается в Москву и некоторое время живет в семье Струве, который еще раньше приехал с Дона. Сюда же добрался и освобожденный Глеб. Все они начинают работать в Национальном центре — организации, объединявшей противников Советской власти и ориентировавшейся на Великобританию и Францию. По словам Бормана, «сперва и сам Петр Бернгардович жил с нами, но было решено его „спрятать“ у кого-то из друзей недалеко от нас. Он жил на чердачном этаже барского особняка и по вечерам иногда выходил на улицу. Мы по очереди приходили к нему, раз уже затемно я встретил у него в чердачной комнате молодого французского дипломата, с которым мы обсуждали, как переправить генералу Алексееву миллион рублей. Насколько помню, пакет с этими деньгами хранился не у П.Б., а в дымовой трубе квартиры, где я жил с его семьей. Я переправил этот миллион рублей в Киев в советском дипломатическом вагоне»⁴.

Объяснение того, каким образом Борману удалось вывезти деньги из Москвы, достаточно простое, если знать, что вскоре после приезда в Москву Борман по заданию деникинской контрразведки и с благословения Национального центра и П.Б. Струве устраивается работать в Наркомат торговли и промышленности, а летом 1918 г. был включен в качестве эксперта в состав советской делегации на российско-украинских переговорах, проходивших в Киеве. Рассказ Бормана подтверждается воспоминаниями Е.Г. Шульгиной, которая писала, что однажды в начале августа 1918 г. к ней пришел молодой

¹ Борман А.А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новая русская газета. 1969. 8 сентября.

² Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына. С. 62–64.

³ Борман А.А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новая русская газета. 1969. 8 сентября.

⁴ Там же.

человек, который сказал, что он член «большевицкой миссии, ведущей переговоры с украинским правительством о заключении мира», и привез «три миллиона из Москвы, от Национального центра, для переправки генералу Алексееву...»¹.

После возвращения из Киева А. Борман получает задание от Национального центра переправить П.Б. Струве за границу, так как летом 1918 г. находиться в Москве становится небезопасно. По первоначальному замыслу Борман должен был по документам Наркомторгпрома организовать служебную командировку для ревизии военных складов, находящихся на севере России, где уже высадились английские войска, взяв с собой Струве в качестве «личного секретаря».

Струве ехал по поддельному («подложному») паспорту купца второй гильдии из города Черкассы. По словам Бормана, он «из предосторожности» встретил его «только на вокзале и... ахнул. Его нелепый вид не мог не привлечь внимания. Он сбрил свою бороду, и у него, на мой взгляд, оказалось какое-то деформированное лицо, почти без подбородка. Одет он был в черную кожаную куртку, такие же брюки, а кругом него стояло довольно много чемоданов, ярко „буржуазного“ вида. На вокзале мы делали вид, что не знаем друг друга. Вокзал был полон красноармейцами, и я боялся, что его сразу арестуют»².

При этом из той же «предосторожности» Нина Александровна Струве «заботливо спорола на белье мужа все метки, однако, недосмотреть может каждый. Добравшись на пароходе до Великого Устюга и взяв комнату в гостинице, мы заметили, что на черной подкладке пальто было выткано золотыми латинскими буквами „Петер Струве“. Я почти прыгнул к двери, повернул ключ и су-дорожно начал спарывать эту метку»³.

В Великом Устюге Струве и Борман оказались, так как было решено бежать на север и там «засесть где-нибудь в глуши и поджидать англичан»⁴. После выезда из Москвы, проехав Петроград, Борман оставил своего спутника между Вологодой и Вяткой, а сам в течение двух месяцев разъезжал по Новгородской, Вологодской и Вятской губерниям, выясняя, где они могут проехать дальше на север.

Наблюдая за своим спутником, Борман отметил, что «во время наших скитаний по северу России осенью 1918 года Струве сразу всюду хватался за книги. На хуторе в Вологодской губернии ему попало полное собрание сочинений Пушкина. Он перечел его от доски до доски»⁵. Видимо, совсем случайно в эмиграции Струве был активным членом Пушкинского комитета в Югославии и написал множество статей о творчестве А.С. Пушкина. По свидетельству современников, П. Струве планировал даже написать книгу о роли Пушкина в русской национальной жизни. Несмотря на то, что этот замысел не был осуществлен, статьи Струве «Именем Пушкина», «Заветы Пушкина», «Радищев и Пушкин», «Политические взгляды Пушкина», «Растущий и живой Пушкин» и другие на протяжении 1920–1930-х выходили в различных

¹ Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний (1903–1922) / подг. текста, предисл., коммент. А.А. Чемакина. М., 2019. С. 282–283.

² Борман А.А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новая русская газета. 1969. 8 сентября.

³ Там же.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 83.

⁵ Борман А.А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новая русская газета. 1969. 8 сентября.

эмигрантских изданиях¹. Статья «Дух и слово Пушкина», написанная к столетию смерти поэта, является одной из самых интересных и оригинальных работ эмигрантского периода творчества Струве².

Несмотря на то, что компаньон Бормана в это время «уже был приговорен в Москве к расстрелу и объявлен вне закона»³, командировочное удостоверение и мандат Наркомата торговли и промышленности неоднократно выручали Бормана и Струве на протяжении нескольких месяцев их нелегкого путешествия. Вот как одну из неприятных проверок, которую пришлось пережить беглецам в Сольвычегодске, описывает Борман в своих воспоминаниях: «Ожидание в Сольвычегодске было не из приятных. ...часов в девять вечера пришел милиционер и потребовал сперва меня. Проверили документы и быстро отпустили. Потом повели моего компаньона.

Неужели его узнают? Холодная осенняя звездная ночь. Мы стояли на краю города у самого леса. Бежать? Но ведь этим только навлеку подозрение, если его задержат. Жду на улице. Тянутся долгие минуты. Наконец идут двое. Он свободен. Милиционер извиняется, что потревожил нас вечером»⁴.

В конце ноября 1918 г. Струве и Борман возвращаются в Петроград, чтобы попробовать новый вариант перехода границы — через Финляндию. Однако уже налаженный путь нельзя было использовать сразу после приезда, так как «только что переправили генерала Юденича ... надо было подождать». Лишь 8 декабря 1918 г. группа, в составе которой были Струве и Борман, начала нелегальный переход советско-финской границы. Борман вспоминал, что их «вели ночью вместо обещанных двух семь часов. Шли по только что выпавшему снегу. Пришлось обходить какие-то заставы. Мой главный спутник сдал. Мы его вели под руки»⁵. Но все закончилось благополучно, и утром 9 декабря беглецы встретили финских пограничников.

В середине января 1919 г. А. Борман приехал в Лондон, где начинает работать на «Комитете освобождения России», к которому присоединился и П. Струве. Основной деятельностью Комитета считалось распространение сведений о событиях, происходящих в России. Для этого ежедневно выпускались печатные бюллетени на русском и английском языках⁶. Борман отмечает, что его мать и отчим (Г. Вильямс, английский корреспондент в России) были «очень рады, что Струве приехал в Англию. Он укреплял их позицию необходимости интервенции». Кроме того, по словам Бормана, со Струве «много беседовал сэръ Сэмюэл Хор (впоследствии лорд Темплвуд), член Палаты общин и будущий министр в нескольких консервативных кабинетах»⁷.

В сентябре 1919 г. А. Борман и А. Тыркова-Вильямс вернулись на Юг России. Аркадий вновь стал помощником П. Струве, который с октября возглавил

¹ Почему иностранцы не знают и не ценят Пушкина? // Возрождение. Париж. 1926. 20 июня; Радищев и Пушкин // Россия. Париж, 1927. № 7; «Неизъяснимый» и «непостижный» (Из этюдов о Пушкине и пушкинском слове) // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 259–264.; Гете и Пушкин // Россия и славянство. Париж, 1932. № 204; Растущий и живой Пушкин // Пушкин. Однодневная газета. Париж. 1937. 8 февраля и др.

² Струве П.Б. «Дух и Слово Пушкина» // Белградский Пушкинский сборник / Под ред. Аничкова Е.В. Белград, 1937. С. 265–274.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 90.

⁴ Там же. Л. 93.

⁵ Там же. Л. 94.

⁶ Борман А. В Лондоне в 1918 году: Из воспоминаний // Новое русское слово. 1969. 2 сентября.

⁷ Сэмюэль Хор (англ. Samuel John Gurney Hoare) — английский разведчик, консервативный британский политик, государственный деятель 1920-х и 1930-х годов.

редакцию газеты «Великая Россия». И хотя Струве не занимал каких-либо значимых официальных должностей, он «пользовался большим влиянием в правительственных кругах Деникина»¹.

В начале марта 1920 г., когда поражение Деникина стало неизбежным, П. Струве и А. Борман покинули Россию во второй раз. Борман вспоминал: «Во время эвакуации из Новороссийска я сопровождал П.Б. в Константинополь. Он был мрачен и молчалив, чуждался людей и время повторял мне: „Как это могло произойти! Просто не могу понять, как это могли произойти!“ Мы плыли на пароходе Добровольного флота „Саратов“ и все благодаря связям получили маленькую каюту на двоих, из которой он почти не выходил».

Но вскоре П. Струве еще раз возвращается в Россию. В апреле 1920 г., когда было сформировано правительство генерала Врангеля, Струве получил в нем должность начальника управления иностранных отношений (в литературе часто пишут о должности министра иностранных дел). Струве привлек к работе своего ведомства и А. Бормана. В течение полугода Борман успел выполнить множество поручений, в том числе Струве поручил ему отправиться кругом Европы в Финляндию и Эстонию для установления там связей, куда Борман привез запечатанный дипломатический пакет, в котором был миллион советских рублей для передачи этих денег в Финляндии российским морским офицерам, боровшимся против большевиков². После возвращения Бормана из Финляндии Струве вызвал его в Париж, где он добивался от французского правительства признания Врангеля. «Благодаря демаршам Струве Франция была готова признать правительство Врангеля и предоставить ему кредиты. Военная катастрофа все изменила»³.

После окончания Гражданской войны П. Струве и А. Борман продолжали дружить и сотрудничать, в том числе в парижской газете «Возрождение». Но после ухода из нее в 1927 г. Струве («редактором Струве оказался никаким. П.Б. интересовался только мыслями, политическими комбинациями и совершенно не обращал внимания на информацию»⁴) Борман остался в редакции, и отношения между ними прекратились.

Интересно, что в первом варианте воспоминаний А. Борман, который писал их в конце 1920-х годов, в рассказе о нелегальном переходе советско-финской границы даже не называет фамилии Струве, упоминая лишь «одного общественного деятеля, который уже скрывался»⁵. Возможно, это было связано не только с тем, что прошло еще совсем немного времени с момента описанных Борманом событий, но и с тяжелым расставанием людей, хорошо относившихся друг к другу на протяжении многих лет и вместе переживших очень многое в тяжелые годы истории России.

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920 г. С. 348.

² Борман А. Константинополь–Лондон–Финляндия // Новое русское слово. 1970. 17 июня.

³ Борман А.А. Из воспоминаний о П.Б. Струве // Новая русская газета. 1969. 8 сентября.

⁴ Там же.

⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 83.

ДУМСКИЕ ИСТОЧНИКИ

ДЕПУТАТ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А.И. РЫСЛЕВ О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ПЕТРОГРАДЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)

Института истории и социальных наук

Российского государственного

педагогического университета имени А.И. Герцена,

заместитель председателя НМС

Центра истории парламентаризма МПА СНГ,

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: Депутат IV Государственной думы А.И. Рыслев оставил воспоминания о Февральской революции 1917 года в Петрограде, которые были опубликованы под названием «Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И. Рыслева)» в газете «Амурское эхо» в 1917 году в трех номерах: № 630 (18 апреля), № 632 (21 апреля) и № 634 (23 апреля). Они содержат ценную информацию об уличном движении в первые дни Февральской революции в Петрограде, о частном совещании членов Государственной думы в Полуциркульном зале Таврического дворца 27 февраля 1917 года, о деятельности А.Ф. Керенского по организации революционных отрядов, которые выполняли его приказы, о так называемых «полицейских» пулеметах и т.д. Публикуемые воспоминания снабжены авторскими комментариями.

Ключевые слова: А.И. Рыслев, Февральская революция 1917 года, «Амурское эхо».

Аристарх Иванович Рыслев (14.4.1883–3.9.1937) был избран в IV Государственную думу от Амурской области. В Думе он вошел во фракцию трудовиков¹. Принимал участие в Февральской революции 1917 года в Петрограде. В 1917 году Рыслев опубликовал свои воспоминания. Они вышли под названием «Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И. Рыслева)» в газете «Амурское эхо» в 1917 году в трех номерах: № 630 (18 апреля), № 632 (21 апреля) и № 634 (23 апреля). Долгое время его воспоминания не привлекали исследователей. Дело в том, что они были опубликованы в газете, издававшейся в Благовещенске, а местных историков интересовали в большей степени события, происходившие в 1917 году на Дальнем Востоке и в меньшей

¹ См. подробн.: Николаев А.Б. Рыслев Аристарх Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 540.

степени — в Петрограде. В свою очередь, исследователи столичных научных центров, изучающие события Февральской революции, имели возможность использовать документы, отложившиеся в центральных архивах, опубликованные в периодических изданиях и сборниках воспоминаний, выходивших в Москве и Петрограде (Ленинграде/Санкт-Петербурге). В связи с этим воспоминания о событиях Февральской революции в Петрограде, опубликованные на страницах провинциальной прессы, оказались невостребованными.

Намереваясь после защиты докторской диссертации подготовить и издать справочник «Депутаты IV Государственной думы в 1917 году»¹, я изучал материалы провинциальной прессы. Благодаря этому и были выявлены воспоминания А.И. Рыслева, которые введены мной в научный оборот в 2002 году². Ссылаюсь я на них и в более поздних работах³. Используют их и современные исследователи⁴. Вместе с тем для широкого круга ученых воспоминания А.И. Рыслева остаются и неизвестными, и маловостребованными.

Несомненно, публикуемые воспоминания члена IV Государственной думы Аристарха Ивановича Рыслева представляют интерес для исследователей, изучающих историю Февральской революции 1917 года в Петрограде.

Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И. Рыслева)

Затянувшаяся война, неудачи на фронте, неизбежные при старой власти неудачи, общая хозяйственная разруха в стране и продовольственные затруднения в столицах, дошедшие до голода, — вот ближайшие, по поверхности плывущие причины переворота. Речи с думской трибуны, разоблачавшие Сухомлиновых⁵, Штюмеров⁶, Протопоповых⁷ и прочих, разными словами ста-

¹ Собранные материалы воплотились в многочисленных статьях, которые были опубликованы в думской энциклопедии, вышедшей тремя изданиями (2006, 2008 и 2013 гг.)

² См.: Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 19, 29–31, 37, 43, 46, 47, 50, 58, 69, 70, 72, 140, 160, 165, 201, 205.

³ См., напр.: Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 108, 140, 145, 146, 150, 169, 174–175, 178, 182, 197–198, 405, 447–448, 458, 480.

⁴ Lyandres S. On the Problem of «Indecisiveness» among Duma Leaders during February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. Nos. 1–2. P. 124; Мельников А.В. 27 февраля 1917 года в Петрограде. К вопросу о присоединении к революции запасных батальонов лейб-гвардии полков // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук: Сб. науч. ст. / Ред. кол.: В.В. Барабанов (отв. ред.), А.Б. Николаев (сост.) и др. СПб., 2004. С. 99.

⁵ Сухомлинов Владимир Александрович (4.8.1848–2.2.1926) — генерал от кавалерии. Военный министр (11.3.1909–13.6.1915) и одновременно член Государственного совета (6.12.1911–18.3.1916). Генерал-адъютант (1912). Состоял под следствием по обвинению в «противозаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене». 20.4.1916 арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. 11.10.1916 переведен под домашний арест. 1.3.1917 арестован, доставлен в Таврический дворец. Находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а после Октябрьской революции переведен в тюрьму «Кресты». 1.5.1918 освобожден как достигший 70-летнего возраста. 6.10.1918 бежал в Финляндию. Затем перебрался в Германию.

⁶ Штюмер Борис Владимирович (15.7.1848–20.8.1917) — действительный статский советник. Новгородский (1894–1896) и ярославский (1896–1902) губернатор. Председатель Совета министров (20.1–10.11.1916), министр внутренних дел (3.3–7.7.1916),

вившие один и тот же вопрос: «Что это — измена или глупость?!»¹; печать, умудрявшаяся своей эзоповщиной все же бить в одну и ту же точку: «Смотрите, до чего довели страну», — открывали глаза главным виновникам его бедствия.

Негодование росло, все слои общества возмущались, но гнев пока не выливался наружу. Перед последним созывом Гос[ударственной] думы 14 февраля, когда начались забастовки, правда, частичные, главным образом на почве экономической, когда пошли слухи, что пролетариат Петрограда намерен выступить активно и оказать поддержку Гос[ударственной] думе, правящие круги заволновались. Командующий войсками Петроградского военного округа генерал Хабалов² обратился с известным воззванием к рабочим Петрограда,

министр иностранных дел (7.7–10.11.1916). 28.2.1917 В.Н. Филипповский (за председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (ВК ВКГД)) отдал приказание С. Шиманскому «отправиться, на основании полученных указаний, для производства ареста бывшего председателя Совета министров Бориса Штюрмера и доставки его в помещение Государственной думы». Арестован утром 28.2.1917 и доставлен в Таврический дворец. Затем переведен в Петропавловскую крепость, где содержался в Трубецком бастионе. В связи с тяжелым заболеванием переведен из Петропавловской крепости в клинику И.Л. Герзони, где и умер 20.8.1917 в 9 час. 55 мин. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

⁷ Протопопов Александр Дмитриевич (18.12.1866–27.10.1918) — член III и IV Государственной думы от Симбирской губернии. С 16.9.1916 управляющий Министерством внутренних дел, а с 20.12.1916 по 28.2.1917 министр внутренних дел. 28.2.1917 добровольно явился в Таврический дворец, помещен под арест в Министерский павильон Таврического дворца; отказался от звания члена Государственной думы. С 1.3.1917 по сентябрь 1917 содержался в Петропавловской крепости. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. После октября 1917 в связи с версией о «ненормальности» переведен в лечебницу для нервных больных. Отправлен в Москву (лето 1918). Расстрелян в порядке «административного усмотрения» по решению ВЧК.

¹ Происходит от вопроса «глупость или измена?», который П.Н. Милюков несколько раз задал во время своей речи 1.11.1916 на заседании Государственной думы. В ней он фактически обвинил власть в некомпетентности и даже в предательстве интересов страны, как многими слова Милюкова были восприняты. Уже во время речи П.Н. Милюкова со стороны правых депутатов на него посыпались обвинения в клевете. Но они не смогли сбить накал антиправительственных страстей в обществе, которые она вызвала. Видимо, наиболее полный вариант речи Милюкова опубликовал А.С. Резанов. В нем Милюков задает вопрос «глупость или измена?» четыре раза (Резанов А.С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова: с приложением полного текста речи, произнесенной Милюковым в заседании Госуд[арственной] думы 1 ноября 1916 г. Париж, [1924]. С. 58–59). В опубликованном стенографическом отчете речь П.Н. Милюкова помещена с изъятиями: вопрос «глупость или измена?» звучит два раза (Речь П.Н. Милюкова, произнесенная на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание первое. Стенографический отчет. Пг. 1916. Стб. 47).

² Хабалов Сергей Семенович (21.4.1858–1924) — генерал-лейтенант. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1878). Выпущен сотником (1878) в Терскую конноартиллерийскую № 1 батарею. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1886). Генерал-лейтенант (1912). Военный губернатор Уральской области (с 24.1.1914). Главный начальник Петроградского военного округа (с 13.6.1916), переименован в командующего войсками Петроградского военного округа (6.2.1917). 28.2.1917 арестован в Адмиралтействе и доставлен в Таврический дворец, где, выдав себя за казачьего генерала С.И. Хопрянинова, сумел покинуть дворец. Вновь арестован утром 1.3.1917 на квартире начальника Главного штаба генерал-лейтенанта Н.П. Михневича. Содержался в Петропавловской крепости. 2.3.1917 освобожден от должности и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. В октябре 1917 освобожден из тюрь-

призывая их оставаться у станков и продолжать мирный труд¹. С аналогичным же воззванием обратился к рабочим через газеты и председатель фракции народной свободы^{2/3}, и даже два уцелевших от ареста члена рабочей группы

мы. 11.11.1917 уволен от службы. В 1919 уехал на Юг России. 1.3.1920 эвакуировался из Новороссийска в Салоники.

¹ Воззвание подписано С.С. Хабаловым 8.2.1917, опубликовано некоторыми газетами 10.2.1917, например, «Речью» и «Утром России». В нем говорилось следующее: «Рабочие Петрограда! На некоторых заводах столицы рабочие призываются к забастовке в день открытия Государственной думы с тем, чтобы скопом пойти к Таврическому дворцу для предъявления политических требований. Истинные сыны родины на это не пойдут. Коварный злобный враг вторгся в пределы России, опустошил Польшу и часть Западного края. Доблестная армия наша, верная своему долгу перед царем и родиной, грудью своей остановила натиск врага. После неисчислимых жертв русского народа силы врага, наконец, надломлены; остались, быть может, последние усилия. Помните, что без единодушия внутри страны и непрерывной работы на оборону всех и каждого в тылу армии все ее боевые подвиги пойдут прахом. Каждая забастовка уменьшает число снарядов и отнимает у нашей армии оружие. Тот, кто бастует теперь, изменяет своему отечеству, предаёт своих братьев, находящихся в окопах. Большинство из вас военнообязанные, и вы должны были стать в ряды армии и ежеминутно рисковать своей жизнью. Вас оставили здесь при ваших семьях и при вашей обычной работе. Для чего? Для того, чтобы вы ковали то оружие, которое необходимо армии, недостаток которого увеличит потери в армии и затянет окончание войны. Не предавайте же ваших братьев. Петроградские рабочие! Я обращаюсь к вашему здравому рассудку и вашей совести. Не слушайте преступных подстрекателей, которые зовут вас к измене. Оставайтесь при ваших станках, исполняя тем ваш долг перед вашими братьями, которые заменили вас в окопах. Берегите нашу общую мать, нашу родину — Россию. Тем же, кто останется глух к моему обращению, я напомню, что Петроград находится на военном положении, и что всякая попытка насилия и сопротивления законным властям будет немедленно прекращена силой оружия».

² Речь идет о П.Н. Милюкове. Милюков Павел Николаевич (15.1.1859–31.3.1943) — член III и IV Государственной думы от Санкт-Петербурга. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). Преподавал в Московском университете: приват-доцент (1886), магистр русской истории (1892), уволен из университета за «вредное влияние на молодежь» (1895), выслан в Рязань (1895–1897), выехал за границу. Один из основателей партии конституционных демократов, ее идеолог и лидер в 1906–1917 гг. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Член Совета старейшин. Член ВКГД (с 27.2.1917). Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. Принимал активное участие в Частных совещаниях членов Государственной думы. Член Совещания общественных деятелей (8–10 августа 1917, Москва), избран в Совет общественных деятелей. Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва) и Временного Совета Российской республики (Предпарламента) (3.10.1917). Депутат Учредительного собрания. С 1918 в эмиграции.

³ Письмо П.Н. Милюкова было опубликовано 9.2.1917 в «Русских ведомостях», а 10.2 оно появилось на страницах «Речи». П.Н. Милюков писал в нем: «До сведения моего дошло, что неизвестное мне лицо, называвшее себя членом Государственной думы Милюковым, вело последние дни агитацию на фабриках (в частности Лесснер), убеждая рабочих выступить в день возобновления сессии Государственной думы, 14 февраля, на улицах Петрограда с требованием более решительного образа действий от Государственной думы и протестом против войны. Из того же источника я узнал, что какие-то люди, именующие себя членами Государственной думы, раздают рабочим оружие. Спешу предупредить лиц, поверивших подобным заявлениям, что они сделались жертвой самого грубого обмана. Мое отношение к войне и работе на оборону слишком хорошо известно, чтобы мне нужно было опровергать мнения, высказанные якобы от моего имени. Обращаю лишь внимание рабочих на то, что бурные и опасные советы, распространяемые в их среде таким низким средством, очевидно, исходят из самого темного источника. Последовать этим советам — значит сыграть в руку врагу. Поэтому я обращаюсь с убедительной просьбой ко всем слышавшим эти советы и увещания: не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными. Своим спокойствием они расстроят планы своих

Центрального военно-промышленного к[омите]та обнародовали свое отрицательное отношение к забастовкам¹.

14 февраля, в день открытия Гос[ударственной] думы, рабочие активно не выступили, между тем старый полицейский режим проявлял себя в полной мере: производились аресты, лучшие люди томились в тюрьмах, руководителей рабочего движения вырывали и военнообязанных ссылали на фронт. Рабочим на их забастовки отвечали контрмерами: объявлялся локаут и закрывались заводы, работающие на оборону. 23 февраля были закрыты Путиловский и Ижорский заводы. Трудовая группа и с[оциал]-д[емократическая] фракция внесли тогда запрос правительству, но речи Керенского и Чхеидзе в печати не появились, хотя сказаны они были так ко времени, как нельзя больше.

Продовольственный вопрос, осложнившийся вообще, в Петрограде принимал особенную остроту. Не говоря уже о трудности получения мяса, рыбы и т.п., в последние дни пред революцией ощущался недостаток даже в хлебе. Белого хлеба в Петрограде почти не было, все население питалось лишь черным, весьма плохого качества: с отрубями, овсом, но и этот хлеб покупался с большим трудом. На всех улицах в течение зимы можно было наблюдать тяжелую картину: женщины, подростки и рабочие стояли в хвостах, нередко по несколько сот человек, плохо одетые, дрожали на морозе по несколько часов, чтобы получить фунт-два черного хлеба. В продолжение нескольких месяцев население терпеливо переносило эти лишения и ждало лучшей доли. Но в последних числах февраля получение хлеба стало еще труднее, а затем хлеба почти не стало. Началось волнение.

Гос[ударственная] дума учитывала всю серьезность положения и пыталась принять меры. Председатель Думы М.В. Родзянко² на своем автомобиле утром

врагов и лучше всего поддержат своих друзей. Сознательность отношения рабочих кругов к тому тяжелому моменту, который мы переживаем, дает мне надежду, что мой предостерегающий голос будет услышан, и коварный замысел не удастся». См. об обстоятельствах опубликования письма П.Н. Милюкова: *Гавроева Е.С.* М.В. Родзянко и вопрос об «истинном парламентаризме» в январе-феврале 1917 г. // *Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 115.*

¹ Судя по всему, на свободе остались меньшевик В.М. Абросимов (как выяснилось позднее — секретный сотрудник Петроградского охранного отделения), меньшевик Я.И. Аносовский и эсер Я.С. Остапенко (*Куликов С.В.* IV Государственная дума, Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г. // *Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г.: Сб. науч. ст. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2018. Ч. 1. С. 197–198, 200). Исследователи не пишут о том, что кто-либо из этих оставшихся на свободе членов РГ ЦВПК «обнародовали свое отрицательное отношение к забастовке» (см., напр.: *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. М., 2016. С. 22–23; *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 197–198; *Нефедов С.А.* Неизвестная Февральская революция (часть 1) // *Новейшая история России. 2017. № 4. С. 16–18). Вместе с тем об этом вспоминал М.В. Родзянко: «Перед самым открытием Думы были арестованы члены рабочей группы, входящей в состав военно-промышленного комитета. <...> Арестованы были не все: двое остались на свободе. Они обратились с воззванием к рабочим, призывая их несмотря ни на что сохранять спокойствие. Это обращение <...> не было разрешено к печати» (*Родзянко М.В.* За кулисами царской власти. М., 1926. С. 62–63; *его же.* Крушение империи. Л., 1929. С. 219).**

² Родзянко Михаил Владимирович (9.2.1859–19.1.1924) — член Государственной думы III и IV созывов от Екатеринославской губернии. Окончил Пажеский корпус (1877). В 1905 создал в Екатеринославе «Народную партию Союза 17-го октября», ко-

24 февраля объехал всех министров, захватил некоторых из них в свой автомобиль и привез к бывшему председателю Совета министров князю Голицыну¹. Там устроили частное совещание, результатом которого вышло официальное заседание в Мариинском дворце, созванное по инициативе Родзянко. Президиум Гос[ударственной] думы, бывший в этом совещании, с такой полнотой обрисовал опасность положения, что даже власти признали необходимость экстренных мер. Совещание высказалось за передачу продовольственного дела в руки местных самоуправлений. Необходимое изменение законоположений представители Гос[ударственной] думы обещали провести в несколько дней. Сразу же после этого Гос[ударственная] дума, в комиссиях городской и земской, приступила к выработке законопроекта. Но жизнь шла своим чередом и опередила теоретические построения: на улицах Петрограда в это время уже началось возмущение.

23 февраля женщины, подростки и часть рабочих, на долю коих падает тяжелая обязанность стоять в хлебных очередях, собирались на улицах, главным образом в рабочих районах Петрограда в поисках хлеба и, не получая его, подымали вопль: «Дайте хлеба». Казалось в то время, что ничего другого они не требуют, и казалось, что если бы дать хлеб, то, может быть, вполне успокоились бы и терпеливо переносили лишения. Но хлеба не было, и голодные массы, доведенные до отчаяния, перешли к эксцессам, правда, частичным и не принявшим широких размеров. Несколько разбитых стекол в лавках, несколько разгромленных булочных, попытки к демонстрациям — вот приблизительные итоги первого дня революции — 23 февраля.

24 февраля повторяется прежняя картина, хлеба также нет, опять те же вопли голодных женщин и детей: «дайте хлеба», но движение уже усиливается, к нему все больше и больше примыкают рабочие, и, несмотря на преграды при переходах через Неву и на улицах, ведущих из рабочих кварталов, к вечеру на Невском проспекте можно было наблюдать групповые демонстрации.

торая затем примкнула к «Союзу 17 октября». Член ЦК партии октябристов (с 1905) и участник всех съездов партии. Член Государственного совета по выборам от Екатеринбургского земства (21.4.1906–31.10.1907), входил в группу центра. В III Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», товарищ председателя, председатель бюро фракции (с 1910). Председатель Государственной думы (с 22.3.1911). В IV Думе входил во фракцию «Союза 17 октября», а после ее раскола (декабрь 1913 — январь 1914) — во фракцию земцев-октябристов. Председатель Государственной думы. Член Совета старейшин. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (17.8.1915). Один из лидеров прогрессивного блока. В дни Февральской революции возглавил ВКГД (с 27.2.1917). Участник совещания (3.3.1917) в Петрограде с великим князем Михаилом Александровичем, в ходе которого настаивал на его отказе от восприятия верховной власти. Член Совещания общественных деятелей (8–10 августа 1917, Москва), председатель Совета общественных деятелей. Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва). Принимал участие в Белом движении. В 1920 эмигрировал, жил в Югославии.

¹ Голицын Николай Дмитриевич (31.3.1850–2.7.1925) — председатель Совета министров. Князь. Окончил Александровский лицей (1871). Член Государственного совета (с 24.11.1915); назначен к присутствию (с 1.1.1916); входил во фракцию правых. Председатель Совета министров (с 27.3.1916). Арестован 4.3.1917 уголовником М.М. Оверком по приказу коменданта Петрограда депутата IV Государственной думы Л.И. Пушина. Давал показания ЧСК. После проведения следствия освобожден. От политической деятельности отошел. После октября 1917 остался в Советской России. В 1917–1925 подвергался арестам. Последний раз арестован 12.2.1925 в связи с «Делом лицейстов». По постановлению Коллегии ОГПУ от 22.6.1925 расстрелян. Реабилитирован в 2004.

25 февраля. Движение принимает широкие размеры: не вышли газеты, приостановилось трамвайное движение, прекратили работу фабрики и заводы, и организованный пролетариат, преодолев все преграды, вышел на улицу. На Невском проспекте часа в 2 дня я видел грандиозную демонстрацию. Рабочие и учащиеся высших учебных заведений стройно шли по Невскому проспекту с красными знаменами, лозунгами на них. Всякие эксцессы прекращались; организованный пролетариат сам следил за порядком, предупреждая всякую возможность погромов и грабежа. На углу Невского проспекта и Литейного пути демонстрантам преградили донские казаки. Вооруженные с головы до ног, они стояли поперек Невского проспекта сплошной стеной. Жуткая это была картина: безоружные жители против вооруженной стены — неведомо, друзей или врагов. Народное чутье подсказало еще в предыдущие дни дружественную тактику по отношению к войскам: демонстранты, все ближе и ближе подходя к казакам, наконец, вплотную придвинулись к ним, внедряясь, протискиваясь в казацкие ряды, бросают в воздух шапки, машут платками и тысячами ртов кричат «ура». Грандиозная овация казачеству! И казаки теснятся, расступаются по сторонам — демонстранты просачиваются через казацкие ряды и идут дальше. Преодолев другие препятствия, они подошли к Знаменской площади и устроили здесь грандиозный митинг. Приятно и в то же время жутко находиться в этой массе, активно выступившей и исчисляемой, по приблизительному определению, в несколько десятков тысяч человек: кругом стоят войска, а в середине с памятника Александру III, который служит трибуной, льются речи восстания. Говорят, главным образом, рабочие, мужчины и женщины, призывают товарищей к единению и дружной борьбе, указывают пути спасения родины. Вот отряд солдат, предводимый молодым офицером, строится в боевой порядок и, с ружьями наперевес, идет в толпу. Толпа раздвигается, пропускает солдат, они проходят площадь и, дойдя до Николаевского вокзала, по команде поворачивают обратно, вновь проходят толпу, и возмущенный военачальник, при общих насмешках, а то и негодовании, занимает прежнее место. Вот отдаются приказы казакам: «Шашки вон! Рысью, марш!» Казаки выезжают, но, приветствуемые со всех сторон, не думают разгонять бунтовщиков. Вот конный полицейский пристав¹, возмущенный таким поведением войск, сам врывается в толпу и начинает работать шашкой; появляются окровавленные, раздаются стоны раненых. Народ стаскивает «фараона» с лошади, и тут ему конец². Большие услуги оказали казаки, отказываясь разгонять народ: они не давали ходу полицейским. И ни провокационные выстрелы, ни сигнальные рожки к стрельбе, ни работа нагайкой и шашкой полицейских — ничто не могло остановить стройности митинга. Речи

¹ Крылов Михаил Евгеньевич (3.8.1877–25.2.1917) — и.д. пристава 1-го участка Александро-Невской части. Окончил Пажеский корпус по 1-му разряду. Корнет л.-гв. Уланского полка (с 1897). Зачислен в запас гвардейской кавалерии (1899). Канцелярский чиновник Санкт-Петербургской конторы Государственного банка (с 1900). В штате столичной полиции (с 1905). Поручик (1908). Штабс-ротмистр (1912). Ротмистр (1916). См. о М.Е. Крылове подробн.: *Родин Н.В. «Пристав Крылов»: опыт историографической идентификации и материалы к биографии* // Санкт-Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 77–99.

² См. об убийстве М.Е. Крылова подробн.: *Николаев А.Б. Из истории революции 1917 года в Петрограде: начальник милиции Обуховского завода Сысоев — самозванец или жертва борьбы за власть?* // *Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории: Сб. научных и учебно-методических трудов* / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. С. 195–198.

не прекращались, раздавались овации по адресу говоривших, и строго охранялись красные знамена.

По окончании митинга демонстранты двинулись обратно по Невскому проспекту. Шли организованно, мирно, лучшим показателем чего является производившаяся торговля во всех магазинах, в магазинах с предметами роскоши и предметами необходимости, а около булочных также мирно стояли большие хвосты, ожидая, пока выйдет хлеб из печей, как и в былые дни. Пройдя значительную часть Невского проспекта, демонстранты около Городской управы заметили конный отряд, но построенный спинами к демонстрантам. Он не возбудил опасений: казалось, что вот-вот он поедет по тому же направлению впереди толпы. Но когда манифестация приблизилась к отряду, драгуны спешились, раздалась команда, и ударил залп. Он сделал свое дело: пали убитые и раненые; вся масса, в целях самосохранения, также пала ниц. По ним, по лежащим, стреляли опять и опять; раздались стоны раненых, полилась кровь. Нужно было подобрать раненых и оказать им помощь — стреляли и по подбиравшим. Под этим ружейным огнем демонстранты провели несколько жутких минут, один по одному, перебежкой, сгрудились по сторонам около Гостиного двора и на Михайловской улице. Стояли там с затаенной злобой, беспомощные, обсуждая свое положение. А по Невскому проспекту в это же время скакали драгуны с пиками наперевес, жандармы с обнаженными пашками и торжествовали свою победу.

Овации и приветствия, наблюдавшиеся в первые дни движения по адресу всех воинских чинов: офицеров, солдат, казаков и матросов, с этого момента сменились криками проклятия, и по адресу всех военных раздавалось уже: «убийцы», «предатели».

После, вечером, часов около десяти, на Знаменской площади вновь состоялся небольшой митинг, но с наступлением ночи все разошлись.

26 февраля, в воскресенье, на улицах Петрограда, и особенно в рабочих районах, был расклеен напечатанный крупными буквами приказ командующего войсками ген. Хабалова, что им подтверждено войскам употребить силу и действовать беспощадно¹. Через домовую прислугу в то же время было объявлено всему населению Петрограда, чтобы не выходили на улицу, а в некоторых домах просто замыкались парадные двери. На Невском проспекте, Знаменской площади, Казанской площади и в других местах Петрограда были расставлены воинские части. На улицах и в[о] дворах стояли пулеметы, видны были усиленные наряды войск и полицейских. Утром же, 26 февраля, начался расстрел всех направо и налево. Стреляли в группы, если таковые показывались, стреляли в одиночек. Очистив Невский, открыли стрельбу вдоль проспекта; если показывался мальчик из магазина с покупками, стреляли в него, и по всем, кто бы ни показывался на Невском или прилегающих улицах, открывалась стрельба. Мне рассказывали случай: солдат, получивший долгожданный отпуск, спешил на вокзал, чтобы поехать домой; по дороге к вокзалу он встретил на пути цепь солдат, и те пропустили его на вокзал, но все же он пал мертвым от пули второй цепи, расположенной в другом месте.

¹ «Последние дни в Петрограде произошли беспорядки, сопровождающиеся насилиями и посягательствами на жизнь воинских и полицейских чинов. Воспрещаю всякое скопление на улицах. Предваряю население Петрограда, что мною подтверждено войскам употреблять в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка в столице» (Приведено по: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 168).

Весь день, 26 февраля, Петроград представлял собой военный лагерь. Знаменскую площадь и все местности, прилегающие к Невскому проспекту, оцепили войска. По всем направлениям свистели зловещие пули, и люди падали мертвыми и ранеными.

И как-то особенно больно было на душе. Казалось, что все те надежды, которые проснулись в предыдущие дни, все надежды, которые вселила организованность и стройность движения, вся вера в вырвавшийся наружу гнев народа и его сознательность, казалось, что все это рухнуло, что пролетариат одинок, что вновь передовым людям предстоит упорная и тяжелая борьба с полицейским режимом, борьба мирных невооруженных людей против штыков и пулеметов.

И в то время, когда на Невском проспекте и на других улицах предательски расстреливался народ, когда старое правительство еще держало в своих руках власть, в казармах Петроградского гарнизона росло возмущение, обсуждались способы действий. В «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов» их подвиг описан так: «С беззаветной храбростью, почти безоружные, так как на всю роту было около тридцати винтовок и не более сотни патронов, вышли они около пяти часов вечера из помещения роты, дав клятву друг другу или умереть, или победить. Расстреляв все патроны в конную полицию на Екатерининском канале, солдаты 4-й роты вынуждены были забаррикадироваться в своей ротной казарме. Около семи часов вечера казармы этой роты и всего полка были окружены железным кольцом пулеметов царского правительства. Безоружные, отрезанные от внешнего мира и окруженные зловещей неизвестностью, они не падали духом и тогда, когда в ночь на 26 и 27 февраля, около 4 часов утра, были взяты из роты арестованными и отведены под усиленным конвоем в Петропавловскую крепость 19 храбрых товарищей. Их рассадили по казематам Трубецкого рavelина»¹.

Так прошли день 26 февраля и ночь на 27 февраля.

А 27 февраля утром, когда мы — депутаты — пришли в Таврический дворец, то узнали, что и Государственная дума уже распущена. Указ о роспуске Думы, подписанный 25 февраля, стал известен членам Думы лишь 27 февраля утром.

Но утром же 27 февраля разнеслась по Петрограду и, в первую очередь, пришла в Таврический дворец другая весть о том, что солдаты осознали свой долг, и что Волынский полк первый из других полков восстал и поднял знамя Великой Российской Революции. В сознании всей лежащей на них ответственности волынцы, одни солдаты, без офицеров, предприняли самостоятельные шаги. В первую очередь, они расправились с руководителями своей учебной команды, которые накануне на Невском проспекте расстреливали народ. Офицер, руководивший расстрелом накануне, был убит²,

¹ А.И. Рыслев здесь вольно изложил текст обращения от 4.3.1917, адресованный солдатам 4-й роты запасного батальона л.-гв. Павловского полка, которое было опубликовано в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» 10.3.1917. Обращение подписано присяжным поверенным С. Богоявленским и заверено секретарем батальонного комитета рядовым Савельевым.

² Лашкевич Иван Степанович (1891–27.2.1917) — штабс-капитан. Окончил Полтавский кадетский корпус, в 1911 г. — Александровское военное училище. Направлен в чине подпоручика в л.-гв. Волынский полк. 1914 — май 1916 г. — на фронте. После ранения направлен в запасной батальон л.-гв. Волынского полка. Командир учебной команды (с августа 1916), штабс-капитан (сентябрь 1916). Утром 27.2.1917 убит восставшими солдатами-волынцами.

власть остальных была парализована. Вел волынцев фельдфебель Тимофей Кирпичников¹. Своим примером они указали путь другим полкам, увлекли их за собой и совместно с восставшими вслед Преображенским, Литовским и др. полками разбили на отряды, сразу предприняв боевые меры. Все попадавшиеся им грузовые и легковые автомобили, были ли то частные или военные, безразлично, они конфисковали, нужны были перевозочн[ые] средства. Они остановили автомобиль, в котором ехал член Думы Виноградов². Остановив его, они потребовали отдать [автомобиль] в их распоряжение, когда же узнали, что едет член Думы, то сказали: «Членов Думы не задерживаем, но нам необходим автомобиль, нужно подвозить патроны, оставьте шофера в автомобиле и оставьте его нам; минует крайняя надобность, и мы вернем автомобиль». Действительно, через некоторое время Виноградову позвонил шофер: автомобиль, на котором были перевезены патроны, вслед за тем освобожден и находится дома. У депутата Титова³ на Троицком мосту был остановлен автомобиль, солдаты потребовали

¹ Кирпичников Тимофей Иванович (1892–1918) — старший унтер-офицер учебной команды запасного батальона л.-гв. Волынского полка. Инициатор восстания солдат-волынцев утром 27.2.1917. Согласно приказу за № 120 от 1.4.1917 командующего Петроградским военным округом генерала Л.Г. Корнилова произведен в подпрапорщики и награжден «Георгиевским крестом» 4-й степени. Награду вручил командующий 3-й гвардейской резервной бригадой полковник В.В. Голицын. 7.5.1917 произведен в прапорщики. В 1918 бежал на Дон. Расстрелян по приказу генерала А.П. Кутепова. См. о Т.И. Кирпичникове подробн.: Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников: краткая биография «первого солдата революции» // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 16 марта 2012 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), А.В. Аранович. СПб., 2013. С. 116–145.

² Виноградов Владимир Александрович (1874–1934) — член III и IV Государственной думы от Астраханской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета (1898). В III и IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию. Кандидат в члены-заместители Совета старейшин IV Думы. Избран на VI съезде конституционно-демократической партии в ЦК (февраль 1916). Массон. Комиссар ВКГД по Министерству финансов (с 28.2.1917), в Особом совещании по топливу (с 1.3.1917). С 6.3.1917 товарищ министра путей сообщения Временного правительства; комиссар Временного правительства над Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения на правах товарища министра (7.3–6.10.1917), соответствующие полномочия получил от ВКГД (13.3.1917). Избран Уфимским Государственным совещанием в состав Уфимской директории заместителем к Н.И. Астрову (23.9.1918). Заместитель председателя Временного всероссийского правительства (с 4.11.1918). Член Государственного экономического совещания при правительстве адмирала А.В. Колчака (лето 1919). Член Народного собрания во Владивостоке и коалиционного кабинета Приморского правительства (1920). В марте 1923 арестован и этапирован в Москву. В дальнейшем на различных государственных должностях. 2.12.1930 арестован в рамках «Госбанковского дела». Приговорен к 5 годам ИТЛ.

³ Титов Иван Васильевич (18.2.1879–18.10.1948) — член III и IV Государственной думы от Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию. Рукоположен в священники и определен к Кунгурскому собору (в 1891). В III Думе — независимый, а затем — член фракции прогрессистов, секретарь фракции. Летом 1912 подал прошение об освобождении его от священнических обязанностей. В IV Думе входил во фракцию прогрессистов, секретарь фракции. Член Совета старейшин. Комиссар ВКГД в Министерстве финансов (с 28.2.1917). Заведующий Кабинетом его величества, предварительное переданным в ведение Министерства финансов (с 4.3.1917). Комиссар Временного правительства по обследованию хозяйственной части бывшего Министерства императорского двора и уделов. Радикальный демократ (с конца марта 1917). После октября 1917 в эмиграции. Жил во Франции.

предъявления документа, а действительно ли он член Государственной думы, а затем, спросив, от какой губернии и к какой фракции принадлежит, только тогда разрешили ехать дальше, правда, не взяв автомобиля. Снимая полицейские посты, преодолевая сопротивление, восставшие вышли к Арсеналу, быстро сломили охрану и заняли его, а вслед затем и Главное артиллерийское управление. Заведующий складами Арсенала генерал Матусов был убит¹. Получив в свои руки достаточное количество пулеметов, винтовок, патронов и другого боевого материала, солдаты вооружили весь восставший народ. Всем, кто хотел, давались винтовки или револьвер[ы] и достаточное количество патронов. Увеличив таким образом свои ряды, солдаты шли дальше. Шли к тюрьмам и освобождали политических заключенных, шли к учреждениям, снимали полицейскую охрану и всюду ставили свою, заняли мосты и вокзалы.

Во 2-м часу дня в Таврический дворец приехали руководившие уже на улицах Петрограда движением трудовики (внедумские) Бельский и Войцеховский и обратились к большинству Думы с вопросом: «Что намерены теперь делать? Теперь Вы можете взять власть в свои руки. Теперь или никогда!» Вскоре подошел к Государственной думе отряд революционной армии, сопровождаемый вооруженным народом.

Подойдя к Таврическому дворцу, революционные войска сняли наружный караул (у Таврического как здания, принадлежащего Дворцовому ведомству, наружная охрана была дворцовая). Караульного начальника, вступившего в пререкания, ранили ружейной пулей² и поставили свою охрану. Раненого караульного на руках внесли через главный подъезд в Таврический дворец, где во врачебном кабинете ему была оказана помощь. Государственная дума, официально уже распущенная, но фактически находившаяся в Таврическом дворце, ожидала этого прихода, но к нему не приготовилась. Навстречу подошедшим войскам и народу вышли члены Государственной думы, главным образом, из левых фракций — А.Ф. Керенский³, Н.С. Чхеид-

¹ Об убийстве генерала Матусова вспоминал не только А.И. Рыслев. В прессе об этом убийстве сообщалось так: «Еще утром, перешедшими на сторону народа войсками, после непродолжительного сопротивления, взяты Арсенал и Главное артиллерийское управление. Убит заведующий складами Арсенала генерал Матусов» (Взятие Арсенала и Главного артиллерийского управления // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 27 февраля (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»). А.Г. Шляпников тоже писал об убийстве Матусова: «Напротив Орудийного завода был убит генерал Матусов» (Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн. 1–2. С. 137). Личность генерала Матусова установить не удалось. Можно предположить, что речь идет о начальнике Орудийного завода генерал-майоре Н.И. Матафанове. Матафанов Николай Иванович (4.3.1865–27.2.1917) — генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Выпущен подпоручиком (1883) в 38-ю артиллерийскую бригаду. Генерал-майор (1911). Начальник Петроградского орудийного завода (с 13.3.1916). Убит в Петрограде во время Февральской революции. Исключен из списков умерших 1.6.1917.

² Речь идет о М.К. Медведеве. Медведев Михаил Константинович — прапорщик 86-й пешей Вологодской дружины. До призыва на военную службу работал контролером 1-го разряда в Петроградской конторе Государственного банка. 27.2.1917 — начальник военного караула при Таврическом дворце. В результате ранения, полученного 27.2.1917 у Таврического дворца, ему была ампутирована рука. 4.4.1917 Медведеву как жертве революции ВКГД выдал пособие в размере 1000 рублей.

³ Керенский Александр Федорович (22.4.1881–11.6.1970) — член IV Государственной думы от Саратовской губернии. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1904). В IV Государственной думе входил во фракцию трудовиков, лидер

зе¹ и некоторые другие, и обратились к солдатам и народу с приветственными речами. Появление депутатов и речи их были встречены громким «ура».

Депутаты призывали восставших товарищей к дружной работе и решительным действиям против старой власти. Говорили о том многом, что нужно еще сделать; указывали, куда пойти, что занять, кого арестовать и т.д. Революционные войска и вооруженный недисциплинированный народ представляли тогда еще нестройную массу. Усталые, замерзшие и голодные, они осознавали всю трудность начатого ими дела, выслушав речи, прокричав «ура», они, имея мало руководителей, стояли беспомощными. Пришлось Керенскому и другим депутатам разбить их на отряды, найти руководителей и направить куда следовало. Мне особенно памятна картина: на обращение Керенского — [«] кто пойдет во главе?» — из толпы показалась фигура в черном пальто в военной фуражке и на костылях на обе ноги — пожилой поручик в отставке. Он вызвался быть руководителем одного из отрядов. Керенский предложил ему идти в Жандармское управление, занять его и арестовать жандармов. Безногий седой поручик сразу же по-военному скомандовал в толпу, вызвал

фракции. Член Совета старейшин Государственной думы. Масон: состоял в «Великом Востоке народов России» (ВВНР) с 1911 или 1912 г.: после Конвента 1912 г. был кооптирован в Верховный Совет ВВНР; член думской ложи; член ложи В.А. Виноградова (1914); через Керенского поддерживалась связь масонов с эсерами (1915–1916); Генеральный секретарь ВС ВВНР в 1916 и начале 1917; член Конвента 1916 от Петрограда. В дни Февральской революции совмещал членство во Временном комитете Государственной думы и пост заместителя председателя Петроградского Совета рабочих депутатов (с 1.3.1917 Совет рабочих и солдатских депутатов). Инициатор создания и первый руководитель Военной комиссии, игравшей роль штаба революции. Соединил ВК ВКГД и советскую Военную комиссию вечером 27.2.1917. В марте 1917 вступил в партию эсеров. Министр юстиции и генерал-прокурор в первом составе Временного правительства, военный и морской министр (май–сентябрь 1917), министр-председатель (8.7.1917), верховный главнокомандующий (с 30.8.1917). В сентябре 1917 возглавил Директорию и 3-й коалиционный кабинет. 25.10.1917 покинул Петроград с целью организовать сопротивление большевикам, захватившим власть. 31.10.1917, используя казачьи части 3-го корпуса под командованием генерала П.Н. Краснова, предпринял неудачную попытку прорваться в Петроград. Находился на нелегальном положении. Член Учредительного собрания. Эмигрант (1918). С 1940 жил в США.

¹ Чхеидзе Николай Семенович (псевд. Карло) (9.3.1864–7.6.1926) — член III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии. Вольнослушатель Новороссийского университета (с 1887), затем некоторое время обучался в Харьковском ветеринарном институте, который покинул во время студенческих волнений (1888). Окончил Горную академию в Австрии, держал экзамен при горном округе в Баку. Входил в группу «Месаме-Даси» («Третья группа»), вместе с ней вошел в РСДРП (1898). Меньшевик (1903). В III Думе входил в социал-демократическую фракцию. Масон (с 1910), член думской ложи. Делегат IV общепартийной конференции РСДРП (Гельсингфорс, ноябрь 1907). Член ОК РСДРП (август 1912). В IV Думе — председатель социал-демократической фракции, а после ее раскола в ноябре 1913 возглавил меньшевистскую фракцию. Член Совета старейшин. Во время Февральской революции вошел в состав Временного Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов, был избран во Временный комитет Государственной думы. Член Исполкома Петроградского Совета и его председатель (27.2–31.8.1917). Делегат Всероссийской конференции меньшевиков и объединенных организаций РСДРП (май 1917), избран в ОК. Делегат I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, член ВЦИК I созыва, его председатель (с июня 1917). Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва). Член Всероссийского Демократического совещания (14–22 сентября 1917, Петроград). Член Временного Совета Российской республики (Предпарламента) (7–25 октября 1917, Петроград). Депутат Учредительного собрания. Председатель Закавказского сейма (1918), председатель Учредительного собрания Грузии (1919). Эмигрант (1921). Жил в Париже.

желающих составить третий отряд¹, построил его, насколько было возможно, из разрозненных солдат и необученных строю рабочих и на костылях, впереди отряда, пошел исполнять опасное ответственное дело. Через несколько часов этот поручик на своих костылях возвратился к Таврическому дворцу, вызвал члена Думы Керенского и по-военному ему отрапортовал: «Член Думы Керенский! Я арестовал в полном составе Жандармское управление, привел его сюда. Перед Вами все чины Управления, а это в солдатской шинели жандармский начальник², в таком виде он хотел скрыться».

После прихода к Таврическому дворцу восставших войск члены Государственной думы собрались в полуциркульном зале на совещание. Заметна была растерянность, неподготовленность и в то же время чувствовалась необходимость срочных мер. На совещании первым выступил Некрасов³. Он пред-

¹ В действительности А.Ф. Керенский имел отношение к формированию не менее четырех отрядов для выполнения его устных приказов днем — вечером 27 февраля: 1) об аресте всей полиции; 2) об аресте царских сановников; 3) о занятии Охранного отделения; 4) о занятии Петроградского губернского жандармского управления, о котором писал в своих воспоминания А.И. Рыслев. Относительно авторства первого приказа точных сведений нет, но скорее всего именно Керенский отдал его.

² Речь идет о начальнике Петроградского ГЖУ И.Д. Волкове. Волков Иван Дмитриевич (12.2.1854–27/28.2.1917) — генерал-лейтенант, начальник Петроградского губернского жандармского управления. Окончил Виленское пехотное училище. Прaporщик 108-го пехотного Саратовского полка (1872). Подпоручик (1873). Поручик (1876). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. Штабс-капитан (1879). Переведен в Отдельный корпус жандармов (1880). Адъютант Виленского губернского жандармского управления (ГЖУ) (с 1880). Ротмистр (1886). Подполковник (1895). Начальник Терского ГЖУ (с 1899). Полковник (1899). Начальник Витебского ГЖУ (с 1900). Начальник Екатеринославского ГЖУ (с 1902). Начальник Лифляндского ГЖУ (с 1903). Генерал-майор (1907). Начальник Петроградского ГЖУ (с 1915). Генерал-лейтенант (1915). Арестован восставшими вечером 27.2.1917, доставлен в Таврический дворец. Содержался в Мнистерском павильоне, где и был заколот в ночь на 28.2.1917 кем-то из солдат, охранявших павильон (Волков Иван Дмитриевич // Офицеры русской императорской армии [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: [³ Некрасов Николай Виссарионович \(21.10.1879–7.5.1940\) — член III и IV Государственной думы от Томской губернии. Окончил Институт инженеров путей сообщения \(1902\). Профессор Томского технологического института. В III Думе входил в конституционно-демократическую фракцию, товарищ \(заместитель\) председателя фракции. Машон. В IV Думе входил в конституционно-демократическую фракцию, товарищ председателя фракции \(1912–1915\). Товарищ председателя Государственной думы \(5.11.1916–16.3.1917\). Член-заместитель Совета старейшин. Входил в состав бюро прогрессивного блока. Машон. В разных составах Временного правительства занимал посты министра путей сообщения, министра без портфеля, министра финансов, товарища министра-председателя. На посту министра путей сообщения \(2.3–2.7.1917\) пытался провести реформы, направленные на «демократизацию всего ведомственного строя» и децентрализацию управления. В период июльского кризиса вышел из партии кадетов. 8.7.1917 стал заместителем \(товарищем\) министра-председателя Временного правительства. Подал в отставку вслед за А.Ф. Керенским \(21.7.1917\) в целях получить согласие ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов на вхождение кадетов в состав Временного правительства. Вошел в новое коалиционное правительство как представитель российской радикально-демократической партии: с 24.7.1917 — заместитель министра-председателя и министр финансов. Член Государственного совещания \(12–15 августа 1917, Москва\). В самом начале корниловского движения пообещал полную поддержку А.Ф. Керенскому. С участием Некрасова вечером 27.8.1917 была составлена радиogramма к железнодоро-](https://www.ria1914.info/index.php/Волков_Иван_Дмитриевич; Ремнева С.В. Начальник Петроградского губернского жандармского управления Иван Дмитриевич Волков: фрагменты биографии и фотопортрет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). С. 45–53).</p>
</div>
<div data-bbox=)

ложил немедленно же поставить во главе движения одного из приемлемых генералов и назвал фамилию генерала Маниковского¹, бывшего начальника Артиллерийского управления, а ныне помощника военного министра, предлагал образовать при этом Комитет членов Государственной думы и, таким образом, создать руководящий орган. Это предложение другими членами Думы было отвергнуто, так как, по их мнению, Маниковский мог бы превратиться в диктатора, прикрывшись в то же время авторитетом Государственной думы. Прогрессист² Сидоров³ предложил Думе спросить с[оциал]-д[емократов] и трудовиков и их мнение положить в основу. Октябрист⁴ Коваленко⁵ находил

рожникам, в которой содержался призыв не исполнять распоряжения Л.Г. Корнилова. Вечером 28.8.1917 на заседании Временного правительства поддержал мнение министров А.С. Зарудного и М.И. Терещенко о необходимости отставки А.Ф. Керенского, чтобы предотвратить вооруженное столкновение. Эта позиция привела к отставке Некрасова, которая была официально принята утром 31.8.1917. В первых числах сентября назначен генерал-губернатором Финляндии. После Октябрьской революции жил и работал в Уфе под именем В.А. Голгофского, в Казани (с 1919), служащий Наркомпрода. В марте 1921 арестован, но вскоре освобожден. В 1921–1930 — член правления Центросоюза РСФСР и СССР. Н.В. также занимался преподавательской деятельностью. В 1930-х подвергался репрессиям. В 1930 приговорен к 10 годам заключения по делу ЦК РСДРП (меньшеви́ков), досрочно освобожден в марте 1933. В 1939 вновь арестован. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР (7.5.1940). Реабилитирован в 1991.

¹ Маниковский Алексей Алексеевич (13.3.1865 — октябрь 1920) — генерал от артиллерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886). Выпущен подпоручиком (14.8.1884) в 38-ю артиллерийскую бригаду. Поручик (1888). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1891). Генерал-лейтенант (1913). Начальник ГАУ (с 24.5.1915). Генерал от артиллерии (1916). Помощник военного министра А.И. Гучкова (с 6.3.1917), вр.и.о. управляющего Военным министерством (с 30.4.1917), затем — товарищ военного министра по снабжению. 25.10.1917 арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства. Вскоре освобожден, 30.10.1917 вернулся к исполнению своих обязанностей. 20.11.1917 вновь арестован, а 30.11.1917 вновь освобожден из-под ареста. Служил в РККА: начальник Артиллерийского управления, Управления снабжений РККА, член Артиллерийского комитета и Военно-законодательного совета. В ноябре 1919 согласился занять должность уполномоченного Совета военной промышленности на Туркестанском фронте, состоял в распоряжении командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. В октябре 1920 во время поездки по служебным делам погиб при железнодорожной катастрофе близ Харькова.

² Прогрессист — фракционность указана ошибочно.

³ Сидоров Александр Павлович (23.8.1875 — после мая 1917) — член IV Государственной думы от Самарской губернии. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Служил в л.-гв. Казачьем полку. Учился в Академии Генерального штаба, проучившись 1 год, покинул ее по семейным обстоятельствам. Вышел в отставку есаулом (в 1903). Поселился в своем имении в Самарской губернии. Гласный Бузулукского уездного земства (с 1910). Землевладелец. В Думе примыкал к фракции прогрессистов, затем — независимый. Работал в думских комиссиях: по военным и морским делам, по местному самоуправлению. После Февральской революции выполнял поручения ВКГД. 2.5.1917 командирован ВКГД по просьбе Военного министерства (вместе с думцами В.А. Ржевским и Д.Н. Сверчковым) на артиллерийские склады «для сношения с рабочими». 3.5.1917 получил полномочия для поездки на Томыловский артиллерийский склад (станция Иващенко, Самаро-Златоустовская железная дорога). Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴ Октябрист — фракционность указана ошибочно.

⁵ Коваленко Михаил Иванович (8.11.1872–10.1.1918) — член IV Государственной думы от Полтавской губернии. Окончил Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства со званием агронома I степени. В IV Думе сначала беспартийный, а затем входил во фракцию центра. 15.3.1917 командирован Временным комитетом Государственной думы (вместе с членом Государственной думы Н.Е. Пилипенко и тремя

также необходимым немедленно вмешаться и стать во главе движения. Националист¹ Шульгин² говорил, что на вопрос солдат: «с ними ли мы?» — надо ответить прямо и честно, но при этом определенно тоже сказать, что если они за войну, то мы с ними, если они против войны, то мы не с ними. Милюков, бледный и волнуемый, обратился к членам Думы с большой речью, суть которой заключалась в том, что еще неизвестно соотношение сил, неизвестно еще, насколько глубоко это движение, какой отклик найдет оно в стране и на фронте, а потому принимать сейчас какие-либо определенные решения и становиться во главе преждевременно, необходимо выждать. Милюкову дал надлежащий ответ трудовик Дзюбинский³. Он назвал такое поведение политического деятеля позорным и недопустимым, говорил, что медлить нельзя ни одной секунды, необходимо немедленно стать во главе, предотвратить

делегатами от Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) в 171-й пехотный полк, расквартированный в Красном Селе. Все недоразумения между солдатами и офицерами были устранены. В апреле 1917 находился в Полтавской губернии. В 20-х числах апреля создал в Константиноградском уезде «Союз хлеборобов-собственников», который выразил полное доверие Временному правительству, отверг всякий насильственный захват земли и признал необходимость обеспечения крестьянства землей на началах отчуждения по справедливой ее оценке. Убит большевиками в своем имении в Константиноградском уезде.

¹ Националист — фракционность указана ошибочно.

² Шульгин Василий Витальевич (1.1.1878–13.2.1976) — член II, III и IV Государственной думы от Волынской губернии. Окончил юридический факультет Киевского университета (1900). Во II Думе входил в группу правых и умеренных. В III Думе входил во фракцию правых (с 18.2.1908 член бюро); в середине марта 1911 перешел в русскую национальную фракцию. Член Всероссийского национального клуба (с 1909), член Совета клуба ВНС (1910), член Главного совета ВНС. Действительный член «Русского собрания» (1910–1913); входил в состав его Совета (7.3.1910–24.4.1911), 2-й товарищ председателя (8.3.1910–12.2.1911). Участвовал в деятельности Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела, член Комиссии по составлению «Книги русской скорби» и «Летописи погромов смутных 1905–1907 годов». В IV Думе входил во фракцию русских националистов и умеренно-правых, с 13.8.1915 — товарищ председателя фракции прогрессивных националистов. Член Совета старейшин. Член бюро прогрессивного блока от фракции прогрессивных националистов. Редактор газеты «Киевлянин» (1913–1919). Член ВКГД (с 27.2.1917). Вместе с А.И. Гучковым ездил в Псков к императору Николаю II и принял Манифест об его отречении от престола в пользу великого князя Михаила Александровича (2.3.1917). Участник совещания (3.3.1917) в Петрограде с великим князем Михаилом Александровичем, в результате которого последний отказался от восприятия верховной власти впредь до решения Учредительного собрания; принимал участие в подготовке и редактировании акта Михаила Александровича. Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва). После прихода большевиков к власти активный участник Белого движения: один из организаторов Добровольческой армии. В 1920 эмигрировал вместе с войсками П.Н. Врангеля в Турцию. В 1944 был арестован в Югославии и депортирован в СССР, осужден. В 1956 освобожден.

³ Дзюбинский Владимир Иванович (22.9.1860–30.6.1927) — член III и IV Государственной думы от Тобольской губернии. В III Думе — трудовик, товарищ председателя фракции. В IV Думе — председатель фракции трудовых. Руководитель сибирской группы. Участник I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (4.5–28.5.1917). Член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Делегат I Всероссийского съезда трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) (21.6–23.6.1917). Избран в ЦК ТНСП. Летом 1917 выехал в Пятигорск. Работал в Пятигорской городской управе и Пятигорском отделении Государственного банка. В 1920 вернулся в Москву. Заведовал Лефортовским архивом, а затем служил в Наркомфине.

возможность анархии и успокоить население и войска. Трудовик Янушкевич¹, вбежавший в зал с улицы, обратился к членам Думы: необходимы немедленные решения, не время споров и теоретических рассуждений; солдаты охраняют вас и ждут. Солдаты вошли уже в Таврический дворец, в круглый зал; если вы будете медлить, они придут сюда. Некоторые члены Думы хотели узнать мнение Чхеидзе и Керенского, но они были на дворе с солдатами. Вбежал в зал А.Ф. Керенский и, не вступая в рассуждения о своевременности или несвоевременности вмешательства в события, предложил немедленно же поехать, ему или кому другому из авторитетных крайних левых, на автомобиле по улицам Петрограда, призвать восставшие войска к бодрости и спокойному продолжению начатого дела, иначе начнется анархия, возможны погромы и грабежи. В это же время вбегает в зал заседания офицер: он ищет здесь спасения и защиты. Это командир роты, которая несла службу по охране казначейства Таврического дворца². Теперь солдаты грозят арестовать его, если он не примкнет к ним. Чхеидзе просто решает — выбирайте сами: или с революционными войсками, или арест. Председатель Думы Родзянко велит отвести офицера в свой кабинет, пока выяснится, как с ним поступить. Восстановив порядок, Родзянко предлагает продолжать заседание. Но рассуждать дальше уже нельзя, необходимо принимать решение, но ввиду многогласия в большом заседании сделать это не так-то скоро, поэтому поручают Совету старейшин наметить план и его вынести на решение Думы.

Крайних правых членов Госуд[арственной] думы в это время в Думе не было. Очевидно, предупрежденные о роспуске Думы, они не показывались с 25 февраля.

Совет старейшин принял решение весьма быстро, через час вновь собрал членов Государственной думы на совещание и предложил избрать Временный комитет из двенадцати намеченных Советом лиц. События идут таким темпом, что разговаривать было некогда. Родзянко спрашивает: «Согласны ли с постановлением Совета?» Ответ: «Согласны». «Отводов нет?» — «Нет». Таким образом, Комитет считается выбранным. Никаких баллотировок при этом не производилось. Комитет был образован с узкими в начале директивами:

¹ Янушкевич Николай Осипович (29.11.1886–4.12.1942) — член IV Государственной думы от Ковенской губернии. Окончил в С.-Петербурге Введенскую классическую гимназию (1904). В IV Думе входил в трудовую группу. Член Совета старейшин. Член Бюро Совета представителей национальностей Государственной думы (март 1917). Введен во ВЦИК как представитель партии социалистов-народников Литвы (июнь–октябрь 1917). Член Государственного совещания (12–15.8.1917, Москва). Член Всероссийского Демократического совещания (14–22.9.1917, Петроград). Член Временного Совета Российской республики (Предпарламента) (7–25 октября 1917, Петроград). После Октябрьской революции остался в Советской России. Делегат IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (14.3–16.3.1918); избран членом ВЦИК. Вернулся в Литву. Работал в «Фонде прессы».

² Чиколени Александр Александрович (1872 — после 1917) — зауряд-капитан 86-й Вологодской дружины Государственного ополчения. Учился на юридическом факультете Московского университета. Командир роты, охранявшей 27.2.1917 Таврический дворец. Член Военной комиссии ВКГД (28.2–10.5.1917). 4.3.1917 подписывал документы как помощник военного министра, а затем как управляющий делами ВК ВКГД. В проекте реформы ВК ВКГД, который был предложен 11.3.1917 на заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов группой офицеров-республиканцев, проходил как член основного ядра Комиссии. В ноябре 1917 — помощник комиссара Московского военного округа Н.И. Муралова. По непроверенным данным в 1918–1919 служил в ЧК (*Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013. P. 70–71*).

«для водворения порядка в Петрограде и для сношений с организациями и лицами»¹. С такими полномочиями Комитет Государственной думы приступил к делу и в продолжение ближайших дней действовал самостоятельно, как того требовал ход событий, без подкрепления и расширения полномочий, для чего не было ни времени, ни возможности.

Решение Государственной думы и список членов Комитета были сообщены войскам и народу. Весть об этом с быстротой молнии облетела Петроград. На улицах говорили, что Государственная дума решила не расходиться, что она стала во главе движения, и что образован Временный комитет, заменяющий правительство. Стоящие перед Государственной думой народ и войска жадно ловили каждое известие, идущее из стен Думы, причем, если какое-либо сообщение исходило от членов Думы правых и умеренных течений, то относились к нему недоверчиво и просили подтверждения от левых. Правые и октябристы неоднократно просили меня пойти на улицу и говорить с войсками и народом, так как им — правым — не верят. Когда я выходил к народу, то первым же вопросом слышал: «Кто стоит пред ними?» Получив ответ: «Трудовик такой-то», — поднимали на возвышенность и просили рассказать, что происходит в стенах Таврического дворца.

С тех пор, как в Таврический дворец пришли солдаты и вооруженный народ, здесь образовалась революционная главная база. С этого момента Таврический дворец стал общедоступен. Сюда пришли выпущенные из тюрем политические заключенные и руководители левых партий.

После кратковременного совещания они решили образовать немедленно же Совет рабочих и солдатских депутатов и предназначили для него комнату, где раньше заседала бюджетная комиссия. К Таврическому дворцу устремились все взоры; сюда подвозились на грузовых автомобилях пулеметы, винтовки и патроны и складывались в комнатах Дворца; сюда стекались все восставшие; здесь были и санитарные, и перевязочные отряды; здесь был питательный пункт; сюда привозились с разных концов имущество и припасы. Горели тюрьмы, полицейские участки, окружный суд. Всюду в подвалах находилось много припасов, амуниции и других ценных вещей. Все это на грузовых и легковых автомобилях свозилось в Таврический дворец, и великолепные залы дворца наполнялись всевозможными предметами. Тут сваливались пулеметы и винтовки, револьверы разных систем и патроны. Тут лежали и мясо, и крупа, и мука; тут складывались хлеб, рыба; сюда же свозились солдатские и полицейские шинели, валенки и сапоги. Словом, из дворца получился какой-то склад, какая-то ярмарка или толкучка. Здесь находилось большое количество войск и народа. Все залы, коридоры, комнаты были заняты, и всюду кипела большая ответственная работа. Здесь было сосредоточено управление всей страной; отсюда давались указания, отсюда руководили движением. Был экстренно назначен комендант², образовались

¹ Выделено жирным шрифтом А.И. Рыслевым.

² Первым комендантом Таврического дворца был Н.И. Ходанович, который занимал эту должность 27.2.1917 с 17 и до 20.00, затем комендантом стал В.Н. Филипповский. Ходанович Николай Иустинovich — подпрапорщик батальона л.-гв. Литовского полка, член Польской социалистической партии. Комендант Таврического дворца с около 17.00 и до 20.00 27.2.1917, а затем помощник коменданта Таврического дворца. Филипповский Василий Николаевич (14.1.1882–1940) — старший лейтенант. Окончил Рижский политехнический институт. Эсер (с 1903). Служил на флоте. Старший инженер-механик. Принимал участие в Первой русской революции. Высылался в Вологодскую губернию. Активный участник Февральской революции

Комендантское управление, Военная комиссия. Сюда же стали приводить арестованных. Первым привели Щегловитова¹. В комнате, где находились ящики для корреспонденции членов Гос[ударственной] думы и столы для их занятий, Щегловитов под строгим конвоем солдат ожидал, пока выйдет Керенский. Керенский сразу же самым ходом событий оказался главой юстиции, ему пришлось принять в свое распоряжение арестованных. Отряды, приводившие их, почему-то требовали только Керенского, и ему сдавали слуг старого режима.

В Таврическом дворце было еще не так много народу. Члены Думы, собравшись группами, обсуждали положение. Как вдруг среди депутатов распространилась, и быстро, весть об аресте Щегловитова, явилась она какой-то совершенно неожиданной новостью. Почти все депутаты бросились смотреть, где находится и как чувствует себя этот узник, спеша друг перед другом, вбегали группами в комнату, где стоял Щегловитов, и в недоумении останавливались на месте, чувствуя при этом, особенно правые, какую-то неловкость, смущение, что ли. Некоторые подходили к нему и здоровались. Пришедший вскоре Керенский обратился к Щегловитову иным, официальным, тоном: «Вы Иван Григорьевич Щегловитов?» Получив утвердительный ответ, предложил следовать за ним вместе с конвоем. Председатель Думы Родзянко, видно еще не уяснивший всей глубины событий, узнав об аресте Щегловитова, недоумевающе спрашивал: «Как? Арестовали? А постановление Комитета?» Но Керенский безапелляционно заявил, что это сделано предварительно, а решение К[омите]та, если понадобится, будет потом. Щегловитов был отведен в Министерский павильон и там посажен под стражу. (Министерский павильон — это небольшой флигель около Таврического дворца, соединенный с ним коридором, где во время перерывов заседаний Думы бывшие министры проводили время.)

1917 в Петрограде. С 27.2.1917 — член «повстанческого штаба». 27.2 с 20.00 и до утра 28.2.1917 — комендант Таврического дворца. Член ВК ВКГД. 28.2 подписывал приказы за председателя Военной комиссии ВКГД. Председатель «Союза офицеров-республиканцев». 6.3.1917 избран представителем «Союза офицеров-республиканцев» в Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (мандат подтвержден 3.6.1917). Член Контактной комиссии Исполкома Петросовета. В проекте реформы ВК ВКГД, который был предложен 11.3.1917 на заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов группой офицеров-республиканцев, проходил как член основного ядра Военной комиссии. Делегат I и II Всероссийских съездов Советов рабочих и солдатских депутатов. Член ЦИК Советов I созыва. Член Всероссийского Демократического совещания (14–22 сентября 1917, Петроград). Член Временного Совета Российской республики (Предпарламента) (7–25 октября 1917, Петроград). Член Учредительного собрания. Возглавлял Петроградский союз защиты Учредительного собрания. Член КОМУча. После взятия власти в свои руки адмиралом А.В. Колчаком арестован в Уфе. Затем находился в Грузии. После окончания Гражданской войны не эмигрировал. Подвергался репрессиям. Погиб в лагере. Реабилитирован в 1957 г.

¹ Щегловитов Иван Григорьевич (13.2.1861–5.9.1918) — член Государственного совета по назначению. Окончил Училище правоведения (1881). Министр юстиции (24.4.1906–6.7.1915). 1.1.1907 назначен членом Государственного совета, с 1.1.1917 председатель Государственного совета. Входил в правую группу, товарищ председателя (январь — март 1916), председатель (март 1916 — январь 1917). Арестован 27 февраля 1917, содержался сначала в Министерском павильоне, а затем в Петропавловской крепости. После Октябрьской революции оставался в заключении; перевезен в Москву в августе 1918, где расстрелян по решению СНК.

Первое время крайние левые Думы и члены К[омите]та проводили в Таврическом дворце круглые сутки, оставаясь здесь даже на ночь. Мне особенно памятна первая ночь в Таврическом дворце. Тревожная она была. Полная неизвестность о настроении других воинских частей и в то же время решительная готовность восставших отдать жизнь за свободу — колоссальная работа, которую предстояло выполнить, — все это наложило свой отпечаток на всех участников. Сосредоточенные лица, деловая спешка, сознание смертельной опасности и, странно, отсутствие страха.

Уставшие и обессиленные солдаты приходили в Таврический дворец и здесь отдыхали. На полу, на креслах, на столах, везде лежали люди, выбившиеся из сил: солдаты, сестры, студенты и рабочие. В час ночи по залам Таврического дворца разнеслось громовое «ура». Я выбежал из комнаты, где шло заседание, чтобы узнать в чем дело. Шло ликование. Оказывается, получены вести, что гарнизон крепости Кронштадт восстал, и таким образом с той стороны нет опасности.

Перед утром, когда уже светало, группа солдат обратилась ко мне с просьбой показать, где заседает Гос[ударственная] дума. Я вошел с ними в зал заседаний. Мы нашли там массу спящих солдат: они лежали на полу в проходах, сидели на депутатских креслах, спали, держась за винтовку. Вскоре я увидел, как при тусклом, еще начинающем свете в зал вошли несколько солдат и, очевидно, сами по собственному почину вырезали портрет бывшего царя. Отнеслись к нему они бережно, осторожно пашками вырезали полотно, свернули его и куда-то унесли, оставив одну раму. Это было рано утром 28 февраля, когда революция еще только что началась, и размеры ее были никому не известны.

В то время, как в Таврическом дворце шла организационная работа, заседали К[омите]т Гос[ударственной] думы и Совет рабочих и солдатских депутатов, на улицах Петрограда шла другая работа, более опасная и не менее ответственная, и выпала она на долю первых восставших войск, которых в начале было немного. Им пришлось преодолеть сопротивление других полков, например Московского, Измайловского, самокатчиков. Только после перестрелки удалось увлечь их за собой. Нужно было снять и обезоружить полицейские посты, жандармскую охрану и поддержать порядок в городе, предотвратить возможность погромов и грабежей. На улицах Петрограда в это время шло что-то неопишное. Царило небывалое оживление; все население Петрограда было на дворе; восторг и энтузиазм необычайные. По всем направлениям мчались грузовые и легковые автомобили, все с красными флагами, все наполнены солдатами, которые за недостатком места лежат и на крыльях автомобиля, выставив штыки, сидят и на машине, и на подножках. Солдаты, а, главным образом, рабочие, снабженные винтовками и патронами, от радости все время стреляют в воздух, салютуя на непрерывные приветствия толпы и крики «ура». В продолжение первых дней революции по Петрограду и днем и ночью шла непрерывная стрельба. Стреляли в воздух от радости, но стреляли и с крыш зданий, и из частных квартир, и с колоколен церквей, где сидели слуги царского режима. Кто был в Петрограде, тот знает, что это за город, город, имеющий два с половиной миллиона жителей, т.е. в восемь раз больше населения всей Амурской области, знает петроградские постройки, стоящие сплошной стеной в 6–7 этажей, где каждый дом имеет несколько десятков квартир, и вот этот-то город оказался главным центром революции.

В разных местах горели те или иные здания, тюрьмы и полицейские участки, Охранка и архивы жандармских управлений, и в то же время всюду слышалась пулеметная и ружейная стрельба. Ночью на 28, проходя по Тверской улице¹, я видел освещенное ярким пламенем здание. Это — Губернское жандармское управление. Во всех комнатах его горело электричество, а из подвалов на улицу выносились архивы, и здесь, посреди улицы, перед самым зданием, все это горело, зловеще освещая дома, а вокруг стояли люди и вели разнообразные беседы, хотя в то же время, почти рядом, трещали пулеметы: очевидно, стреляли с крыш.

Солдаты круглыми сутками с самого начала революции ходили по всем улицам Петрограда. Раздадутся где-нибудь предательские выстрелы, и солдаты немедленно строятся в боевой порядок и начинают обстрел. Где сидит предатель, неизвестно, и потому не приходится, некогда щадить лишних стекол или частного имущества. Пулеметным огнем заставив противника замолчать, отряд солдат входит по лестнице, и начинается поголовный осмотр и обыск всех квартир, пока не найдется предатель. Мне передавал товарищ такой случай в доме, где он жил. Большой каменный пятиэтажный дом на углу Невского и Пушкинской, занятый и магазинами, и конторами, и частными квартирами, и меблированными комнатами, два раза подвергался обстрелу. Первый раз, в ночь на 28 февраля, пулеметный огонь поднял на ноги всех жильцов, и вскоре все лестницы, коридоры наполнились шумом, грохотало словно все здание: то тяжелой поступью, бряцая оружием, с громким говором, с отдельными выстрелами, шел вооруженный отряд, вместе с ними ходил и какой-то раненый предательской пулей, из ноги его сочилась кровь, но он вместе с солдатами искал того, кто его ранил. В меблированных комнатах было много приезжих в Петроград из разных концов России, были тут и иностранцы. Переходя из одной комнаты квартиры в другую, перевернув все вверх дном, обыскав весь дом и все-таки не найдя преступника, солдаты недоумевали и злились, раздавались даже призывы зажечь дом. Выйдя во двор, они решительно потребовали от дворника указать, где сидит стрелявший. Дворник клянется, божится, что не знает. «К стене его! Расстрелять!» — Ставят. Дворник ни жив ни мертв, бормочет, плачет, молится. Выскочили жена, дети дворника. Он у стены, против него выстраиваются в линию солдаты. Отчаянные вопли женщины, бросившейся на колени, плач ребятишек трогают солдат, и они уходят, пощадив дворника. Это было сегодня. А на завтра, днем, из этого дома вновь раздались выстрелы. Другой проходивший отряд обстреливает, вновь производит беспощадный обыск и находит: на крыше, за трубой, сидит полицейский, в руках винтовка-автомат, рядом ящик патронов. Полицейского берут и везут в Гос[ударственную] думу. Всех картин обстрела, обыска, перевертывания имущества не передать. Когда из окон и сверху с крыш сыпятся пули и валяются люди, то солдатам не до рассуждений. Грабить — не грабили, по крайней мере, в большинстве случаев, но отыскивая стрелявшего, все перевернут; если шкафы заперты и не находится ключ — взломают, посмотрят. Нередко были случаи, когда обстрелу подвергались не только дома, но и церкви. Выстрелы с колоколен вызвали ответную стрельбу снизу, и от ружейных пул лишь как-то жалобно звенели колокола. Пулеметы были расставлены всюду, были они и на Исаакиевском соборе. Я помню, как один

¹ Петроградское губернское жандармское управление находилось в д. 15 по Тверской улице.

прапорщик, часть которого еще не примкнула к восставшим, вызвался снять пулеметы с Исаакиевского собора, но все солдаты были в расходе, дать ему отряд не было возможности, и он пошел по улицам Петрограда собирать случайных солдат, чтобы с ними снять беспрерывно стрелявшие пулеметы. Пулеметы на соборе были замаскированы, стояли на перекладинах, за которые прикреплялись колокола, и вместо двух снятых назавтра появилось два новых, и вновь обстрел¹. Не претендуя передать всей картины обстрела, я ограничусь сказанным, а о характере и размерах ее пусть скажут цифры: при мне было снято около 1300 пулеметов, и газеты продолжают сообщать о новых находках.

Хочу еще отметить добродушие и мягкосердечие русского человека. В редких случаях солдаты расправлялись с предателями, убивавшими, из-за угла, своим самосудом; в большинстве случаев арестовывали их и целыми невредимыми приводили в Гос[ударственную] думу.

В Гос[ударственной] думе царило, как было отмечено раньше, необычайное оживление. Приводились ежесекундно арестованные, и самые различные по своему служебному положению. Небольшой Министерский павильон едва вмещал сановников крупного ранга, а всех остальных пришлось размещать в других помещениях. Сначала была занята для этой цели находящаяся поблизости редакция и контора газеты «Земщина»². Когда она была наполнена, пришлось занять контору «Русского знам[ени]»³. Подъезд к Таврическому дворцу, не говоря уже о входе, был затруднен. На улицах все время стояли тысячные толпы, подходили воинские части, подкатывали почти отрядами автомобили. Навстречу войскам выходили члены Гос[ударственной] думы, главным образом, вошедшие во Врем[енный] к[омитет]. Все они в эти дни почти не спали и даже не ели, так как буфета не было, а отлучаться домой не было времени. Все они, уставшие и утомленные, потеряли голос и с трудом говорили. А полки все подходили и подходили, шли в полном боевом порядке, с духовой музыкой и почти с полным составом офицеров. 1-го марта возвратился из Шлиссельбурга и Донской казачий полк, который в первые дни движения должен был подавить его, но не проявлял активных действий. Подъехали донцы в полном порядке с вплетенными красными лентами в челки и хвосты лошадей.

В комнате бюджетной комиссии Госуд[арственной] думы непрерывно заседал Совет рабочих и солдатских депутатов. Он сорганизовался вечером 27 февраля. Выпущенные из тюрем политические заключенные, рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, бывший председатель Совета рабочих депутатов 1905 года Хрусталева-Носарь⁴ совместно с ор-

¹ См. о безрезультатных поисках пулеметов во время трех обысков Исаакиевского собора подробн.: Румянцев А.Г. Документы Центрального государственного исторического архива С.-Петербурга (ЦИА СПб) по делу о «разгроме» церквей в Петрограде в дни Февральской революции 1917 г. // Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2019. С. 42–46.

² Главная контора газеты «Земщина» находилась в д. 48 по ул. Шпалерной.

³ Контора газеты «Русское знамя» находилась в д. 26 по ул. Шпалерной.

⁴ Хрусталева-Носарь Георгий Степанович (1877–1919) — политический и общественный деятель. Активный участник Первой русской революции. Председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестован. Приговорен к пожизненному поселению в Сибири. Бежал за границу (1907). Вернулся в Россию (1915). Приговорен к каторжным работам. Во время Февральской революции освобожден из Дома предварительного заключения (27.2.1917). Попытался создать «военный центр» (штаб восста-

ганизованными рабочими, руководителями политических партий крайнего левого течения, члены Госуд[арственной] думы того же течения, журналисты социалистического лагеря, при незначительном в начале представительстве от восставших солдат, образовали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, который немедленно приступил к делу.

Прежде всего, было распространено воззвание Временного, быстро организовавшегося, Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов с призывом немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту всем восставшим войскам и по одному на каждую тысячу рабочих, а заводам, имеющим менее тысячи рабочих, прислать по одному представителю. Не только в первом заседании пришлось разрешить много сложных основных вопросов. Вопросы решались быстро и с полным сознанием всей их серьезности. Люди различные по своим взглядам на этот раз находили общий язык. Революционное движение, будучи в начале неорганизованным и стихийным, требовало принятия немедленных мер и руководства. Население не знало, что происходит, и питалось самыми разнообразными слухами: необходимо было осведомить его. Избрана была комиссия, чтобы организовать печать, и через час-два после избрания внеочередным заявлением доложила собранию, что ею занята типография газеты «Копейка»¹, поставлены наборщики, и отпечатанные «Известия» на автомобилях широко распространяются по Петрограду. Население, таким образом, было осведомлено, что в Таврическом дворце заседают и руководят движением Комитет Государственной думы, с одной стороны, и Совет рабочих и солдатских депутатов — с другой.

Восставшие солдаты с раннего утра почти ничего не ели и, замерзшие, не находят пристанища. Могла подорваться энергия, необходимо было всех накормить, и Совет рабочих и солдатских депутатов немедленно же обратился с воззванием к населению Петрограда, призывая всех граждан предоставлять солдатам кров и пищу. Воззвание, распространенное ночью на 28 февраля, было встречено населением с удивительной отзывчивостью, и с этого момента для солдат открылись двери и в ресторанах, и в столовых, и в кафе, и в частных домах; всюду солдат кормили, всюду оказывали им теплый прием, везде они имели возможность обогреться и отдохнуть.

С первого же дня Совет создал свой печатный орган «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», в коем давал отчеты о его деятельности.

Временный комитет Государственной думы в это же время решал другие вопросы и приводил их в исполнение. Им выпускались воззвания шадить и охранять государственные и общественные учреждения, водокачки, электрические станции, фабрики и заводы; не допускать посягательств на жизнь и имущество частных лиц. Население и армия призывались на помощь в трудной задаче создания нового правительства. Принимались меры к установлению связи между офицерами и солдатами. В соседней комнате в это же время заседала быстро

ния) в здании Петроградских судебных установлений (Литейный пр., д. 4). Принимал участие в деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вечером 27.2.1917 (до 8 час.) участвовал в совещании, созванном Н.С. Чхеидзе по требованию рабочих, которое рассматривало железнодорожный вопрос. Вернулся на Украину. Глава самопровозглашенной Переяславской республики (с 1918). Расстрелян по решению Переяславского ревкома.

¹ Типография газеты «Копейка» располагалась в д. 111–113 по Лиговскому пр.

организовавшаяся Военная комиссия, в которую для руководства и организации войск был приглашен чл[ен] Г[осударственной] думы полковник Генерального штаба Ангельгард¹. Военной комиссией приняты были спешные меры к охране Арсенала, Монетного двора и Государственного банка. Если в первый день восстания в революционной армии было очень мало офицеров, то на завтра здесь уже было достаточно и прапорщиков, и подпоручиков, и поручиков, и капитанов, и полковников, и генералов.

В Екатерининском зале солдаты формировались в батальоны, получали вооружение и занимали свои места в разных частях города, согласно установленной диспозиции. Тут же, в Екатерининском зале, единственный прогрессивный думский священники Попов 1[-й]² с крестом в руке благословлял революционные войска³.

¹ Ангельгардт Борис Александрович (7.7.1877–2.9.1962) — член IV Государственной думы от Могилевской губернии. Окончил Пажеский корпус (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). В IV Думе — член фракции центра. Осенью 1915 вступил во фракцию земцев-октябристов. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В ночь с 27 на 28.2.1917 кооптирован в состав ВКГД, одновременно назначен начальником гарнизона Петрограда. Председатель Военной комиссии ВКГД (28.2–1.3.1917, исполнял обязанности по просьбе нового председателя ВК ВКГД А.И. Гучкова до 3.3.1917). Член Военной комиссии под председательством А.А. Поливанова, созданной по приказу военного министра А.И. Гучкова для подготовки проекта реформ в армии (с 4.3.1917). Начальник подотдела сношения с войсками отдела сношения с воинскими частями и провинцией ВКГД (с 16.3.1917). Принимал участие в тайной заговорщической организации «Республиканский центр». Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва). После октября 1917 участник Белого движения. С 1920 в эмиграции. Жил в Париже, затем переехал в Ригу. В 1940, с приходом советских войск в Латвию и присоединения ее к СССР, арестован и административно выслан в Хорезмскую область. Работал художником в Хиве, тренером Госконезаводства в Ургенче, агрономом в Ташкенте и на Ташкентском ипподроме. В 1943 просил направить его в Советскую армию для борьбы с фашистами. В 1945 получил паспорт гражданина СССР, а в 1946 ему разрешено вернуться в Ригу. Приехав в Латвию, устроился сначала в Гидрометеослужбу переводчиком французского, английского и немецкого языков, затем — секретарем судейской коллегии на рижском ипподроме.

² Попов (1-й) Дмитрий Яковлевич (3.5.1863–9.10.1921) — член IV Государственной думы от Вологодской губернии. Учился в Вологодской духовной семинарии. Ушел из 6 класса семинарии. Псаломщик (с 1885), диакон (с 1886), настоятель Христо-Рождественской церкви в селе Деревянск Усть-Сысольского уезда Вологодской епархии (с 1888). Открыл в этом же селе благотворительное и просветительное братство с богадельней (в 1895). Заведующий второклассной (двухгодичной) учительской школой (1900–1912). Благочинный (1898–1912). Депутат духовенства (с 1903). Неоднократно был председателем съездов Устюжского викариата. Цензор зырянских переводов. В IV Думе примыкал к прогрессистам. Член IX отдела Думы. Работал в думских комиссиях: по делам Православной церкви, по переселенческому делу, по направлению законодательных предположений, земельной, для рассмотрения законопроекта об изменении устава о пенсиях и единовременных пособиях. Член Прогрессивного блока с августа 1915 г. и по 31 октября 1916 г., когда фракция прогрессистов вышла из состава блока. Являясь членом Думы, выполнял поручения Вологодского общества сельского хозяйства и Союза маслоделательных артелей, касающиеся реквизиции молочного скота. Также отстаивал интересы Усть-Сысольского уездного земства в вопросе о строительстве железной дороги на территории уезда. Пытался лоббировать вопрос о расширении нефтедобычи в Ухте. Участник Февральской революции. 23 февраля 1917 г. подписал запрос 30 депутатов Государственной думы председателю Совета министров, министрам военному и морскому по поводу прекращения работ на Путиловском и Ижорском заводах. С 27.2.1917 заместитель казначея Временного комитета Государственной думы (ВКГД).

Комитет Государственной думы озаботился также, чтобы не нарушался правильный ход жизни, и разослал по всем министерствам своих комиссаров. Один из комиссаров член Госуд[арственной] думы инж[енер] пут[ей] сообщ[ения] Бубликов¹ 28-го февраля принял заведование путями сообщения. Правительственный телеграф еще был в руках старой власти, и поэтому

3.3.1917 (вместе с членом Думы С.П. Мансыревым) ездил в Измайловский полк для беседы с солдатами и офицерами. 7.3.1917 под председательством Д.Я. Попова состоялось собрание группы петроградских священников. На собрании было решено создать Союз православного демократического духовенства («Всероссийский союз демократического духовенства и мирян», который стоял на откровенно обновленческих позициях. Радикальный демократ (с конца марта — начала апреля 1917). 20.5.1917 получил отпуск и выехал на родину. Участвовал в работе I съезда Советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда (август 1917). Сопредседатель Усть-Сысольского уездного продовольственного съезда (январь 1918). Делегат Учредительного съезда Советов Усть-Сысольского уезда, установившего в уезде советскую власть (середина января 1918), избран комиссаром народного хозяйства. Член партии эсеров. На заседаниях Совета в 1918 изложил программу создания автономной Коми республики в составе Советской России. За антицерковные выступления Вологодской духовной консисторией 4.5.1918 лишен сана священника. Член партии левых эсеров. Делегат V Всероссийского съезда Советов (4–10.7.1918). Встречался с В.И. Лениным, которому передал два доклада о лесных богатствах Коми края и ухтинской нефти. Ленин, выслушав его, направил к А.И. Рыкову. После съезда вышел из партии левых эсеров. Коми-автономист. В 1919 — «сочувствующий» большевикам. Редактор газеты «Зырянская жизнь». Работал в Северо-Двинском губсовнархозе в г. Великий Устюг (с сентября 1919). Умер от сердечной недостаточности.

³ В действительности революционные войска благословлял член IV Государственной думы С.А. Попов (2-й), входивший во фракцию независимых правых. «Известия» Комитета петроградских журналистов (КПЖ) писали: «В 2 ч[аса] дня (28 февраля — А.Н.) член Г[осударственной] думы священник Попов 2-й с крестом в руках благословлял революционные войска. — Да будет, — сказал священник, — памятен этот день во веки веков» (Последние известия // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»). Информация об этом помещена в «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года» (Николаев А.Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 251). Попов (2-й) Стефан Александрович (29.7.1864 — не ранее 1918) — член IV Государственной думы от Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию. Священник. Придерживался правых взглядов. В IV Думе — член фракции правых, затем секретарь группы независимых правых. Член-заместитель Совета старейшин. Любопытно, что уже в 1917 г. член думской фракции независимых правых священник Попов 2-й был по политическим соображениям «отредактирован» в брошюре, выпущенной «Бюро российской прессы», в прогрессиста-священника Д.Я. Попова 1-го (Великие дни российской революции 1917 г. Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. (Пг., 1917). Издание перепечатано. Киев, 1990. С. 18). Видимо, А.И. Рыслев использовал эту брошюру при написании своих воспоминаний.

¹ Бубликов Александр Александрович (4.5.1875–29.1.1941) — член IV Государственной думы от Пермской губернии. Окончил Институт инженеров путей сообщения. В IV Думе входил во фракцию прогрессистов. Вице-председатель ЦВПК. Комиссар ВКГД в МПС (28.2 — 6.3.1917). В числе других комиссаров ВКГД направлен Временным правительством в Могилев для препровождения бывшего царя в Царское Село (7.3–9.3. 1917). Член ВКГД (с 16.6.1917). Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва). После октября 1917 в эмиграции. Жил в Париже, а затем в Нью-Йорке.

осведомление страны о происшедшем было сделано по распоряжению Бубликова через железнодорожный телеграф. Приходили тревожные вести, что старая власть пытается спасти свое положение, и что в Петроград направляются воинские части. Чтобы предотвратить кровопролитие Министерством пут[ей] сообщ[ения] и другими ведомствами была парализована возможность войскам приблизиться к Петрограду. Было остановлено всякое движение по Финляндским дорогам, прекращалось движение по Царскосельской дороге, и даже, как говорят, в некоторых случаях приходилось прибегать к разбору пути. Георгиевские кавалеры под начальством генерала Иванова¹ должны были вернуться обратно в армию, а сам Иванов впоследствии арестован.

В ночь на 2 марта Временный комитет Госуд[арственной] думы устроил частное совещание с Исполнительным комитетом. Они совместно установили ту программу, которая легла в основу и принята к исполнению Временным правительством; в этом же соединенном заседании намечены лица на министерские посты и поставлены у власти.

Если в первые дни движения заметна была в Петрограде сумятица, то постепенно, через три-четыре дня, порядок налаживается, положение улучшается, правильное течение жизни восстанавливается. Первые манифестации, о которых я упоминал вначале, шли с лозунгом «долой войну». Этот лозунг доминировал над всеми другими надписями и в первые дни был особо заметен. Точно так же и на первом заседании Совета раб[очих] и солдатских депутатов лозунг «долой войну» раздавался громко, и мне особенно помнится, как один солдат, жестикулируя шашкой, говорил, что вся армия против войны. Но постепенно, когда в Совет рабоч[их] и солдатских депутатов все больше и больше вливались новые представители от воинских частей, и положение выяснилось, лозунг «долой войну» слышался слабее. Совет рабочих и солдатских депутатов и его руководители, люди крайних взглядов, в заседании 14 марта, наконец, высказались за приемлемость оборонительной войны и официально это объявили², так постепенно исчезал лозунг «долой войну».

Воинские части Петроградского гарнизона, реорганизованные на новых началах с выборным командным составом, стали одна за другой приходить к Госуд[арственной] думе, устраивая генеральный смотр. В полном боевом порядке, стройно и красиво проходят они по улицам Петрограда с духовой музыкой впереди; колышутся громадные красные плакаты, иные через всю улицу, их несут на шестах право- и левофланговые солдаты. Надписей больше

¹ Иванов Николай Иудович (22.07.1851–11.02.1919) — генерал-лейтенант. Окончил Михайловское арт. училище (1869). Выпущен подпоручиком (1869) в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду. Генерал-лейтенант (1901). Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (19.7.1914–17.3.1916). 17.3.1916 назначен состоять при особе е.и.в. 27.02.1917 назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями. После отречения Николая II арестован. 18.03.1917 доставлен в Петроград. Находился под следствием ЧСК, но по личному распоряжению А.Ф. Керенского освобожден по состоянию здоровья. В конце 1917 уехал в Киев. В октябре 1918 принял предложение генерала П.Н. Краснова возглавить Особую Южную армию (Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса), командующим которой назначен 25.10 (7.11).1918. Умер от тифа в Одессе.

² Речь идет об обращении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», принятом 14.3.1917 (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. кол. Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 323–324).

всего таких: «Война до победы», «Война до конца», «Война за свободу» и т.д. Много и других надписей: «Солдаты в окопы, рабочие к станкам», «Да здравствует демократическая республика», «Да здравствует Временное правительство», «Да здравствует Совет рабоч[их] и солдатских депутатов» и т.п.

В Екатерининском зале Таврического дворца с первых дней революции идут почти непрерывные митинги, раздаются призывные, иногда демагогические речи. Мне особен[но] запечатлелась в памяти речь сибирск[ого] стрелка, который, обращаясь к большой аудитории, в простых искренних выражениях говорил о том, что они теперь отправляются в свободн[ую] Францию, и русские граждане явятся в эту страну такими же свободными, как французы, и будут с удвоенной энергией защищать свою свободу. [«] Мы, сибиряки, — говорил он, — привыкли или побеждать, или умирать, и, может быть, немногие из нас вернутся обратно; может быть, многим придется сложить свою жизнь там, на полях прекрасной Франции, но теперь мы знаем, за что кладем свои головы, и не допустим порабощения освобожденного народа.

Раздаются в Екатерининском зале и другие речи, призывающие не признавать власти Временного правительства, не слушать Родзянко, который помещик и сторонник старого строя. Особенно много уделяется внимания Милюкову и Гучкову¹, но Петроградский гарнизон в эти несколько дней достаточно научился разбираться в речах. Помню, как перед одним из полков выступил Родзянко с обычной призывной речью, и как полк устроил овацию, а затем вскоре трибуну занял другой оратор, который упрекал солдат, что они без разбора кричат «ура», не вдаваясь в сущность. Этот оратор внушал солдатам недоверие к Родзянко. Он говорил: «Что же вам сказал Родзянко, он призывал вас к борьбе, говорил о необходимости продолжать войну, а о земле сказал что-нибудь?», и аудитория вначале как будто поддалась его взглядам и зашумела, но, когда вновь выступил Родзянко и разъяснил, что земельный вопрос во всей полноте будет разрешен Учредительным собранием, солдаты вновь устроили овацию².

¹ Гучков Александр Иванович (14.10.1862–14.2.1936) — член Государственного совета по выборам. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1886). Продолжил образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах (Германия). Крупный предприниматель. Один из создателей партии «Союз 17 октября», председатель его ЦК (1906). Избран членом Государственного совета от промышленности (28.5.1907), сложил полномочия (31.10.1907) в связи с избранием депутатом III Государственной думы от Москвы. В III Думе — член фракции «Союз 17 октября», ее председатель. Председатель Государственной думы (8.3 — июнь 1910; 29.10.1910–14.3.1911). Избран членом Государственного совета от торговли (16.9.1915); входил в группу центра. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения (с 16.9.1915). Председатель ЦВПК (июль 1915 — март 1917). Председатель Военной комиссии ВКГД (1.3–3.3.1917). Вместе с В.В. Шульгиным ездил в Псков к императору Николаю II и принял Манифест об его отречении от престола в пользу великого князя Михаила Александровича (2.3.1917). Участник совещания (3.3.1917) в Петрограде с великим князем Михаилом Александровичем. Военный и морской министр в первом коалиционном Временном правительстве. Организатор либерально-республиканской партии (июнь 1917). Член Государственного совещания (12–15 августа 1917, Москва). После октября 1917 финансировал Добровольческую армию. Эмигрант. Жил в Париже.

² Речь идет о выступлениях М.В. Родзянко 1.3.1917 перед солдатами и офицерами запасного батальона л.-гв. Семеновского полка. М.В. Родзянко вспоминал, что Семеновский полк явился «в полном составе, но с малым числом офицеров». После его

В первые дни революции по Петрограду во всех концах распространялась масса самых разнообразных прокламаций. В одних говорилось, что необходимо взять сразу всю свободу и всю землю; в других развивались чуть ли не анархические мысли; были даже прокламации, призывающие к погромам и грабежам крупных магазинов. На улицах Петрограда на всех углах и перекрестках стояли большие массы народа, шли митинги, и часто разжигались рознь и недоверие. Но все это, наблюдавшееся в первые дни революции, вскоре исчезло, и население Петрограда быстро научилось разбираться в новых условиях, а среди солдат такие погромные призывы посеяли даже нежелательную нетерпимость и угрозы.

Необходимо отметить и то, что все движение, почти все манифестации, особенно в первые дни, шли как-то особенно деловито, без песен, без крика, и чувствовалась вся глубина ответственности и серьезного отношения к завоеванной свободе.

Вот, в кратких словах, события первых дней революции в Петрограде.

Прошли они необычайно быстро, с[о] стихийной силой, тем не менее, русский народ здесь с достаточной яркостью проявил свою зрелость и доказал способность к строительству государственной жизни. Жизнь в Петрограде почти наладилась. Страна встретила свободу с великой радостью и единодушно, горячо примкнула к Петрограду. На фронте весть о раскрепощении народа встречена с энтузиазмом. Солдаты и офицеры полны готовности защищать русскую свободу от посягательств извне. Боевая способность не поколеблена, дух армии великолепен. Тем не менее, нельзя обольщаться, нельзя сидеть сложа руки; нужно помнить, что сделано далеко не все, что предстоит еще колоссальная работа. Сейчас лишь в глубоком котловане заложен фундамент, еще недостаточно спаянный цементом, а впереди предстоит постройка большого великолепного здания, здания с массой воздуха и света. Нужны каменщики, плотники, предстоит архитектурная отделка. Нужно при этом помнить, что эта постройка должна происходить в необычайно трудных условиях, что ей препятствуют и события на фронте, и положение внутри. Сильный враг перебрасывает сюда силы, готовится нанести смертельный удар, пускает в ход всю свою хитрость. И это в то время, когда в наследие от старой власти перешла страшная продовольственная разруха, нужна энергичная поддержка всех граждан. Продовольственный вопрос стоит грозным призраком над завоеваниями революции, и отсюда, с Амура, из глубокого тыла, сравнительно обеспеченного продуктами и товаром, трудно уяснить всю величину

приветственной речи полк устроил ему «шумную овацию, проводил с криками „ура“ в <...> кабинет, где в это время собрался Временный комитет Государственной думы». Вслед за Родзянко перед семеновцами выступил председатель Петросовета Н.С. Чхеидзе, который, стремясь «опорочить» речь председателя Государственной думы, «посоветовал семеновцам» вновь вызвать его, чтобы он «точно и определенно высказал свои взгляды по поводу учреждения в России демократической республики и разрешения вопроса о земле». Родзянко вспоминал: «Когда я пришел в зал к Семеновскому полку, настроение солдат было уже совсем не то, каким было прежде, а, напротив, было чрезвычайно агрессивным. Тем не менее, удалось полк, взволнованный речью члена Думы Чхеидзе, успокоить ссылкой на то, что все эти вопросы подлежат разрешению не председателю Государственной думы и не Временному правительству, а Учредительного собрания» (Родзянко М.В. Крушение империи, Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы с дополнениями Е.Ф. Родзянко. М., 2002. С. 309. См. также: Николаев А.Б. Лидеры Февральской революции 1917 года: почему М.В. Родзянко? // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13. № 1. С. 85).

и опасность продовольственного кризиса. Необходимо готовиться и дружными усилиями укреплять первые позиции, доставшиеся сравнительно легко. Не надо забывать, что и темные силы еще не исчезли, что они постараются использовать всякое замешательство, попробуют посеять между нами рознь и раздоры. Наша далекая окраина есть одна из артерий, питающих большой организм, и каждое болезненное явление здесь, на Амуре, болезненно отражается на всем организме, на всей России. Учитывая всю серьезность лежащей на нас задачи, мы скажем себе, что уроки истории и уроки 1905 года не прошли для нас даром, что мы их помним и ошибок прошлого повторять не будем, что русский народ, став свободным и независимым, положит в основу своей деятельности единение, а не раздоры и общими усилиями поведет родину по тому светлomu пути, который ей указан историей.

Таврические чтения 2022

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 134. Подписано в печать: 30.10.2023 г. Бумага офсетная.

Формат: 70×100 ¹/₁₆. Объем: 20,5 п.л. Тираж: 100 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 174,

тел.: (812) 685–73–00, 970–35–70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📱: https://vk.com/asterion_izdatelstvo